

Н. М. Алексеев

ЖИЛ-БЫЛ ЧИМКЕНТ

Литературно-историческое эссе
(избранные главы)

Краснодар
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
А47

Алексеев, Н.М.

А47 Жил-был Чимкент. / Алексеев Н.М. – Краснодар: Экоинвест, 2017. – 340 с.

ISBN 978-5-94215-335-9

Книга, представленная автором, неоднократно печатавшимся в краевых газетах с публицистикой и поэзией, о южно-казахстанском городе Чимкенте, о прошлом, о настоящем – обо всём. В основе книги – воспоминания автора.

Произведение предназначено для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-94215-335-9

© Алексеев Н.М., 2017
© Экоинвест, 2017

Вместо пролога – сказка

Далеко, далеко на востоке, чуть правее от того самого места, где встаёт солнце, живущее за горным хребтом, в большом, просторном ущелье, поросшим густым смешанным лесом, из-под самого подножия горы когда-то давно пробил себе дорогу добрый и весёлый ручей. Вода этого ручья была удивительно вкусной и сладкой. Собственно, что вода в этом ручье такая необычная, никто и не знал, и даже не догадывался, потому как по обе стороны ущелья, за горными увалами, других не было источников, потому и сравнить-то не с чем – вода как вода. Да и сам ручей не знал, что вода его вкусная, – просто бежал и бежал себе, радуясь жизни, щедро угощая водою всех, кто в ней нуждался. Пили воду все: звери и птицы, питали живительной влагой корни свои деревья, растущие в ущелье, среди которых было так много плодовых, которые цвели дружной, яркой, весёлой весною, душистыми цветами своими, наполняя нежным ароматом тихое, уютное ущелье.

А когда-то, поселились здесь дикие пчёлы, облюбовавшие для жилья своего, скальную расщелину, где было всегда тепло и сухо, да и сама расщелина была расположена в недоступном для пчелинных врагов месте. И собирали нектар трудолюбивые пчёлы с цветущих деревьев и цветов, растущих в изобилии в благодатном ущелье этом, и было так всегда: хорошо и мирно. Да и врагов-то у пчёл не было, ибо даже медведь, живущий гораздо ниже по ручью, никогда и не пытался получить больше того, что ему и так перепадало от пчёл, потому как в особо изобильные годы, а они бывали почти всегда такими, мёда собиралось пчёлами столько, что он стекал из расщелины душистыми янтарными потёками, и медведь приходил и слизывал их, длинным шершавым языком своим, но не жадничал, потому что был всегда сыт и доволен, отыскивая в достатке сочные корешки, луковички и орехи, сладкие, переспелые плоды, густо устилающие землю, под плодоносными деревьями, в щедром ущелье этом. А остатки

медовых потёков, тех, что не подняли муравьи, перетаскав в норы свои, смывали капли осеннего дождя, и так было всегда, и было это вроде и хорошо.

А чуть в стороне от ущелья, за горным увалом, на одиноко стоящей высокой скале, в огромном гнезде, жил большой чёрный гриф. Никто и не знал, как давно поселился он там, даже и сам ручей не знал этого, потому что вода в нём всегда текла разная, – сегодня сегодняшняя, а завтра, которая вчера ещё была сегодняшняя, – уже другая, вот и не мог ручей никак вспомнить, сколько же воды утекло с тех пор, как гриф начал строить гнездо своё, чуть в стороне от ущелья. Вроде и рядом, а всё равно, – чуть в стороне ото всех. Но что-то такое, важное, ручей помнил, а вот что именно, – нет, не мог вспомнить никак!

Каждое утро гриф садился на край гнезда и долго сидел, сгорбившись, медленно поворачивая туда-сюда свою лысую голову на голой шее своей, ожидая, когда же утреннее солнце нагреет землю и тёплые воздушные потоки устремятся вверх, которые помогут чёрному лысому грифу свободно и подолгу парить в голубом небе, только лишь изредка взмахивая огромными крыльями своими. Каждое утро он улетал куда-то в сторону долины, а возвращался почти к закату. Но бывало и так, что пропадал он где-то надолго, улетая на несколько дней, а куда, да и зачем – никто и не знал об этом, да и никому из обитателей ущелья и ближайших окрестностей, до этого никакого дела не было. Ибо не любопытен никто из живых существ, если заняты они делом своим и довольны жизнью своею, довольствуясь тем, что даёт им природа в достатке и разумном изобилии.

Так и текла себе жизнь: размеренно и тихо, точно так же, как и горный ручей со сладкой водою, и ничто, казалось бы, не смогло разрушить этого, устоявшегося жизненного равновесия, привычного распорядка. Но так ведь не бывает, даже в сказках, ведь на смену белому дню, – приходит чёрная ночь, вот и в это благодатное ущелье, незаметно прокралась беда. Вернее, беда явилась всюду, но только жители ущелья никог-

да не покидающие его, даже и не догадывались об этом, что беда-то везде.

Этот год был необычным, поскольку зима была бесснежная, а весной не выпало ни одной капли дождя, и оттого деревья, не смогли подготовить цветочные почки свои, и не расцвели ранней весной. И лишь только там смогли расцвести плодовые деревья, где корни их, дотянулись до живительной сладкой воды родного ручейка, но ведь это так мало, ибо хоть и добр был ручей, и вода в нём текла сладкая, но мал и слаб он был, да и воды на всех не стало хватать, потому как исток его не подпитался подземной ключевой водою, потому как и истоки иссякли, – ведь не было дождей внешних, обильных, подпитывающих их.

А солнце исправно, каждый день, вставало из-за горного хребта, ведь иначе и быть не может, даже в сказках, и так же старательно палило землю, но не видело оно, прищурившись само от себя, от своей же жаркой, непомерной гордой яркости, что оно уже не согревает землю, а иссушает её, и земля, морщась от боли ожогов, покрывается глубокими трещинами своих морщин.

Некоторые деревья сбросили листву свою, чтобы сохранить в себе живительную влагу и стояли голые, не стыдясь невинной наготы своей, сомлев от жары. И все стали незаметно терять былую доброту свою, ведь доброта редко бывает врождённой, да и то, – не у всех, а у избранных. И даже ручей из доброго, щедрого, становился скуп, совсем и не желая того, переживая, видя в себе же, такие изменения, хотя его можно было понять: он, как и прежде, поил всех, неумолимо иссякающим источником своим, справедливо распределяя воду на всех.

Но лето постепенно теряло свои дни, с каждым днём убывая, и вот бы ещё совсем немножко потерпеть, да и надежда оставалась на ожидаемую дождливую осень, а за ней ведь ещё и зима? Но как-то, всё ещё толстый, от старых и обильных запасов, заготовленных впрок надолго в прежние благодатные годы, и лежащих в глубоких подземных тайных хранилищах

своих, малодушный, трусливый сурок, вылезший из норы, просторной и прохладной своей и увидев выжженную солнцем горную поляну, такую непривычную, а потому и показавшуюся ему чужой, незнакомой, да вдобавок, увидев свою же, чёткую чёрную тень, на гладкой, лишённой травы поверхности, внезапно истошно и дико завизжал, испугавшись своей же собственной тени. Но тут же сообразил и чтобы не «потерять лицо», завопил повторно, как бы, призывая зверей на сходку, ибо каждый, живущий окрест, имел такое неотъемлемое право это сделать. И сбежалось зверьё, слетелись птицы, приползли змеи и черепахи, и даже пчёлы прислали своих представителей, и все стали спрашивать, недоумевая, друг у друга: «Что? Что случилось? Почему визжит так почтенный сурок?» И только сладкий, теряющий силы живительный ручей не смог поспеть на звериную сходку: не было уж сил изменить проторённое временем и водою русло своё! И ещё не было на сходке лысого чёрного горбатого грифа, потому как улетел он, как всегда ранним утром, куда-то далеко-далеко, а куда, – никто по-прежнему и не знал об этом. А сурок, уже и польщённый вниманием, оказанным ему, продолжал вопить о неисчислимых бедах и невзгодах, павших на, когда-то беззаботно живущих, обитателей ущелья, и даже сам поверил в то, что беспокоится-то он обо всех, а не только лишь о себе, и внимали его горестным воплям, окружившие его звери и птицы, змеи и черепахи, и даже пчёлы, прилетевшие на призыв этого жирного, трусливого сурка. И тогда, сейчас уж и не вспомнить кто, предложил выбрать самого главного, который должен быть самым умным и опытным, больше других знающим мир, дальше и выше всех смотрящим, быть самым справедливым, независимым и честным. И все внезапно смолкли, потому что глубоко задумались: кого же им выбрать, совсем даже не задумываясь о том, а зачем им кого-то выбирать, какая польза от этого? И кто-то, опять и не вспомнить – кто первый, выкрикнул имя чёрного лысого грифа, а к его голосу присоединился другой, а за ним ещё, а следом, почти одновременно, стали выкрикивать имя чёрного лысого грифа и

остальные, хотя его и здесь не было, и это все знали. Но о самом грифе, кроме того, что летает он очень далеко, больше ничего никто не знал! Даже не знали: чем живёт этот гриф, чем он питается, что он любит, больше всего! Но именно так всегда и происходит в жизни, когда вдруг принимаются решения вопросов, которые на самом деле и решать-то не надо было, а просто переждать, дождавшись лучших времён. Ведь так всегда бывает, ибо испытания эти даются для того, чтобы потом, могли все и всё сравнивать, ещё больше ценить то, что даёт природа, – ведь трудные дни обязательно уйдут! Обязательно! Но тогда об этом никто и не подумал, а все гордились ощущением своей значимости, ибо наконец-то и они, выбрали над собою главного, который за них решит все жизненные вопросы! Все ликовали, и только ручей тихонько плакал, струясь скупыми, но всё ещё сладкими слёзами, ведь он что-то знал, а вот вспомнить, – никак не мог! Но всё слышал, сладкий и мудрый ручей, даже все слова, которые говорились тогда, на совете...

А ранним утром, едва лишь только показался краешек, пока ещё только оранжевого солнца, избранный вчера правителем этого ущелья, но уже оповещённый об этом кем-то, недостатка в коих нигде и никогда не ощущалось, чёрный лысый гриф, даже не дождавшись встречных, отражённых от земли, тёплых воздушных потоков, тяжело замахав огромными крыльями, взмыл в рассветное небо, и набрав высоту, почти до полудня неподвижно завис над ущельем. А когда вернулся, то велел всему зверью, не откладывая, строить запруду, в самом узком месте ущелья, где ручей проходит между двумя высокими вертикальными скальными стенами, для того, чтобы вода ручья не струилась в долину, а скапливалась вся в ущелье, и тогда её на всех хватит, ибо уже это будет только лишь их вода! И охотно, рьяно, даже не подумав, ведь за них теперь думает, избранный вчера, ими же, правитель, звери дружно принялись за работу! Сильный медведь сбрасывал в проход огромные камни, горные козлы, напирая могучими рогами, на иссохшие деревья, ломали и толкали их, передвигая к стро-

ящейся запруде, где укладывали эти деревья в основание её. Сейчас уж и не вспомнить, кто же не принял участия в сооружении плотины, ибо даже пчёлы приносили кусочки воска и заделывали им мельчайшие щели в ней. Три дня, – с рассвета до заката, трудились звери, и каждый верил, что теперь-то всё будет хорошо! И лишь только сладкий ручей продолжал плакать, захлёбываясь и задыхаясь от скапливающейся воды, которая уже не находила выхода и не текла туда, в долину, пусть слабым ручейком, но и там ведь её тоже ждали!

Так уж в жизни повелось, что правда, она всегда правда, но только бывает правда сладкая, а бывает и правда горькая, как и вода.

А воды становилось всё больше и больше, и вот уже некоторые деревья оказывались в воде, и стояли в ней уже и неживые, опившиеся ею чрезмерно. А ручей всё плакал и плакал, ибо не мог остановиться, но его никто и не слушал, и не понимал, потому что слёзы его были по-прежнему сладкие, хотя некоторые и пытались понять, особенно тогда, когда на горизонте показывались одинокие белые тучки, ведь время близилось к осени, но объяснить причины, этой смутной тревоги, они не могли, и лишь ручей не мог что-то вспомнить, а что, – и сам не знал!

А чёрный лысый гриф всё так же, как и прежде, летал в долину, но возвращался довольно быстро и подолгу сидел неподвижно на одинокой скале, зловеще сгорбившись, угрюмо и пристально посматривая вниз, иногда опускаясь на землю, плавно спланировав, важно и медленно шёл к воде, которую считал уже только своей. И однажды, лысый чёрный гриф, стал пить воду, и капли воды, стекая по его изогнутому клюву, чёрно-бурым лоснящимся перьям, попадали в воду, которая была совсем уже и не такая, какой была когда-то, до того, как её перекрыли, образовав запруду. Она стала той же, что и была вчера, позавчера, такой же останется и завтра! Ведь бег её остановлен! И умирающий сладкий ручей, быстро превращающийся в болото, но который вдруг почувствовал, что осенью, а возможно зимою, но особенно дождливой весной,

не сможет удержать, ставшими дурными, воды свои, и они сметут плотину, возведённую зверями по указке этого чёрного лысого грифа, которого эти звери и выбрали над собою правителем! Что страшная, в своей дикой разрушительной силе вода, превратясь в бешеный, грязный, селевой поток, который устремясь вниз, ничего, кроме грязи и камней не оставит там, где пройдёт он! И никто из смертных не спасётся, окажись на пути его! И задрожал ручей, испугавшись, будто он видел уже это когда-то, и мелкой рябью покрылась водная гладь его, и стали воды ручья горьки! И сразу же, почувствовал, уже горький ручей, запах воды, стекающей с изогнутого клюва чёрного лысого грифа обратно, и сразу всё вспомнил, что так долго и тщетно пытался вспомнить! Это был запах беды, запах смерти, запах падали, исходящий от чёрного лысого грифа! И всё вспомнил ручей, той, прошедшей когда-то давно-давно, прежней водою своею, водою памяти, дошедшей до долины, и видя там несчастья и чёрную смерть, почему-то, с запахом чёрного лысого грифа! Так вот на поиски чего, ты, отправляешься каждое утро, чёрный лысый гриф! И плакал ручей горькими слезами...

Глава первая

Здравствуй, Синяя птица!

*Я сложил этот дом из старинных камней,
В нем устроил я пир в честь ушедших друзей,
Чтоб мои современники знали,
Как, бывало, играл я судьбою своей.*

Садриддин Айни

*Кто видит слишком далеко, не спокоен сердцем.
Не печалься же ни о чем заранее и не радуйся тому,
чего еще нет.*

Чжуан-цзы

Вот такая грустная, грустная сказка, вместо пролога. Грустная, но понятная, именно для тех, кто хочет понять. А кто это именно, кто должен понять, я и сам не знаю, потому как пока ещё не нашёл своего читателя, хотя я и не ищу его специально, надеясь, что он сам найдёт меня. Ну, а если и не найдёт, – не беда. Ведь я давно хотел написать, но именно «не что-нибудь», а то, что могли бы прочитать мои дети или внуки, и прочитать не просто как простой и «скушный» листок, заполненный равнодушными или пафосными словами, а как что-то полезное, да и интересное для себя, а может быть и для других. Ведь мы помним, хотя и не все, и далеко не всё, что рассказывали нам наши родители, а иногда и прерывали их рассказ, нетерпеливой и обидной, как только теперь понимаешь, для них фразой: «Да ты это сотый раз рассказываешь...», хотя потом, спустя годы, ты очень хотел бы услышать от них, хотя бы что-нибудь, ещё и ещё, пусть даже бессчётное количество раз. Поэтому воспользуюсь я тем, что меня никто не перебивает, не подгоняет: «Ну, когда, ну, когда? Скорей, скорей!» и не спеша, не суетясь, попробую: а вдруг? А потом, когда-нибудь, на досуге, кто-либо из моих детей или родни, возьмёт и почитает, написанное мною и, вполне возможно извлечёт для

себя какую-то пользу, но, во всяком случае, вреда от чтения моего «эссе» не будет! Если только лишь немножечко грустно, но грусть мимолётна и, кроме того, «грусть достаточна сама по себе, но чтобы получить от неё настоящее удовольствие, нужно поделиться с нею другими». Взятые в кавычки я позаимствовал у своего, едва ли не самого любимого с детства писателя Марк Твена, а самое главное, всё то, о чём пишу, я не только делюсь своей грустью, да и радостью, но всё это, очень искренне и правдиво. Я не пытаюсь выглядеть лучше, чем я есть на самом деле, мне нет надобности приукрашивать себя, или оправдываться перед читателем, «прославляя», выставляя себя в выгодном свете, я больше всего пишу для души.....

...Родители мои оба родом из Наро-Фоминска, что теперь почти Москва, но волею судьбы и прочих жизненных обстоятельств, о которых я тоже когда-нибудь, даст Бог, расскажу, после войны переехали в Коканд, в Узбекистан, где родился я. Стало быть, я потомственный стопроцентный москаль, только лишь с одной поправкой: «азиатского разлива». А «азиатский разлив», хотя винодели в профессиональной речи своей говорят и пишут обязательно – «розлив», это особая тема. Мы ведь всё равно другие и чаще всего отличаемся, очень многим, от своих российских сверстников. А коль речь зашла о виноделии, то мы, русские, но рождённые и выросшие в Средней Азии, совсем другие. Те, кто не испортился, не пропал – ведь вино, как и люди тоже подвержено болезням и порче, а то и просто способно внезапно продавить, силой своего, чрезмерно бурного молодого брожения, а тем более, очень уж сладкого среднеазиатского винограда, уторы самой прочной бочки и вытечь на землю драгоценной влагой, название которой, – жизнь. Но многие же из нас, под действием чрезмерно щедрого солнца и тепла, да и прочих факторов, превратились из обычного виноградного вина в солнечную малагу. Читатель вправе со мной не согласиться, но для того, чтобы он успокоился и не спорил со мной, добавлю: мы, – вино креплённое, пусть и не всегда «Малага», пусть и «Кагор», пусть и «Портвейн», но обязательно настоящий, но уж точно –

вино не сухое, не кислое! Очень много в нас чувственной сентиментальности и ранимости. Да много ещё чего в нас «накупажировано»! И не я это определил, а сама Жизнь выступила в роли взыскательного и привередливого сомелье, «продегустировав» нас неоднократно, чтобы убедиться в правильности выбора и выставленной оценке.

А вот вырос я в Чимкенте в Южном Казахстане, которая теперь «заграница», очень быстро ставшая совершенно чужой, где по-прежнему, но уже по «энергии», очень активно, под маркой обновления и «борьбы с наследием СССР», безжалостно истребляется память интернационального государства, но уже эстафету приняли другие, подросшие, даже и не жившие уже в Советском Союзе, но чересчур «активные». И как всегда, больше всего достаётся русским, хотя от распада страны «выиграли» единицы, поэтому, в процентном соотношении, «достаётся», всем! И я ещё вернусь к этой теме, коль затронул и её.

А моя семья, сразу после распада страны переехала на Кубань. Хотелось бы всё написать по-порядку, согласно требованиям жанра, но вдруг ощущаешь, что и с жанром-то, так и не определился, а тем более с последовательностью в написании. А начну-ка я, пожалуй, с Синей птицы, а переезд на Кубань, это уже совсем о другом, поэтому оставляю это на потом.

Очень давно, а по сути, совсем и недавно, – в 1908 году, бельгиец Морис Метерлинк написал красивую сказку о синей птице. В мировой драматургии это одна из лучших пьес-сказок, потому как импонировала вере человека в добро, торжество справедливости и счастья. Именно поэтому в том же 1908 году «Синюю птицу» поставил в Московском художественном театре К.С. Станиславский, который вообще-то Алексеев, сменивший свою, известную в Москве, купеческую фамилию на псевдоним... С «Синей птицей» с тех пор связан образ мечты, ставшей, эдаким сказочным символом: «Выбери меня!», особенно для людей, которые вообще не читали этой сказки, и понятия не имеют даже, кто её написал! Я постоянно убеждаюсь в этом! Но особенно неловко себя чувствую, когда вдруг, случайно упомянешь, что не только видел «ЭТУ

САМУЮ СИНЮЮ ПТИЦУ», наблюдал её сильный и изумительный полёт, слышал её разнотональное пение, напоминающее художественный свист талантливого артиста, но ещё и видел её настолько близко, настолько, что мог её потрогать! А чувствуешь себя неловко ещё и потому, что всегда приходится подробно и обстоятельно рассказывать о птице недоверчивому собеседнику, посчитавшему тебя «захворавшим» и отводящему взгляд, глумливо перемигиваясь, с кем-либо из других присутствующих, если таковые есть. А рассказав, подчас испытываешь ещё большую досаду и неловкость, увидев равнодушие и разочарование, когда тот, наконец-то узнаёт, что это никакая не ПТИЦА СЧАСТЬЯ, а один из представителей многочисленного семейства дроздовых, крайне редкая птица – ЛИЛОВЫЙ ДРОЗД! Но очень часто бывает и так, что в беседе, даже с земляками, выясняется то, что большинство не только не видели этой птицы, но также и слышат о ней впервые. Мало того, они упорно не верят мне, а верят песне Андрея Макаревича, что «...синей птицы, в помине нет!» Об отсутствии синей птицы тупо твердят даже некоторые учителя биологии, – есть и такие... А потом начинают размещать на сайте «Одноклассники» снимок сизоворонки, выдавая её за синюю птицу. Сизоворонка тоже птица не очень-то и распространённая, и в Чимкенте её называли коккарга, так что с русским названием противоречий нет. Но этих птиц даже сравнивать нелепо, ну а спутать никак нельзя! Безусловно, сизоворонка птица заметная, с ярким оперением, с преобладанием голубых, синих и коричневых цветов, но полёт у неё не такой как у синей птицы, да к тому же, свой полёт сизоворонка сопровождает частыми криками, ничего общего с пением не имеющими. А синяя птица, аристократка птичьего мира, птица деликатная, и для своего изумительно чудного флейтового пения, волшебного посвиста выбирает подходящее своему «статусу» место: где попало петть не будет, а тем более «горланить» на лету!...

Я не орнитолог, и не ставлю перед собой задачу дать «видовую» характеристику синей птице. Но то, как мы детьми, за-

мирая от восторга, и ещё чего-то необъяснимого, удивительно чистого, вслушивались в пение синей птицы, и, как одухотворённо и одновременно все, вразной, вопили в диком и непроизвольном, неистовом душевном порыве, наблюдая за стремительным, красивым полётом этой красавицы: «Синегалка, синегалка!», заставляет и теперь, спустя десятилетия невольно сжиматься сердце. Лично для меня и моей семьи синяя птица, птица знаковая, сакральная, и вполне может быть, действительно ПТИЦА СЧАСТЬЯ...

Впервые эту птицу я увидел в пионерском лагере «Сокол», конечно не в самом лагере, где основная территория была засажена высоченной турангой, которые облюбовали себе для строительства гнёзд многочисленные колонии индийских воробьёв, которые отличаются от обычных, белыми щеками и серой шапочкой на голове. И, кроме того, они «извечные колхозники», поскольку в городах встречаются крайне редко. Воробьёв было настолько много, что почти ежедневно, под этими тополями-турангой, лежало множество мёртвых птенцов, выпавших из своих гнёзд. Но сразу после завтрака, согласно распорядку дня, была уборка территории, и пионеры, вооружившись вениками, которые «заготавливали» ежедневно из кустарника и полыни и годились только на одну всего уборку, подметали ими территорию пионерского лагеря, сметая вместе с сором и листьями их голые очоленевшие тельца. Потом, обильно заливали дощатые полы палаток, предварительно подняв их брезентовые борта-крылья, водой, которую носили в оцинкованных тазах, набирая её из родникового ручья, который протекал по северной границе пионерского лагеря, поправляли аккуратно и красиво заправленные кровати и с нетерпением ждали, когда придут с проверкой и выставят «оценки».

Сейчас этого ничего нет, потому как нет и самих пионерских лагерей, большая часть из которых, расположенных в наиболее удобных и живописных местах, нагло, жадно и бездумно «прихватизированы». И некоторые из них, как-то нашли своё, пусть и частичное, применение, но большинство доживают

свой век в запустении, медленно и неумолимо разрушаясь, приходя в полную негодность, вытравляясь даже из памяти, приходя в забвение. Ведь даже само содержание, отдалённого от города, теперь уже просто объекта, требует немалых финансовых затрат, которые были под силу крупным социалистическим предприятиям. А вот тот кто «хапнул» его, даже и не думал об этом, не думал, что в него придётся что-то вложить, чаще всего в убыток себе, ведь содержание пионерских лагерей для предприятий, это значительная расходная статья.

Но вернёмся в то, пионерское лето, из той, уже прошлой жизни, дорогой мой читатель, чтобы что-то воссоздать, разбудить в памяти нашей.

Ведь так великолепно начиналось пионерское летнее лагерное утро! Оно начиналось со звука пионерского горна, с побудки: «Вставай! Вставай! Постели заправляй!» И откидывались прочь одеяла, и бежали ребята, часто даже и не обувшись, босиком, на зарядку, где уже ждал пионеров лагерный физрук, вместе с музыкантом, чтобы под музыкальное сопровождение баяна прогнать напрочь остатки сна из весёлой и деятельной пионерской братии! На зарядке поотрядно выстраивалась вся пионерская дружина. Чей отряд прибежит и построится быстрее – неотмеченным в поощрении не останется! Но зато ждать отстающие отряды, пусть и на солнечной полянке лагерного стадиона, но всё равно в утренней свежести, только что из-под тёплого одеяла, находясь в одних сатиновых трусах – занятие не из приятных! Но всё компенсировалось замечательной музыкальной зарядкой! А вот только после зарядки, следовала заправка постелей, но которая могла быть прервана, на твоё личное усмотрение, умыванием, туалетом, да и прочими неотложными делами. Если, честно, то для меня лично, самым муторным делом была эта самая «заправка постелей», которая могла тянуться, с перерывами, до самого сигнала горна на линейку. Требовалось аккуратнейшим образом застелить одеяло, так, чтобы на пододеяльнике абсолютно не было морщин, а кроме того, взбить подушку и выставить её эдаким «фертом» на уголок, а из вафельного полотенца из-

готовить цветок, свернув его особым способом. Но подходил, ставший на тот момент очень привередливым, воспитатель, или же вожатый, и откидывалось вновь прочь одеяло, заставляя «перезаправить» постель!

«На линейку, на линейку, на линейку, становись!» – звонок зывал горн. На утреннюю линейку пионеры обязательно повязывали пионерские галстуки, но поскольку торжественной утренняя линейка никогда не была, то белые рубашки на неё не надевали, а это уже хорошо. Возможно, это было «продуманным предостережением», поскольку сразу после утренней линейки, с обязательными рапортами командиров отрядов, председателю Совета дружины, рапортом председателя Совета дружины, старшему пионервожатому лагеря, поднятием флага, ознаменовавшего тем, что лагерный день «начат», пионерская дружина следовала в столовую на завтрак. Кушали шумно, особо не «манерничали», да и нужды не было в том, поскольку не перед кем воображать: отряды тогда ещё были разделены на мальчиков и девочек. После «трапезы» следовало дружное, громогласное, хоровое «спасибо» и отряды отправлялись «вершить» уборку территории, о которой я уже поведал читателям.

Но, хотелось бы рассказать, хотя бы немного, о сигналах пионерского горна, этого знакового пионерского атрибута, который обязательно брали с собой даже в пионерский туристический поход. Пионерский лагерь жил всегда по его сигналам, хотя и в каждом лагере была своя радиорубка, но голосовых сигналов при её помощи, сопровождающих распорядок дня пионерского лагеря, никогда не подавалось. Таковы были традиции. И даже на арку – главный лагерный пост, который позже оборудовался радиосвязью, назначалось обязательно четверо дежурных, а в родительский день – до шести, поскольку «громогласного» оповещения о приезде к кому-либо родителей не допускалось, а сообщалось ему, «счастливчику», об этом, «деликатно» дежурными. Ведь не ко всем приезжали родители, ко многим вообще за весь сезон ни разу не приезжали, поэтому некоторые «обделённые» могли и заскучать. Но если же, по каким-либо причинам не могли отыскать пионера, то тогда объявляли по селекторной связи, что

было крайне нежелательно для отыскиваемого, поскольку он мог получить «взыскание» уже от своих родителей, как нарушитель лагерных правил. Хотя, смотря какие родители. Да и лагерная жизнь и требования со временем менялись.

Попасть дежурить на арку стремились все, потому как дежурные по арке в «тихий час» не спали, как и дежурные по столовой.

Я уже рассказал, дорогой мой читатель о некоторых сигналах пионерского горна, но самым желанным, так уж устроено детство, был горн на обед: «Бери ложку, бери хлеб и садитесь за обед!» Но этот сигнал варьировался во времени лагерных эпох по-разному. Иногда это звучало несколько «быстрее»: «Бери ложку, бери таз! Бей горнисту в правый глаз!» Или же, менее «агрессивное»: «Бери ложку, бери вилку! Бей горниста по затылку!» Конечно, всё это шутки, причём вспоминать это всё приятно, хотя и очень грустно. И ты прости великодушно меня, дорогой мой читатель, за неуклюжие попытки воспроизвести сигналы пионерского горна, этими, полузабытыми «слоганами». Мне ведь и самому довелось быть горнистом и даже получать за это ежедневный дополнительный паёк – стакан сметаны перед завтраком. Но это было более чем лишнее, и я даже не знаю, чем руководствовалась администрация пионерского лагеря, вынося такое распоряжение. Вот так! А я же, старый пионерский горнист, протрублю последний сигнал, которым заканчивался день в пионерском лагере: «Спать, спать по палатам, пионерам и вожатым!» Протрублю совсем тихонько, почти неслышно, но те, кому надо услышать, кто хочет услышать – меня обязательно услышат...

О пионерских лагерях той поры, поры моего детства, можно написать сотни страниц, но это тема отдельная. Поэтому остановлюсь я только на лагерях, связанных с моим детством, а именно, например, с пионерским лагерем «Сокол», расположенным в селе Корниловка.

С этим лагерем меня связывает очень многое и очень давнее, если учитывать то, что в него я уже ездил с самого основания и возраста, отнюдь ещё далёкого до пионерского!

В 50-х годах прошлого века каждая фабрика, завод строили свои пионерские лагеря в наиболее живописных местах области, где летом могли отдохнуть дети работников производства, а осенью или весной съездить «на природу» и сами работники – порезвиться и пошалить, попеть и попить, короче, отдохнуть, но не «расслабляться»! А живописных мест в Чимкентской области, расположенной на крайнем юге республики, с её разнообразными ландшафтами, от горных вершин, покрытых вечными снегами и ледниками, множеством горных рек, до песчаных и глинистых пустынь – более чем достаточно.

Построенный в самом начале 50-х годов чимкентский хлопчато-бумажный комбинат «завёл» и себе лагерь рядом с селом Корниловка Тюлькубасского района. Я так и до сих пор не знаю точно, в честь кого названо это русское село, но всё-таки думаю, вернее хотелось, чтобы было так, в честь генерала Л.Г. Корнилова, мать у которого была православная казашка из рода найман, хотя по другим сведениям, из рода аргын-каракесек, но именно то, что долго служил Лавр Георгиевич в этих краях, не только как военный, но и в качестве этнографа, картографа, да и вообще военным разведчиком по всей территории Средней Азии, включая Афганистан, не должно вызывать никакого сомнения.

Почему я так этим интересуюсь, не знаю даже, но так уж судьба распорядилась, что живу я в станице, в которой, по сути, и закончился легендарный ЛЕДЯНОЙ ПОХОД и здесь, выходит так, что в последний раз ночевал в «подлунном мире» легендарный Л.Г. Корнилов. И поэтому я, иногда, ранней весной, когда пробуждаются почки деревьев и дует знакомый и родной, юго-восточный ветер, или в середине лета, когда бурно цветут лотосы за Елизаветинской станицей, то навещаю и могилу Л.Г. Корнилова, бранные останки которого покоятся на высоком правом берегу Кубани.

В этот лагерь в Корниловке, поехала работать моя мама, на какую-то «госпитальную» должность сестры-хозяйки и я, в трёхлетнем возрасте, отправился туда вместе с ней. Не знаю почему, но очень многое, из того что произошло со мной в тот период, я довольно хорошо помню до сих пор, хотя я и сам

удивляюсь этому. Может быть это потому, что в этом лагере я тогда едва не утонул в прозрачном роднике, с кажущейся из-за этой самой прозрачности, обманчивой глубиной?

Сам лагерь был расположен на берегу, который постепенно, большими по площади террасами, спускался к реке Арысь. Из подножия средней террасы били многочисленные ключи, вздымая своими струями фонтанчики песка, по которым можно было судить о силе и мощности родников, которые затем собирались в рукотворный ручей, заботливо направленный в поливочный арык.

Я без «злого умысла» утомляю читателя всеми этими, кажущимися никчёмными, описаниями, но они, эти детали, для меня очень важны, ибо они заставляют меня переживать, очищая мою память, раскладывая и расставляя события и впечатления в соответствующем порядке и времени. А поскольку единственной и точной мерой времени является память, и коль я, в который раз, завел разговор о памяти, то не могу, воспользовавшись «удобным» моментом, не сказать о памяти на запахи, как наиболее прочной из всех своих проявлений, во всяком случае, для меня.

Но любознательный читатель нетерпеливо вопрошает: «Да когда же он тонуть-то начнёт?», поэтому оставлю я пока запахи в покое, а удовлетворю здоровое любопытство читателя. Ведь я хорошо помню тот далёкий эпизод из раннего детства своего. И помню ту злополучную неподвижную серебристую рыбку, лежащую на дне родника, и обманчивая близость дна нарушила моё равновесие – потянувшись за мёртвой рыбкой, я полностью, головой вниз, погрузился в родник.

Кто и как меня спас, я не знаю, но помню горячее и яркое солнце, светившее в мои глаза, которые я тщетно пытался открыть, окрашивалось в кроваво-красный цвет, проходя сквозь закрытые веки, когда меня несла на руках моя мама. Ни страха, ни боязни воды от того «утопления» у меня не появилось и только вот солнце, когда загораю на пляже, лёжа на спине, просвечивая сквозь мои закрытые веки, иногда напоминает мне об этом.

Я уже упоминал о живописных окрестностях пионерского лагеря, начал что-то было лепетать про память на запахи. Так вот: в этом лагере доминирующе пахло перечной мятой, особенно вблизи родников и мы, бывало, срезав у зелёного жёлудя верхушку и вынув плод, оставив оболочку, сбоку которой, проделав отверстие, вставляли в него чубук из тростника. Изготовив таким образом некое подобие «нанайской» курительной трубки, «набивали» трубку свежими листьями перечной мяты и ходили, важно посасывая импровизированную трубку, периодически меня листья на свежие, совершая эдакую своеобразную ингаляцию.

А ещё пахло листьями чёрной смородины, кусты которой в «беспорядке» росли за палаточным городком лагеря, но на которых никогда не было ягод. Почему-то именно чёрная смородина, с душистыми листьями, а не её поздний «заменитель» крондаль или криндаль – знаменитый гибрид чёрной смородины с крыжовником, в Чимкентской области, кроме высокогорья, где встречались дикие плодоносящие заросли, практически никогда не плодоносила, хотя и обильно давала побеги с обильной ароматной листвою, короче всё, кроме ягод. К чёрносмородинному листу «примешивался» табачный дух сухих ясеневых листьев, из ясеневых же посадок, деревья в которых были посажены настолько близко друг к другу, что их тонкие от тесноты стволы, буквально на расстоянии в десяток метров, не позволяли абсолютно ничего разглядеть, что же за ними?

Эти земли принадлежали колхозу «Красная Звезда» и колхозники рассадили ясени, с целью в будущем использовать ценную древесину ясеня, для «изготовления упряжных хомутов и дуг». Не знаю, воспользовались ли «корниловские» колхозники своими посадками по «назначению», но скорее всего, – нет, воспользовались другие, потому как не осталось славян, в когда-то русском селе и даже название деревни Корниловка, сменили на какое-нибудь казахское. А какое, я даже и не хочу интересоваться, потому как ушли в небытие старые названия, когда-то русских деревень и сёл, построенных, обжитых и обихоженных русскими переселенцами, на законно

приобретённых землях, оплаченных золотом и оплаканных слезами, баб и детей, политых потом и кровью мужиков, с далёких времён, ещё до «стольпинского» переселения. И только дома, проданные почти «задаром», по сути брошенные в вынужденном и осознанном ИСХОДЕ с насиженных гнёзд, где каждое дерево, кустик, камень неистребимы из памяти, где остались могилы твоих родных, близких и друзей, где стоит одиноко, ветшая и разрушаясь, начатая было восстанавливаться, старая заповедная православная церковь, – всё это печально напоминает о былом.

А память уничтожается, стирается русский след нарочито бесцеремонно. Об этом можно долго говорить, приводя сотни примеров, но это тема крайне болезненная и серьёзная, и я бы не стал именно здесь, в этой главе обсуждать её, но обстоятельства и события сложились так, что я в течение именно этой недели узнал, что вот уже совсем недавно, в когда-то русском селе Георгиевка, святой источник у православного храма превратили в обыкновенный бассейн, а икона, привезённая из Греции, непонятно куда исчезла, а в селе Тоболино, что на самой границе Чимкентской и Ташкентской областей, а теперь это граница между двумя государствами, намеренно разрушают когда-то богатую каменную церковь. И это только в Чимкентской области.....

Да, чувствую, опять отдалился от темы, хотя никуда и от этой темы не деться, поэтому будет она возникать в моём «эссе» периодически – ничего тут не поделаешь! Нельзя так жить, хотя по-другому мы уже и не умеем! А жаль, ведь умели, но это было давно, так «давно», что большинство уже и не помнит, а многие просто не хотят помнить.

Но вернёмся вновь в благодатную тогда Корниловку и опять же, поведём речь, вспоминая, оживляя в памяти картины лет прошедших.

А за южной границей лагеря, которая была также как и северная, обозначена рукотворным поливным каналом, но только с той разницей, что в «северном» канале вода вытекала из родников и была страшно холодная, несла свои воды

река Арысь. А «южный» канал брал своё начало довольно далеко от лагеря, вверх по течению реки Арысь, вода которой успевала нагреться, вобрав в себя жаркое летнее солнце. Вода по каналу шла вдоль просёлочной дороги, с одной стороны и большой старой туговой рощи – с другой, а затем, искусно подведённая к обрывистому берегу, у подножия которого стояла водяная мельница, стремительно сбрасывалась вниз, по крутому жёлобу, бешено вращая водяное колесо мельницы и, проделав такую работу, вода устремлялась в русло канала, но уже следующего уровня! И вот она уже бежит мимо пионерского лагеря параллельно, но чуть выше родной реки, чьи воды были умело и грамотно разделены заботливым и дельным земледельцем, дабы орошать свои нивы, сады и огороды. И посадил тот земледелец, а скорее всего его сын, пять белых берёз, в напоминание о России! Я очень хорошо помню те берёзы, растущие недалеко от лагеря, в восточной его части, даже рисовал их в отрядном альбоме-дневнике, который должен был быть в каждом отряде. Естественно, эти берёзы никак не могли быть привезены из России, как утверждали местные, хотя и это возможно, поскольку размножается берёза семенами, но скорее всего кто-то принёс с гор, благо они рядом, маленькие деревца берёзы таласской, вот они и прижились! Но лично мне обе версии по душе!

Но я опять отвлёкся, не мог пройти мимо берёз, которых, увы, уже давно нет! А в канале, в «южном», водилось много мелкой рыбёшки, которую мы ловили при помощи обычной майки с ляжками, которые связывали узлом так, чтобы получился своеобразный мешок и, ухватив с товарищем «подол» майки, тащили её против течения в направлении берега, раздувающуюся от напора воды.

О, прочнейший советский трикотаж! О нём можно написать длиннущую хвалебную оду, особенно о «многогрудальной» универсальной майке, которая напрочь теряла свой первоначальный цвет, вобрав в себя мельчайшие водоросли и ил, а по «приобретённому цвету», даже после «одноразовой» рыбалки, невозможно было, разве только в исследовательской

лаборатории, определить её «родной» цвет! Но она радовала нас, помогая ловить вьюнов, и гольцов, и пескариков, вылавливая которых, помещали, за неимением банки, в вырытую тут же, в скользком глинистом берегу ямку, наполнив её водой, где они оставались пленниками до звука горна, являющегося для нас сигналом на обед, а для пойманных рыб, сигналом к освобождению! Свободу вьюнам, огольцам и «премудрым пескарям»! Но пойманная рыба, в порядке «эксперимента», перенесённая из тёплого «южного» арыка в родниковый «северный», очень быстро погибала, хотя и в нём я видел великолепную маринку, заглатываемую змеёй в одном из родников, над некоторыми из которых, уже были сделаны деревянные короба с крышками. Но «капризная» и вкуснейшая маринка, правда, с ядовитой плёнкой брюшины, икры и, возможно, молюски, в период нереста – любительница чистейшей и холодной воды, это Вам не пескари и вьюны!

Вот почему-то именно сейчас, вспомнил своё «утопление» и мёртвого серебристого пескаря, за которым я потянулся ребёнком, не иначе выпущенного тогда, давно, в родник, с «южного» канала, такими же, как и мы любознательными «ихтиологами-экспериментаторами».

Да, кстати, а что же майка? А у майки развязывались лямки, она выжималась, в «четыре руки», с поворотом и вывертом, и надевалась для просушки, ощущения прохлады, и комфорта владельца, прямо на голое тело, до следующей рыбалки! С ней ничего не происходило, единственно что, – довольно ощутимое увеличение размеров в ширину, естественное уменьшение в длину, ну и, как уже сообщалось – цвет! О, советский трикотаж! Песня!

А вот за этим самым, «южным» поливным арыком, вернее каналом, до реки Арысь было рукой подать, но между ними «расположился» довольно обширный участок дерновой пойменной земли. А за поймой, несла свои воды, сильно мелеющая летом, как и все горные реки, река Арысь, а за рекой начинался, местами обрывистый, левый берег, который поднимаясь, заканчивался длинной горной грядой, лежащей

в направлении «запад-восток». Вдоль горной гряды проходила железная дорога, и пассажиры поезда, например «Алма-Ата-Москва» могли любоваться великолепным пейзажем, но самое главное, могли купить почти задаром на станции Тюлькубас изумительных, ароматных яблок, таких, какие больше нигде не растут, поверь мне, дорогой мой читатель! Нигде нет таких яблок как в Тюлькубасском районе!

А вернёмся-ка мы опять в лагерь, а то, – вон как далеко забрались, уж больно далековато, дорогой мой читатель! Помню, как-то пошли мы в поход в сторону горной гряды, кажущейся, ну совсем рядом. Долго мы шли, «солнцем палимы», и дошли до железной дороги, и огляделись окрест, и набрал я в пути порядочную охапку душистого чабреца и эфедры, увязав всё это, во всё ту же «многострадальную» майку, освободившуюся от бесценного груза – спасительного сочного арбуза, взятого в «поход» в расчёте, один на двоих «едоков», поскольку, в пути, при приближении к горной гряде, набрести на водный источник было практически невозможно ибо почти все источники были сосредоточены ближе к берегам Арыси. И отправились назад, дабы успеть на обед!

Но наибольший интерес для нас, ребяташек, представлял Тентебулак, хотя и расположенный на дальнем, левом, противоположном от лагеря, берегу. Самого истока я так и не видел и сомневаюсь, что кто-либо и обнаружил его: плотные заросли высоченного тростника окружали со всех сторон и, вытекая, родник «направлял» свои воды в узкий «коридор», с почти отвесными берегами-стенами, густо поросшими, всегда щедрой на урожай, колючей ежевикой. Да, кстати, чуть было не забыл пояснить и охарактеризовать казахское название Тентебулак, а это очень важно, поскольку слово «тентек» означает «дурень», но ведь дурень не всегда дурак, да и просто шалуна и озорника можно назвать так, поэтому давай, любезный читатель, окончательно определимся с названием и будем знать, что это не какой-то там, «дурной родник», а просто «шаловливый родничок».

Я, вообще-то, не могу не вспомнить и тамошнюю ежевику, хотя, казалось бы, что же тут удивительного и необычного

в обыкновенной ежевике, которая настолько неприхотлива, неприязнительна, плодоносна, и даже неистребима, ибо избавиться от колючей дикорастущей ежевики или как ещё её некоторые называют, куманики, практически невозможно! Ваш покорный слуга, автор этого «эссе» свидетель тому, поскольку сам посадил перед домом вдоль дороги, «культурную» ежевику, абсолютно без колючек, но растущая, возможно когда-то на этом месте «аборигенка», нет-нет да и прорастёт, и, незаметно, коварно начинает «отвоёвывать» себе место, хотя земли свободной и вольной на Кубани более чем достаточно! Ох уж эта пресловутая «ксенофобия», даже у растений проявляется, а как же люди? А люди-то как?

Прости мою рассеянность, почтеннейший читатель, ибо речь-то я начал о тамошней, «тентебулакской» ежевике, той самой, что заставила меня, «тентека» (шалуна, конечно, не дурня, нет), посадить и здесь, на Кубани ежевику, в светлой и доброй надежде повторить «вкус детства». Но, увы! Это отнюдь не то, совсем не то, ибо «вкус детства» ещё более усилился в сравнении, причём явно не в пользу, только что попробованной. Но возмущённый читатель, возможно, гневно воскликнет: «Ежевика, везде ежевика!» и, безусловно, будет прав, и я не стану, раздувая жилы на шее и «орошая» окрест обильной слюною, а я видел иногда и такое «убеждение», переубеждать его, поскольку он даже представить не может вкуса среднеазиатской ежевики, особенно, если человек её не пробовал никогда! А, кроме того, я вполне допускаю, что именно та ежевика, которую он ел, и продолжает есть и по сей день, именно для него и является самой лучшей. Ибо вкус детства неповторим! Как и само детство. Поэтому умолкаю и отправляюсь прямо к Тентебулаку! Приглашаю с собой и Вас, терпеливый мой читатель. Ведь Вы не откажетесь?

Перейдя по мостику, наш, «рыбообильный южный» канал, мы ступаем на дерновую, мягкую почву пойменного берега реки, с которым я уже ознакомил Вас, и вот только сейчас мы пройдем по ней, вдыхая всё тот же волнующий запах памяти. Да простит меня, мой любезный читатель, за словесный калам-

бур, ибо чуть выше я «вещал» о «памяти на запахи», а тут вдруг и саму память наделил способностью пахнуть, но действительно, я не «заговариваюсь», и память пахнет сама по себе... Она вдруг запахла мелиссой, мимо зарослей, которых мы только что прошли, той самой неистребимой и неуничтожаемой мелиссой, которая могла вырасти даже из-под асфальта, и которую называли мы лимонной мятой, то память запахла душицей, то шалфеем, а то, вдруг, резко и почему-то тревожно, цитварной полынью, этот знаменитый эндем Чимкентской области, пахнет действительно так, вернее память об этой полыни...

Казалось бы, что как раз сейчас можно немного отвлечься и совершить «пространный экскурс» в мир эндемичных видов растений Чимкентской области, где можно со «счёту сбиться» от их обилия, но именно это и сдерживает меня, заставляя отложить это на потом, устремясь вперёд, к цели нашей прогулки, ведь мы на Тентебулак, за ежевикой! А Вы, разве не с нами? Ну, так вперёд, не отставать, мой драгоценнейший читатель!

Обычно на этом пойменном берегу, всегда покрытом зелёной травой, паслись коровы колхозников, но не в свободном выпасе, как это делается сейчас повсеместно в станицах Краснодарского края, где они неприкаянно бродят, «навещающая» небрежно огороженные огороды и палисадники жителей, а каждая на длинной колючей верёвке-аркане, сплетённой из конского волоса, свободный конец которого привязывался к металлическому колу, вбитому в землю каким-нибудь, окатанным водами реки булыжником, валяющимся поодаль. Но чаще всего здесь выпасался довольно большой табун колхозных лошадей, благородных животных, послуживших предметом моей детской неуёмной страсти к верховой езде. Хорошо помню, что этот большой табун, пригонялся из отделения Амангельды, входившего тогда в корниловский колхоз «Красная Звезда». Но это тема особая, деликатная и более уместна будет в неторопливой и обстоятельной беседе, что мы ещё, надеюсь, успеем сделать, а пока, прибавим шаг, ведь нам ещё предстоит переходить вброд реку Арысь.

В шестидесятих годах прошлого века, когда китайцы ещё не «ссорились» с нами и поставляли в нашу страну очень качественные товары с вышитой надписью «ДРУЖБА», а рядом ещё и два сомкнутых друг с другом кольца. Они поставлялись и после «идеологических» и политических разногласий с нами, но уже не в таком количестве и ассортименте, хотя и прежнего качества и даже, после вооружённого конфликта в 1969 году на острове Даманский. Товары были действительно хорошие, но наиболее распространённым товаром были кеды, которые стоили всего-то четыре рубля, хотя, если сравнивать с чем-либо и именно сейчас, ведь меркантильность свойственна возрасту, то это аккурат четыре килограмма сайгачьего мяса. Но мы даже и не будем сравнивать эти великолепные, самоходно-вездеходные, «неутомимо самопрыжные», короче незаменимые в тогдашней жизни любого нормального советского школьника, кеды, а уж в пионерском лагере – особенно! Поскольку уж в пионерский лагерь их брали обязательно, также с обязательными родительскими напутствиями, не носить их подолгу, и не надевать их на «босу ногу», что как раз-то упорно игнорировалось. Вот и сейчас мы с «ходу форсируем, не разуваясь, реку Арысь и вот мы уже почти у цели, и идём, хлюпая мокрыми кедами вдоль русла Тентебулака, холодная ключевая вода которого, пройдя некоторое расстояние, входит в тёплые воды Арыси. По всей протяжённости своего русла, Тентебулак густо зарос стелющейся по земле ежевикой, кусты которой были щедро осыпаны ягодами и можно вдоволь ими наесться, такими ароматными и сладкими! Но самая крупная, дымчато-фиолетовая с сизым налётом ежевика, росла на крутых берегах, почти отвесно, спускающихся к воде! И ты уже, в порыве не то азарта, не то жадности, скажем так: азартной жадности, выбрав с трудом, относительно безопасный спуск, оказываешься в ледяной воде родника, и, оглядевшись, нет ли поблизости змей, начинаешь поглощать прохладные, сладкие ягоды, с едва уловимым ароматом, чего-то непонятного, но удивительно знакомого, даже невозможно сказать чего, потому как ежевика, где бы я её ни ел – везде пахнет по-разному, а именно здесь, она пахла детством.

И идёшь по каменистому, а местами и глинистому руслу Тентебулака, срывая сизые сладкие спелые ягоды, поедая их тут же, потому как некуда их складывать, кроме как отправлять тут же в рот, бредёшь по воде, то по щиколотку, то погружаясь по пояс в ледяную воду родника, но не обращаешь внимания на такие «неудобства», пока не приобретает твоё «мальчуковое естество» размеров, почти полного отсутствия, сжавшись в «ничто» из-за холодной воды. И уже чувствуешь, что язык окрашивается в густой фиолетовый цвет, и ты тщетно, и безуспешно пытаешься разглядеть кончик своего языка, старательно высовывая его, но опять же – никак не получается! И тогда ты, оттопырив нижнюю губу свою, при этом оттянув её пальцами, насколько это возможно, опустив взгляд, и увидев долгожданный фиолетовый «колер», удовлетворённый, поскольку осознаёшь, что наконец-то досыта наелся, потому как внутри весь «прокрасился», подумываешь и о возвращении. И ищешь место, где можно выбраться, но не находишь, а вперёд идти не решаешься, видя зелёную стену высоченного тростника, который мы почему-то упорно называли камышом. И тогда приходится всегда, уже спешно, возвращаться, а вдруг родник никакой не шалун и проказник, а действительно «дурной»?

Именно здесь, в окрестностях Тентебулака часто наблюдали замечательный полёт синей птицы и я уже описывал выше, тот восторг, который овладевал нами в те мгновения, когда мы наблюдали её полёт, и как мы дружно вопили, приветствуя её. Но вот только не могу вспомнить, видел ли я её в последний год своего «пионерского лета» в этом лагере, потому как наш ХБК (хлопчато-бумажный комбинат) «приобрёл» себе ещё один пионерский лагерь, который, собственно, был построен «свинцовиками» для себя, но, скорее всего, они получили место для строительства пионерского лагеря в живописном и уникальном ущелье Машат, расположенное совсем недалеко от города, поэтому родители могли, без особых затрат на дорогу, навещать своих детей, а от недостроенного лагеря в Тюлькубасе они вынуждены были отказаться, и передать

его текстильщикам, что они и сделали, построив для своих детей отличный лагерь в Машате, «Горный ручеёк». Конечно не такой комфортабельный и просторный как «Горный» в Тюлькубасе, но тоже, более чем великолепный, как и все лагеря в ущелье. Ваш покорный слуга, имел честь поработать в нём, после окончания первого курса института в 1972 году, и не только «поработать», но и объездить это ущелье «из конца в конец» верхом, и на хорошей лошади, и на ишаке, а также быть укушенным ядовитой змеей аккуратно в День металлургов, что послужило темой для многочисленных рассказов, с примесью фантастики, по всем пионерским лагерям Машата, об «укушенном змеей вожатом, которого едва спасли, да и то, спешно госпитализировав его в Чимкент». Я потом довольно часто слышал эти рассказы о себе и радовался жизни, а также творческой фантазии рассказчиков. Но уже никогда не пытался переубедить собеседника, поступив как-то, неосмотрительно однажды, тщетно доказывая, что укушенный, именно я, и по-прежнему жив-здоров. Но больше всего я был доволен тем, что нет в ущелье Машат, как и в реке с одноимённым названием, змей со смертельным укусом. Но даже и сейчас не могу точно сказать, что за «аспид» меня «тяпнул», степная гадюка или щитомордник палласов, ведь отличить их, не разглядывая, крайне сложно, по размерам, по окраске они очень похожи, а боль от укуса и последующее шоковое состояние несоизмеримы совсем с укусом, допустим, скорпиона. Почему скорпиона? Да просто мне кроме этих «тварей» не довелось больше никем ядовитым быть укушенным, ну если только людьми, есть ведь и такие и их «легион», хотя, вполне возможно, что и я, для кого-то, соизмерим по количеству яда, лишь только с коброй, кто знает.

Но вернёмся-ка мы опять в Корниловку, в год, точно помню 1965, год Змеи, стихи «дерева», хотя в том возрасте я этого ничего не знал,— ни к чему и никому это, такие подробности, не были тогда нужны. А вот то, что в этот именно год у текстилькомбината было сразу два пионерских лагеря, я хорошо помню ещё и потому, что на первый сезон я поехал

в новый лагерь в Тюлькубас, а уже на следующий, второй или третий – не помню, я поехал в старый лагерь, в Корниловку, переданную швейному объединению «Восход», лишь только на следующий год.

Опять, приходится отвлечься от темы, хотя, что значит «отвлечься», коль вдруг возникла необходимость поговорить о настоящих, хороших людях. Их разве так уж и много среди нас? Ровно поровну? Кто-то упорно твердит, что количество зла, творимого в мире, равно количеству добра. Дескать, тогда в мире равновесие и гармония! Да ничего подобного! Выходит, что тогда наступает зловещее затишье, как перед боем и все только и ждут «удобного случая», чтобы броситься друг на друга, злобно вопя от ненависти? Я поставил знак вопроса, потому как, следуя, вышеизложенному утверждению о фактическом равновесии добрых и злых, то «злобно вопить» будут только злые, а добрые будут кротко молчать и увещевать, да урезонивать, распоясовшихся «плохишей»? Просто очень уж хочется, чтобы плохого было гораздо меньше, нежели доброго.

Я хотел лишь сказать, что директором швейного объединения «Восход», на «баланс» которого передали пионерский лагерь «Сокол» в Корниловке, был с самого его основания, Н.М. Сахно, до назначения работавший главным механиком текстилькомбината, а сын его Сергей Сахно – мой одноклассник, очень талантливый журналист, отличный товарищ, красавец и умница, до конца жизни своей проработавший в ТАССе.

Интересно, что именно на швейном объединении «Восход» стали первыми «нарушать» стандарты при пошиве мужских костюмов и поэтому продукция фабрики пользовалась большим спросом по всей стране, хотя и импортных костюмов было тогда достаточно.

Не мог я промолчать об этом, но ведь «эссе – разновидность литературы, позволяющая сказать почти всё, ни о чём», а ведь я говорю о хороших людях, а это значит, о очень многом! Кроме этого я ещё и не всё сказал о корниловском пионерлагере, да и о самой Корниловке, куда я больше уже никогда не

попаду. А ведь было достаточно возможностей поехать туда, даже на Мёртвое озеро, хотя это очень даже живое озеро, с живописными окрестностями и удивительно прозрачной и «ледяной» водой. Скорее всего, именно за это и придумали такое, не совсем «правильное», но пугающе таинственное название, пионеры-романтики лагеря «Сокол».

Где-то в 1973-74 году собрались было поехать на охоту, именно на Мёртвое озеро с соседом и другом Афанасьевым Вячеславом, но почему-то не поехали, а спустя не так уж и много времени, он трагически погиб.

Долго ещё, как-то непонятно, с каким-то мистическим постоянством, с «маниакальным» упорством, уплывали от меня, казалось бы, уже решённые, уже обговорённые и тысячу раз согласованные, поездки в Корниловку. А может быть я так сильно хотел увидеть своё детство, а никакой не старый пионерский лагерь «Сокол», но в том, ещё очень молодом возрасте, когда я не мог этого знать, не мог ещё чувствовать так, как чувствую это теперь, в моём теперешнем возрасте, когда ты ощущаешь время, видишь его? Поэтому, может само провидение Господне, оградило, сберегло мои детские впечатления той поры и тех мест, без изменений временем и болевого шока памяти?

Не так уж и давно, уже проживая здесь, на Кубани, мы встречали дорогих гостей, по настоящему дорогих и родных, потому как приехали они из Чимкента, города нашего детства, да к тому же родня: двоюродная сестра моей жены Татьяны с мужем, уроженцем как раз тех мест. Вернее, он не из самой Корниловки, а из расположенного, буквально рядом, села Вознесенки, относящегося к одному колхозу «Красная Звезда», как и отделение Амангельды, откуда именно и пригонялся в пойму Арыси большой конский табун, и куда мы пионерами ходили в поход за «дикой вишней».

Дикая вишня? Я до сих пор не определил для себя, что же это на самом деле? Карликовые деревца, высотой не более 60-70 сантиметров, листочки размером с двухкопеечную монету – один в один, сильно уменьшенный лист настоящей вишни,

плоды яркие, тёмно-красные, цвет не совсем вишнёвый, плод размером не более чёрной смородинки, косточка маленькая, при разгрызании напоминает вишнёвую, но ещё более усилен миндальный запах, но самое главное, это вкус, очень сладкие, с лёгким, вяжущим привкусом черёмухи. Они растут в изобилии на горных склонах, особенно много их в Машате и Кельтемашате, но никто их не собирает, кроме детей, да и то, изредка, так, забавы ради. Ведь забавы взрослых называются делом, а у детей они тоже дело, да ещё какое!

Я отвлёкся и совсем забыл про гостей, добрый мой читатель, тем более, что вновь возвращаемся к незаконченной теме о Корниловке. Так вот, сидя за обильным столом, а иного стола не должно и не может быть у нас, чимкентских, тем более, если мы встречаем своих земляков, да вдобавок к этому, ещё и родственников, как-то незаметно «подошли» к Корниловке и опять же, обнадёжив друг друга, обоюдными обещаниями, непременно съездить в Вознесеновку, где у нашего дорогого гостя, Владимира Мостового, остался ещё родной брат, которому уже за девятый десяток, захватить затем и в Корниловку, полюбоваться на живописное Мёртвое озеро, добрести до Тентебулака и может быть, вновь, как в детстве, увидеть синюю птицу. Но опять не заладилось, опять что-то пошло не так, как хотелось бы, а вскоре, спустя некоторое время после отъезда, мы получили скорбное известие о смерти Володи.

Интересно, но что-то мне постоянно, совсем не назойливо, а напротив – деликатно, напоминает о Корниловке. То вдруг, попадают «на глаза» старые чёрно-белые фотографии моей жены Татьяны, на которых вижу пионерок пионерского лагеря «Сокол», среди которых большинство мне знакомы, поскольку в основном жители нашего Текстиль-городка, а некоторые – мои одноклассницы. Вот, например, на фотографии пионерский отряд девочек, тогда не было «смешанных» отрядов, а были как в бане, отдельно девочки, отдельно мальчики, на ней вижу двух своих одноклассниц, одна из них Лариса Сарманова, моя подруга ещё детсадовской поры, стоит рядом с очень маленькой девочкой, явно возраста «готовлюсь в первый

класс», с слегка восточными чертами лица, в которых без труда узнаю свою Татьяну. Как так получилось, что из нескольких десятков пионерских лагерей Чимкентской области, судьба-гадалка и предсказательница, «определила» эту маленькую девочку, которую я вполне возможно и видел тогда, в лагере, именно в этот, текстильский, к которому никакого отношения её родители не имели, куда она попала, приехав с родителями навестить свою старшую сестру Светлану, работающую пионервожатой и оставшись там ненадолго, на день или два? А потом, всё та же судьба, спустя годы, вновь смогла разбросать свои небесные карты, кубики, «фасолинки-кумулаки», косточки-асычки и прочие гадальные атрибуты так, чтобы вновь встретились мы, но на этот раз, чтобы пути наши непременно пересеклись! Да я шучу, какая гадалка, это Господь Бог, поиному и быть не может! И синяя птица тоже: кому покажется и споёт, а кому-то и нет, а возможно он и сам не обратит на неё никакого внимания, – свистит и свистит кто-то, мало ли. Но ведь мне-то спела, ведь я-то, увидел её! И мы ещё вернёмся к ней, я ведь говорил, что видел её так близко, что мог её потрогать, а она споёт нам своим озорным и чудесным «посвистом». Я ведь, простившись с Корниловкой, с синей птицей долго ещё не расставался, как и с рекой Арысь, несущей свои чистые, тёплые воды мимо пионерского лагеря «Сокол» дальше и дальше. И мы ещё поплывём с тобой, дорогой и тактичный мой читатель, вниз по этой реке на пенопластовых «досках»! Знаешь как здорово, вверх– вниз, вверх– вниз, по волнам! По волнам, лёжа грудью и животом на листе пенопласта! Вверх и вниз по волнам нашей памяти, по реке детства и юности... поплывём маленькими серебристыми рыбками, которых так хочется достать из родника чистой, незамутнённой временем детской памяти. Поплывём... поплывём... поплывём.

Глава вторая

Чимкент. Город белых аистов...

*Не позволяй птице своей души
клевать зерна сорняков низменных переживаний,
заставь ее воспарить к блестящим небесам.*

Аль Хорезми

*Тот, кто знает людей, благоразумен,
знающий себя – просвещен.
Побеждающий людей – силен.
Побеждающий самого себя – могуществен.*

Лао-цзы

Хорошая штука-интернет! Общаюсь с друзьями, пишу им. Вроде, как и выпью с ними за что-нибудь, сфотографируем с женой празднично оформленный, сервированный нами же стол, чтобы потом выставить фото в «одноклассниках», – сейчас многие так делают, приглашу друзей к столу, усажу их на почётные места, в «красный угол», под образа, где в старину вешивали иконы наши славные пращуры, налью по стопочке, своей, «фирменной», в чём я действительно мастер, а иногда и похвалиться не грех, и...выпью один, ведь гость-то виртуальный, нет его, гостя-то! Грустно? Ты плачешь, читатель, или смеёшься, а возможно тебе всё равно? Да я шучу так, всегда Господь «пришлёт» тебе хорошего гостя, внимательного и тактичного собеседника, вернее, почти всегда. Только не надо его просить об этом – он сам знает, когда придёт к тебе гость, не прозевай его только! Не волнуйся, читатель, я не про того «гостя незваного», который приходит за кем-то, не спрашивая, а не к кому-то, и который приходит к каждому в назначенный судьбою срок, чтобы забрать его навечно с собой, даже не отведя времени за сбор самой последней в жизни дорожной сумки. Я про гостя, того, от Бога, с которым

можно сидеть всю ночь за столом, переливая из одного сосуда памяти в другой, не перебивая друг друга, приятные, а может быть и скорбные воспоминания, но никак не «из пустого, в порожнее», как это часто бывает, когда компания, за столом сидящая, так и не породнилась душевно, потому как ничего в них нет общего, да и вряд ли, когда будет. Да и измеряется такое «стольное родство» и общение, почти всегда количеством выпитого, но уж никак не годами пройденными, годами пережитыми, годами памятными.

Где-то в 1991 году, незадолго до развала Страны, хорошо помню, что весной приехал в Чимкент президент М. Горбачёв, с обязательным «приложением», своей супругой Раисой Максимовной. Этот его визит мало кто помнит, поскольку уже большинство граждан смотрели на «отца перестройки» как на пустое место, а многие уже и неприязненно, ну а некоторые, уже не могли смотреть вообще, даже по телевизору и даже имени его, старались не произносить, если только обидную кличку, да и то, с обязательным добавлением «матерного» слова. Но казахи народ традиционно гостеприимный, «марку» стараются держать, а тем более за всё время существования города в советский период, это едва ли не единственный визит первого руководителя СССР в город и поэтому городские власти встретили его достойно, даже, поставили где-то в районе Хатын Копра, в степи, белую юрту, дескать, в ней живёт чабан, пасущий своих овец, добывающий семье своей, «мясо насущное в трудах и заботах». Всё это подробно транслировалось по Центральному телевидению, показывалось настолько «дотошно», как уже после, ни одна передача о нём, в оставшуюся бытность его Президентом, более так не показывалась.

Интересно, весело и, одновременно, грустно было смотреть, как этот самый «чабан» намётом гонял коня, «забавляя» высоких гостей. Судя по статному скакуну верховой породы и по тому, как он, тщетно пытался собрать овец в «кучу» и одновременно, показать достоинства лошади, что ему только и удалось сделать, выдавало в нём, скорее всего, работника чимкентского ипподрома, ну уж никак не чабана. Овцы никак

не хотели подчиняться ему, старались разбежаться, пугаясь коня, тогда, как и конь пугался их. Совсем скоро огромная, могучая, гордая, непобедимая СТРАНА, удивительно напомнит это самое, разбегающееся овечье стадо!

А в юрте же, царила роскошь и если бы, не редкий в те времена, японский генератор ЯМАНА, якобы освещающий «скромное» жилище степняка, в тёмные южные ночи, убранство юрты, вполне бы стоило для съёмок фильма по трилогии Ильяс Есенберлина «Кочевники», в качестве жилища султана Джаныбека. Ведь простые чабаны так никогда не жили, да и не живут!

Так вот, вышел Михаил Сергеевич из юрты, огляделся вокруг, затем вдруг нагнулся, и сорвал какую-то траву, и очень удивился, и явно обрадовался тому растению, сорванному с незнакомой доселе ему, благодатной чимкентской земли, обрадовался, как радуются знакомому человеку. А сорвал, всего-то чабрец, который также растёт на его Родине, в Ставрополье.

Я не могу сейчас «прцитировать» точно его фразу, произнесённую им в тот момент, что именно и в Ставрополье растёт чабрец, да мне и не нужна точность и скрупулёзность. Но мне она и теперь, эта фраза, да и не только мне, наиболее понятна и доходчива, из всего невразумительного, непонятного, ненужного и запутанного, сказанное неумным языком Горбачёва, за весь период «перестройки». Ведь совсем скоро сотни тысяч граждан, казалось бы, одной страны, живя не одно поколение на этой земле, сорвутся с насиженных мест и «помчатся» в неизвестность, кто куда, чтобы потом, также случайно, невзначай, вдохнуть запах родных мест, запах дома, запах детства, ушедший навсегда и оставшийся только в памяти. И ушедший, именно так, вынужденно, сравнимый, разве только, с БИБЛЕЙСКИМ ИСХОДОМ, не только славянского населения, но и большинства «нетитульных» наций и этносов республик «разгромленной» СТРАНЫ.

«Да кто ты такой, чтобы комментировать эпохальную, неизбежную перестройку?»: раздражённо и гневно, воскликнет иной, рассерженный читатель, отбросив в сторону, что вполне

допускаю, моё литературное «эссе». Не сердчай, любезный мой читатель, а лучше подними, разбросанные тобою страницы, вложи их в изорванный тобою переплёт, чтобы набравшись терпения, успокоившись, вновь приступить к чтению.

В Чимкенте на нашей улице Кржижановского Г.М., кстати, сейчас она, вероятно, переименована, видно «наказан» покойный вице-президент Академии наук за авторство «Варшавянки» («Вихри враждебные»), несколько домов от нас выше проживал очень интересный узбек с семьёй. Интересный вовсе не потому, что он проживал на улице, где проживало в основном славянское население, да и сам район, получивший название Чапаевки, был населён преимущественно православным народом, со своей церковью, своим кладбищем, где покоится не одно поколение дорогих и родных нам людей, а интересный своим своеобразным поведением, ментальностью, весьма отличной от узбекской. Уж больно шумлив был, поведением своим «смахивал» на анашиста, хотя таковым не являлся, а просто обладал прирождённой «придурковатостью», но и дураком он тоже не был, хотя многие считали его таковым. Скорее всего, он вошёл в образ дивоны-одержимого и очень старался из него не выходить, поскольку извлекал из этого определённую для себя пользу, просто так было удобней жить, какой спрос с «блаженного». Я даже весьма сомневаюсь и в том, что был он узбек, скорее всего «люли», узбекский цыган, да и внешностью схож с сынами этого племени. Никто даже не знал его настоящего имени, а звали его все Романом. У меня был друг узбек Ромка Турсунов, но полное имя его было Кахрамон, что в переводе с узбекского означает – герой! Возможно и наш Роман был Кахрамоном. А имел этот Роман неплохую упряжную лошадь, да телегу, представляющую собой деревянную платформу на четырёх автомобильных колёсах, на которую он «водрузил» два новых мягких сиденья от венгерского автобуса «Икарус», «раздобытых» где-то без особого труда, по причине наличия этих автобусов в автопарках Чимкента. А кроме этого, укомплектована «супер телега» была, правда ненадолго, ещё и патефоном, щедро обвешана отражателями

и прочей автомобильной «бижутерией», а также клаксоном из аптечной резиновой груши, с закреплённым на ней утиным манком, купленным в охотничьем магазине. Так что представить, что представляло собой это сооружение, не видя его никогда, мой драгоценный читатель, никогда и не сможет! Очень часто, этот Роман, идя по улице, размахивал руками, громко разговаривая сам с собой, причём только по-русски, но матерился, исключительно на родном языке, что чаще всего у других бывает наоборот, но почти всегда темой его «гневных монологов» была политика.

К тому времени, моя семья уже съездила в Анапу и вернулась назад, в Чимкент, прожив на Кубани чуть более года, в сентябре 1986 года, года очень трагического для СТРАНЫ, страшной аварией на Чернобыльской АЭС, поэтому о политике говорили едва ли не все. В дополнение ко всем бедам, умер мой тесть Агапов Г.Г., гвардеец-фронтовик, но обо всём, об этом, я напишу подробно в следующих главах моего «эссе», а возможно что-то отдельное, конкретно посвящённое именно этой теме, потому как о скорбных событиях, так, «проходя мимо», между прочим, не следует рассказывать.

Поэтому вернёмся-ка мы, дорогой читатель, к «неаккредитованному» абсолютно нигде, непризнанному «политическому обозревателю» и извозчику, по совместительству, Роману, который в тот момент, оставив ненадолго, даже и не скажешь какого, Михаила Сергеевича, поскольку и таких слов-то нет, принялся за его супругу. Читатель может и не поверить мне, но «сценарий» предстоящего развала и последующего распада СТРАНЫ им был «прочитан и предсказан», разве только с небольшими поправками и «вымарыванием» лишнего, настолько точно, что я, иногда, сомневаюсь в реальности произошедшего, но это тогда не воспринималось абсолютно никак, даже не раздражало своей, кажущейся тогда дикой глупостью. Но самое интересное, что это был 1988 год, а приезжал он к нам, на своей экстравагантной телеге, почти каждый вечер. Но не с целью «изложения политического прогноза», а чисто из меркантильных соображений: он возил на ней моих

двух дочек, да ещё и племянника и племянницу, приехавших к нам в гости на лето из Владивостока. А брал с каждого се-дока по 20 копеек, но жена всегда отдавала рубль. А «прогон» всего-то шестьсот метров в один конец, а может и побольше, «экипаж» доезжал до «4-го магазина», рядом с которым распо-лагалась «пивнушка», где всегда было свежее пиво, о наличии которого я всегда «справлялся», едва отойдя от калитки дома, дабы разглядеть в бинокль, интересующий объект, с вожде-ленным, особенно летом, напитком. Сколько сказано, сколько «спито» и спето о знаменитом чимкентском пиве, вполне заслуженно и обоснованно, признанным САМЫМ лучшим в СОЮЗЕ, и мы ещё вернёмся к этому прославленному напитку, сейчас ещё не время о нём. Потому как отправил я четверых детей в недалёкое «путешествие», усадив их в телегу, и нам надо дожидаться благополучного их возвращения.

Когда, в очередной раз извозчик Роман завёл свою «по-литическую волюнку, то я, что-то помню, попытался «важно умничать», говоря о коллегияльности, о коллективной ответ-ственности руководства и прочем, что предотвратит, прогно-зируемые им катастрофы. Он же, как-то непривычно спокойно, ответил мне, то, что я вспомнил не так давно, но будто бы и не забывал никогда эти слова «придурковатого» извозчика: »Он не умеет править! Я умею править лошадью, каждый из нас правит, он СТРАНОЙ, я – лошадью. Ты детей ко мне по-садил – я за них отвечаю, да и ты отвечаешь, раз посадил, но мне веришь. Если не веришь, то сними детей или беги за телегой, тебе места в ней нет. Каждый свои вожжи крепко держать должен. И дорогу знать, куда ехать. А он тоже за нас отвечает. Но телегу он сам разобьёт – дороги не знает!» Вот, как-то так ответил мне он. Конечно, не катрены Мишеля Но-страдамуса из его знаменитых «ЦЕНТУРИЙ», да я и сейчас не склонен видеть в нём провидца и оракула, так, – словесные ребусы, абракадабра, но как он, точно и справедливо опре-делил виновника развала страны уже тогда! И кто бы мне что ни говорил, о ценах на нефть, о курсе доллара и прочих «подводных камнях экономики», что конечно, тоже сыграло

определённую отрицательную роль, но ведь история всегда ПЕРСОНИФИЦИРОВАНА и имя правителя как раз является обозначением той или иной эпохи. А по тому, как начал он свою «эпоху» с «раскулачивания»: борьбы с «нетрудовыми» доходами, выражающееся в разрушении теплиц и парников, наиболее предприимчивых граждан, которых оберегать бы следовало, то вполне понятно было, что добром это кончиться не может.

Наберёмся терпения, дорогой мой читатель, и вернёмся к рассказу о Чимкенте, Городу Белых Аистов, как поэтично озаглавили мы нашу главу. Так вот, Чимкен, древний город, но у нас с тобой не историческая монография, поэтому я постараюсь не занимать внимания читателя чрезмерными историческими экскурсами, хотя и иногда применять их, что я сейчас и попробую сделать, воспользовавшись авторитетным энциклопедическим словарём Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. но не стану цитировать целые абзацы, а просто «навахватываю» из справки нужные мне фразы, которые и дополнят мой текст.

«Чимкент – уездный город Сырдарьинской области, стратегический и торговый пункт. Живописное положение, множество зелени и отличная вода Качкаратинских ключей делают Чимкент привлекательным для дачников из Ташкента и больных. Жители русские, евреи, сарты-мусульмане...» Это я только пока про город, не затронув самого уезда, но обязательно, почтеннейший мой читатель, мы вернёмся к более подробному изложению этой темы, ведь ничего так и не сказано о генерал-майоре М.Г. Черняеве, взявшем «серьёзную» чимкентскую крепость, до смешного малыми силами, а следом и Ташкент. Но совершим, в который раз, «прыжок» из новой истории в новейшую и окажемся опять на Чапаевке, знакомой нам по рассказу о тамошнем оракуле Романе, ибо этот «прыжок» поможет нам дополнить и «усилить», приведённую выше цитату из энциклопедического словаря Ефрона-Брокгауза.

Ещё и не закончилась гражданская война, в Средней Азии же, она ещё долго о себе «напоминала», а в стране уже всю развернула свою «вредительскую деятельность, «неза-

служенно» забытая ныне ПРОМПАРТИЯ», в состав которой, в 1925-30 годах, вошли инженерно-технические работники, опирающиеся на заграничную помощь и активную поддержку других контрреволюционных организаций. Целью их подрывной деятельности была более чем слабая экономика страны, разрушенная революцией и гражданской войной. Действовали они в промышленности, а особенно на транспорте, в основном железнодорожном. Действовали просто, точно так же действуют некоторые чиновники и сейчас, убеждая тех лиц, из правительства, непосредственно от кого, зависит выделение денежных средств, о необходимости, целесообразности, перспективности и выгоде для СТРАНЫ, строительства именно этого объекта, именно в этом месте! Только разница-то с сегодняшним днём и тем временем огромная, как и непреодолима пропасть между одной моралью, тех людей, совершенно отличной от сегодняшней. Но не ищем мы разницы между, например, хотя бы двумя литературными героями произведения Н.В.Гоголя «Мёртвые души», а именно, между предприимчивым Чичиковым и, абсолютно лишённым какой-либо коммерческой жилки, Маниловым, как не ищем и аналогии с реальными людьми того и нашего времени, тем более, что сравнения, далеко не в пользу наших современников. Большинство членов пресловутой ПРОМПАРТИИ отнюдь не думали о личном обогащении, у них были иные цели: разорить неоправданными, бесполезными тратами людских и финансовых ресурсов экономику молодой советской республики. И у них получилось «немножко», а у некоторых довольно «хорошо» получалось, но их «наказали» в 1930 году, и можно представить как наказали...

Ох, и увлёкся я, дорогой мой читатель, «прелюдией» к основной теме, но без неё нельзя и мы ещё продолжим чуть позже, а пока отправимся на Чапаевку, раз уж собрались. Да, вот уже и подъезжаем, отъехав от посёлка гидролизного завода, вот переехали железнодорожную ветку и сразу, – под подвесной дорогой, по которой с маслозавода хлопковая шелуха в больших подвесных люльках, по воздуху плывёт на гидролиз-

ный завод, где из этой самой хлопковой шелухи изготовят на заводе заменитель сахара – ксилит, спирт, ещё что-то, чтобы покрывать фрукты для длительного хранения, и ещё, и ещё, чтобы потом превратиться в отходы – лигнин, который некоторые жители города привозили на свои огороды, в качестве удобрения, кстати, удивительно похожий внешним видом, цветом и запахом, а вполне, возможно и вкусом, на растворимый кофе, выпускаемый ныне, рядом заграничных фирм.

Всё! Наша русская Чапаевка, приехали, первая остановка «ТАШКЕНТСКАЯ»! С правой стороны, в сторону депо, топливная база, а слева, земляная высокая насыпь, уходящая на восток, по обе стороны которой, полоса «отчуждения», заросшая, всегда светло-зелёной, с маленькими розовыми точками цветов, верблюжей колючкой, стелющимися по насыпи кустами каперсов, которые все, по «недомыслию» считали ядовитыми, а за плоды, размером с грецкий орех и удивительно похожими на «арбуз в миниатюре», с розовой мякотью и чёрными точками семян, не более макового, мы, опять же по той же причине «недомыслия», называли «арбузиками». Эти «арбузики» годились лишь только для «бомбардировки» друг друга, так мы считали тогда. А ещё, у подножия насыпи, росли «жирнющие», с фиолетоватым отливом крахмальные побеги портулака. Да много ещё чего росло на этой насыпи и у её подножия, но никогда я не видел на ней, и не подле, никаких деревьев, а тем более строений, хотя дальше, эти плоды тяжёлого труда земляных работ, постепенно и неумолимо стирались человеком и временем. Поэтому и само понятие «полосы отчуждения», по истечении столь долгого времени, постепенно утратило свою силу. А дальше насыпь подходит к берегу реки Бадам, основной водной артерии Чимкента, чтобы вновь обозначиться на противоположном берегу реки, но местом соединения их служили, когда-то мощные железобетонные опоры, недостроенного железнодорожного моста. О «серьёзных намерениях» организаторов этого строительства, можно даже судить по этим, сохранившимся ещё опорам, которые, естественно, без горизонтальной связи и прочих необходимых элементов,

усиливающих устойчивость, со временем несколько наклонились, но не будем забывать, любознательный читатель, о страшных паводковых водах весной, которые иногда, раз в 20-30 лет, нет-нет, да и напомним о себе! Вот тогда Бадам, со столь поэтическим названием, которое переводится с персидского «миндаль», превращается в страшного и беспощадного, дико ревущего зверя, сметающего всё на своём пути: дома, деревья, огромные площади тугайных зарослей, огромные окатанные валуны! Грохот и гул, беснующейся реки, слышен издалека! А тут какие-то опоры на пути взбесившейся реки!

А насыпь тянется дальше, по направлению к Казгуртскому перевалу, в сторону Фогелевки, а затем ещё дальше, к Ташкенту, вдоль горной гряды. И ты ведь уже догадался, дорогой мой читатель, почему мы, нет-нет, да и оброним, как будто невзначай, упоминание о Ташкенте? И почему, в Чимкенте столько названий, связанных со столицей Узбекистана: Таштракт, Ташкентский мост, Ташкентская дорога, а тут ещё, бац, и остановка на Чапаевке, причём самая первая, – «Ташкентская»? Да ты знал, родной мой читатель, или же всё-таки догадался, это никакая не остановка, а название будущей, но уже и незбывшейся прошлой, конечной железнодорожной станции ДАЧНОГО ПОЕЗДА для ташкентских горожан, изнемогающих от духоты безветренного Ташкента, дабы смогли отдохнуть в живописном, уютном Чимкенте, попить Качкаратинской вкуснейшей водички или кумыса, где-нибудь возле Кайтпаса! Ты догадался! И хотели построить эту «ничёмную», бесполезную, «напраснозатратную» железную дорогу, члены вредительской ПРОМПАРТИИ, которые были-таки, наказаны в 1930 году, а вот насыпь, проходные тоннели и прочие сооружения, выполняемые одновременно с земляными работами остались, как и память об имени, вернее фамилии, начальника строительства, некоего Фогеля. А как же и об этом не вспомнить? Непременно надо! И что за «птица», эта птица – Фогель? Ведь сколько народу выжило, не умерло с голоду, среди местного населения, получивших работу, пищу и кров, на строительстве этой железной дороги, благодаря именно ему!

Ведь он принимал людей на работу, регулируя количество рабочих, намеренно, как мне кажется, увеличивал объёмы работ, добавляя к ним новые. Ведь озеро в Фогелевке имеет явно рукотворное «происхождение» и возвести такую высокую и протяжённую плотину, перегораживающую поперёк балку, между дорогой на перевал и собственно подножием горы Казгурт, можно только при наличии множества рабочих рук и соответствующей массовой организации работ.

Читатель вправе спросить меня: «А чего это, ты, «мемуарщик» (и добавит слово, указывающее на мою принадлежность к неприхотливому огородному растению, применяемое для приготовления «страшной», но желанной приправы к студням и прочим заливным, как рыбным, так и мясным, но, кстати, мне бы очень не хотелось, чтобы он меня так называл), полез не в своё время? Что, ты, ищешь в нём, что забыл, ты, там? Пиши о своём детстве, о юности, наконец, но не лезь в ту эпоху, в которой твои родители ещё не успели даже познакомиться!» Но я не стану горячиться и следовать его совету: писать только о том времени, которое я прожил, рассказывать только о тех людях, которых я знал лично, ибо всё остальное уже не совсем, правда, а уже легенда. Нет, я не согласен с тобою, привередливый мой читатель, ведь идя по жизненному пути мы, нет-нет, да и наступим в чужой след, оставленный давным-давно, кем-то из наших соплеменников. И кто-нибудь да расскажет тебе что-либо, да ты и сам увидишь эти следы! И хорошо, если это след доброго человека, известного своими славными делами, а возможно и вообще никому не известному, но тоже славному, трудолюбивому, простому и незлобивому, негневливому понапрасну. И это тоже хорошо! Поэтому и должны мы опасаться, и чаще оглядываться на пройденный путь, но и вперёд смотреть смело, гордо, и с надеждой, но без гордыни, вот тогда уж точно не попадешь в «дурной» след. Ведь очень часто по делам одного, обо всём народе судить пытаются: вот ведь как! Поэтому надо не только оглядываться назад, но и смотреть под ноги тоже. Почаще.... Чтобы ненароком не вступить в кровавые следы, например,

Ф.И. Голощёкина, вернее, да и правильной, – Шая Ицков Исааковича Голощёкина, активного участника расстрела царя Николая II и его семьи, а позже, в Казахстане, организовавшего страшный голод, насильно согнавшего множество казахских кочевых аулов в один, большой, вместе с отарами овец, конскими табунами и прочим скотом, «решив», таким образом, «покончить» с кочевым образом жизни казахов! И тогда скот поел, истребил всю растительность, выбил её, на очень большом расстоянии, то начался падёж, а следом, – голод и мор, унёсший огромное количество человеческих жизней, а затем и бегство, массовая откочёвка, оставшихся аулов за границу. Нельзя этого забывать! Это я, дорогой читатель, к слову, ведь ни Фогель, ни Голощёкин, не смотря на русскую фамилию одного, оба моими «соплеменниками» не являются, поскольку не славяне они. Но не существует плохих или, напротив, хороших народов, есть у каждого народа плохие и хорошие люди, а тем более, человек, который ненавидит другой народ, уж точно, не любит и свой собственный! Но ещё есть память, не только моя, но и твоя, и мы помним, и другой помнит. Вот я о чём, мой читатель.

Да ещё, вот о чём я подумал: задержусь-ка я, пожалуй, здесь, в окрестностях Фогелевки ещё ненадолго, ведь так часто я здесь бывал во все времена года, очень многое меня связывает с этими местами. Поднимусь «в лоб», как в молодости бывало, авось не помру от натуги, на гору и дойду так, на подъёме, до лагеря «Солнечный», едва-ли не самого старого в Чимкентской области, для детей работников маслозавода, где я, помню, работал физруком в 1977 году и, конечно, общался со старожилками окрестностей. Осмотрю все памятные для меня места, постою, да и пойду, не спеша, к роднику Ак-бура, названному так, согласно казахской легенде о необычном Белом диком верблюде, явившемся хану Аблаю, после гибели его сына, первенца Жанаая, но рассказывать в моём «эссе» легенды, это долгая затея. Поэтому, дорогой читатель, где это возможно, я постараюсь рассказать, что знаю, пока будем «идти»,

означенным нами же, курсом, всё что помню, что связано со мной, ну и немного истории.

Название соответствовало самому роднику, такому же бурному, как и могучий Ак-бура, неутомному, выталкивающему ледяную, вспененную, воду из каменного жерла, пробитого ею же, в толще скалы. Поздороваясь, с уже почти всюду исчезнувшими исполинами, несколькими реликтовыми тополями БЕРКАРИНСКИМИ, растущими почти над самым источником, выпью воды, посижу, поразмышляю, положу несколько монет в кружку, на могиле святого покровителя этого родника, хоть и православный я христианин, но внесу «плату» и я за воду, сладкую и хмельную, – воду молодости, памяти, благодарности.

А сколько здесь вкуснейшей солнечноцветной боярки, которой можно было только объесться, а вот просто наесться, мало кому удавалось, такая она вкусная, такая она сладкая, такая она необычная! Мы, русские, так и называли её, – боярка, точно так же называли её всюду в Средней Азии, хотя и существуют местные названия: дулона или же, сарыайбан, но так почти никто не называл.

Сколько здесь алычи и прочих «диких» даров, которые не больно-то и собирали, так, изредка, по «настроению», кто-нибудь да «сниходил». Просто, так уж сложилось, что рядом с Ак-бурой находилась «Пятая ферма» фогелевского совхоза Куюк, где жила семья тётушки моего соседа, в то время заядлого охотника, Афанасьева Вячеслава, трагически погибшего, и о ком я уже писал, в первой главе своего «эссе». Мы часто ездили на эту «Пятую ферму», где мирно и дружно «уживалось» довольно многонациональное население, состоящее из чеченцев, казахов, русских и семей мужчин иранцев, имеющих в основном, жён славянок, так и у тётушки покойного моего соседа, был муж иранец. А вот как попали именно мужчины-иранцы в СССР, это отдельная тема и мы пока оставим её. Тем более что мы ещё не всё и рассказали про эти места. Приезжали сюда «поохотиться» на корсаков зимой на дня два-три, но, ни одной не добыли, хотя этих маленьких лисичек здесь

очень много, почти рядом ночью слышали их «тявканье», но лисьего малахая в гардеробе по-прежнему нет, как и никогда не было. Зато, помню как-то в сентябре приехали мы сюда за бояркой, которая в изобилии росла на склонах ущелья, и под деревьями, валялось множество её падалицы, с «минными маячками» кое-где, кучек дерьма, с обильным вкраплением косточек боярки, и подумалось ещё тогда, что это местные ребятишки, пытаясь ею наесться, забыли о «неосуществимости» этого желания, и, переев, тут же под деревьями «обильно» отметились. Но взглянув на противоположный склон я увидел двух корсаков, которые безусловно увидели и нас, но абсолютно никак на это не прореагировали, а чинно, неторопливо, продолжали движение, даже не ускорив его. Они тоже любят лакомиться вкусной бояркой!

Вообще корсаков как и лисиц в чимкентской области много, немало их и в окрестностях города, особенно лисиц, поскольку она менее прихотлива в выборе мест обитания, нежели её маленький брат, который старается избегать близости людей и не такой «помоешник» как обладательница гораздо более богатой шубки, лисица, которая зачастую селится в непосредственной близости к людям, роется в отбросах и ест всякую гадость.

Хотя всё меняется: когда-то было много, а потом вдруг и исчезли, всё возможно. Вот я «захватил» ещё, то время, когда по обе стороны ташкентской дороги, естественно в стороне от неё, ещё можно было встретить «дудаков» так мы звали дроф, и мы в детстве, отправляясь весной за тюльпанами или колокольчиками, иногда видели их, но уже в конце 60-х их не стало там вообще. Позднее, я даже специально интересовался этим у людей, которые часто и подолгу находились в тех местах, нет больше дроф, никто уж и не видел их. А белые аисты, когда-то настолько многочисленная и привычная птица, как рассказывали местные старожилы, узбеки, что почти на каждом пирамидальном белолиственном тополе, было гнездо этой красивой птицы, исчезла, — теперь их нет. Вот и я, выходит, наврал, озаглавив так романтично эту главу,

поскольку нет уже давно, в городе Чимкенте, никаких белых аистов. Нет их, этих белых птиц, и даже я ни разу не видел в городе ни одного «ак лейлека», белого аиста. Ещё по дороге в Ленгер можно было увидеть гнёзда аистов на столбах, где-то в начале 70-х, но вскоре и там их не стало....

Почему исчезли эти птицы, никто толком и не знает, но объясняют это тем, что исчезли большие луговые и болотные пространства, хотя какие могут быть в Чимкенте болота, где сама, многовековая арычная система полива, ограждает земли от заболачивания? А ещё говорят, что не стали рис выращивать, вот где аистам было раздолье.... а ещё говорят, а ещё..... Да никто ничего и не говорит, поскольку многим до этого дела нет, ну нет и нет больше аистов в Чимкенте и что с того-то? А ведь верно, дорогой ты мой читатель, возможно, они и правы, но позволь мне не менять название этой главы, уж больно оно мне нравится: «Город белых аистов», да и не считай меня излишне сентиментальным, мне ведь не только «птичку жалко», я и людей ещё люблю. А люди и птицы, они так похожи.

А посему, возвращаемся в нашу «отправную» точку, откуда мы начали своё «путешествие» в прошлое: станция «ТАШКЕНТСКАЯ», хотя сейчас мы уже не будем упоминать о железнодорожной насыпи, этого «рукотворного памятника», воздвигнутого «силами народными», как бы в укор малоизвестной «промпартии». Ведь и других «памятников», позволяющих безбедно жить, не нарушая «чрезмерно», существующих законов, дабы избежать, уж очень нежелательного, знакомства с такой «жуткопрославленной» организацией, с многозначительной аббревиатурой ОБХСС, на русской Чапаевке и близ неё, было предостаточно. Да мне не так уж и тягостно перечислить их, хотя бы все эти, действительно народные предприятия, да и «государственные» тоже. Шучу конечно, а как же, поскольку всем хватало, и на «вынос», и на сдачу! Как тебе, уважаемый читатель, такое перечисление: мясокомбинат, гормолзавод (городской молочный завод), рыбокомбинат, сырьевая база, мелькомбинат, масложиркомбинат,

кондитерский цех. Вот только «не совсем кстати» был ещё и гидролизный завод, о котором я уже писал в начале главы, но я намеренно не пишу о всевозможных строительных предприятиях, расположенных вблизи Чапаевки, чьё соседское «сосуществование» с жителями, здорово выручало последних, в строительных и прочих хозяйственных «заморочках».

Позволь мне отвлечься, уважаемый читатель, и немного поговорить о поэзии, даже не о самой поэзии, а о небольшом «кусочке», бережно взятом из автобиографического рассказа Анны Ахматовой «Коротко о себе». «В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящий жар древесная тень и звук воды. А ещё я узнала, что такое ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДОБРОТА: в Ташкенте я много и тяжело болела». Что, впервые, более чем за полувековой жизненный путь, узнать о существовании человеческой доброты? А до этого, выходит она, Анна Андреевна Ахматова, с этой самой, добротой и не встречалась? Конечно, встречалась, уважаемый мой читатель, и не однажды, но впервые, обострённо впечатляюще и глубоко, именно в Ташкенте, во время тяжёлой болезни, почувствовала эту самую доброту.

Читатель вправе спросить: » А Чимкент-то здесь причём? Два разных города, правда, недалеко расположенных друг от друга, – менее ста километров, а тем более в двух разных республиках, а теперь и разных государствах? А кроме того, что за неудачный приём связать всё это с человеческой добротой?» Дорогой мой читатель, так я ведь пишу не о сегодняшнем времени и людях, я стараюсь рассказать о том времени, оставленном в прошлом веке, но сохранённом в памяти, и когда даже и представить было невозможно, что может случиться в недалёком будущем, и что на Ташкентской дороге возникнет таможня, и попасть к родственнику, живущему в Ташкенте, нам, чимкентским, будет весьма проблематично! Поэтому уж очень необходим краткий экскурс в более раннее время, в историю, со времени вхождения Средней Азии в состав России, да и потом нам придётся, нет-нет, да и возвращаться к этой, не совсем понятной, а потому и «отвергаемой гневно», некоторыми, теме. Ведь должны же мы сами, с тобой, чита-

тель, понять, почему столицей Узбекистана стал Ташкент, а не Самарканд, или, скажем, не мой родной Коканд, или же, «благославенная» Бухара? А потом, доберёмся, чуть позже, до наших дней, в Казахстан, чтобы опять же, разобраться, зачем вдруг понадобилось переносить столицу в третий раз, за всё время существования республики? Ведь об этом не говорят, а стараются «деликатно» избегать этой темы, а если и говорят, то чаще всего лукавят, если не сказать большего. Избегают, избегают, а тут раз, – и какие-нибудь «события», не лучше украинских. А тем более нам, дорогой читатель, куда ещё бежать-то, поэтому мы и напишем, не будем «скрываться», да и не к чему нам это! Можно ведь так «добегаться», что и оборотиться назад не будет уже и возможности.

В этом году ведь, аккуратно исполнилось 150 лет (28 июня по ст. стилю 15 июня 1865 года) со дня штурма Ташкента отрядом М.Г.Черняева. А перед этим он блестяще овладел, считающейся неприступной Чимкентской крепостью, проникнув в неё через проход в стене, по которому питьевая арычная вода подавалась в крепость. Сейчас этот арык совершенно сухой, где-то в конце 60-х, «моего» времени, по нему перестали подавать воду из Качкар-Аты, скорее всего после строительства проспекта Юбилейного. Он шёл вдоль подножия крепости от Качкар-Аты, до Таштракта и выходил под дорогой, напротив старой тюрьмы, переделанной в торговые склады Казбакалей-торга или Казкультторга, точно не знаю, а с правой стороны, от бывших тюремных ворот, чуть на возвышении, находилась военная комендатура, именно в эту сторону и сворачивал арык. А про старую чимкентскую тюрьму, дорогой мой читатель, мы ещё расскажем и вспомним, возможно, не раз, поскольку через неё тогда, немного позже прошли, в большинстве своём, отнюдь не душегубы и насильники, а люди, многим из которых место в пантеоне святых, и совсем не важна их конфессиональная принадлежность.

Вот только в отношении этого арыка, якобы снабжающего крепость водой и по которому М.Г. Черняев с отрядом проник в крепость, уж очень я сомневаюсь, потому как, не

могла вода, именно этого арыка, снабжать крепость водой, уж больно высокое даже само основание крепости. Скорее всего, вода в крепость подводилась со стороны южной стены, именно оттуда, где-то с территории современного посёлка МЖК (масложиркомбината), естественно которого в то время там, и быть не могло, я лишь сообщаю «ориентиры». Но вообще-то, сама «идея» проникнуть незаметно в крепость по арыку с холодной водой, как-то чрезмерно упрощена, а сам штурм некоторыми описывается как «утренний променад», но я, любезный мой читатель, не столько интересуюсь деталями этого штурма, а сколько его результатами. Поэтому и оппонентов у меня здесь быть не может, поскольку я пишу «эссе», а не историческую монографию. Так или иначе, но, утром 22 сентября 1864 года кокандская крепость Чимкент пала, а за взятие крепости М.Г.Черняев был награждён Орденом Святого Георгия Победоносца 3-й степени, ну и, кроме того, соответственно, продвинул по службе – произведён в генерал-майоры.

Само собой разумеется, что вокруг крепости проживало достаточно много жителей, занимающихся сельским хозяйством и различными ремёслами и в этнической принадлежности которых сомневаться не приходится, это были, в основном, узбеки. Если судить по зарисовкам художника В.В.Верещагина, с соответствующими «отправными» надписями на портретах, ещё и жило много хазарейцев, хотя, возможно это были случайные люди. А, кроме того, где-то начале 80-х, некий житель посёлка МЖК, копя погреб или ещё что-то, наткнулся на два, хорошо сохранившихся больших обливных кувшина-хума и сообщил об этом в краеведческий музей, и приезжал на «место раскопа», археолог А.Н.Подушкин со своими студентами. Об этом, помню, была небольшая заметка в нашей «Южанке», но эта тоже тема отдельная, и входит ещё в одну, к которой я обязательно вернусь, когда буду рассказывать о Текстиль-городке, о расположенном рядом с ним, узбекском посёлке Гульбах, о крепости, о посёлке МЖК, о Старом городе, о Янги-Шахаре – новом городе, произносимого всегда

на узбекском, да и прочих памятных местах моего детства. А пока вернёмся к рассказу о генерале М.Г. Черняеве.

Если так удачно взятая, считающаяся неприступной Чимкентская крепость, породила столько мифов и криво-толков, то с взятием Ташкента, в историографии с этим вопросом, надеюсь, всё в относительном порядке. Представь, любознательный мой читатель, громадный город, 24 версты в окружности, но тебе ведь недосуг копать в справочниках, поэтому это я сделаю за тебя, – переведу вёрсты в привычные нам километры, но и «напомню» о саженьях, которых в одной версте «целых» 500, а в версте – 1.0668 км. Так вот, 25-километровая стена с 12 воротами, вокруг городские сады, огороды! Город со 100-тысячным населением, с 30-ю тысячами защитников, среди которых 5тысяч регулярной пехоты – сарбазов и 10 тысяч кокандской кавалерии, да прибавьте к этому, уважаемый, ещё и 63 орудия! А у М.Г. Черняева всего 1300 штыков и сабель, при десяти орудиях, поэтому и был направлен ему приказ военного министра о запрещении «отваживаться» на штурм, в виду «недостаточности сил»! Но покоритель Кавказа, участник обороны Севастополя в сентябре 1854 года, генерал-майор М.Г. Черняев, ослушался приказа военного министра и пошёл на штурм Ташкента! Пошёл на штурм!

Мой друг, ты видел картину величайшего художника батального жанра В.В. Верещагина «Смертельно раненый»? На ней художник изображает смертельно раненного, обречённого на смерть солдата, бегущего в предсмертном, стремительном беге... Судорожный жест рук, зажимающих рану, неустойчивая поза, неестественная тень, будто бы уже и не принадлежащая ему, отлетающая куда-то и, – глаза! Глаза, полные муки, ужаса и недоумения.

Хотя Верещагин и попадает в Туркестан только в 1867 году, где в то время шли военные действия, где ему пришлось не только увидеть войну, но и принять в ней активное участие. В 1868 году художник в составе русского гарнизона оборонял от войск бухарского эмира цитадель Самаркандской крепости и проявил исключительную храбрость, поэтому во временном

плане картина возможно и не из Ташкентского штурма, но сюжет точен: это было именно так!

Два дня шли, не затихая бои в городе! За это время пришлось преодолеть 40 баррикад, свыше десяти барбетов! И не просто барбетов, а «ташкентских» барбетов, когда вместо земляной насыпи под орудие, при внутренней стороне бруствера, использовались саманные стены домов, дувалы., ещё более усиленные кирпичами. А что такое саманный кирпич, который невозможно расколоть, мы с тобой, уважаемый читатель, хорошо знаем, особенно если вместе с рубленой соломой в жирную глину добавлена хлопковая шелуха, рисовая шала и, вдобавок ещё и конский навоз! И это притом, что сами крыши домов были плоскими, а улицы узкими, так что, можно вполне представить трудность этого боя. Но здесь, не будем отрицать, сыграли роль не только личные качества, воинский талант генерала Черняева и отвага русских воинов. Кроме того в городе была очень сильная прорусская партия, недовольная властью кокандского хана, выступающая за тесные экономические и политические связи с Россией.

А потом торжественное вручение двенадцати, по числу Ташкентских ворот, золотых ключей генерал-майору Михаилу Григорьевичу Черняеву. И торжественно ревели, непомерно длинные трубы-карнаи, пронзительно, но одновременно и нежно, звучали зурны, а музыканты-зурначи, старательно надували щёки, выдувая затейливую мелодию из своих тростевых инструментов. Гремели и рокотали, прогретые над огнём, чтобы как следует натянулась кожа, чильманды (бубны), возвещая о начале новой эры в истории Ташкента, да и всей Средней Азии! Прибывший в Ташкент, находящийся в «томительном ожидании», более месяца «отдыхая» в Чимкенте, оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский принял обращение жителей города с просьбой о вхождении в состав Российской империи, написанное на русском и староузбекском (чагатайском) языках, считающимся литературным языком для большинства тюркских народов, вплоть до начала XX века, а затем, было объявлено о принятии их в русское подданство.

Ташкентский Лев, такое прозвище получил генерал-майор Черняев. А ещё шпагу, украшенную бриллиантами, с надписью: «За взятие Ташкента», которую пожаловал герою царь Александр II, и назначил военным губернатором во вновь образованную Туркестанскую область.

Открытие Русского Мира в Средней Азии – так можно назвать, последовавшую за этим эпоху, когда Средняя Азия была окончательно присоединена к России. Лишь только Бухарский эмират и Хивинское ханство, поставлены в вассальную зависимость, – это очень важная и знаковая веха в истории нашего государства. Это произошло при эмире Музаффаре (1860–1886) из династии мангытов, правивших в Бухаре с 1753 по 2 сентября 1920 года, когда последний эмир «благословенной Бухары Сеид Алимхан, друг и товарищ последнего русского императора Николая II, бежал в Афганистан, за полторы недели до свержения, прихватив всё что можно, даже ловчих соколов, успев перегнать на «ту сторону» Аму-Дарьи всех каракулевых овец, являющихся основным экономическим потенциалом эмирата.

Я бы сейчас не стал заострять Ваше внимание, читатель, но в январе 1985 года я познакомился в аэропорту Минводы с очень интересным пассажиром-узбеком, который летел в Ташкент из санатория. Оказался великолепным собеседником, охотно отвечал на интересующие меня вопросы, рассказал также и о последнем эмире Бухары, который прожил довольно долго и безбедно, но после войны, Второй мировой, конечно, написал письмо И.В. Сталину с просьбой разрешить ему прожить «оставшуюся жизнь в Узбекистане простым дехканином». И.В. Сталин ответил, якобы так: «Приезжайте, но безопасность не гарантирую».

Я отвлёкся от основной темы, лишь только потому, что последнее время участились «разговоры», если их можно назвать таковыми, скорее это исторические байки и сплетни, которыми охотно пользуются очень многие, особенно о «золоте» Бухары и прочих сиюминутных «сенсациях», благодаря невежеству своему и нежеланию работать с литературой и источниками.

Но мы опять отошли от темы, хотя и это очень интересно, дорогой мой читатель, очень! Но вернёмся опять в Чимкент, в город который потом долго, с 1914 года, когда вновь были востребованы такие герои, называли в честь М.Г. Черняева – Черняев. Хотя большинство это отрицают, одни – в угоду кому-то, другие, исходя из собственных национальных амбиций и «осознания исключительной важности», что даже имя, упоминаемое в топонимике области, этого прославленного полководца России и Сербии, поскольку в 1876 году он был Главнокомандующим сербской армией, стремятся, во что бы то ни стало, вычеркнуть, вытравить, забыть! Но ведь это невозможно, несмотря на любые «потуги» страждущих это «совершить». Я вот вспоминаю довольно часто Чимкент, особенно Старый Город – Ески-Шахар, хотя мало кто называл его так, называли только по-русски, именно Старый Город. Вообще после «образования Русского Мира, позволь мне читатель, именно так называть появление русских, а следом и других этносов, в среднеазиатских городах, вызвало историческую особенность условного разделения городов на Старый (Ески-Шахар) и Новый город (Янги-Шахар), а в Чимкенте ещё и просто Город, так назывался «центр». Старый Город начинался на Таштракте, с правой стороны по направлению в Ташкент и в противоположную сторону, по улице Базарной, от кузницы и Балаханы, до ресторана Арал, это была «крытая» улица. А на противоположной стороне, аккурат напротив Балаханы, а Балахана, если ты не знаешь, дорогой читатель, была столовая-харчевня, с обеденным зимним залом и крытой открытой верандой на втором этаже, где расположилась уютная чайхана, где собирались старики и где можно было «поговорить о том, о сём», совсем не опасаясь чьих-то «внимательных» ушей. А за Балаханой протекала, удивительная по прозрачности и вкусу воды, река Качкар-Ата, которая имела свой родниковый исток, где-то в полутора километрах отсюда, ближе в железнодорожному вокзалу, а вот у самого берега Качкар-Аты, тут же, рядом с Балаханой, бил очень мощный родник, впадающий тут же в реку, который уже в середине 60-х, заключили в бе-

тонную коробку с выходом в трубу. Не знаю, иссяк ли родник, но в конце восьмидесятых ещё бежала водичка! А напротив, через дорогу, был старый летний кинотеатр «Штурм» и мало кто и задумывался, почему же он так назван, да и я никогда не интересовался этим. Но улица Базарная, на которой был кинотеатр, эта первая улица от северной стороны крепости, самой высокой, вдоль которой и проходит тот самый, теперь уже не действующий, пересохший арык, по которому, согласно легенде, проник в «неприступную» когда-то крепость, храбрый генерал М.Г. Черняев, и который выходил под дорогой, аккуратно напротив ворот в старую тюрьму! И я об этом выше уже упоминал.

Давно нет летнего кинотеатра «Штурм», названного в честь легендарного штурма, с фантастически малыми потерями русского отряда, не так давно снесли и Балахану, но и сейчас, любой нормальный таксист, водитель маршрутки, любой мусульманин, отправляющийся на пятничную молитву «джума–намаз», в самую старую в Чимкенте старгородскую мечеть Джами, произнесёт чётко и громко название нужной ему остановки: «ШТУРМ»!

Мне очень хотелось бы узнать, кто он, этот просвещённый чиновник, вне всякого сомнения, работающий в городском административном аппарате, явный славянофил, сумевший предложить и убедить, так назвать летний кинотеатр. Как звали этого смелого и умного человека?

Но вот что интересно, уважаемый читатель, последнее упоминание имени М.Г. Черняева, сохранилось, до недавнего времени в названии русского села Черняевка, с богатой, когда-то, каменной православной церковью, которую сейчас намеренно разрушают, с трудолюбивым мастеровым людом, добрыми традициями. Расположено оно рядом с Ташкентом, как раз на Ташкентской дороге, но всё-таки это Чимкентская область, да и другое государство теперь. Название это сохранялось какое-то время, да и то, не на официальном уровне, а сейчас селу дали новое имя – Жибек жолы, что в переводе с казахского означает Шёлковый путь. Видел я на сайте «Одноклассники»

фотографии этих, когда-то знакомых, но не узнаваемых нынче мест, начисто лишённых той, «характерной азиатской озеленённости», заставляющей вспомнить и спасительную прохладу, под их раскидистыми кронами и, опять же, историю, а именно: личное распоряжение генерал-губернатора, выплачивать обязательное вознаграждение за каждое посаженное дерево, ну и соответствующее наказание палкой, за его поломку. И такие порядки устанавливалась повсеместно. Любопытно, но награда выплачивалась из генерал-губернаторских казённых средств, а вот наказание входило в прерогативу местной власти. Правда, это распоряжение исходило от другого генерал-губернатора, назначенного в 1867 году, Константина Петровича Кауфмана, инженера, генерала, который также принял участие в военной кампании, но, кроме того, в Ташкенте сохранился его дворец, вернее дом, в котором разместился ныне музей прикладного искусства Узбекистана. Но и само оформление дома великолепны, особенно курительная комната, с традиционным «восточным» потолком, резьбой «по ганчу», это что-то вроде мела, но более твёрдого, фонтанчиком, наборными паркетными полами, но самое главное, в честь К.П. Кауфмана назван, один из множества, открытых и описанных русскими ботаниками, участниками этой кампании, дикорастущих тюльпанов, тюльпан «кауфмановский», за рубежом на основе которого, выведены десятки ценных сортов. И о тюльпанах мы ещё поговорим обязательно, но ведь не закончен разговор о М.Г. Черняеве, об этом строптивом храбрце и умнице. А его помнят и чтят по-прежнему, в Сербии, Черногории, как национального героя, освободителя, Главнокомандующего сербской армией в 1876 году, есть и памятники, но это уже другая история, дорогой мой читатель.

Но у меня не «выходит» из головы этот самый «шёлковый путь». О котором в последнее время, уж больно много говорят, причём говорят все, и не только в Казахстане. Обычное пожелание доброй, счастливой дороги звучит: «Ак жол!», что переводится: «Белая дорога!» Замечательно, но вот проезжая мимо села, сменившего имя, данное ему при основании, можно сказать и при его рождении, любознательный путешественник

обязательно поинтересуется: «А почему это так «забавно» названо сие село? Какой-такой шёлковый, а значит и «скользкий» путь, предрекает мне эта топографическая надпись? Звучит словно пожелание быстрого скольжения по «мыльной» доске, и, причём голым задом, всех проезжающих мимо?» Ну ладно бы, ежели рядом был аквапарк! Я, конечно шучу и причём довольно зло, но что, разве именно здесь начинался или же, именно здесь проходил этот Шёлковый путь? Что современные казахи это и есть «тюркюты», в руках которых оказался великий караванный путь, соединяющий Запад и Восток? Происхождение тюркоязычия и появление народа, назвавшего себя «тюрк» это два совершенно разных события в истории, как во времени, так и месте этих явлений. Современных тюркоязычных народов более двадцати, среди них только четыре группы: болгарская, кипчакская, огузская и сибирская, но никто не взвалил на свои плечи обязанность «крышевания» Шёлкового пути. Да сам караванный путь имел не одну ветвь. В Средней Азии существовал перевалочный пункт в древнем Пайкенде, здесь караваны отдыхали. А расположен Пайкенд примерно в 50-ти километрах к юго-западу от Бухары, не так и далеко отсюда, чтобы и здесь делать длительную стоянку, находясь в пути от силы три дня, а возможно и того меньше.

Но уже в 553 году Византия завела свою собственную шёлковую промышленность, поскольку ей удалось заполучить личинки шелковичных червей и на вопрос: «Как же удалось «умыкнуть» их у китайцев?», есть несколько версий, но кто видел, как выращивают шелковичных червей, наблюдал, как кормят их, непрерывнонося охапками свежие ветви тутовника, уродуя деревья, «обкарнывая» их, короче, кто знает всё про этих червей, тот уж сообразит, как их «экспроприировать» у кого угодно и как угодно, что и было сделано в раннем средневековье! И всё: надежды тюркютов на вечное «харчевание» за счёт сохранения контроля над торговлей шёлком, развеялись как дым, конкуренция очень сильно уменьшила выгоды от торговли.

Все мы привыкли верить печатному слову и очень часто, прочитав какое-нибудь литературное произведение историче-

ского жанра, воспринимаем как историческую монографию, хотя вряд ли и осознаём разницу между ними. Я с большим удовольствием прочитал замечательное произведение Дукенбая Досжанова роман «Шелковый путь» ещё в 1983 году, когда этот роман вместе с восемнадцатью рассказами был опубликован в приложении библиотеки «Дружбы народов». Тогда это воспринималось совсем по-другому, нежели сейчас, особенно «на фоне» последствий распада СССР, когда каждая, когда-то союзная республика старается внести и свою «лепту» в «обвинение» русских, непонятно в чём. И вдобавок ко всему начинает «старательно» стирать нестираемые, чаще всего добрые, следы Русского Мира! Но такое уже в истории было и не раз, поэтому сойдём, уважаемый читатель, со «скользкого» шёлкового пути и вернёмся на проторённую, пусть и тернистую, но верную дорогу, вот по ней и пойдём!

А вернёмся мы в Чимкент – Город Белых Аистов, когда-то обычную птицу центра и окрестностей. Население города, после вхождения Средней Азии в состав России стало быстро расти, поскольку стала развиваться промышленность, всё шло своим чередом. Я не стану опять «углубляться» в историю, поэтому я буду стараться, где возможно, избегать этого, ведь я пишу больше о времени, которое я знал. А знал я многонациональный среднеазиатский русский город, но где преимущественно проживало русское население. Я вырос в этом городе, помню все его закоулки, помню запах города, особенно весенний, помню цвет неба, помню вкус фруктов, помню вкус помидоров и запах помидорных кустов, которые больше нигде так не пахнут, кроме как в Чимкенте, помню журчание воды в арыках и вечернюю прохладу. Помню горы из сазанов, возникающие вдруг, прямо на тротуаре по улице Советской, где каждый сазан был весом не менее пяти килограммов, а прохожие привередливо справлялись у продавца о «происхождении» сазанов: бугуньский или чардаринский, чаще всего отдавая предпочтение, естественно бугуньскому, потому что нет в мире сазана вкуснее именно бугуньского!

Я помню тихие вечера в какой-нибудь праздничный день, не важно, какой праздник, – светский ли, церковный. А то и обычные будние дни. Когда кто-нибудь запевал песню, и её подхватывали десятки слаженных голосов. И таких певческих хоров, порой звучало несколько, но всё это пение было настолько приятно твоему слуху, настолько ладно и красиво, что забыть это невозможно. И вспоминая это, невольно наворачиваются слёзы на глаза, от ощущения чистоты и умиления. Но потом, это незаметно ушло, ушло вместе со стариками. Но почему-то песенная традиция эта не сохранилась в нас, их детях. Даже уже здесь, на Кубани, очень редко услышишь вечернее уличное пение, знакомых народных песен. Именно таких, украинских, казачьих, какие пелись, например, у нас на Чапаевке или Текстиле.

А ещё я помню ощущение босыми ногами прохлады, исходящее от асфальта рано утром, когда он ещё не успел раскалиться до состояния, сделавшись мягким, и на него невозможно было ступить «неподготовленному». А мы ведь всё лето ходили босые, и обувь для нас было чем-то невыносимым и противоестественным! Помню запах реки в полуденную жару и приятный незабываемый аромат, исходящий от твоей же кожи, нагретой солнцем, после купания в Бадаме, я помню всё, я помню своё детство. Да и не могу я его не помнить, не должен его забыть, как и помнить свой город, тот прежний, которого уже нет. Как нет имени этого города, данного ему при рождении тысячелетия назад, как и нет, уже очень давно, белоснежных аистов, живущих когда-то в этом тёплом гостеприимном городе. Городе белых аистов – Чимкенте...

Глава третья

Текстиль-городок

*Есть переходы трудные, есть переходы легкие,
а жизнь между ними – лишь временная остановка
в караван-сарае.*

Самарканди

*Истина существует лишь постольку,
поскольку существует ложь.*

Чжуан-цзы

Ох, детство, детство! Это на редкость счастливое время, когда тебе кажется, что можно думать то, что хочешь и говорить, что думаешь, а вот то, что надумаешь, как раз-то и делать. Но это всё касается только лишь твоей среды, твоего мира и мировоззрения, куда взрослые, ни в коем случае не могут быть допущены. И вовсе не потому, что ты в свой детский мир их не допускаешь, будто бы совершая какие-либо постыдные, на взгляд некоторых взрослых, поступки, а на самом же деле, просто по-детски неразумные. И боясь «разоблачения», и осуждения, ты не рассказываешь о них, опасаясь отнюдь не наказания, а просто боясь быть не понятым, а возможно, как следствие этого, – осмеянным. Нет, ты открыт и искренен, просто взрослые, большинство которых так спешили повзрослеть, что давно уж забыли о детстве, а потому, мало кто из них, вхож в «детский мир», полный загадок и детских проблем, но они обязательно, эти взрослые, о детстве когда-нибудь вспомнят все. Когда? А вот этого я не знаю, но вспомнят, во всяком случае, должны будут вспомнить, хотя многие его и не забывали. А ты, дорогой мой читатель, помнишь своё детство или ты настолько серьёзен и важен, что стараешься не вспоминать о нём? Разве ты не совершал необдуманных поступков и шалостей, за которые тебе стыдно, а за некоторые и страшно? Даже

сейчас, спустя столько времени, длиною почти в жизнь? И ты, сильно сожалеешь о содеянном, и благодаришь Господа Бога за милосердие к тебе и твоим родным, за то, что он оставил всё как есть, сохранив тебя в этом мире? И, слава Богу, что всё у нас идёт как положено и предначертано. Поэтому постараемся не говорить о грустном, хотя...

В этой главе я хотел рассказать о городке текстильщиков, возникшем в начале 50-х годов, в связи с пуском «первой очереди» хлопчатобумажного комбината. Но, не поведав вообще о населении Чимкента, об этапах и темпах его роста, о национальном составе, то рассказ, только лишь о Текстиле, окажется неполным, обеднённым, тощим. Возможно, в следующих главах я расскажу обо всех рабочих посёлках промышленного Чимкента, а их было немало, содержащихся всегда в идеальном состоянии и соответствующем уюте, как и положено было в то время. Когда поливочная машина, которую мы называли просто, – «поливалка» обязательно увлажняла проезжую часть улиц по нескольку раз на день, когда весной обязательно обрабатывали абсолютно все зелёные насаждения от всевозможных вредителей, и деревья практически не болели, когда содержали арычную поливную систему, эту «кровеносную» систему любого среднеазиатского города, в надлежащем порядке, а в самом городе всегда можно было найти место, где было не так жарко, где можно было отдохнуть в прохладе и уединении, – об этом времени, когда это всё было, я попробую немного рассказывать, дорогой мой читатель. И так было всегда, но было так не только в рабочих городках, поэтому, скорее всего, я буду иногда «вставлять» в последующие главы нужную мне информацию, воспользовавшись тем, что пишу я всё-таки литературное «эссе» и волен поступать так, как мне заблагорассудится. Естественно, чтобы у читателя сложилось хоть какое-то представление о городе, где прошло моё детство, нужно написать обо всём, о базарах, зданиях и даже об отдельных личностях, не говоря уже вообще обо всём населении, о его занятиях, играх, забавах и прочем, что, в общем, и характеризует его, и именно это можно назвать жизнью

города, ибо всё перечисленное, в совокупности отличает его от других городов, делает непохожим на остальные, выделяет его. А самое главное, я не хочу особо заострять внимание читателя на моём детстве, но и обойти стороной этот вопрос, я тоже ведь не смогу, потому что тогда, рассказать о городе, не затрагивая детства, совсем уж невозможно. Поэтому, уважаемый читатель, не обессудь, – там, где это необходимо, я буду рассказывать и о себе.

Вот почему я и раздумываю, рассуждая, с чего же мне начать свой рассказ о Текстиле? А начну-ка я, пожалуй, прямо с балкона своего дома, «перенесясь в колеснице памяти» назад, более чем на полвека, да оглянусь по сторонам, да вспомню и расскажу.

Дом, в котором я вырос, был крайний, в череде текстильских домов. Вдоль его северной стены, на некотором отдалении от дома, проходил тротуар, причём это «отдаление» было густо засажено деревьями, которые высаживали жильцы, вселяясь в новые дома, но кое-где высились громадные белолиственные тополя, бережно сохранённые строителями, где это было возможно. А сразу за тротуаром, направленным строго на восток и ведущему к комбинату, находился посёлок, с огороженными высокими саманными дувалами домами, с поэтическим названием Гульбах, что в переводе с узбекского означает «цветочный сад», где жили только узбеки, за исключением нескольких русских семей.

О том прошлом Текстиле невозможно рассказать, не вспомнив Гульбах. Поскольку невозможно будет понять, как город, разрастаясь, постепенно менял своё обличье, вернее, образ, менял климат, запах, язык, ментальность, шарм, – менял всё, даже глаза, смотревшие и решающие: «Срубить или посадить новое, ещё одно!». Это я про дерево, а ты про что подумал, дорогой читатель? Даже адрес, до того как улицы получили свои имена, а произошло это в середине 60-х, писался так: Чимкент, Текстильстрой, улица Гульбах.

Вот я и на балконе, расположенного на восточной стене дома и если смотреть прямо на восток, то примерно метрах в

трёхстах уже фабрика, за трёхметровым забором, сделанным из толстеного металлического прутка с выкованным накопником, напоминающим копьё средневекового рыцаря. А чуть правее, уже за глухой кирпичной стеной, мощно возвышалась водонапорная башня. Пространство же, от фабрики, или вернее комбината, до стены моего дома с балконом, было свободно, если не считать арыка с чистой водой, бежавшего почти под ним, в южном направлении, да огородов за арыком, среди которых был и наш, едва ли не у единственных, во всём седьмом доме. А всё потому, что сразу после приезда нам дали небольшую квартиру в пятом доме, когда ещё седьмой, о котором я пишу сейчас, только заканчивали строить, а наша соседка по пятому дому тётя Надя Махно, соседка настоящая, хотя и живущая в другом подъезде, но из тех соседей, которые приходят к тебе не только тогда, когда у тебя пироги на столе, а приходят всегда, как говорится, и в дождь и ведро, – в любую погоду помогут всем, чем богаты, смогла сохранить для нас участок под огород, даже после переезда в седьмой дом, благо арык протекал почти под балконом, и с поливом проблем никогда не было.

Участок под огороды был сравнительно небольшой, одной стороной, левой, он упирался в тротуар, ведущий к комбинату, а правой, – в кирпичный забор детского садика, куда ходил я. Огороды заканчивались подъёмом на открытый участок, «свободный» от деревьев, который мы называли «полянка», за которой протекал другой арык. Здесь же находилась наша «запретная» Чучка-Яма, о ней, я напишу ниже. Полянка хорошо была видна с балкона, потому как пространство это, ещё не застроенное, великолепно просматривалось до самого комбината. Это был кусочек природы, где ещё можно было увидеть, ранней весной, распутившийся тюльпан Грейга, с его особенными листочками, покрытыми фиолетовыми пятнышками, что особенно, кроме размеров конечно, характерно для этого дикорастущего красавца. Но это было совсем недолго, совсем короткий период и тюльпаны исчезли, хотя и иногда и попадались листья, но цветка уже не было. А вот полянку

обильно заселили какие-то подземные «жители», то ли слепушонки, то ли кроты, но о присутствии каких-то «копателей» можно было судить по весенним, многочисленным кучкам земляных выбросов, холмиков, обозначающих подземный путь этих грызунов.

То, что я ориентирую терпеливого и любознательного читателя на «левую-правую» сторону, говорит лишь только о том, что я, в мыслях своих, продолжаю стоять «на балконе детства своего», хотя нет этого уже ничего, даже и арыков нет. Хотя, что это я говорю об арыках? Даже канала Янги-Чек, самого древнего в Чимкенте, дающего жизнь городу, создающего его, своею доброй водою, питая сады и поля живительной влагой своею, больше нет! Нет канала, служащего разделительной линией, чертой, указателем того, что вблизи его, можно жить, потому как без поливного земледелия, невозможно вообще само существование Средней Азии. Ибо там, где земля не орошается, в начале июня она превращается в выжженную солнцем пустыню. Вот поэтому и получил такое название канал Янги-Чек, что в переводе с узбекского означает «новая граница».

Нет уже в Чимкенте и другого канала, прорытого в 1942–43 годах, для орошения другой части города. Рыли этот канал в основном женщины, мужа которых находились на фронте.

Вообще, в Чимкенте, была настолько сложная и разветвлённая арычная система, благодаря которой в городе при летней жаре, когда столбик термометра поднимался выше пятидесяти, и на открытом, незатенённом пространстве, могли находиться только мы, – дети, да и то не все, а только «адаптированные», в тени под деревом, у воды, было спасение и блаженство! Вот только на Текстиле было пять арыков текущих в разных направлениях, подчас противоположных, имеющих разный исток, но пересекающихся! Например, арык, который протекал под нашим балконом, за летним кинотеатром пересекался с арыком, который тёк в противоположном направлении, – в сторону крепости, потому что по уровню он был гораздо выше, где-то около пяти метров, «подбалкон-

ного» арыка, и в месте их пересечения шёл по массивному жёлобу на столбах подпорках, тогда как наш арык протекал между двумя «берегами этой пятиметровой насыпи, по гребню которой, в противоположном направлении бежал другой арык, проще говоря, под одним арыком, бежал другой. Всё это сооружение по-узбекски называлось «нау», но мы называли почему-то «рымба» и часто купались в ней, хотя выше по течению этого арыка, в котором водилась даже ондатра, проходил ещё один, который тёк вдоль забора комбината, и именно там была купалка-озерцо, сообщающееся с арыком. Вот в этой купалке можно было поплавать, понырять вдоволь, хотя взрослые запрещали купаться там. Эта купалка получила название Чучка-Яма, и если перевести это «сборное», узбекско-русское слово, полностью на русский, то получится: «Свиная яма» и тогда сразу становится понятно, почему нам не разрешали там купаться, хотя, скорее всего, именно мы сами её так и назвали. Искупавшись, мы отходили в сторону и снимали свою единственную универсальную «вселетнюю одежду» – сатиновые трусы и, выжав их, встряхнув несколько раз, вставляли в пояс, натянув резинку, прутик, преобразив трусы во флаг, ну а если вставляли два прутика, крестовиной, то трусы превращались уже в абажур. Прodelав все эти манипуляции, мы начинали размеренно размахивать ими, просушивая, таким образом, пояс трусов, резинку, поскольку всё высыхало на теле, пока дойдёшь до дому, даже вечером, а вот пояс «предательски» выдавал своей влажностью. «Вердикт» соответствовал самой сути этого слова: «Опять где-то купался без разрешения! Виновен!»

Вообще в Чимкенте было крайне заботливое отношение к арыкам, но причины столь бережного отношения, человеку, не знакомого абсолютно с поливным земледелием, не понять. В Российской Федерации, единственно, где я видел арычную поливную систему, такую же, как и в Средней Азии, так это в Дагестане, а больше же нигде нет – даже у нас, на Кубани, прождав напрасно дождь, носятся по огороду, растягивая поливные шланги. Но такой «полив», это не то, совсем не то, да

и урожай не такой богатый и вкус овощей не тот, как после полива тёплой арычной водой, которая сама бежит по канавкам грядок-джаяков, пропитывая землю, но, не заливая самого растения с «головой», не пугая его, не покрывая листья белесым налётом от «мёртвой» холодной воды.

Я помню как ежегодно молодые ребята, живущие за железнодорожной линией, под руководством аксакала, в «должности» мираба, в основном узбеки, очищали арыки от водорослей и мусора. Всё это делалось совершенно бесплатно, на «хашаре», так назывались общественные добровольные работы, потому как от наличия арычной поливной воды, зависел урожай на огородах, в садах, придомовых участках в черте города и окрестностях. И такой должности, «мираб», а русские называли «арык-аксакал», не существовало ни в одном штатном расписании жилищно-коммунальных служб или исполкомов, но они тогда обязательно существовали в неофициальном, негласном общественном городском управлении – «шахар бошкармасы», и это была очень ответственная и важная выборная должность, от добросовестной работы которой, зависело благополучие многих. К этому относились крайне серьёзно и внимательно. Очищали даже от водорослей красавицу Качкар-Ату, которая пронеся через весь город родниковые воды свои, сохраняла их изумительную прозрачность, чистоту и прохладу.

«Мой» арык, весело нёс свои воды через весь Текстиль по ровному ложу, заботливо выложенному булыжником, мимо моего детского садика, и, подойдя к железной дороге, построенной, ещё при царе, в начале прошлого века, проходил под ней через низкий тоннель, а дальше опять продолжал свой путь, питая водою сады и огороды Залинейного посёлка. А другой арык, расположенный несколько выше моего, где-то в районе маслозаводского парка, добежал в своём весёлом беге до моей родной 22-й школы, а затем стремительно уходил в каменный сифон, чтобы пройдя по тоннелю, ошалело и радостно выскочить водяным радужным пузырьём, на другой стороне,

миновав под землёй ложбину, по дну которой проходила всё та же, железная дорога.

Вообще очень интересно, как внимательно и профессионально отнеслись «дореволюционные русские оккупанты», строители железной дороги, к существующей поливной арычной системе города. Где-то метрах в трёхстах от сифона, другой арык, так же, как и первый, текущий через парк МЖК (масложиркомбината), железную дорогу пересекал уже через тоннель в высокой насыпи. Настолько пересечённая местность в Чимкенте! А, кроме того, сколько было устроено, водоподъёмных колёс, уже самими жителями Залинейного посёлка, для полива своих огородов. Редко кто называл это колесо правильно – чигирь, большинство же, вне зависимости от национальности, называли это сооружение, зачёрпывающее воду в процессе вращения, очень забавно, – черпалайка. А, кроме того, едва не забыл: некоторые из славян называли мираба, или же арык-аксакала, несколько искажённо, вернее, совсем неправильно, а именно: мУраб или же, вместо аксакал, – аПсакал. Не знаю с чем, ассоциируя данные слова, но значимость и уважение, от столь неправильного произношения, нисколько не терялась, и в выборах кандидата на эту должность, вернее даже не должность, а пост, участвовали абсолютно все жители.

Несмотря на кажущееся «обилие» арыков, спать можно было под открытым небом, не боясь комаров, которых на Текстиле, да и вообще в городе, практически не было. В арыках водилось множество живородящей гамбузии, эту рыбку, «уроженку» Америки, выпустили в конце 20-х годов прошлого века, именно с целью уничтожения личинок малярийного комара, с чем она и справилась, но в поисках дальнейшего пропитания, гамбузия стала «подъедать» икру ценных рыб. Но ведь в арыках рыба не нерестилась, а гамбузия находила себе еду, поедая дафний, бокоплавов и прочих водяных блох, которыми изобиловали арыки.

А ещё, пожалуй, отсутствие комаров можно было объяснить присутствием, именно на Текстиле, особенно вблизи

посёлка Гульбах, большого количества зелёных жаб, облюбовавших луговые полянки, вблизи арыков. Помню, с наступлением сумерек, они появлялись повсюду и даже прыгали по асфальту, но давить мы их никак не смели, потому что считали, что гибель зелёной жабы, повлечёт обязательно непогоду. Мы их называли по-узбекски, – курбака. А вот лягушкам, которых мы называли, почему-то, – моряк, или же морячок, везло гораздо меньше. Потому что, готовясь к поездке на Кайнар-булак за раками, когда дач там ещё не было, мы обязательно настроливали из рогаток, достаточное количество этих озёрно-арычных крикунов, которые, полежав в чёрном, многослойном чулке, взятом на мусорке ХБК, до вечера, да ещё и будучи слегка обжаренными на костре, по прибытии на место, приобретали такую дикую вонь, что привязанные к центру раколовки в качестве приманки, скорее всего, я думаю, больше отпугивали раков, нежели привлекали.

Недолго просуществовали огороды, напротив нашего балкона, вскоре начали на этом месте строительство общежития для молодых ткачих, прядильщиц, мотальщиц, трепальщиц, крутильщиц, ленторовничниц и просто ровничниц. Ведь Текстиль-городок должен был соответствовать, полюбившейся тогда всем песне, об аналогичном городке где-то в Подмосковье, и особенно словам в ней, с сообщением о населении, где «незамужние ткачихи составляют большинство». Соответствие этого большинства, «незамужних ткачих» соблюдалось само по себе, а вот жильё для них необходимо было строить. А до этого, не могу даже и вспомнить когда, но точно до начала 60-х, перестали давать фабричный «тройной» гудок на работу, – отпала надобность. Но самое интересное, да к тому же, забавное, было то, что некоторые эти названия профессий произносились на старый, российский «фабричный манер», с обязательным ударением на первый слог. Например, прядильщица, мотальщица, трепальщица. Точно так же и назывались цеха комбината. И когда, впервые по радио, текстильщики услышали объявления с приглашением на работу, по озвученным профессиям, то это «озвучивание» вызвало

справедливую волну негодования и возмущения. Ты, дорогой читатель, спрашиваешь меня, почему же я не взял, как бы, иронизируя, слова о справедливом возмущении, в кавычки? Так вслушайся сам, в нежно, деликатно и благородно звучащие, приятные слова, пусть и с «неправильным» ударением, против чересчур правильных названий профессий, и сразу же всё поймёшь сам, мой дорогой читатель.

Вообще-то лёгкая промышленность имеет только «лёгкое» название, на самом деле это не так, это крайне тяжёлое производство. Мало кто из работников, работающих непосредственно на станках и машинах, работал на них до достижения пенсионного возраста: подавляющее большинство, сменив специальность, уходило, а на их место приходили новые, и так непрерывно, ежегодно. Фабрика «требовала» всё больше и больше молодых рук, длинных чутких пальцев, быстрых неутомимых ног! Не каждая девушка могла, так как надо работать, на текстильных машинах. Не просто работать, – работать могли все, а именно: работать так, как надо! Об этом мы ещё поговорим, внимательный мой читатель, но одно могу сказать, что в мирное время, наша лёгкая промышленность здорово «подкармливала» тяжёлую, так уж была устроена наша экономика, с ориентацией, почти мгновенного перехода на выпуск военной промышленности, в случае войны, даже папиросная гильза имела «калибр» винтовочной гильзы 7.62. А плохо это или хорошо, ты уж сам разберёшься, исходя из сегодняшних реалий. Да, и кроме того, тогда не писалось с «гордостью», на ярких «лейблах», что это «100% cotton», ведь все и так знали, даже стеснялись носить, и называли презрительно: «хэбэшка». И аппретура готовилась не из клея «ПВА», как это делается теперь, а готовилась из натурального кукурузного или картофельного крахмала, для придания ткани жесткости, эластичности, блеска. Проще говоря: товарного вида. Поэтому такая аппретация, примерно то же самое, что и накрахмаливание, смывалась без возобновления, после первой же стирки. И это хорошо, например, чтобы не потеть, конфузясь перед девушкой или девушке перед хлопцем, придя на свидание в натуральной

хлопчато-бумажной одежде, но которая, нещадно проклеенная, абсолютно «не дышит». А вообще-то, хотя «подмышечных дэзиков» тогда было мало, но все пахли в моей молодости хорошо, поскольку в «синтетике» мало кто ходил. И не потому, что были чрезмерно «привередливы», просто синтетических тканей в то время, было гораздо меньше, нежели натуральных.

А огород мы завели себе в другом месте, не так далеко от сифона, куда «впадал» наш арык, рядом с железной дорогой, а также рядом с моей родной, 22-й школой. Не знаю кто «подсуетился» на этот раз, но опять же, огороды были здесь и у нас, и у тётки Нади Махно. Там земля была очень плодородная. Мало того, что почвы в Чимкентской области сами по себе урожайны, да вдобавок ко всему огороды находились рядом с очистными сооружениями ХБК, а ещё, рядом были большие конюшни комбината, где содержались лошади для нужд жилищно-коммунального отдела нашего посёлка Текстильщиков, да и для самого комбината. Так что органики было более чем достаточно! А вот грядки-джаяки делал нам узбек, хорошо помню его: работал на комбинате у моего отца, Досметов Рустам. Делал совершенно бесплатно, эти джаяки, позволяющие просто открыть запруду основной канавки и тогда вода, живительной щедрой спиральной-змейкой побежит, быстро наполняя грядки. А когда польёшь, то начинаешь выжидать, наблюдать за растением, «закаляя» его, но вначале, после полива, как только чуть просохнет земля, надо землю вокруг растения бережно и хорошенько «попушить», и не поливать уже до тех пор, пока не станет, тот же помидорный куст-подросток, тёмно-зелёным, распушив на листьях свои ворсинки. Но он, этот пахучий помидорный куст, в это время, распушил и корень свой, в поисках, где-то в глубине джаяка, сохранившейся влаги. И когда, ты, нагнувшись над ним, внимательно взглядевшись в него, ещё и прислушаешься, то обязательно услышишь его шёпот, выдох, запах, стон: «По-о-р-а-а», вот тогда и польёшь ещё раз. И так всё лето...

Это я сейчас свободно могу, слава Богу, хотя и стар уже, делать любые джаяки, потому что жизнь научила. Не нужна,

нет, а именно жизнь, интерес к жизни! Даже кетмени ковать выучился сам, а тогда, ребёнком, даже смотреть было приятно и дух захватывало, видя, как ловко и сильно машут отточенными, отбитыми, сверкающими на солнце кетменями, узбеки, прирождённые земледельцы и трудяги, вонзая их в тёплую землю: «Кет мен, кет мен! Ко мне, ко мне!»

Не знаю, не думаю, что это только лишь «обманчиво-волшебные» впечатления детства, но тогда всё было по-другому, всё как-то не так, как потом стало, совсем не так! Ну, даже на примере тех же огородов, совершенно не огороженных, абсолютно не охраняемых! Никому, даже ребятишкам, и в голову не приходило залезть в чужой огород или сад, что-либо сорвать. Нет, мы лазили, рвали, как и все нормальные дети, но только там, где вроде бы и ничё, «забытое». В «ходу» было такое название, – «байский сад», и чаще, уже чуть повзрослев, проникали в детский садик за розами, а в остальном даже и надобности в этом не было тогда, ни у кого: практически во всех палисадниках перед домами, росли фруктовые деревья, а гораздо позже, появились дачи. Да к тому же, чаще всего, лето дети в большинстве своём проводили в пионерских лагерях, о чём я уже «поведал» читателям в первой главе своего «эссе». А самое главное, я в этом уверен, все жители города Чимкента, я не могу ручаться за все среднеазиатские города Советского Союза, находились в состоянии симбиоза, когда все жили в прямой экономической зависимости друг от друга, но никто этого и не замечал, ведь все делали общее дело, выполняя, каждый своё, делая это честно и достойно. Но ещё, а это я думаю, не менее важное и значимое, тогда не было равнодушных, а было больше внимательных. Вернее, они были всегда, но в общей массе народа, они не были так заметны, поэтому всегда находились люди, которые могли остановить драку между подростками, прогнать, а то и наказать, любого злоумышленника, заступиться за слабого, помочь, совершенно незнакомому человеку. Поэтому, даже и слово «симбиоз» носило и этические черты, а не только социально-экономические.

Этот биологический термин «симбиоз» (от греческого symbiosis-сожительство) я «позаимствовал» у замечательно-

го историка Л.Н. Гумилёва поскольку он, этот термин, более всего характеризует межэтнические, межнациональные отношения того, пусть и не очень большого периода жизни нашей страны. Все нуждались друг в друге, каждый народ занимал свою экономическую нишу, межэтническая конкуренция, если и была, но она не носила противоречивого, конфликтного оттенка. Например, в Чимкенте проживало много бухарских евреев, потому как очень полюбился им этот город, особенно после Бухары с её водой, риштой и политикой эмира. Сразу поясню, что ришта, это нематод, длиной до полутора метров, а толщиной менее миллиметра, паразитирует в подкожной клетчатке животных, особенно у человека, попадая через сырую воду. Ришта полностью была ликвидирована в Советское время, а до этого это опасное заболевание было очень распространено в Средней Азии. Но верить, конечно, официальным утверждениям о полном уничтожении ришт надо, но мы в детстве иногда видели, в непроточных водоёмах с небольшой глубиной, чаще всего в сельской местности, нечто подпадающее под описание ришты, которое мы называли «живой волос» и опасались его. Поэтому, я предполагаю, не стало такого заболевания как «дракункулёз», из-за введения профилактических мер, обеззараживания и очистки питьевой воды, хлорирования и прочего, а ришта всё-таки осталась.

Сразу после завоевания русскими Чимкента, в город, в том числе, стали заселяться бухарские евреи, люди предприимчивые, люди ремесленные, люди торговые. Слева от Балаханы, за кузницей, на берегу Качкар-Аты, сохранилось здание бывшей синагоги, в которой, где-то в 1966–67 годах, открыли первую в Чимкенте детскую художественную школу, первым директором которой был художник Гани Иляев, его именем сейчас названа бывшая улица Полторацкого. А затем ДХШ перешла в здание бывшей школы № 1 имени Пушкина, где уже бессменным директором была М.П. Кальтюгина, с кем мне посчастливилось работать, а в освободившееся здание бывшей синагоги «поселили» станцию юных техников. А вот что со зданием сейчас, я не знаю, думаю, что снесли, как сносят всё,

напоминающее, в чём-то уличающее и разоблачающее. Хотя все, кто когда-то носил очки, помнят дядю Гришу Увайдова, героя фронтовика, непревзойдённого мастера своего дела, который работал сначала на Советской в оптике, рядом со старым переговорочным пунктом, а потом в оптике около спорттоваров, на Рубинштейна, а ещё позднее, во многих оптических мастерских города, работали его сыновья и внуки. А все эти здания, на Советской, вскоре снесли, дабы не заслоняли фасад Краеведческого музея, с трактором «Фардзон-Путиловец» на высоком пьедестале и парой 8-дюймовых пушечных стволов, о которых непременно сообщалось, что «выстрелом из этих пушек возвестили чимкентцев о победе Октябрьской революции в Петрограде» и у детей, слушающих это, не было и капли сомнения в этом, несмотря на то, что самому пушечному стволу на тот момент, было чуть более века, и «пальнуть» из него было бы безумием или «подвигом»! Правда сейчас, говорят, построили новое здание музея, а вот где именно, – я этого не знаю, да и для меня, как и большинства, оставивших этот город, особого любопытства и интереса, увы, это почему-то не вызывает.

Да кроме Увайдовых в Чимкенте, да и вообще в стране, был известен семейный ансамбль Якубовых, талантливых музыкантов и певцов, которые были самодеятельными артистами, а по основной профессии это были великолепные парикмахеры и ребятам, желающим иметь аккуратную стрижку, а дамам, красивую причёску, приходилось сидеть в очередях, чтобы попасть к этим мастерам. Нет, были в городе парикмахеры и русские, были и других национальностей, но большинство «имело» своего мастера, вот например я, чаще всего подстригался у Бориса Бабаева, который творчески трудился в парикмахерской на ЖД, а в свободное время пел в ансамбле.

А в сапожных мастерских трудились, мирно уживаясь и на этом «рынке услуг», бухарские евреи, греки, а позднее и узбеки. Во всяком случае, обувная фабрика «Заря», появившаяся в начале 70-х, из укрупнившейся узбекской сапожной артели, занимающейся пошивом мягких сапожек – ичигов,

тапочек, туфель на заказ, имела именно такой национальный состав, с незначительными поправками, – добавления представителей других этносов, но традиции артели были сохранены, как говорится, у всех была общая, артельная тарелка – «шерикчилик тарелкаси», на национальность не смотрели, «смотрели на руки».

Я вот сейчас стою, в мыслях своих, на балконе и представляю, вспоминая, как на карагаче, аккуратно напротив меня, сидит в гнезде «горлушка», так почему-то называли мы, очень хорошо известную каждому жителю Средней Азии, малую горлицу. Нигде я больше не встречал её, кроме как там. «Мусича», называли её местные. В дикой природе мусича жить не будет, потому что отвыкла, даже гнездо у неё какое-то «неправдашное»: пара хворостинок, уложенных на карнизе, или на ветках дерева, или ещё где-нибудь, но обязательно вблизи человека, сама серенькая такая, неприметная. Отложит пару яиц и сидит до тех пор, пока не выведется эта пара, но не более, но за лето горлица выводит их не менее четырёх раз. Зато городских голубей, таких которые «населяют» российские города, живут стаями и нисколько не боятся людей, да страшно навязчивы и неопрятны, в среднеазиатских городах нет, есть только ценные домашние, хотя в дикой природе и сизые голуби, и обыкновенные горлицы водились в изобилии и были объектом спортивной охоты. Я это к тому, что уж больно люди, птиц напоминают, иногда настолько, что невольно вспоминаешь теорию эволюции Ч.Дарвина и всё «непечатные» слова заодно, дескать, мог бы выбрать птиц в качестве «отправной» точки, а то выбрал обезьян.

Или вот другая птица, которая была так же обычна на Текстиле, особенно в окрестностях «рымбы», около летнего клуба, а что такое «рымба» я тебе уже, уважаемый читатель, «поведал», чуть выше. А птица эта – угод, но мы называли её по-своему – худудод, наверное, за его «песню-бормотанье». Как-то, помню, поймал я довольно взрослого птенца, и было «вознамерился» отнести его домой, «дорастивать», уж больно своеобразная, необычная птица, особенно «индейский» голов-

ной убор – гребень из перьев, но ужасная вонь, исходившая от этого птенца, заставила меня моментально отпустить его! Чуть позже я узнал, как по-узбекски называется эта птица: «сассикпопишак» и сразу стало всё понятно, поскольку в переводе с узбекского означает, – «вонючий петушок», но причину дикой вони я узнал гораздо позже. Вот только с названием птицы слегка замешкался, опасался, что перевод уж больно звучит «неприлично», но справившись в «Биологическом энциклопедическом словаре», убедился, что эту птицу повсюду именно так и зовут: вонючий петушок! Оказывается, угод, дабы защитить своё гнездо от нежелательного вторжения, выстилает его помётом различных животных, чтобы отпугнуть злоумышленников! Лично меня отпугнул на всю жизнь! Вот как жизнь, на самом деле устроена, вроде обе птички рядом с людьми живут, опасности одни и те же, враги «определены и вычислены», а гнёзда разные, как и жизнь разная, да вдобавок ещё и гнездо своё дерьмом одна из них мажет, страхуетса на всякий случай, как бы кто не влез.

Да, кстати, едва не забыл: выводки у «худудода», вернее у удода, всегда, велики, и поэтому птенцы постоянно голодные, но угод поедает гусениц, много личинок насекомых, принося этим большую пользу сельскому хозяйству. Да ещё интересно то, что птенцы, уж больно «самостоятельные», выходят из гнезда, ещё не одевшись полностью, да сидят поблизости, выпрашивая корм у родителей. Не могу знать, но всё-таки думаю: кто же, в такой «вони» усидит-то?

А общежитие совсем недолго просуществовало, стали строить новый район, который, как и все микрорайоны СССР того периода строительства 60-х годов, получил московское название «Черёмушки». Там на улице Полторацкого построили и пятиэтажное здание общежития для молодых текстильщиц. А в хозяйственных помещениях «покинутого» общежития, построенных из шлакоблоков, в отличие от кирпичного здания самого общежития, примыкающих задним фасадом аккуратно к забору моего детского сада, и откуда я постоянно убегал, пользуясь близостью дома своего, разместился дере-

вообрабатывающий цех комбината, где с самого раннего утра, до окончания рабочего дня визжала циркулярная пила. Ведь тогда все рабочие посёлки города, старались «держать марку», соревнуясь друг с другом по образцовому содержанию домов, дворов и прочего, а ориентиром в «гонке по благоустройству», был тогда посёлок металлургов-свинцовиков, знаменитого, но не афишируемого ЧСЗ, внёсшего неопределимый вклад в Победу в Великой Отечественной войне: из десяти пуль, выпущенного во врага, семь были отлиты из Чимкентского свинца! Но лидер гонки был недостижим, но, тем не менее, все старались. Обязательно здания к майским праздникам покрывались свежим колером, дома украшались, «расцветивались» флагами, посёлки оборудовались детскими площадками, грибочками, горками, песочницами, качелями. Полисадники, перед домами огораживались новыми секциями деревянных оград, и «пилорама», так называли мы нежелательных соседей, звенела и визжала не переставая.

Но этот «кошмар» длился чуть менее года, а затем они ушли, вернее, ушла только деревообработка. Но остался «хоз. двор», – огромная гасильная яма для извести, сараи-ангары со всякой «фигнёй» и зданием бывшего общежития для девочек текстильщиц, – ловких, быстроногих и остроглазых, да возвращением «оглушительной» тишины, которая прежде «царила» в этом районе. Но если быть точным, то тишина прерывалась часам так к 20-ти, как раз перед киносеансом, тогда включали громкую музыку и трудовой люд, принарядившись, чинно направлялся к клубу, не только для того, чтобы посмотреть фильм, но и попить пивка, в уютном деревянном павильончике, пообщаться, но уже не в оглушительном стуке и грохоте дубовых батанов, этой едва ли не самой «главной» деревянной детали старого ткацкого станка, заменённого, значительно позже на «бесшумный пневморепирный», а в тени карагачей, джиды и акаций, в уютной арычной прохладе, исходящей от «рымбы».

Вообще-то мест, где можно было отдохнуть, а тем более посмотреть фильм, совсем рядом с Текстиль-городком было достаточно. В Старом городе небезызвестный летний кино-

театр «Штурм», в чудесном парке маслозавода был летний кинотеатр, в парке железнодорожников также, это я перечислил места, куда можно было дойти менее чем за двадцать минут неспешной прогулки. Да и с закрытием сезонных летних кинотеатров, в другое время года, также не было с этим особых проблем.

Вполне допускаю, что читателю и дела нет никакого до всяких там «пилорам», циркулярок, а тем более до «огромных гасильных ям для извести», но прояви минимум любопытства, любезнейший мой, ибо это крайне интересно, потому как в описываемых мною событиях и случаях, прослеживается едва уловимая закономерность, если проследить за перемещением означенных объектов. Но ведь случай, как хорошо и точно, на мой взгляд, сказал французский писатель Анатоль Франс, это «псевдоним Бога, когда он не хочет подписаться своим собственным именем». Поэтому мы и знаем теперь, что случаем, правит Всевышний, а то, что всем правит случай, мы можем даже и не сомневаться.

А пилораму разместили неподалёку от маслозаводского детского садика, в здании бывшего зимнего клуба ХБК, вернее, в здании, приспособленном под зимний клуб, получившим в народе великолепное и точное, правда, насмешливо-ироничное прозвище, – «коннобалетный кинотеатр». Я же, помню это здание, даже помню два-три фильма, правда смутно, которые там смотрел, это «Гуттаперчевый мальчик», «Борец и клоун», а особенно «Белая грива». Помню, наверное потому, что рыдал от жалости и умиления, но это, я думаю, ничего, не так страшно, это детские слёзы, чистые слёзы, сладкие... Да, кстати, вспомнил ещё один, «На графских развалинах»...

Позже и это здание снесут, а на его месте построят ещё один детский сад для детей текстильщиков, а улицу, на которой он расположен, назовут именем первой женщины-космонавта В.Н. Терешковой, а рядом с садиком построят ещё одно пятиэтажное общежитие для девочек текстильщиц. Ведь это так символично и «поучительно», да и трогательно к тому же,

ведь первая в мире женщина-космонавт тоже была когда-то текстильщицей.

Да, едва не забыл написать о том, что почти все рабочие посёлки города в пятидесятых годах не были подключены в городской ТЭЦ, которая вероятно, ещё на тот момент, не имела достаточной мощности, поэтому все вопросы теплоснабжения решались своими котельными, относящимся к ведомственным ЖКО (жилищно-коммунальным отделам) предприятий. Была такая котельная и в нашем городке текстильщиков. Сам же хлопчато-бумажный комбинат, в некоторый небольшой период времени, для нужд «шлихтовалки» и красильного цеха, использовал пар, который вырабатывали целых три паровоза, установленных за забором ХБК, на углу северо-западной части территории. Самый первый детский садик, тот, в который я ходил ребёнком, имел свою, «персональную» котельную, расположенную в подвале. Чуть позже, когда жилые дома городка, детские сады, родильный дом, баня, были подключены к общегородской ТЭЦ, то и текстильскую котельную, переоборудовали, сначала в спортивный зал, для занятий тяжёлой атлетикой, а позже, оставив часть здания под помещение для дежурных слесарей-сантехников ЖКО, превратили в зимний кинотеатр. Но, большинство из нас, особенно те, кто помнил изначальное предназначение этого помещения, дали зимнему кинотеатру, довольно «пролетарское» название – «Кочегарка», в отличие от того, прежнего, в районе конюшен, «коннобалетного», которого к тому времени уже не было.

А в котельной моего родного детского садика, расположенной в подвале, в начале семидесятых, разместят резервуары для хранения лечебных грязей для открытого здесь санатория-профилактория комбината, но об этом, – чуть позже.

В общежитие, напротив моего дома, «на время», разместят детскую областную больницу, поэтому и «хоз. двор» ЖКО комбината переехал в одну из конюшен, как раз рядом с нашими огородами на очистных сооружениях. Тем более что количество лошадей, заметно сократилось, а хозяйственные постройки прежнего общежития, а затем и «хозяйственного

двора», выстроенные из шлакоблоков, были на долгое время заброшены, чем сразу же и воспользовались ребята, превратив все эти сооружения в место для игр, а стены в «картинные галереи», различного жанра, с доминированием «эротики», но носящего в то время, во взрослом озвучивании, совсем другое название – «похабщина».

В начале 70-х, а если быть совсем точным, то в 1971 году в здании бывшего детского сада № 1, где прошла часть моей жизни «горшкового» периода, расположенного рядом с моим домом, и откуда я постоянно убегал, причём в любую погоду, пользуясь его близостью, о чём я уже сообщал читателям, решили открыть для текстильщиков санаторий-профилакторий. С лечебными грязями, всякими душами, «циркулярными и Шарко», правильным питанием и прочими оздоровительными премудростями. В тот самый год я работал на ХБК в конструкторском бюро отдела главного механика (ОГМ), в должности чертёжника-деталировщика, поскольку не поступил в Московский архитектурный институт. Хотя можно было поступать, даже используя как-то оценки, полученные в архитектурном, в Московский институт инженеров землеустройства, что был тогда на Земляном валу, на факультет «архитектура сельских населённых мест», да и экзамены были туда позже. Но я тогда был молод, чрезмерно самоуверен, хотя и по-другому нельзя, я так думаю, да и жизнь тому учит, поскольку мы сами должны себя оценивать, а если ты оценил себя невысоко, жизнь никогда не предложит тебе более высокую цену, – всё как на базаре. И хотя кое-кто может с усмешкой возразить, дескать, следует помнить и о спросе, именно на тебя, такого самоуверенного, и поднявшего чрезмерно свою «ценовую планку». Конечно, помнили и об этом. А кроме того, время тогда, как мне казалось, не так быстро бежало как теперь, всегда можно успеть, и успевали. Да и речь-то шла совсем не о купле-продаже, а о заявленной, самому себе, цене. А вот в роли покупателей, всегда были, есть и будут, две привередливые госпожи, – Жизнь и Судьба. А ещё, я думаю, что самым главным в жизни является то, чтобы самого себя в «уценёнку»

не определить. Были такие магазины в советское время, где продавались товары, не нашедшие спроса и уценённые, хотя фактическая их стоимость, настоящая, была гораздо выше, написанной в ценнике. Я, почему-то, очень хорошо помню такой магазин уценённых товаров, расположенный по улице Анарова, рядом с новым Дворцом железнодорожников. Помню, в самом начале 70-х, увидел в этом магазине замечательные латунные литые кофейные турки, почему-то уценённые и выставленные на продажу, при цене, более чем «смешной». Но я их не купил, хотя неделю спустя, вновь зашёл в тот магазин, но их уже там не было, но такие же точно турки появились, год-два позже, в греческой кофейне, чимкентского Центрального парка, возле колеса обозрения... Вот так и люди, порой, «уцениваются» кем-то.

Так вот, пробыв в Москве до конца августа, вознамерился было «задержаться» ещё, отдохнуть в Балашихе у тётки, но был срочно отозван «гневной» телеграммой от родителей.

Приехал домой, и, как назвала меня, встретив случайно на улице, учительница русского языка: «матёрым», повзрослевшим. Помню себя в белых джинсах с отделкой «форниз», кстати, до сих пор не знаю, что это, в белых туфлях, белой маечке, да и отправился «прямоком» на фабрику, в конструкторское бюро на работу, дабы отработав год, на следующий, поступать вновь.

Видишь, уважаемый читатель, какое отступление пришлось сделать, чтобы сообщить об этом, рассказывая о своей «персоне» но я, спустя годы очень жалею, что не отдал меня отец, сюда же, в ОГМ учеником токаря, тем более предлагал мастер, говоря отцу моему: «Михаил Алексеевич, зря вы его в КБ отдали, мне бы его, в токарный цех, из него я славного токаря сделаю!» Я это пишу «задирая нос», потому что в хозяйственных и домашних заботах, пришлось и токарные станки освоить, хотя не так хорошо, как хотелось бы, но всё-таки что-то, да могу сделать! А, тем более что «свидетельство о присвоении квалификации чертёжника-деталировщика» я получил ещё в средней школе, вот в то время действительно

была профориентация, поэтому в конструкторском бюро я себя «ущербным» в работе не чувствовал.

Так вот, аккуратно в 1971 году профилакторий был почти готов, но остались небольшие «недоделки» и для их устранения требовалось кое-что изготовить, и мой начальник, Б.Н.Смирнов, главный конструктор, взял меня, чтобы я под его руководством снял размеры и сделал эскизы для привязки оборудования, планируемого для установки. И вот я, спустя почти одиннадцать лет, абсолютно без эмоций, вошёл в здание и выполнил всё что требовалось. А вот сейчас, так бы не получилось! Не получилось. Ведь тогда, все эти одиннадцать лет я проходил почти ежедневно мимо «родного» детского садика, вроде и, не расставаясь с ним, смотрел на него с высоты своего балкона, все изменения, происходившие в окрестностях, я видел, даже не замечая их, а чаще всего им радовался. Из этого садика мы почти всей группой отправились в один класс 22-й школы, а как далеко, даже сейчас удивляюсь, нас водили на прогулки, – даже в крепость, на «солдатские горки». Ведь тогда жить было гораздо безопасней, нежели теперь, и это отнюдь не ностальгия, с её желанием, как говорится, вернуть то, чего мы никогда не имели, а просто добрая память о том времени и людях, бывшими рядом с нами.

Вместе со мной работала, также чертёжником, моя одноклассница, выпускница этого же детского сада, Ермилова Лариса, дочка главного механика ОГМ, также «ориентируясь», как и я, на год работы, с последующим поступлением в институт.

Открытие санатория-профилактория ХБК состоялось весной 1972 года, возможно и банкетом, с обильным столом, но мне «удалось» без особого труда взять путёвку аккуратно на самый первый сезон открытия. И так всем вдруг понравилось в нём, что «вспомнили» про общежитие, отданное «во временное пользование» областной детской больнице и захотела дирекция фабрики вернуть бывшее общежитие, но вернуть здание и хозяйственные постройки, с большой территорией,

с целью расширения санатория-профилактория, было уже невозможно, а может быть и не старались особо.

А задолго, до описываемых событий, я имею в виду открытие профилактория, на нашем ХБК, да и вообще, в нашем Текстиль-городке, произошли изменения, более чем значимые для комбината, связанные со строительством и «приобретением». Но об этом следует рассказывать, стараясь вспомнить всё, а поэтому, рассказ может быть утомительно долгим, поэтому я «распределяю» его по другим главам, вдруг да ещё что-нибудь вспомню.

Я уже говорил о том, как постоянно комбинат испытывал потребность в притоке квалифицированных кадров рабочих профессий, хотя такую потребность испытывали все отрасли промышленности, но лёгкая промышленность, мне кажется, нуждалось в этом особо.

Вот тогда-то, в 60-х, и решили строить профессионально-техническое училище на Текстиле. Собственно, подобные решения тогда принимались в министерских кабинетах, с множеством просчётов и прочих необходимых бюрократических, в правильном понимании этого слова, согласований.

Профессионально-технические училища, великолепно справлялись со своей задачей, вернее сказать даже с «миссией», поскольку исправно снабжали промышленные предприятия квалифицированными рабочими кадрами, что сейчас и «запоздало» признаётся, а аббревиатура ГПТУ, никогда не звучала пренебрежительно, как совсем в короткий период, после распада страны, но сейчас вновь возникла необходимость их создания, хотя так как было, уже никогда не получится.

Место для строительства нашли быстро: за трёхэтажками, построенными позже остальных домов, была ещё одна «полянка», на которой был керосиновый подвальный магазин, где кроме керосина, продавалось ещё и хозяйственное мыло – продукция нашего маслозавода, но больше не продавалось в нём ничего, а сам подвальчик не имел подле себя никаких иных строений, в силу своего пожароопасного товара. А за ним уже начинался Гульбах, вернее его «левое крыло», также

огороженное дувалом, ориентированным на юго-восток, а северная граница посёлка заканчивалась старым узбекским кладбищем, и таштрактской (Ташкентский тракт) больницей, расположенной в кирпичном здании дореволюционной постройки.

Вот тогда и начали сносить Гульбах, что в переводе с тюркского означает «цветочный сад». Снесли быстро и безболезненно, за снесённые дома выплачивалась денежная компенсация, по желанию владельцев вместо неё выделялись квартиры. Если в доме проживали и были прописаны сыновья, снохи и внуки, то как и положено, все получали отдельную квартиру, как того требовал закон. От Гульбах остались дома по правой стороне улицы, как идти в город, да дома возле старых казарм, на улице Артельной. У всех участки под сады и огороды были очень большие, это я помню хорошо.

Многое изменилось на Текстиле, менялось быстро, по сути это был уже совсем другой, отличный от прежнего посёлка обыкновенный жилой район, где ещё держались «на плаву» старые добрые традиции, поддерживаемые, где это ещё было возможно, некоторыми старожилками. Но причиной этих изменений никак нельзя считать именно это строительство, я имею в виду строительство ГПТУ, просто точкой отсчёта стало именно оно.

С конца 50-х годов произошло чрезвычайно много «значимых» событий и явлений, в том числе связанных и со строительством, например гребенной фабрики, на месте довольно оживлённого базара, строительством современного автовокзала, для чего был полностью срыт холм, составляющий с крепостью единое целое. Ведь именно по тропе, проложенной по нему, мы детьми, бегали в воинскую часть смотреть бесплатно кино или же в военторг за продуктами, поскольку в «хрущёвскую оттепель», единственно с мясом не было проблем, а вот хлеба из хорошей пшеничной муки в городе не было, помню хлеб с жёлтым оттенком, помню очереди за тестом в хлебном магазине, стоящем на «развороте» автобуса 16 маршрута, который стал ходить именно в городок. Но с «настоящим» хлебом

проблемы были недолгими – месяца три-четыре, не больше, но, тем не менее, хорошо запомнилось. Помню очереди в 30-й магазин, которые занимали с утра задолго до привоза в него, ещё тёплых пирожков с «ливером», в которых было теста чуть-чуть, зато ливера сверх всякой меры, да и всё было хорошо, как и должно быть в детстве всегда. Я возможно ещё и в другой какой главе повторюсь, рассказывая о «оттепели», но это не обычная «старческая» забывчивость, нет. Это просто настолько прочно отложилось в памяти, что даже сама память заставляет повторять это, чтобы ненароком не забыть то время. Оно всё же напомнит о себе, в «перестройку». Ведь именно тогда дефицит на большинство промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции был создан искусственно, причём не на стадии производства, а в сфере распределения. И это большинство видело, но понять тогда это было трудно.

И Текстиль-городок размеренно жил, ощущая себя частичкой России, да что там говорить, это была действительно Россия. И хотя по утрам узбечки-молочницы пронзительно кричали своё неизменное: »Кисло-пресно маля-к-а-а!«, это была Россия, потому что в праздничные дни, вдруг в подъезде дома, удивительно красиво и торжественно, какая-то странница вдруг запевала церковную песню, и, собрав подаяние, так же тихо и незаметно уходила, что, несмотря на атеистическую пропаганду и «богоборческую» политику партии, во дворе почти каждого текстильского дома стояла печь, для выпечки как раз-то пасхальных куличей и праздничных пирогов, и накануне Великого Праздника устанавливалась очерёдность, кому и когда печь, ведь это была Россия. Но все знали также о мусульманских праздниках, когда месяц Рамазан, когда Мизан (соответствующий сентябрю, начинается в день осеннего равноденствия), когда Навруз, когда Курбан. Особенно запомнился, так называемый праздник Красного Мака, хотя, могу допустить, что название цветка может быть и другим, например тюльпан, роза, но цвет именно красный. В этот день, все угощенья и гулянья были связаны с праздником Навруза,

отмечаемого в день весеннего равноденствия и отмечался на природе, с обязательным угощением всех.

А неофициальный зелёный базарчик, который тогда и в голову никому не приходило разгонять, расположенный рядом с моим седьмым домом по улице Быковского? Всегда можно было купить за сущие копейки пучок зелёного лука, редиски и прочей зелени или фруктов, выращенных в узбекском посёлке Гульбах.

А как быстро и навсегда переняли у соседей своих их кухню, их непередаваемо вкусные блюда и традиционную выпечку в тандыре, правда, выпекая изделия в русской печи, но уже уложенных на противень, хотя это было не совсем то, вернее совсем не то. И мы это признавали, учились у них жизни и мастерству, а они учились у нас и оба народа понимали друг друга, так как нам было чуждо национальное высокомерие и прочие обидные проявления одного народа по отношению к другому.

А профессиональное училище построили быстро, вроде бы и как-то незаметно разрушив Гульбах, если не брать во внимание то, что из саманных стен, старых дувалов, толстенных плоских глиняных крыш, представляющих собой многослойный глиняный «пирог» из тополевых стволов, камышовых циновок и самана-пахсы, на которых весной расцветали красные маки, вылезли скорпионы и, в поисках нового убежища, безуспешно пытались проникнуть в крайние дома Текстиль-городка. Но опять же, от одноклассника узбека Сапарова Юлдаша, дом которого все текстильские знают и помнят, потому что он был расположен за «рымбой» у летнего клуба, которых, увы, уже нет, я «познал» секрет действительно проверенного противоядия, умиряющего дикую боль и снимающего последствия скорпионьего укуса. И я спешу поделиться его рецептом, уважаемый мой читатель, возможно и пригодится, ведь всё возможно, во всяком случае, новокаинная блокада в больнице, не сделает того, что это лекарство, уж поверь мне! А нужно всего-то, обнаруженного скорпиона, живого, неповреждённого, поместить в абрикосовое (урюко-

вое) масло и лекарство готово, можно постоянно «пополнять» ёмкость новыми «жильцами», правда, запах от этой «мази» был,— далеко не французский «parfum», но это стоило того, уверяю вас.

При училище, на одной территории построили ещё одно общежитие, а потом и ещё, пятиэтажное, аккурат на «северной» границе снесённого посёлка, рядом со старым, пока ещё неприкосновенным, узбекским кладбищем, правда, захватив часть поля, где узбеки устраивали собачьи бои своих чабанских алабаев и аламоёнаков. Но ещё, в непрочной неприкосновенности, оставалась правая сторона улицы, с поэтическим названием Гульбах.

Может кому-то, а возможно и многим, но уверен, далеко не всем, я могу показаться эдаким противником прогресса, человеком с отсталыми взглядами, соответствующему древнему латинскому определению «retrogradus», что означает, — «идущий назад»? Или я, сожалея о том, что уехал из этих мест, в приступе, даже не ностальгии, а какой-то «чёрной» тоски, стараюсь всё «охаять», дабы успокоить себя? Нет, это далеко не так! Я просто, по истечении времени, пытаюсь всё это переосмыслить и проанализировать, а вот как это получается, тут уж не обессудь, дорогой мой читатель!

По всей стране ездили мастера-наставники, посылаемые в командировки с целью набора в училище ловких быстроногих девчонок. И приезжали эти девчата отовсюду, а позже, только из Казахстана и Киргизии, в основном русские и немки из Северного Казахстана, хотя были и корейки, но только казашек тогда практически не было, они появились в конце 70-х годов. А вот по распределению попадали на комбинат и выпускники российских ВУЗов и даже направлялись по распределению на ХБК выпускницы текстильного техникума, бойкие красавицы гуцулки из Ивано-Франковска и Черновцов, приехавшие с песней «Червона рута», — ведь всё тогда было по-другому.

Мне иногда, но очень редко и уже, не помню с каких пор, но давно, очень давно, снится один и тот же, сон. Будто стою

я на своём балконе, на Текстиле, в седьмом доме, а под балконом – вода, весь первый этаж затопила, но не прозрачная и ледяная как в Качкар-Ате, а тёплая, мутноватая, такая как была в Бадаме, и даже пахнет так же, как будто чиркаешь камнем о камень, высекая искру, ведь не каждым камнем можно было её высечь, а именно этим, пахучим, ароматным, и так жарко, хотя и солнце не слепит, вроде как на запад ушло, за дом, – стало быть, под вечер дело, и я ныряю в воду и плыву, а вот прохлады никакой не ощущаю, как будто вовсе и не в воде я. Вот такая «фигня» снится мне иногда, но ладно, был бы по знаку Зодиака, чья стихия «вода», а то ведь, совсем «земной» знак у Козерога, а вот вода, вода...

Да, и зачем, или даже к чему, я это рассказываю, – понять не могу, вполне допускаю, что какой-нибудь читатель, посоветует открывать на ночь окно в спальне, а зимой выключать отопление и не есть после шести? Я согласен, но, прости, читатель, почему-то не мог я это не написать.

И, чуть было не забыл, ещё одно «событие», хотя о нём я уже упоминал, так, между делом, – это приобретение комбинатом пионерского лагеря «Горный», едва-ли не самого лучшего лагеря в Чимкентской области, а возможно и во всём Казахстане, но об этом, дорогой мой читатель, в следующей главе моего «эссе». Да и пора на природу, в горы, ведь так давно не слышали волшебной флейты синей птицы. Она ждёт нас...

Глава четвертая

Тюлькубас – лисья голова

*Время, которое раскручивает все крепко закрученное,
обращает в пыль все замыслы,
разъединяет даже прочно соединенное.*

Аль Джахиз

*Не преклоняйся перед прошлым, не скорби о будущем,
не предавайся беспокойным мыслям!
Когда наступит подходящий момент – действуй.*

Сюн-цзы

В этом году опять не зацвёл урюк. Помёрз цвет, потому что зима какая-то странная на Кубани: весь январь чаще всего тепло, да и начало февраля весеннее, обнадёживающее, дескать, не будет больше холодов, совсем ушли, отступили. Вот урюк и верит этому теплу и готовит цветочные почки, потому что не может не верить: солнце нагрело шершавый тёмный ствол и пробудились клейкие соки, и побежали, поспешили вверх по веткам, к почкам, торопя и суетливо подбадривая их, дескать, не бойтесь, не бойтесь, ведь весна, весна наступила. Весна? И почки поверят и приготовятся, чтобы через день, а возможно и утром, раскрыться во всей красе, в розовом невинном облаке, как бы застрявшим, среди серых, спящих ещё деревьев, запутавшись в их сонных холодных ветвях. Зачем, зачем вы раскрылись, почему и куда вы так спешите? Вы поверили торопливым весенним древесным сокам своим, которые так спешат загустеть, чтобы превратиться в прозрачную смолу-камедь, выступив на добрых стволах и ветвях, янтарными сгустками? Разве можно верить слухам-сокам, ведь начало-то своё они берут от корней своих, а корни ведь не видят солнца, они лишь чувствуют тепло от нагретой солнцем земли! Они ведь тоже могут обмануться! А ветки? Почему же вы, не убе-

регли свои же цветы, сообщив, предупредив, нашептав им, обманчиво тёплым днём, что не садились ещё на них птицы вешние, перелётные, приносящие тепло на крыльях своих, с песней звонкой своей, ведь вы так много знаете, так много помните, почему вы не дождались птиц своих?

В этом году опять не зацвёл урюк, помёрз цвет... Деревьев урюковых у нас на участке достаточно, да и сорта хорошие, но почти все меня снисходительно поправляют или же, насмешливо поучают, мол, урюк, это когда сухой, его ещё курагой называют, а вот, дескать, если свежий или на дереве ещё, то это уже абрикос. Я, чаще всего реагирую на «познавательные» лекции без эмоций, в зависимости от возраста «лектора» и её вступительной части. Но как только кто-нибудь на малоросский манер назовёт вдруг урюк словом «жердёлы», а вдобавок ко всему, «снежно» закипит в уголках рта его пена, а случилось и такое, то тут уж я из слушателя превращаюсь в терпеливого лектора, поскольку «распенийшийся» оппонент должен знать, поучая кого-либо, этимологию этого слова.

Совершенно верно, ведь из-за жёлтого цвета урюк и в Средней Азии иногда называют «зардоли», а вот от способов подготовки свежих плодов к сушке урюк или абрикосы подразделяются на сушеные плоды с косточкой, которые и называются сушёный урюк, когда плоды перед сушкой окуривают серой в течение примерно двух часов, сжигая её. Затем следует курага, когда косточка удалена, перед сушкой плоды разрезают или разрывают по бороздке на две половинки и удаляют её, затем окуривают серой и сушат. Но лучшая продукция из сушёных абрикосов, это кайса (кайск)! Готовится она так: перед сушкой абрикосы окуривают серой, так же в течение двух часов, подвяливают слегка, а затем удаляют косточку, выдавливая её через аккуратный подрез, сделанный со стороны плодоножки. Но в качестве домашних заготовок делают ещё для ребятишек, да и вообще как десерт, так называемый, аштак-паштак. Это когда, удалённая урюковая косточка раскалывается и сладкое ядрышко вставляется вновь «на своё место», а потом сушится. Да много чего можно приготовить

из урюка, ведь в урожайные благодатные годы его бывает так много, что не успевают, не только перерабатывать, но и просто собирать его, опавший.

Вот в таком, богатом урюковыми рощами, со старыми деревьями, с такими мощными стволами, начисто опровергающими этой толщиной, весьма распространённое убеждение в кажущейся их недолговечности, я имею в виду урюковые деревья, и располагался новый пионерский лагерь ХБК, о котором я уже упоминал в первой главе своего *essai*, рассказывая о пионерлагере в Корниловке и встрече с синей птицей. Я помню даже некоторых пионеров отдыхающих там, именно этого, самого первого сезона, помню имена, фамилии и даже лица, некоторых своих товарищей, особенно двоих, с которыми, не дождавшись открытия лагерного сезона с традиционным костром, после которого и начинаются походы и прочее, ушли в горы, поднявшись на самую вершину горы, у подножия которой и лежал новый пионерский лагерь. Это был 1965 год, именно в этом году у комбината было ещё два лагеря, в Корниловке «Сокол» и этот новый «Горный», к которому потом добавили ещё и «крутую» по тем временам «прибавку» – имени В.И. Ленина. Поэтому, а поскольку это был самый первый сезон в истории лагеря, и ждали каких-то уж больно высоких гостей на открытие, а гости всё не ехали, – «задерживались», поэтому и открытие откладывали, а из-за боязни, как бы чего не случилось, и не ходили в походы, так, на прогулки, не выходя за обширную территорию лагеря. Ну, разве могли мы, в нашем возрасте «непосед», усидеть, не разведав окрестностей? Но одно дело бродить по рощам, садам и зарослям боярышника, где тебя никто не видит, а другое дело подниматься в горы, где весь на виду! Позже я не раз ещё поднимался на вершину этой горы, но особенно запомнился этот подъём, да пожалуй, ещё один, со спуском почти в темноте, но о нём потом, чуть позже, хотя так уж и они важны, эти подъёмы и спуски... Спуски и снова подъёмы!

После завтрака, дабы избежать, всевозможных репетиций и разучиваний пионерских песен, которые я до сих пор

помню и люблю, хотя саму «процедуру» их разучивания в то время терпеть не мог и всячески, всегда и везде, старался «увильнуть», мы сразу же и отправились в «поход». Слышали отдалённые звуки горна на построение на линейку, даже наблюдали суесящихся, словно «мурашки» в муравейнике пионеров, но даже и подумать не могли, что сей переполох, вызвали мы, подумав, что это опять репетиция, поэтому продолжали подъём. Поднялись на вершину, немного посидели, отдохнули, и, пройдя десяток метров, наткнулись на круглую яму-колодец, не более двух метров глубины, с остатками, скорее всего, весенних дождей, но обследовать в этот раз этот колодец не получилось, нас настигла «погоня» в составе, удивительно спокойного физрука и, с трудом сдерживающего ярость, пионервожатого первого отряда. Удивительно, что, положенных нам «пилюлей», с ударением на последнем слове, мы не получили, не получили их и потом, благополучно спустившись, но то, что последовало за этим, до сих пор, спустя столько лет, кроме как со стыдом и раскаянием, никак не воспринимаю. Главное ведь в том, что мы осознали то, что поступили мы крайне плохо, заставив волноваться всех. Так нас воспитывали, такова была система. Хотя гораздо позже, я часто сталкивался с бездарными попытками «модернизации» коммунарской системы воспитания, даже не сколько самой системы, сколько её, более поздними, уродливыми отголосками жалкой пародии на коммунарскую систему, но это было совсем не то. А всё оттого, что многие чиновники, «занятые» в системе образования не видели никакой разницы между двумя совершенно разными словами: коммунарский и коммунистический.

Сама по себе, в классическом понимании и такой же талантливой организации, коммунарская система воспитания в детском коллективе, не имеет себе равных по силе воздействия, по эффективности, и поэтому она до сих пор не нашла себе достойную замену, а только лишь попытки её жалкой подмены. Но в любом, пусть даже и замечательном деле обязательно найдутся люди, которые всё это изменят, исказят до

абсурда так, что эта самая «коммунарская» система, превратится в «квазикоммунарскую», поскольку будет держаться на унижении, подавлении, страхе и самодовольстве взрослых, в тупом и никчёмном ощущении власти и силы своей!

Прости меня великодушно, дорогой мой читатель, за сравнение, но представь овечье стадо, пасущееся где-нибудь на летнем пастбище, в горах, охраняемое заботливым чабаном и бдительными чабанскими волкодавами, зорко следящими за отарой, загоняя, в означенный порядком условный круг, увлѣкшихся едою овец и выходящих за его пределы. Но напряги своё воображение, внеся некоторые изменения в эту идиллию, а именно: замени породистых огромных, с добрыми и умными глазами и ласковыми горячими языками, чабанских алабаев, тысячелетия пасущих овечьи стада, охраняющих их от волков и лихих людей, моментально преобразующихся, в этот момент, в отважных и самоотверженных бойцов, на каких-нибудь «милых» дворняжек! Замени заботливого, умного и справедливого чабана на чванливого и жадного полудурка, старательно имитирующего работу и горланя какие-нибудь идиотские песни, забравшись на самый высокий камень, возомнив себя великим реформатором. Даже представить страшно, что будет с этой, когда-то благополучной отарой, и какие гены могут возобладать в «добрейшей» на вид дворняжке, замещающей волкодава по чьей-то прихоти и его желанию всё изменить, всё перестроить!

Да и напрасно я извиняюсь перед тобою, читатель, ибо даже каждому возрасту человека свойственно доминирующее поведение какого-либо животного и уместно, да и не оскорбительно, сравнение даже человеческого общества со стадом, или же пчелиным роем. Главное оставаться человеком при этом, это ведь не так трудно.

Старшей пионервожатой тогда в лагере была Л.И. Заколюдяжная, вполне обоснованно и справедливо, считающаяся одной из лучших пионервожатых города. Весьма любопытен тот факт, что «кузницей кадров», в Чимкенте всегда считались и действительно были, несколько периферийные школы, тек-

стильская №22, чапаевская №34, наверное, потому, что дети в них были «поершистей» и чуть попроще, которые смело, брались за любое дело, не боясь набить мозоли и изорвать или испачкать одежду, а потому не каждый мог появиться в означенных районах, с намерениями, противоречащим «общепринятым» нормам данных кондоминиумов, где могут набить уже отнюдь не мозоли. Я не оговорился, применив слово, прочно и основательно, внедрившееся в современные уставы товариществ собственников жилья, но тогда, в описываемое мною время, это слово *condominium*, в переводе с мёртвой латыни, означающее – совместное владение, практически не применялось и содержалось лишь только в словаре, а между тем оно жило и здравствовало, это непонятное латинское слово, оно жило и работало! Поэтому, чтобы было понятно, скажу так, несколько «модернизировав» известное «кто с мечом к нам придёт».... ну, тот совсем уж дурачок. Я думаю, что понятно! Хотя попыток «экспансии», со стороны как чапаевских, так и текстильских, с целью расширения границ своего влияния, никогда и нигде не было, в отличие, например, от «задористо-задиристых» ДСРовских, пытающихся основательно и надолго утвердиться в Центральном парке, чего им никак не удавалось, поскольку, так уж повелось издавна, что центр города, территория нейтральная, территория мирная.

Но я, увлечшись, забыл про наказание, которое ожидало нас, нарушивших дисциплину в пионерском лагере, поэтому, дорогой мой читатель, позволь мне продолжить.

Тогда ещё «практиковалось» исключение из пионерского лагеря, но уже не было такого, хотя я и застал тот период ещё в Корниловке, когда провинившегося пионера «изгоняли» из лагеря, проводя его на утренней линейке вдоль всей пионерской дружины под барабанный бой. И я достаточно хорошо помню ту, страшную экзекуцию (*exsekutio*), что в переводе с латыни означает «исполнение», но более точного слова я не могу подобрать, ибо именно в таком исполнении, уверен, этого не должно быть никогда, уж больно жестокое наказание. Я помню того мальчика, хотя и не помню, совершённого им

«преступления», но помню как он покорно сидел потом, возле столовой, в ожидании отправки домой, а у ног его лежал старый, наверное отцовский, солдатский вещмешок, который особенно запомнился мне, потому что и у меня был такой же, да и не только у меня: с чемоданом в пионерлагерь стали ездить гораздо позже.

Именно в то время, в 1961 году на экраны страны вышел, полюбившийся надолго, фильм «Друг мой Колька», начинающих режиссеров-дипломников, учеников Михаила Ромма: Алексея Салтыкова и Александра Митта. Прости, читатель, я оговорился, на самом же деле фильм полюбился не «надолго», а навсегда, да и не только мне. Этот фильм заставил задуматься многих взрослых, естественно, способных ещё сопереживать по-детски, не разучившихся думать по-взрослому — умно, зрело, справедливо, а самое главное, также умно и поступающих. Но таких было очень мало. Но они всё-таки были, и к их мнению многие прислушивались, по ним равнялись, правда, не все, а те, которые не завидовали, а любили.

Через три года после фильма «Друг мой Колька», вышла замечательная кинокомедия на «лагерную» тему «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещён», которая также не могла не повлиять на организацию работы пионерских лагерей.

Так вот, решено было нас не отправлять домой, к родителям, из пионерского лагеря, но, предварительно долго и упорно воспитывая, грозя неминуемой отправкой в случае «малейшего нарушения», правда, прерывая «беседу», сигналом горна на обед, затем тихий час и последующим томительным ожиданием вынесения окончательного вердикта. Вердикта, лишаящего нас просмотра кинофильма, аккуратно на следующий день, что также было весьма «суровым» наказанием того времени, хотя и его удалось избежать почти без проблем.

Всем был хорош лагерь, особенно поражал воображение непривычно необычным комфортом, в сравнении с корниловским лагерем «Сокол»: добротными корпусами, с водоснабжением и канализацией, бассейном, закрытым кинотеатром,

стадионом, своей котельной, баней и душевыми, прачечной, великолепной, оформленной альфрейной живописью, столовой с тремя, тематическими залами, названными для пущей важности «салонами» – салон «Берёзка», салон «Морской» и салон «Космический». Кроме всего этого был «восьмой», специально оборудованный и оснащённый, лечебно-процедурный корпус, тщётно ожидающий «захворавших» пионеров, или же смены статуса пионерлагеря на детский санаторий. Ну, а самое главное – горы! Вот они! Над тобой возвышаются!

Единственно, чего не было в новом пионерском лагере, это моих деревенских друзей и, как следствие этого, отсутствие возможности верховой езды, но само расположение лагеря, его окрестности были изумительны. Не так далеко от лагеря было также два населённых пункта, это Ильтай и Кумисбастау, что в переводе с казахского означает «подвешанный жеребёнок» и «серебряный родник», хотя все почему-то, произносили, да и писали «Кумызбастау», видимо подгоняя под напиток «кумыс», который по-казахски звучит как «кымыз», что не одно и то же. В Кумисбастау проживало много курдов, тогда как Ильтай был населён в основном казахами. А дальше дорога идёт в восточном направлении до русской Новониколаевки, в которой был великолепный музей Аксу-Джабаглинского заповедника и его контора. А если просто, проехав Кумисбастау свернуть по грунтовой дороге направо, которая ведёт к подъёму на перевал Ирсу, то тоже попадаешь в заповедник, аккурат к самому широченному каньону, на дне которого видна снежно-белая, от мраморного песка, лента бурной реки Аксу, берега которой до самых, почти отвесных скал густо покрыты извилистыми стволами арчи, эфедры, боярышника. Описывать красоты Аксу-Джабаглинского заповедника мне, хотя и побывавшему, и не раз, в наиболее достопримечательных и значимых местах, но всё равно, не знающему его достаточно хорошо, не имеющему возможности в то время знать и наблюдать животных заповедника, посещать его в разное время года, можно только эмоционально-поверхностно, поэтому, дорогой мой читатель, оставим пока его, будем считать, что я слегка

похвалился тем, что бывал там и восторгался красотами тех, удивительно красивых мест.

А в лагере изобретательная детвора, разведав и «изучив» флору и фауну окрестностей пионерского лагеря, обнаружила в ручье, вытекающего из родника, вернее даже ключа, мощно бьющего у подножия горы и дающего воду в искусственное ответвление и идущее по направлению к водопаду, обилие мелкой рыбы, которую мы все называли «бычки», хотя внешне они были точь-в-точь аквариумные сомики, которые также лениво лежали на дне, шевеля плавниками и неохотно плавая. Позже я узнал, что это вовсе никакие не бычки, а именно сомики, только сомик туркестанский, обитатель горных проток с каменистым дном и любитель чистой холодной воды. Поэтому ловить этих бычков майкой, как это делали мы в Корниловке, из-за крупных камней, препятствующих «заводить» майку под берег, было невозможно. Но мы, изобретательная детвора, воспользовались, куском стекла, подбирая его, желательно, не «травмоопасной» формы, а кроме этого, «позаимствовав» в столовой вилку, но непременно из «нержавейки», поскольку алюминиевая мало подходила для этого, столь нужного нам «промысла».

Итак, кусок стекла, вилка, примотанная нитками к палочке, незаменимые кеды на ногах, поскольку по острым камням реки невозможно свободно ходить босиком, – вот собственно и вся «оснастка и экипировка», если не считать обязательного в этом деле, охотничьего азарта. А дальше всё просто: двигаешься против течения на «полусогнутых», левой рукой держа стекло, причём накрывая им течение, приподнимая верхнюю кромку стекла, поэтому прекращается, перекрываясь стеклом, водная рябь, и дно просматривается как через аквариум, а работа вилки, играющей роль мини-остроги и которую ты держишь в правой руке, зависит только от твоего мастерства и опыта.

«Добычу», помню, натирали солью и, нанизав на нитки, вывешивали сушиться, но вот вспомнить, что делали с этой рыбой потом, – никак не могу, вскоре всего так и оставалась висеть где-нибудь.

Места конечно были великолепные, да кроме того сказывалось и то, что совсем рядом был заповедник, поэтому однажды даже видели в горах, не так далеко от лагеря елика, так называют в Средней Азии косулю, но эта встреча была настолько мимолётна, что сейчас воспринимается словно сон. Конечно, близ этих мест невозможно было встретить ни медведя, ни тем более барса, не было и сурков, этих аборигенов заповедника. Зато часто видели каменных куниц, но особенно много было сонь, этих забавных зверьков, отдалённо напоминающих белку, но настолько с «доступными», почти птичьими, гнёздами, причём в различных местах, что позднее, значительно поубавило их количество, вблизи лагеря, поскольку очень многими овладело желание непременно завести себе такую соню, сделав её ручной и привезти домой. Зато змей было крайне много, причём от крупной безногой ящерицы желтопузика, уползающей всегда настолько шумно и стремительно, до ядовитого щитомордника, внешне напоминающего степную гадюку, но очень коварного своей скрытностью, но всё же, предупреждающего противника, шуршанием и, едва различимым треском своей трещётки. А всевозможных полозов, удавчиков, стрелок, водяных ужей, вообще отличающихся от ужа обыкновенного, который не водится в Средней Азии, мы различали с трудом, поскольку мы «заучили» в школе, что уж непременно должен иметь жёлто-оранжевую шейку и тёмную, без «рисунка» спинку, что крайне сбивало нас с толку. Ну, я так считаю, что учили нас правильно, потому что, относящихся к, всё тому же, семейству ужовых, известную абсолютно всем чимкентцам стрелку (стрела-змея), и бойгу, правда, крайне редко встречающуюся, кроме Кзылкумского района Чимкентской области, одни считают ядовитыми, другие, – совершенно безопасными. Поэтому всех змей, кроме желтопузика, мы обязательно считали ядовитыми и «норовили» непременно поймать её, «обезвредить» и снять шкуру, чтобы потом надув её, завязав оба конца, недолго поугатать девчонок. И в этот же день, в тщетной надежде, сохранить эту шкуру для ремешка часов, хотя таковых ещё и не

было, да и мальчик с часами на руке, в моё время, – нонсенс, примерно то же самое, что и бабулька на ходулях, но, тем не менее, надежда обязательно приобрести, когда-нибудь себе часы была, поэтому и осуществлялась постепенно, с изготовления крутого ремешка, тем более из змеиной шкуры! Но буквально в этот же, день, «ремешок» начинал неприятно пахнуть, что даже не помогало обильное «окропление» одеколоном «Тройной», «Гвоздика» или же «Кармен», а иногда, более крутыми «Русский лес», либо «Шипр», в зависимости от наличия оных в пионерских «запасах». Затем «будущий ремешок» обматывался, для придания надлежащей формы, вокруг никелированной перекладины кровати, а уж только потом, замеченный гневно приноживающимся воспитателем, отправлялся куда-нибудь подальше. И так было всегда, но буквально на следующий день продолжалось вновь!

У меня здесь, на Кубани, на участке в саду, а несколько раз буквально на отместках дома, я ловил змей, поскольку часто они «заходят в гости», а возможно, просто облюбовав, некоторые пригодные для себя уголки, живут здесь, но я никогда не убиваю их, ловлю, сажаю в стеклянную банку, накрыв банку тканью, чтобы не задохнулись, завязав горловину, показываю своим родным, затем отношу вечером в поле, через дорогу. Как-то, с незначительным промежутком, менее десяти минут, я поймал сразу трёх гадюк, а вечером отнес в поле, встретив соседа, негодующего по поводу моих «вредительских» действий и настоятельно требуя, чтобы я немедленно убил их. Но я, увы, не мог выполнить его «кровожадных» требований, по причине того, что отведённый мне в детстве самому себе, «вредительский» лимит», на уничтожение пресмыкающихся был уже давно, давно с лихвой исчерпан! И отнюдь не случайно, «встретились» в «Одноклассниках» с Сергеем Шмариним, с которым мы вместе бывали в пионерском лагере и с которым мы не виделись так давно, что и говорить неловко, поскольку это не только напоминание о возрасте и быстротечности времени. Так вот и Сергей сразу же написал о том, как я «сочинял стихи и здорово ловил змей», а я порадовался за его здоровье,

ибо крепкая память говорит не только о душевном здоровье человека, но и о многом другом.

На следующий год уже в лагере всё было более менее привычно, поскольку обстановка и ландшафт разведаны, изучены, опробованы, но абсолютно ничто не вызывало нашего удивления, хотя всё кругом было удивительно и прекрасно. Наверное, это и есть детство, – ничему не удивляться, но верить в чудеса, а мы уже начинали взрослеть, что сказывалось на предпочтении, вдруг, танцев просмотру кино, а вроде совсем недавно было, наоборот. Да и пионервожатый был у нас замечательный, потому что наш, текстильский, – Миша Мирер, который не лупил нас на тихом часе, за то, что глаза открыты, вафельным полотенцем, конец которого завязывался узлом и смачивался водой, не заставлял нас стоять с подушкой, держа её на вытянутых перед собой руках, или приседать с ней, как заставляли это делать некоторые «пионервожатые», в моём пионерском детстве, пользуясь тем, что не могли мы, дети ещё, дать достойный отпор. Но к счастью, таких лагерных пионервожатых, которые абсолютно ничего не оставили в памяти приятного и тёплого, протме неприязни, было совсем мало. Понять можно было бы, ежели лупили за дело! А то ведь только за то, что никак не мог уснуть днём! Ведь потому-то и ждали очерёдности, когда отряд объявляется дежурным, и ты обязательно просился дежурить в столовую или на арку, только по той причине, что дежурившие там, в «тихий час» не спали, и даже разрешалось им недолго поплавать в бассейне! Это я сейчас, когда угодно могу заснуть и без порки мокрым полотенцем с тугим узлом на конце, а тогда сам тихий час был невыносимой пыткой и длился, казалось, вечность!

Вообще, подбор вожатых и воспитателей, именно в тот период в пионерлагере «Горный» был великолепный, и столько было поездок, походов, экскурсий, да и сама организация работы в пионерском лагере, – выше всяческих похвал. Хотя и не было тогда ещё чрезмерной и муторной заорганизованности, абсолютно лишённой активной игровой составляющей, что будет в пионерских лагерях гораздо позже.

Даже нам выдавали два комплекта одежды, один из которых повседневный и состоящий из шорт серо-стального цвета, такого же цвета пилотки и белой штапельной рубашки, простого покроя, причём, девочкам и мальчикам форма одинаковая. Но парадная форма была великолепна! Белые поплиновые рубашки с коротким рукавом, голубые шорты у мальчиков, такого же цвета юбки у девочек, и на голове голубые «испанки», ну и, естественно, шёлковые пионерские галстуки! Вот такой был пионерский лагерь у Чимкентского хлопчато-бумажного комбината, вот такое было «застойное» время тогда, в Эпоху Нашего Детства!

Сейчас очень многим хотелось бы, чтобы поскорей забылась та эпоха, и они стараются всю, но охаиванием, высмеиванием того, благополучного времени, называемое «демократами» «эпохой застоя», можно добиться лишь кратковременного результата, внушив негативное восприятие людям, чей возраст или же, какие-то другие причины и обстоятельства, не позволяют сделать правильный, беспристрастный, объективный вывод, но таких людей не так уж и много, но они есть и продолжают свою «деятельность».

Как-то в какой-то телепередаче небезызвестная Ирина Хакамада, умница, но «играющая» по своим правилам убеждённых «демократов», специалистов по организации «государственных беспределов» и хаоса, рассказывала, как она, находясь в Артеке, в этом всесоюзном пионерском лагере, умудрялась «недоедать», поскольку питание было, по её словам «ужасным». Мне очень и очень жаль её, потому как она, или не бывала вообще в пионерских лагерях, а про Артек, она, скорее всего «приврала», или же, она просто пришла на передачу с известной целью – оболгать! Ведь сама организация питания в пионерских лагерях, делала невозможным его ухудшение, а тем более допускать до того, чтобы дети недоедали, – это просто выдумка! Поэтому, дорогой мой читатель, поверь мне, я работал во многих лагерях Чимкентской области и знаю их работу и жизнь, а тем более тогда, в то время, было просто невозможно, при безналичном расчёте получить в ка-

ком-нибудь магазине какой-то «левый» товар, как это сейчас показывают в многочисленных сериалах, снятых «птенцами гнезда демократского». Единственно, когда можно было начальнику пионерского лагеря, получить с пионерского лагеря что-то в виде продуктов, так это в конце пионерского лета, когда многое остаётся. Кроме того, тогда почти каждый пионерский лагерь имел своё подсобное хозяйство, это десятка два-три баранов или же бычков, которых и забивали на мясо по мере надобности. Так вот этот скот не всегда «правильно» учитывался, поскольку его всегда содержалось гораздо больше, чем значилось по документам, потому, что всегда имелась возможность дополнительного содержания из-за наличия пищевых отходов. Поэтому абсолютно во всех лагерях детей кормили всегда хорошо.

Но вернёмся в лагерь и опять пройдем знакомыми тропами и памятными маршрутами вместе с вожатым Михаилом Мирером, побываем в штольне недалеко от лагеря, поднимемся на вершину и осмотрим знакомый колодец, на дне которого, ярко-красная вязкая охра, спичечный коробок которой долго хранился в ящике моего письменного стола. А возможно, повезут нас в Ванновку, посмотреть сталактитовые пещеры, а может быть поедem в заповедник, а можно просто посидеть на отрядном месте и помолчать, послушать, как поют птицы и шумит ручей, вода которого течёт в нём совсем другая, уже не та как в детстве.

В этот же год в пионерском лагере работал музыкантом очень интересный человек, о котором нельзя не написать. Имя и отчество невозможно было не запомнить, поскольку здесь он полный тёзка первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, а вот фамилия имела тюркский корень – Садыков. Собственно, он и великолепный спортсмен, интересный и правдивый рассказчик, ведь дети тонко чувствуют ложь и фальшь в разговоре, а мы видели в нём действительно старшего товарища. Тогда он совсем недавно демобилизовался, служил на флоте и на линейке появлялся в форме: чёрные суконные форменные брюки были всегда тщательно выглажены, а самое

интересное – он при глажении пользовался, вместо влажной тряпочки, газетой. Так вот, помню как мы, «нарядившись» в новое парадное «обмундирование», о голубых шортах и «испанках» которой, я уже поведал читателю, отправились на автобусах, под его «предводительством», в село Ванновка, районный центр Тюлькубасского района, расположенный в нескольких километрах от лагеря, с целью посещения местного краеведческого музея. Однако, осмотрев музей, где основной, запомнившейся не только мне достопримечательностью, был почему-то, уж больно новенький станковый пулемёт системы «Максим», мы строим, с песней, поскольку речёвок, этого позднего «пионерского рэпа», тогда ещё не было, дружно зашагали по направлению к дому Юрия Алексеевича. А вот там, не могу отвечать за всех, ждал меня, как впоследствии оказалось «знаковый сюрприз», значимость которого я определил совсем уж недавно. Оказывается, бывает и так, что спустя десятилетия, оцениваешь то или иное событие или случай, кажущийся тогда банальным и обыденным, именно на тот момент, как определённую временем и подтверждённую опытом общения жизненную веху. Веху, от которой начинается совсем иной отсчёт, ты увидишь, вернее, вспомнишь, именно тогда, когда ты сам внезапно, вдруг, определишь эту её значимость в своей жизни, но увидишь, когда захочешь увидеть, и только ты сам, и никто другой, определит эту значимость!

Казалось бы, ничего сверхъестественного и примечательного не было в обычном сельском доме нашего музыканта, правда одна комната была отведена под вольерное содержание волнистых попугаев и, кроме того, на стенах висели клетки с птицами в которых, помнится, были тогда канарейки и щеглы. И нас запускали по четыре или пять человек, мы смотрели на птиц, затем нам демонстрировались «флотские сувениры»: кусок страшно шершавой акульей шкуры, несколько раковин моллюсков и ещё что-то. В общем, ничего необычного. Но зато буквально на следующий день произошло то, что до сих пор заставляет меня удивляться и помнить, потому как просто совпадением это быть никак не может.

На следующий день мы небольшой группой, без разрешения, отправились к ручью, который находился около штольни, за округлым увалом в сторону следующей горы, в длинной горной цепи, о которой я уже упоминал и которая тянется грядой до самого заповедника, в восточном направлении, ну а в противоположном, западном, в сторону Корниловки и дальше.

Мы часто ходили сюда, во-первых, в штольню, во-вторых, родник там особый, поскольку одно дерево было увешено разноцветными лоскутками, признак того, что местный, скорее всего из Ильтая, баксы-шаман, совершает здесь обряд, но мы, ни разу не видели этого, поэтому просто это место привлекало нас своей таинственностью и «нехоженностью». Действительно, здесь можно было встретить войлочные гнёзда ремезов, настолько искусно сделанные, что с трудом верится, что им не «помогал» человек. Да и сама «штольня», названная нами так, возможно никакая и не штольня, поскольку не видно было следов обработки, и имелись боковые, очень узкие проходы. А кроме этого мы нашли здесь, что-то похожее на точильный круг или жерновок серо-зелёного цвета, диаметром около тридцати сантиметров, толщиной примерно десять – двенадцать, с отверстием в центре, но осмотрев, мы бросили его в родник. Не могу с уверенностью сказать, но эта находка произошла также в тот день, хотя и не совсем уверен в этом.

Читатель вправе спросить: «А что же произошло в тот день? К какому событию так нудно и медленно «подкрадывается» автор и к чему все эти «прелюдии» о штольнях и войлочных гнёздах ремезов, этих шерстяных «носков», подвешенных на прутики, да и «точильные» круги? И, ведь читатель-то, будет прав, потому, как и я сам удивляюсь тому, что бывая, и не раз, именно в описываемом месте, я никогда больше, кроме этого случая, не встречал здесь волшебной синей птицы и не слышал её пения!

Да, тогда здесь я вновь увидел знакомую синюю птицу, и мне почему-то показалось, что это именно та синяя птица, из окрестностей Тентебулака прилетела, соскучившись по нас, текстильским, поскольку никто больше так не приветствует

её, как приветствовали мы когда-то в Корниловке, крича и захлёбываясь, в диком неистовом восторге: «Синегалка! Синегалка!» Хотя, что я говорю, это мне именно сейчас хотелось бы верить в то, что птица прилетела вслед за нами, якобы соскучившись, а тогда, в детстве, я ничего-то и не подумал!

Помнится, что когда мы в тишине вдруг услышали громкий и резкий свист, показалось, что кто-то из отряда подаёт нам сигнал, что возможно, встревоженные нашим отсутствием, отправились искать, но когда резкий свист перешёл в сложную флейтовую руладу, что успокоило нас, поскольку стало понятно, что свистит птица, но какая именно мы, не видя её, ещё не знали, поэтому немедленно принялись отыскивать источник, столь мелодичного свиста.

Отыскали быстро, но поскольку солнце било сквозь листву в глаза, определить сразу «что это за птица», было невозможно, потому что она очень похожа на обыкновенного чёрного дрозда, только несколько побольше его, но когда, испугнутая, она полетела в знакомом, забываемо-стремительном и сильном полёте, а щедрое солнце осветило её, во всём изысканном и строгом лилово-лазоревом великолепии, мы восторженно разом выдохнули: «Синегалка!» Это была волшебная синяя птица! Птица Счастья!

В 1967 году я уже не поехал в пионерский лагерь, поскольку возраст уже был не пионерский, поэтому решено было отправить меня на лето одного в Москву, тем более, что следующий учебный год я должен был начинать в 17-й школе, потому как родная моя 22-я школа была восьмилетней и родители решили, что и восьмой класс я должен, в целях последующей «адаптации», заканчивать именно в средней школе. Буквально за несколько дней до отъезда в Москву, а билеты на поезд тогда приобретали заранее, в течение очень длительной процедуры, с записыванием в очередь, ежедневным отмечанием в ней и последующим «мучительным» продвижением, заканчивающимся долгожданным приобретением «вожделенного» плацкарта, наша школьная группа, занимающаяся туризмом и посещающая детскую экскурсионно-туристическую стан-

цию, отправилась в трёхдневный поход в Аксу-Джабаглинский заповедник. Детская туристическая станция находилась на улице Крегера, рядом с Домом учителя, задняя, северная стена которого, выходила во двор турстанции, и однажды, ранней весной, думаю, что не ошибусь, назвав всё тот же злополучный 1967 год, эта саманная стена рухнула, но рухнула не неожиданно, а ожидаемо, потому как было опасное место огорожено леерами. Потом клуб Дома учителя восстановили и там часто проводились художественные выставки. Все эти названные учреждения находились напротив действующей городской тюрьмы, но не той, о которой я упоминал в предыдущей главе, а более «современной».

Так вот, из Аксу-Джабаглы возвращались во второй половине дня, 12 июня 1967 года, и высадили нас, не доехав до туристической станции, где-то в районе детского парка. Именно здесь творилось что-то непонятное – горело разгромленное здание городского отделения милиции, что было на углу Советской и Крегера, группы мужчин, в основном европейской внешности, проще сказать, славянский наш народ, двигались в сторону городской тюрьмы, откуда изредка, отчётливо доносился, звук, похожий на работу двигателя мотоцикла «Ковровец». Громких криков не было, даже вездесущие ребятишки «старались» не кричать, стоял какой-то разноголосый гул и только. Ближе подходить мы не решились, потому что с угловой вышки, южной и западной тюремных стен, напротив вечерней школы, женщина – охранница стреляла, как нам показалось вначале, из пулемёта по людям, в основном подросткам, которые пытались влезть на деревья и заглянуть внутрь, за тюремную стену. Доносились крики: «Бабка, бабка стреляет! Вон она, на вышке!»

Уже совсем недавно стало известно, что это была никакая не бабка, а довольно молодая женщина, что стреляла она из автомата, а не из пулемёта, как нам тогда показалось, и что, якобы, сменив её имя и фамилию, отправили потом куда-то, а куда – неизвестно, но от людей, помнящих эти события, подальше. Но такие «подробности» стали известны совсем не-

давно, а до этого всё быстро «забылось» и эта тема оказалась под запретом.

Автобусы в этот день не ходили, весь транспорт стоял, но расстояние от Города до Текстиля небольшое и, бросив дома рюкзачок, я тут же, был отправлен в баню – смывать следы «сплошной походной периферии».

Народу в нашей большой, великолепной текстильской, одной из лучших в городе, бане было совсем немного, но все, я это помню хорошо, тихо обсуждали продолжающиеся городские события и их причину. Оказывается, в отделении милиции забили насмерть таксиста, который проживал здесь же, рядом с Текстилем, в Забадамском посёлке, и его похороны перешли в протестное движение, которое позже назовут: «восстание чимкентских водителей». А ещё я узнал, что все «стражи порядка» поснимали милицейскую форму и разбежались, попрятавшись, а кого удалось поймать, того жестоко избивали, очень жестоко. Исключение составил, пожалуй, единственный, известный на всю страну, как призёр Всесоюзного конкурса регулировщиков Сатывалдиев Саидакбар, сайрамский узбек, фронтовик, которого все в Чимкенте звали просто дядя Серёжа. Рассказывали, что когда разъярённая толпа бросилась на штурм городского отделения милиции, по цепи передавали команду: «Серёжу не трогать! Серёжу не трогать!» Очень он порядочный был и честный, а уж когда регулировал движение – все любовались! Умер он в 1978 году в онкологии. В Чимкенте ему поставлен памятник, мы все помним его! Дядя Серёжа – Сатывалдиев Саидакбар.

Хотя совсем рядом на горке в крепости находилась лётная воинская часть, но на усмирение и подавление восставшей толпы, к вечеру вызвали ташкентских курсантов, которые очень быстро рассеяли нападающих. Утром город жил уже нормальной размеренной жизнью, как будто ничего и не случилось, но только в центре Города на местах бывших трагических событий патрульную службу несли солдаты, вооруженные автоматами, что было крайне необычно для того времени.

Через два дня я уезжал в Москву, но предварительно в школе была взята справка, что я являюсь учеником 22-й школы, хотя никто, ни разу её у меня и не потребовал.

В Москве я пробыл почти до конца августа, поэтому ничего рассказать больше не могу, всё как-то быстро «забылось». Знаю, что суды были закрытые, выездные. Вот только сейчас стали уж больно привирать об этих событиях, но так бывает всегда, я же рассказал, что видел и слышал сам. А ещё я помню, что говорили о довольно больших жертвах, и что родственников обязали хоронить убитых, на других кладбищах области, а не только на Чимкентских, не знаю, чем и как мотивируя это. Но это говорили уже позже. Да, вероятнее всего, это всё слухи, тогда как официальные данные сообщают о не столь больших жертвах.

А вот, интересно то, что гораздо позже, где бы я ни пытался рассказывать об увиденном мною тогда, даже в Чимкенте, мало кто слышал об этом и в основном смотрели на меня, как на барона Мюнхаузена, «прохиндейски» отводя взгляд при этом, зато сейчас «очевидцев» этих событий, – «пруд пруди»!

Говорят, что у детей нет ни прошлого, ни будущего, вернее, в их мироощущении, не существует таких определений, позволяющим воспринимать это, но зато они расточительно и порой бездумно, пользуются настоящим и именно этим они и отличаются от взрослых. Но взрослея, что-то приобретаешь, а что-то и теряешь, и понять, что, же ты «обронил» в пути, что-нибудь важное или незначительное, второстепенное, – ты можешь только по истечении длительного периода, порой длинную в жизнь.

В 1968 году детство, во временном понимании, давно уже закончилось, но поскольку мне ещё не исполнилось шестнадцати лет, ведь до конца декабря было ещё целых полгода, и я ещё не мог «смело» смотреть фильмы с интригующей и привлекательной ремаркой: «детям до шестнадцати лет», но и путёвка в пионерский лагерь, мне по возрасту «переростка» тоже уже была «противопоказана», что было вдвойне обидно. Особенно стало тоскливо тогда, когда все ребята с

нашего двора разъехались и остались в седьмом доме только я и Саня Карпачёв – оба выбывшие из пионерского возраста, хотя он чуть меня младше. Поэтому было решено съездить в наш текстильский пионерский лагерь «Горный» навестить наших друзей. Но чтобы не откладывать благое мероприятие надолго, решено было отправиться на следующий день, как говорится, «нищему собраться – только подпоясаться!» Хотя по настоятельной «просьбе» отца, я был снабжён старым армейским котелком и двумя или тремя брикетами гречневой каши, что и было крайне неохотно мною положено в выдавший виды, пионерский рюкзачок.

Вышли рано утром, но особо не торопились, поскольку автовокзал совсем рядом, но выходя, у подъезда, встретили бабушку Валеры Курочкина, который также был в числе друзей, которых мы намеревались навестить в пионерском лагере. Поэтому кто-то из нас, Саня или я, в дополнение к обязательному приветствию, поведали ей о цели нашего раннего «торжественного» выхода из дома. Сказать, что наша чрезмерная болтливость, как выяснилось позже, уж шибко нам навредила, я не могу, но поначалу это выглядело именно так, поскольку Валерина бабушка велела нам подождать, и тотчас, же вынесла нечто, завёрнутое в бумагу и уложенное в сетку «авоську» – тогдашнюю альтернативу полиэтиленовым пакетам. Это был гостинец, который мы должны были бы передать её внуку Валере.

До станции Тюлькубас доехали быстро, железнодорожный и автовокзал находились рядом. «Тюльке» (тулки) в переводе с тюркского означает «лиса», «бас» – голова, получается Тюлькубас – Лисья голова. Это просто большая железнодорожная станция, но не районный центр одноимённого района Чимкентской области. О том, какие здесь растут яблоки, я уже сообщал тебе, дорогой мой читатель, в предыдущих главах моего «эссе».

На вокзале, помню, купили парочку, другую горячих лепёшек и положили их в «авоську» с гостинцами, предназначенными для Валеры, чего, как впоследствии оказалось, ни в

коем случае не следовало было делать, а положить бы горячие лепёшки куда-нибудь в другое место нашего незатейливого и скудного багажа.

На среднеазиатских базарах, пусть даже совсем крохотных, пусть даже временных, сезонных, есть определённые правила, продиктованные практикой и сложившимся непререкаемым базарным этикетом, отличающим азиатские базары от всех остальных базаров. Я обязательно расскажу о чимкентских базарах подробно, но сейчас просто скажу, что торговец мант, или же, халвы, может криком расхваливать свой товар, привлекая внимание, надрывая голосовые связки. Товар же пекаря, производящего свои изделия тут же, у тандыра, не важно какого: горизонтального ли, вертикального ли, в голосовой рекламе не нуждается, – запах свежей выпечки заставит изойти слюной любого, желающего перекусить. А вот шашлычник, этот маг и чародей, повелитель шампуров и мангала, вообще никогда не повышает голоса. Чтобы завлечь голодный люд, он просто бросит один единственный кусочек ароматного курдючного сала на раскалённые угли мангала и всё! И ничего более! А уж только потом начнёт, не спеша, раскладывать на мангале шампуры. И люди, привлечённые ароматным дымом от горящего сала, поспешат отовсюду, чтобы скушать пару палочек, а потом повторить ещё и ещё.

Точно также мы, почувствовав несравненный аромат жарящегося шашлыка, особенно если жарится он на саксауле, остановились у мангала и взяли по две палочки, а это ведь так мало. В то время к шашлыку бесплатно полагался хлеб, количество кусков которого определял ты сам, а кроме этого у всех шашлычников обязательным требованием было наличие большого таза с нарезанным кольцами луком. А ещё всегда стояла толстостенная бутылка из-под шампанского, либо импортного вина, заткнутая пробкой с пробитыми в ней отверстиями, для того, чтобы поливать содержимым бутылки лук, который клиент сам брал без меры, посыпая им шашлык. Почти всегда в бутылку с уксусом помещался стручок жгучего красного перца, хотя и по просьбе покупателя шашлычник ещё и предоставит

перечницу, чаще всего самодельную, изготовленную из какой-либо стеклянной баночки, в завинчивающейся металлической крышке которой, были также проделаны шилом отверстия. Но это было лишнее, потому как перец, «припыливший» оранжево-красными точечками белые кольца лука, политые ещё и уксусом, и это луковое «покрывало», под которым маняще поблескивали жирком аппетитные, великолепно прожаренные кусочки ароматной и сочной баранинки, всё это вместе вызывало непомерный, «дополнительный» аппетит.

Постепенно это ушло: хлеб стали давать по норме, а кроме того, шашлычник сам стал посыпать твою порцию луком, размещая всё это не на плотной серой бумаге, как было раньше, а на тарелочке из алюминиевой фольги. И лишь в уксусе никак не ограничивали, но всё изменяется, всё становится другим. Вполне возможно, что и уксус теперь превращён в порционную добавку.

Вот так, слегка перекусив, мы направились в сторону горной гряды, но не перпендикулярно к ней, а забирая всё время влево, на восток, с целью сокращения пути к лагерю. И дойдя до неё, продолжили движение вдоль этой гряды, немного поднявшись вверх. А вот то, что мы только «слегка перекусили» стало ясно примерно часа через два нашего пешего перехода, а более того, нестерпимо соблазнительно запахло из «авоськи», где лежала посылка для Валеры. А, кроме того, усиленное истечение аромата было спровоцировано тем, что горячие лепёшки, остывая, нагрели раскисшую бумагу «пищевой бандероли», поскольку иного названия этой посылке не находилось. Пройдя ещё где-то около часа с этой сеткой, как «собака с костью», решено было сделать привал и заодно перекусить лепёшками, а кроме того произвести досмотр «запашистого» груза, а затем опять отправляться в путь.

Пусть простит меня великодушно, мой драгоценный читатель, за столь нудное и подробное описание моих гастрономических «пристрастий», как может показаться на первый взгляд, на самом же деле это далеко не так. Я ведь вспоминаю те места, где бывал, и не раз, но так давно там не был, поэтому

и сейчас, находясь, как бы в астральном полёте памяти, хотя это «звёздное» слово не всегда применительно к земле, но, тем не менее, я им воспользовался, потому как «пролетаю» над родными тропами. И этот путь, отдых и простая прогулка для нас в то время, становится именно сейчас, воспроизведённый в памяти, несоизмеримо тяжелее, пройденного пути тогда, в нашей далёкой юности! Вот потому я и пытаюсь шутить, продолжая занимать внимание читателя рассказом о посылке, дабы отвлечь самого себя от чрезмерных эмоций в воспоминаниях.

О, отроги Таласского Алатау Западного Тянь-Шаня, здесь в любое время года так великолепно и даже не смеешь громко разговаривать, потому, как весь воздух наполнен ароматом трав и пением птиц. Он осязаем этот воздух, хотя сух и прозрачен, подвижен и упруг. И где бы ты ни находился, в узком ущелье ли, в густом лесу, под сенью высокоствольной арчи, плотные кроны, которых не в силах пробить даже лучи яркого южного солнца, в каньонах, или же вблизи ледников, вдоль горных рек и ручьёв, в тугайных зарослях, – везде, абсолютно нигде нет запаха прелой листвы и сырости! А пахнет настолько приятно и запоминающе волнительно, и так неистребимо памятно, что, казалось бы, перенеси сейчас меня, какая-либо фантастическая сила, в полном моём незнании и неведении: куда и зачем, с завязанными глазами, именно в родные места, а затем, не развязывая глаз грозно спросить, отвесив ещё и подзатыльник для пущей таинственности и куража: «И где это ты, Коля? Отвечай не задумываясь!» Я обязательно назову место. Не задумываясь!

Не так давно, перебирая так и не распакованные со дня переезда на Кубань коробки с книгами, хранящиеся в гараже с 1992 года (всё как-то «руки не доходили»), я обнаружил, незнамо как попавший в один из ящичков, большой бумажный пакет, наполненный ароматным травяным сбором для приготовления вермута или бальзама. Этот пакет, мне помнится, презентовала моя знакомая незадолго до нашего переезда. Работники чимкентского винзавода сами собирали эти аро-

матные травы, именно в Тюлькубасском и Ленгерском районах области. Я храню этот пакет, трава в котором до сих пор благоухает.

Ну что, читатель, мы отдохнули на привале и наступил всё же долгожданный момент, когда мы «сорвём завесу таинственности» с посылки бабушки своему внуку Валере? Ведь мы до сих пор могли только догадываться, что же в нём находится? И вот, развернув почти просохший в пути свёрток, обнаруживаем белый хлопчатобумажный мешочек, в котором лежат небольшие, аккуратные, источающие еле уловимый аромат тархуна, райхана, но перебиваемый доминирующим, менее деликатным, но «обалденным» запахом смеси чеснока с укропом, малосольные огурчики! А рядом с этим, огурцовым великолепием, лежал хороший, уже нарезанный на ломти, кусок солёного, с прослойками сала, с жёлто-золотистой шкуркой!

Казалось бы, зачем передавать в лагерь, где хорошо кормят, такие продукты, тем более сало, которое летом не каждый будет есть, по ряду причин. Во-первых, летом свинину практически не продавали в то время. А вот курдюк, да и верблюжий горб, всегда были в продаже, особенно курдюк, который брали и на перетопку, и на засолку. Вот, например, моя покойная мама, хотя родом из Подмосковья, но практически всегда, предпочитала засаливать курдюк, который, засоленный правильно, на вкус великолепен. Так «самооправдывающе», истекая обильной слюною, рассуждали мы, склонившись в глубоком и тяжком раздумье над вожделенной посылкой, и ведь «додумались» до единогласного решения: скушать по одному огурчику и по ломтику сала, в дополнение к нашим лепёшкам! Это, более чем мудрое решение, было выполнено мгновенно, тем более что вес посылки сильно не «пострадал», а нам же этот «перекус» прибавил сил.

Но вот и показался флагшток с далёкой красной точкой поднятого флага, значит, дошли, и дошли довольно быстро, потому что в этот именно день, мы ещё успели очень многое сделать: навестить ребят в пионерском лагере, передать «почтатый» гостинец Валере, сварить гречневые брикеты в котелке

и за неимением ложек, скушать её спичечным коробком, а затем продолжить подъём в горы. А потом, поднявшись на вершину, напрочь забыв про солнечные часы и осторожность, поскольку внизу было уже темно, а вершина освещалась заходящим солнцем, поэтому спускаться пришлось в темноте, но всё обошлось благополучно.

Начальником пионерского лагеря была в тот год Римма Сергеевна Ломидзе, которая в одно время жила на Текстиле в 5-ом доме на Быковского, в котором когда-то жили мы. В «мирное», не пионерское время, она работала комендантом общежития на Полторацкого, где проживали работницы ХБК. А бухгалтером всегда, как в «Соколе», так и в «Горном», была наша общая соседка по дому и даже подъезду, тётя Тоня Тургенева, мама нашего друга Виктора, который в песне «Чимкент, мой кент», известного московского диджея Володи Венгерова, тоже нашего друга, проживающего в соседнем доме, «прославлен» под кличкой Пипа. Кстати, это не имеет ничего общего с названием известных земноводных, точнее сказать лягушек. На самом деле, изначально, как только на экранах нашей страны стали показывать кинокомедию английского режисёра Роберта Эшера «Приключения Питкина в больнице», а было это в начале 60-х прошлого века, Витя Тургенев получил почётное прозвище, – Питкин, но потом, когда артист Норман Уиздом стал постепенно забываться, поскольку появились наши, ещё более смешные и понятные кинокомедии, то Питкин незаметно превратился в Пипкина, а затем и в Пипу, но хуже он от этого не стал.

Да, ещё едва не забыл, в Володиной песне «Чимкент, мой кент» в припеве также упоминается Валера Чума. Это тот самый Валера, посылкой которого мы слегка «подхарчились». А стали звать его так, с подачи его же бабушки, которая, в «сердцах», однажды назвала его чумой, как чрезмерно непоседливого и страшно подвижного. Мальчишки ведь, это такой народ, среди которых находятся и такие, которые еле двигаются, так, что хочется плакать, а другие напротив, настолько подвижны и неутомимы, что взрослые действительно

плачут и ставят в пример непоседе того, первого, кто никогда без спроса не покидает двор, а отпрашивается, чтобы уйти куда-либо с ребятами, но делает это крайне редко и, неохотно, по ряду причин. Во-первых, это было крайне нежелательно, именно для остальной братии, которая шла куда-то без спроса, поэтому, своим «отпрашиванием», он невольно, раскрывал место планируемой «прогулки» для своих родителей, а те, в свою очередь, оповещали и наших мам, что часто срывало мероприятие. Рискнувший сделать это, мало того что обвинялся в содеянном, в том что он «пролегал» взрослым, но ещё и рисковал получить несколько «пендалей» от товарищей. А посему, предпочитал он вечно сидеть во дворе на скамейке, умиляя этим сидящих рядом старушек. Но дети это ведь ещё не состарившиеся взрослые, среди детей нет одинаковых, все разные, есть злые и добрые, но видно добрых было больше, поэтому мало кто Валеру называл Чумой, большинство же называло его безобидно и ласково, – Чумик.

Но вернёмся опять в лагерь, ведь мы только что спустились благополучно с горы, а оказывается, взрослые уже были более чем осведомлены о нашем «визите» и ещё более обеспокоены нашим отсутствием. Но мы были отведены в столовую, где нас покормили и поставили на бессрочное и бесплатное довольствие в первый отряд, где и были наши друзья. Кстати, воспитателем уже второго отряда был мой прежний вожатый Миша Мирер, а я же, как «пионер-переросток» был определён в стажёры, в обязанности которого входил и выпуск стенгазет, например «Голос Дружины», которые я должен художественно оформлять.

Многим, особенно тем, кто никогда не бывал в настоящих пионерских лагерях, той, советской поры, покажется невероятным, и он может, не поверит тому, как, и с какой лёгкостью, мы, по сути приبلудившиеся «бродяжки-шаромыжки» получили в детском летнем оздоровительном учреждении, столь радушный и заботливый приём. Но такое бывало и не раз, поскольку пионерские лагеря были ведомственные, относящиеся к конкретным промышленным предприятиям и

организациям, поэтому все друг друга знали. Ну а, кроме того, «визиты», подобные нашему, не носили массового, распротранённого характера.

Этот год я побыл в лагере и второй сезон, но, несмотря на неограниченные возможности ходить куда угодно, синюю птицу я нигде не встретил, хотя вполне возможно, плохо я её искал, поскольку неумолимо быстро вырослел. А, кроме того, не работал в лагере в этот год Садыков Юрий Алексеевич, музыкант, спортсмен, любитель-орнитолог из села Ванновка Тюлькубасского района, о котором в этой главе я уже рассказывал.

А на следующий, 1969 год начальником пионерского лагеря «Горный» назначили мою учительницу русского языка и литературы, маму моей одноклассницы и мою соседку, живущую в соседнем 6-м доме, Мелехову Валентину Гавриловну, которая и взяла меня, в качестве художника. А ещё она пригласила одноклассника Юру Мурачёва поработать фотографом и Жору Коновалова, нашего школьного лаборанта, весельчака и умницу, оператором в лагерную радиорубку. Вот мы трое и жили в одной комнате в здании, примыкающем к кинотеатру. За сезон работы я научился косить, потому что не каждый день рисовал газеты, а чаще, кстати, добровольно, поскольку это мне нравилось, обкашивал лужайки, засеянные тянь-шаньской люцерной, ворошил, сметал в стожки сено, даже дважды ездили на станцию Тюлькубас, дабы ночью «досматривать» за четырьмя вагонами угля, по шестьдесят тонн в каждом, предназначенными для лагерной котельной, в компании с родственником завхоза, очень хорошим парнем и местным курдом из Кумисбастау Пашей. После дежурства, возвращались каждый раз со станции рано утром, пешком, по «проторённой» уже дороге. С Пашей, полное имя, которого Алипаша, я подружился и бывал у него дома в Кумисбастау, что недалеко от лагеря, где меня угощали, но особенно запомнился сыр чечель, который они делали сами в большом количестве из овечьего молока.

Как художнику мне платили пол-ставки, вторая половина ставки предназначалась фотографу – Юре Мурачёву, а сама ставка составляла шестьдесят рублей, но меня почему-то это особо и не интересовало и не заботило, видимо я тоже из той «породы», от которой плачут из-за их неугомонности, строптивости и непонятности. Да и детство моё, как видно, ещё и продолжалось, ещё и не закончилось...

Читатель вправе спросить: «А как же волшебная синяя птица, ты видел её, искал ли, слышал ли, хотя бы издавек её флейтовый свист? Мелькнула, хотя бы единожды, она лазоревым своим оперением перед глазами твоими?» И я отвечаю, что не видел, не встречал, не слышал вот уже третье лето подряд!

Но незадолго до окончания лагерного сезона к завхозу приехал, кто бы вы думали? Приехал из Ванновки, известный уже читателю человек, с сразу и навсегда запоминающимся именем и отчеством первого космонавта, и фамилией тюркского корня, которую тоже запомнишь на всю жизнь, как только узнаешь этого человека поближе, приехал небезызвестный Юрий Алексеевич Садыков.

Я не стану утомлять читателя описанием впечатлений от встречи, не стану также рассказывать, как и почему мы, спустя день, попали к нему домой на лагерном автобусе, но то, что я увидел там, об этом следует рассказать, но не постепенно, «наощупь», а сразу, так и заявить, что у него в доме, в селе Ванновка Тюлькубасского района Чимкентской области, в вольере, где когда-то жили волнистые попугайчики, теперь жила синяя птица! Настоящая синяя птица!

Много в описываемых мною местах птиц с ярким и красивым оперением, одни райские мухоловки и шурки золотистые, чего стоят, но синяя птица это нечто другое, это что-то сакральное, загадочное, таинственное, гипнотическое и даже тогда, находясь в вольере, она не казалась жалкой, «пришибленной», а была бойкой, подвижной, жизнерадостной. И что интересно: она даже пела, – свистела своим великолепным художественным свистом, яркого флейтового звучания! А вот райская мухоловка, напротив, обладает таким неприятным,

скрипучим голосом, что даже и представить боюсь, что птицы эти «осмеливаются» петь в раю, а ведь её называли «райской»!

Тогда во мне что-то произошло, перевернулось. А вот что именно, к пониманию и осознанию чего я тогда ещё не совсем дорос, а понял гораздо позже, понял до конца правильно, возможно совсем недавно, а значит, не так уж и вовремя, но всё-таки понял. Но только одно могу сказать, что именно тогда, когда я увидел синюю птицу «вольерного содержания», мне и в голову не могло прийти желание, как прежде в детстве заорать в неистовом восторге или же, просто выдохнуть: «Синегалка-а-а!» И вовсе не потому, что находился я в чужом доме, а даже и сейчас, когда тщетно пытаюсь воссоздать в памяти то чувство, которое овладело тогда мною, я не могу ответить на этот вопрос даже сам себе. Я просто тупо и разочарованно, безотрывно смотрел на синюю птицу! Но что-то во мне «перевернулось», что-то произошло, а вот что именно, я понял гораздо позднее, уже став совсем взрослым. Тогда я не осознал, что изменилось моё мироощущение, миропонимание. Просто, увидев волшебную синюю птицу в клетке, которой там, в моём понимании и быть не может, потому, как и не должно быть вообще её там, я испытал какой-то шок. Мало того, что синяя птица весело прыгает и летает в клетке, берёт корм, причём мясной, прямо с руки, но при этом ещё и распевает песни флейтового звучания? Но это я гораздо позже «расшифровал» своё чувство. А в отрочестве, да и в ранней юности, многие вещи невозможно понять, когда ты ещё абсолютно лишён способности, куда-либо смотреть правильно, кроме как «таращиться» по сторонам, да и по-другому не можешь, потому, как ещё не дано это тебе самим возрастом. Не может молодой человек смотреть, например, назад, как это делают старики, оглядывая свой пройденный путь. А молодому, нет надобности оглядываться, потому как прошлого-то у него ещё нет! И ты ведь ещё только начинаешь смотреть вперёд, а предстоящий путь тебе видится пока ещё ровным и гладким, абсолютно без каких-либо преград. Но вдруг убеждаешься, что это не так, внезапно споткнувшись о камень, который ты не

заметил! И только тогда понимаешь, что идя по жизненному пути, смотреть надо не только далеко вперёд, но и иногда под ноги, чтобы ненароком не упасть, споткнувшись о жизненный камень. Вот именно о такой камень «споткнулся» я, увидев когда-то вольную синюю птицу, такую родную и, вместе с тем, загадочную и недоступную, распеваящую сейчас свои изумительные флейтовые песни в вольере, где не так давно жили волнистые попугаи! Я споткнулся о «камень». Я повзрослел...

Мне кажется, что не только на Востоке, а везде, говорят примерно следующее, во всяком случае, по смыслу: «Не будь таким сладким, чтобы проглотили. Не будь таким горьким, чтобы плевались». И многие события в твоей жизни как раз-то и помогают тебе самому регулировать этот жизненный «вкусовой» индикатор.

После окончания первого сезона, получив свои три червонца и приехав на «пересменку» домой, обязательно, встречая своих друзей, узнавал, что он сейчас работает и оказалось, что на лето устроились поработать почти все. Кто устроился на МЖК (маслозавод) сбивать ящики для мыла, кто формовать саманные кирпичи, кто на швейную фабрику «Восход», кто ещё куда-нибудь. И везде своих чад устраивали на временный летний труд родители, и продиктовано это было отнюдь не скудностью семейного бюджета, все жили в достатке, а так было заведено. Например, моя будущая жена, ходила с группой, совершая подворный обход горожан, переписывая тутовые деревья и проверяя частные виноградники на наличие филлоксеры, которой в Средней Азии тогда не было, как и колорадского жука, но, тем не менее, скрупулёзно проверяли и платили за это хорошие деньги, с целью, чтобы вообще никогда не было.

Короче, на второй сезон я не поехал, а вышел трудиться на гребенную фабрику ХБК в мотальный цех подсобным рабочим, но, не проработав и недели, был переведён по просьбе мастера и с согласия мамы, в прядильный цех на место ушедшего в отпуск подвозчика-транспортёрщика. Звучит «круто», особенно если учесть то, что я на тот момент являлся, согласно

кадровой терминологии, «малолеткой» и имел сокращённый рабочий день. Работа заключалась в том, что выработанную пряжу в «початках» следовало отвезти в ручной тележке на весы, предварительно зашив мешок со «съёмом» специальным универсальным узловязателем, используя его как большую иглолку, взвесить, квитанцию с означенным весом, номером смены и т.д. вложить в этот мешок и отвезти в определённое место, для каждого номера пряжи своё, а «сотку» длинноволокнистого кремового хлопка, вообще отдельно. Кроме этого было много интересных обязанностей, с которыми я справлялся, но долго надо рассказывать, возможно, где-либо и вставлю в своё «эссе». Но за месяц работы я получил очень хорошие, по тем временам деньги, свыше ста восьмидесяти рублей и это не считая денег, заработанных сверхурочно, когда деньги выплачивались по окончанию смены и составляли 7(семь) рублей. Я дважды отработал сверхурочно и дважды в ночь, хотя как «малолетка», не должен был этого делать, согласно правилам КЗоТ. И всё благодаря своей маме, которая работала табельщицей смены и как могла, опекала меня.

Ну, что, уважаемый читатель, пожалуй, хватит? Дело ведь совсем не в деньгах, а в ином, хотя те тридцать рублей, заработанные в пионерском лагере, эту, уж больно исторически-символичную сумму, по «обменному курсу» сравнимую с «тридцатью серебряниками», я помню почему-то, будто я получил эти деньги буквально вчера. Помню, уверен я, потому, что получил их спустя пару каких-то дней, после последней встречи с синей птицей, волшебной птицей детства. Вот, как-то так, дорогой мой читатель!

Но если кто-либо вдруг меня спросит, хочу ли я опять увидеть синию птицу, то отвечу утвердительно: «Ещё как хочу и ищу её по-прежнему». Но только вот в вольере видеть её не хочу. Не хочу, дорогой мой читатель!

Глава пятая

«Красный обоз» и... шелуха хлопковая

*Когда тебе уж пятьдесят, смиреньем запасись.
Довольно буйства юных лет и сердцу, и уму
И, рад уюту погребка, я не пойду в цветник,
Я розоцветный хмель налью – страдания уйму.*

Алишер Навои

*Люди любят и ненавидят одни и те же вещи,
но желающих много, а вещей мало.*

Сюнь-цзы

Никогда не думал, что это так трудно писать о прошлом, даже и не мог представить насколько. Вот уже, какую неделю я вообще не пишу, а только готовлюсь написать, обдумываю, переживаю, вспоминая те или иные моменты и события в жизни, ни сколько моей, а вообще жизни моего города детства. Кто-то, по-моему, Генрих Гейне, назвал прошлое родиной души человека, но экскурсии на «родину души» это не приятное развлечение, а очень тяжкий труд, особенно, если учитывать то, что сам экскурсант не в силах вернуть, воссоздать, хотя бы малую толику тех, первых переживаний и ощущений, которые испытывал когда-то, особенно, если эти ощущения приятны и дороги тебе. Это как от прочтения интересной книги в детстве, за которую берёшься, уже в пожилом возрасте, в грустные минуты жизни, чтобы как-то отвлечься, читая знакомые страницы, которые ты и так, помнишь почти наизусть. Но нет того ощущения, как от первого прочтения, да и невозможно его вернуть, невозможно воссоздать. И ты это знаешь. Но начинаешь «ворошить» память, вспоминая прожитое. Ведь когда-нибудь, у всех наступает та минута, когда позади оказывается будущее, а впереди только одно лишь прошлое, но хотелось бы успеть побольше, сделать до этой самой минуты. А вот успеешь или нет, – это как Бог распорядится.

Я ведь помню ещё Красные обозы с хлопком, который везли на хлопкоперерабатывающий завод, хотя так «длинно» никто его не называл, а все называли просто: хлопзавод. Везли на верблюдах, впряжённых попарно в большие повозки. Верблюды вышагивали величественно и грозно, покачивая своими горбами, а ребяташки, почему-то выкрикивали нелепую дразнилку: «Верблюд, Яшка, синяя рубашка!», до сих пор не пойму, почему именно «синяя рубашка», а не другого цвета, более подходящего под жёлто-бурую окраску бактрианов, а, тем более что ездовые-арбакешы воспринимали дразнилку на свой счёт и некоторых из дразнящих, иногда доставал их длинный ременной кнут, с мокрым и грязным, дурно пахнущим ремешком на конце, который и служил, видимо именно для этой цели, – отгонять назойливую и любознательную детвору и собак. Ведь верблюда нельзя бить, во-первых, бесполезно, а во-вторых, очень уж он обижается. Тогда, в пятидесятых годах прошлого века, хлопок сеяли буквально вокруг Чимкента повсюду: В Белых Водах, Манкенте, Карабулаке, Сайраме.

Дорога тогда на подъёме от улицы Володарского к Текстилю была вымощена булыжником, да вообще-то весь Таштракт в городской черте был вымощен так же. Кусочек такой дороги, помнится, сохранился вдоль арыка, во дворе самой первой «пятиэтажки» в этом районе, построенной в начале семидесятых, напротив автовокзала. А на месте компрессорной станции, создающей микроклимат на гребенной фабрике ХБК, располагался неплохой базар, с навесами, подсобными помещениями и прочими строениями, построенными из самана. Тогда ещё не было гребенной фабрики, а вот место это было очень оживлённое до самого железнодорожного вокзала. Но оживлённое, не в понятии «суматошное», непрерывно орущее и пылящее, а в деликатном, в смысле полезности. А потому, посещаемое только теми людьми, кому необходимо именно там быть, – празднующихся ротозеев и бездельников в этом районе было мало.

Вдоль всей дороги, носящей название Текстильная, ведущей к железнодорожному вокзалу и делающий крутой изгиб,

аккурат возле основных ворот хлопзавода, широкой полосой были густо посажены деревья, в основном ясени, карагачи, клёны и белые акации, под сенью которых в нескольких местах были сделаны, ежегодно обновляющиеся, глиняные печи для огромных казанов, в которых с самого утра варилась вкуснейшая шурпа. Я помню, что тогда, в детстве, я упорно «внедрял» в это название, ещё одну букву «У», поэтому шурпа менялась на «шурупу», но великолепный вкус от этого, ни капельки не «страдал». Вообще, дорогой мой читатель, слово «шурпа» почему-то относят к арабскому, означающему «суп». Хотя своим национальным, считают это вкусное, сытное, а самое главное, – простое блюдо, абсолютно все, кто его издавна готовит, и почти везде оно называется шурпа. Даже знаменитая молдавская чорба имеет то же звучание, подозреваю, что заимствовано оно у гагаузов, язык которых тоже относится к тюркским. Но это не только название, но и схожая технология приготовления, смысл которой у всех абсолютно один: хорошего, свежего мяса не жалей! Шурпа, – это не сиротская похлёбка! Точно такой же неукоснительный и «строгий» рецепт казачьего охотничьего артельного супа шулюм, куда обильно кладут лучшие охотничьи трофеи, по принципу: чем больше – тем лучше, тем вкуснее! Поэтому я всё-таки отношу слово «шурпа» к тюркским, а, вероятнее всего, «пальму первенства» в её «изобретении» отдадим уйгурам, поскольку среди всех тюркских народов, нет им соперников в кулинарии и количеству общепризнанных блюд. Хотя любому из оседлых тюркских народов мы можем её отдать, – эту самую «пальму первенства». А арабы пришли, покорив Среднюю Азию, завоевав Мавераннахр, и повелением завоевателя её, иракского араба Кутейбы ибн Муслима, принесшего в Среднюю Азию ислам, арабские воины были поставлены на проживание и «харчевое довольствие» в дома местных жителей, которые и вынуждены были вкусно и сытно потчевать своих «постояльцев» вкусным супом, под названием шурпа. Вот и стало это блюдо «арабским».

Кроме кайнатма шурпы, а это шурпа без поджарки, готовили маставу и машхурду, плов, лагман, да много чего го-

товили. Раньше я бы и названия не стал называть, зная, что россияне, до распада страны, вообще не знали этих блюд, да и упорно не «хотели» знать, порой раздражаясь, хотя сейчас вдруг «узнали» и даже пытаются что-то готовить, беспцеремонно оспаривая технологию приготовления. Это я из прошлых, детских впечатлений, о некоторых своих московских родственниках, когда-то ярых приверженцах традиционной «семейной русской кухни», и относящихся со снисходительным предубеждением ко всем «азиатским» блюдам, но затем вдруг резко сменивших свои гастрономические ориентиры и вкусовые пристрастия. Но можно и научиться готовить вроде и по всем «правилам» рецептуры, но человек, никогда не живший в Средней Азии, не приготовит так, как надо. Никогда!

Таких уединённых, «небойких» мест было много в прежнем Чимкенте, где можно было посидеть, неспешно, вкусно и недорого покушать, поговорить. Мне кажется, за «бойкостью» и людностью тогда не шибко-то и гнались, а посетителей всегда было в разумном достатке. Потому, как основными завсегдатаями этих мест были фронтовики, которые наслаждались жизнью этого относительно спокойного, размеренного времени, там, где ничто им о войне не напоминало, где её никогда не было. Да и сами люди становились другими. Не скажу, – какими, но другими. Ведь прошло совсем немного после её окончания, каких-то пятнадцать лет и никто не называл их ещё ветеранами, да и боевые награды редко кто из них надевал, но время жизни того периода обозначилось в незыблемых границах: до войны и «после». Да и у детворы, одной из любимых игр, была война.

Прости, читатель, ведь может показаться, что я так упорно стараюсь не сойти с пути «красного обоза», заиклившись на нём, но на самом деле это далеко не так, поскольку в самом начале шестидесятых, верблюжьи упряжки были заменены на тракторные тележки. Да и хлопок в основном стал поставляться на хлопзавод из Туркестанского района и Пахтаарала, что переводится с узбекского как «хлопковое море» и расположено от Чимкента довольно далеко, хотя и относится к

Чимкентской области. А, кроме того, уж больно устарел верблюжий транспорт, но я страшно не люблю слова «устарел», применительно к живым существам, не говоря уже о людях. Да и живописный «Красный обоз» это совсем иное, нежели хлопковые тележки-прицепы, которые промчавшись мимо, не оставят в памяти и следа! Красный же обоз – это театр, это цирк, это спектакль, это действие, это событие, потому что, живое!

Но мне же, важно самому не забыть родных и памятных для меня мест, не забыть людей, ведь не страшно, хотя и крайне неприятно, когда тебя не узнают и не помнят, а страшно именно тогда, когда ты вдруг чувствуешь, что сам начинаешь забывать то, о чём должен помнить всегда. Вот не знаю почему, но именно так уж сложилось, что все игральные кости судьбы моей легли кое-где удивительно близко от игральные костей судьбы моей жены Татьяны, поэтому и память сердца нет-нет, да и напомним, нет-нет, да и заставит очередной раз удивиться таким, казалось бы, простым совпадениям.

Все эти неприметные «ашхана-демхана» (столовая-засучочная) находились в непосредственной близости от кондитерского цеха, производящего сахарную вату, нават, какие-то леденцы на палочках и ещё что-то, типа парварды, это такие длинные конфеты белого цвета, проще сказать, именно часть тех сладостей, которые поражают воображение людей, впервые увидевшим такое их изобилие на восточных базарах. Этот цех имел «порядковый» номер «два», а рядом с ним располагалось невысокое и длинное здание, в котором до начала шестидесятых в зимнее время показывали кино, а позже использовалось под избирательный участок. Помню даже, что работая на ХБК в конструкторском бюро в 1972 году, был избран членом окружной избирательной комиссии, и этот избирательный участок также входил в сферу моей ответственности, хотя я был совсем молод. Но меня все эти «тонкие» подробности никогда и не интересовали, да и вряд ли я о них когда-либо вспомнил или обратил внимание, если бы не определила мне судьба место проживания после женитьбы, аккуратно напротив кондитерского цеха с «порядковым» номе-

ром «один», расположенного на Чапаевке. А это довольно таки далековато от второго «собрата», уже известное читателю, расположенное в районе хлопзавода. В кондитерской, расположенной на Чапаевке, напротив которой жила моя семья, выпекались великолепные и всевозможные пряники, печенье, изготавливались торты и выпекались изумительные пышные лепёшки «ширмой нон». Но оба этих кондитерских цеха входили в объединенную дирекцию заготовочной столовой №40, которой также принадлежали различные овощехранилища, транспорт, стройгруппа и прочие структуры общепита Энбекшинского района. Генеральным директором этого обширного хозяйства с середины 70-х и до «перестроечных» времён был Абдураимов Джалал Ханпулатович, замечательный султанрабатский узбек. А поскольку я предупреждал дорогих читателей, что по мере необходимости, там, где на взгляд автора, т.е. на мой взгляд, невозможно обойтись без имён и фамилий, то я и воспользуюсь этим и назову некоторых людей, ведь это значительно облегчает прочтение моего «эссе», да и меня настраивает на «писательский труд». Ведь человеку на жизненном пути приходится преодолевать какие-то препятствия, препоны и, кроме того, вдоль всего пути расставлено судьбою множество людей. А эти люди, – те же дорожные знаки, те же указатели, но каждый «указатель» установлен по сугубо своим, индивидуальным правилам, а многие вообще без правил! А есть и такие, которые, когда им выгодно, бревном прикидываются, дескать, я никакой не «указатель», да и вообще тебя не помню, а вспомню, возможно, при другой ситуации, когда ты мне вдруг понадобишься. И таких много! Поэтому и путь жизненный идеально ровным не бывает, а напоминает какую-то «викторину», с киданием кубика и продвижением фишек, была такая настольная детская игра, всегда разная, а кубик один! Потому-то и выучить правила каждого «указателя» невозможно, а вот разглядеть и почувствовать, кто есть кто: бревно или всё-таки человек – этому мы учимся всю жизнь.

Вот и проходя мысленно свой, пройденный жизненный путь, вспомнишь вдруг, что и сам бывал порою таким же

«бревном», и поступал по отношению к некоторым людям, совсем не так как хотелось, как поступил бы именно сейчас, спустя годы, и тебе делается неловко, досадно, а временами и стыдно, но осознаёшь, что уже ничего-то нельзя поправить, и остаётся только с горечью вспоминать содеянное, когда-то давно, но перенесённое памятью в сегодня и переживаемое настолько ощутимо, настолько болезненно, как будто случилось это только что.

Мне кажется, что жизненный путь, в какой-то мере, пусть и с позиций примитивизма, напоминает поход по грибы. Бывало, идёшь, идёшь, а всё ни одного съедобного, а если и попадаются, то гнилые да трухлявые, а так чаще поганки и мухоморы. А бывает и наоборот! Так и в жизни происходят, судьбой дарованные встречи, иногда и «безлимитные», почти без перерыва, но всё-таки бывают.

Я женился на пятом курсе института, а моя избранница училась на втором. Работать пошёл в среднюю школу №30 имени В.Куйбышева, на Сайрамской, преподавателем изобразительного искусства и черчения. Но поскольку количество часов данных предметов в школе крайне ограничено самой программой, то и полученные в конце месяца деньги, больше насмешили, нежели принесли «радость», но точно помню, что ничуть не огорчили. Но мне повезло, ведь меня окружали на тот период жизни, да впрочем, почти всегда, замечательные, очень умные и порядочные люди. Ну, во-первых, директор школы Мария Корниловна Мартынова, которая распорядилась так составить расписание моих уроков, что все они уместились в три дня. А, кроме того, по её рекомендации пригласили художником «на пол-ставки в детский садик «Золотая рыбка», расположенный рядом со школой. Ну а в дополнение ко всем этим «оплачиваемым нагрузкам», добавилось ещё и совместительство в средней школе № 31 имени В. Терешковой, расположенную, несмотря на явную очерёдность номеров, в другом конце города, – в районе железнодорожного вокзала. Но мне это было по пути, а кроме того, директором школы работал мой давнишний старший товарищ Володин Николай

Петрович, с которым я, будучи студентом, три года проработал в пионерских лагерях, он – начальником, я – воспитателем. Поэтому мне было не только по пути, но и по душе. А в конце ноября 1976 года родилась дочка – наш первенец.

В тридцатой школе обучалось много греков, хотя греки учились практически во всех русских школах города, но в этой школе их было особенно много, поэтому многие называли эту школу «греческой». Кроме того, весь технический персонал школы и даже работники школьной столовой были гречанки. Были также начальные узбекские классы, в которых у меня было по часу изобразительного искусства. А ещё в школе обучалось несколько ингушских детей. В общем, школа была интернациональная. Естественно, основной контингент в школе составляли русские. Да, чуть было не забыл, не так далеко от школы по улице Абрикосова, находился молельный дом христиан – адвентистов седьмого дня, поэтому в школе были ученики, приверженцы этого «направления», но их было мало. Хотя руководителем и организатором этого молельного дома был некий Михаил Кулаков, дети которого учились в тридцатой школе, и учились, кстати, очень хорошо, в отличие от детей «рядовых» адвентистов. Жила эта семья на улице, носящей название «Вторая Арычная». Я хорошо помню их дом. Сам Михаил Кулаков официально числился переводчиком английского в Доме быта. Впоследствии Михаил Кулаков, а именно в конце восьмидесятых, стал главным просвитером всех адвентистов СССР и перебрался в Москву, где выступал в телевизионных диспутах, которые тогда проводились очень часто.

Район, прилегающий к школе, был весь застроен добротными домами, в которых проживали жители, занимающиеся каким-либо «дополнительным» ремеслом или делом, кто-то выращивал рассаду, кто-то цветы, кто вязал, шил, делал рамы, двери, вставлял золотые зубы. Но и в государственных учреждениях тогда работали все – тунеядцев не было.

Не менее «разноплеменен» был контингент и в тридцать первой школе, расположенной также в частном секторе, хотя и иногда затруднительно это место так назвать, поскольку

это привокзальный район, имеющий весьма романтическое название Зелёная Балка, а таких «балок» три, застраивались которые хаотично и не менее хаотично заселялись. Поэтому и люди там особенные, своеобразные, часто сменяющиеся. Исключение, пожалуй, составляли старожилы двухэтажного железнодорожного посёлка, относительно компактно сосредоточенного вблизи, когда-то оживлённого, а теперь несуществующего Хитрого базара, а также школы, бани, магазинов, хлебопекарни, выпекающей лучший в городе хлеб, после «свинцовского» конечно, да улицы, ведущей к Гидролизному заводу, на которой проживали чеченцы, дети которых обучались также в тридцать первой школе.

Несколько позже я работал в детской художественной школе, которая располагалась тогда на Кирова 5, и именно в начале 80-х годов, начали строить высотные дома по Коммунистическому проспекту и наша ДХШ «затерялась» за этими зданиями. На проспекте остались, из старых построек, только длинные и нелепые цеха тарной фабрики, относящиеся к нашему хлопчатобумажному комбинату, в качестве одного из вспомогательных производств, хотя и расположенные довольно далеко от основного здания ХБК. Эти цеха примыкали прямо к тротуару и тянулись вдоль него, чуть-чуть не дотягивая до улицы Рубинштейна, поскольку «мешал» жилой дом. На тарной фабрике выпускали так называемую «техническую салфетку», представляющую собой прошитый полиамидной нитью, на вязально-прошивной машине слой хлопка. В общем, что-то напоминающее ватин, но более прочное, более часто простроченное, выдаваемое именно сейчас, за нечто «особое и инновационное», и продаваемое в ярких упаковках маленькими лоскутками.

Позаимствовав фразу у В. Маяковского, скажу: «Когда я итожу, то, что прожил, и роюсь в днях...», то с особой симпатией и теплотой вспоминаю время работы в художественной школе. Я был молод, жизнь была интересна, быстротечности пока не ощущалось, всё было хорошо, у меня была хорошая любимая работа, и на всё времени хватало. А кроме основной

работы в художественной школе я подрабатывал, тогда это называлось «халтурил», хотя слово не всегда верное, в областном управлении общественного питания художником, но оформлен был в заготовочной столовой № 40, директором которой был, уже известный читателю, Абдураимов.Д.Х., – замечательный султанрабатский узбек.

Вот и прошла судьба очередной свой жизненный виток и стала закручиваться спиралью, поднимаясь во времени, которое я очень хорошо помню, но уже не ощущаю так, как хотелось бы, как ощущал когда-то, но где-то, на каком-то витке, возможно через годы, это ощущение обязательно повторится, должно, повторится, и я верю в это. А пока, поброжу-ка я мысленно, по местам детства своего, вдруг да ещё что вспомним. Поэтому вернёмся-ка мы с тобой, уважаемый читатель, вновь к «красному обозу», а затем побываем и на маслозаводе, тем более и идти-то далеко не надо – всё ведь рядом, и хлопзавод, и МЖК, и ХБК. Оставим пока все эти чимкентские харчевни и чайханы с их клетками, в которых распевают свою вечную песню бедана-перепёлки: «Питпилдык, питпилдык!», поэтому и называют их чаще всего, именно так – питпилдык. А мы же ещё сюда вернёмся, дорогой читатель... Обязательно вернёмся.

Парк культуры и отдыха Чимкентского масложиркомбината! Сейчас и представить трудно какой это был парк! Даже не пройдя ещё под сводами кирпичной арки, являющейся входом в парк, а, только приблизившись к ней, чувствовал спасительную прохладу, даже в самую полуденную жару, когда и само солнце не видно, потому как оно всё превращается, расплавляясь и растекаясь в пылающее белым ослепительным жаром небо. А какой чистый и глубокий арык протекал вдоль парковой ограды! Парк был великолепен, в нём так густо были посажены деревья, что в самом парке, сидя в летнем кинотеатре, совсем неслышно было проходящих поездов, хотя железная дорога располагалась в каких-то пятистах метрах от него и шла параллельно лесному массиву. Но отделяла парк от довольно широкой, именно в этом месте, полосы отчуждения, асфальтированная дорога, по которой очень редко ездил

какой-либо транспорт, хотя предназначалась она для вывоза хлопковой шелухи и шрота с маслозавода. Пересекала же, перпендикулярно, от парка до железнодорожного полотна, грунтовая тропа, ведущая в тоннель, проходящая под ним и служащая пешеходным переходом, поскольку насыпь в этом месте очень высокая. Да я уже, помнится, писал об этом, восторгаясь работой русских «колонизаторов», строивших эту железную дорогу в 1905 году, предусмотревших всё, выслушав всех, учтя все пожелания, соорудив даже сифоны, дабы сохранить и совершенствовать арычную систему древнего Чимкента!

Мы, текстильские, очень любили этот район, ещё и потому, что аккуратно напротив входа в парк, между дорогой и детским садиком было настоящее стандартное, ухоженное футбольное поле, на котором не было никаких колючек и практически всегда можно было там поиграть, да и район этот мы также считали своим. Кстати он и был нашим, поскольку «практичная и серьёзная», «частнособственническая» Чапаевка, находящаяся за железнодорожной линией, всё одно, что за границей, днём в этом районе «интересов» никаких не имела. Но зато ночью, всё менялось, но об этом, дорогой читатель, надо рассказывать более подробно и долго, поэтому и придётся нам вернуться на асфальтированную дорогу, которая тянется вдоль парка и полосы отчуждения, и о которой я уже сообщил, что предназначена она для вывоза хлопковой шелухи и шрота с маслозавода. Но прежде, я просто обязан, хотя бы немного рассказать о растительном масле, выпускаемом нашим чимкентским МЖК.

Не стану я, уважаемый читатель, петь хвалебную оду хлопковому маслу, но в Средней Азии это основное растительное масло. Конечно, было и другое масло, например кунжутное, ореховое, но его было мало, – продавали иногда на базаре, но крайне редко. Практически не было в продаже подсолнечного масла, хотя многие, приезжающие в Среднюю Азию, так и не смогли привыкнуть к хлопковому, повсюду искали его. Правда, очень большие площади богарной, т.е. неполивной земли были

всюду засеяны колючим низкорослым растением, с красивым, особенно само цветущее поле, цветами с мелкими ярко-жёлтыми или оранжевыми лепестками с чёрной серединой. Плод – белая ребристая семянка. Все называли это растение «каракоз», в переводе с тюркского означает – «чёрный глаз». Его обычно давали, но только совсем немножко, домашней птице, в противном случае, если давать его много, птица очень быстро жиреет и перестаёт нестись. Но если откармливать к Рождеству гуся и давать ему каракоз, даже и не принуждая его к еде, то гусь к Празднику набирал более чем соответствующий вес и все остальные «соответствия», включая и размер печени. Уже покинув Среднюю Азию я узнал, что этот самый «чёрный глаз» на самом деле называется сафлор и он очень масличен, а маслом, полученным из него окрашивали в Древнем Египте повязки для мумий. Вот такой «кошмар» я узнаю совсем недавно, но хорошо помню, что, несмотря на обилие сафлоровых полей близ Чимкента, на нашем МЖК масло из него тогда не производили, поскольку хлопка в то время было более чем достаточно.

А хлопковое масло тогда на заводе не дезодорировалось и даже не было мелкой расфасовки его, а шло оно в продажу на разлив в металлических бочках, вместимостью в обычную, не нефтяную баррель, т.е. 119,24 литра. И хотя стоило оно тогда копейки, но без соответствующей последующей обработки, имело «своеобразный» привкус и запах, что очень многим не нравилось, поэтому и являлся процесс перекаливания масла одной из главнейших особенностей узбекской кулинарии. И посему, не рассказать о правильном перекаливании хлопкового масла, никак нельзя. Как правило, это сделать в обычной кухне крайне сложно и даже включённая вытяжка не будет эффективной, потому как в процессе перекаливания появляется дым темноватого цвета, затем белый. При этом брошенная в котёл крупная соль – «стреляет». Чтобы нейтрализовать горькие вещества, имеющиеся в масле, достаточно бросить верхнюю корочку хлеба, срезанную с буханки, или же небольшую ивовую веточку, зачищенную от коры и свёрнутую венчиком. Перекаленное таким образом масло, после

того как остынет, переливается в обычные стеклянные банки и в дальнейшем используется в кулинарии, оно приобретает совсем другой вкус и запах, поэтому и блюда, приготовленные на таком, подготовленном масле, гораздо вкуснее.

Но мы, всё-таки, давай вернёмся, уважаемый читатель, на дорогу, находящуюся за маслозаводским парком и которая предназначена была именно для вывоза хлопковой шелухи, до того, как была построена подвесная дорога, по которой, в больших «самопрокидывающихся» подвесных люльках, доставлялась через железнодорожную линию и дальше на гидролизный завод, хлопковая шелуха. Хлопковая шелуха являлась, одно время, основным сырьём для этого производства, а несколько позже добавилась еще и рисовая шелуха – «шала».

Я уже «поведал» читателю о том, какие нужные и полезные товары выпускал гидролизный завод, и не случайно, сразу после распада СССР на гидролизный завод прибыли китайские торговые эмиссары с предложением выкупить это предприятие. Их очень интересовал заменитель сахара – ксилит. Это мне известно, как говорится «из первых уст», поскольку я тогда работал директором СШРМ № 6, основное здание которой находилось на балансе гидролизного завода, а директором завода, на тот период, была Зоя Даниловна Казначеева. Я достаточно хорошо помню одного китайца, одетого в чёрный, несмотря на весеннюю жару, элегантный костюм, и его совершенно незагорелое, неестественно белое лицо, что разительно отличало его от большинства наших тёмнолицых казахов. Помню, любые предложения о совместном сотрудничестве моментально отвергались, единственно, что предлагалось, – продать завод, а это, именно в то время, было вполне возможно. Но завод не продали, хотя с распадом страны, Казахстан в одночасье, надолго превратился из субъекта государства в непонятный объект, как впрочем, и Россия.

Я и сейчас достаточно хорошо помню время конца восьмидесятых, когда в стране стало твориться непонятно что, и мы ещё, дорогой мой читатель, обсудим это, но самое главное, что большинство работающих на заводах и фабриках Чимкен-

та, вдруг стали, с подачи тогдашнего руководства страны, всё чаще и чаще говорить о полной неконкурентноспособности нашего промышленного производства, вернее выпускаемых производством товаров. И такое происходило во всей стране, что невольно приходилось соглашаться с этим, чтобы не выглядеть «белой вороной», а вдруг да сам ошибаешься? Даже договорились до того, что, когда, приведя в качестве доказательного аргумента, востребованность наших товаров за рубежом, скажем в Японии, продукции завода «Пресс-автомат», кстати, эвакуированного в годы Великой Отечественной войны из Воронежа и оставленного в Чимкенте по сей день, слышал более чем идиотское объяснение, исходящее из уст доктора экономических наук: «Действительно берут! Но берут в качестве металлолома! У них ведь проблемы с металлом!» И лишь совсем недавно узнаю, что листы металла, которые потом превращаются в кузова автомобилей «на миллионах зарубежных заводах, включая японские и корейские, штампуются на прессах бывшего Воронежского производства»! А ведь это был, находящийся в Чимкенте, единственный в СССР завод, выпускающий дугостаторные прессовые машины и здесь же, на этом заводе, была впервые применена в промышленном масштабе технология производства биметаллов! Вот тебе и металлолом! А про остальные чимкентские заводы и говорить нечего, но о химфармзаводе, проданном совсем недавно полякам, как не вспомнить, тем более, что завод-то этот в СССР, самый главный, потому так и назывался: Химико-фармацевтический завод страны № 1 имени Ф.Э. Дзержинского. Очень важный завод, специализирующийся исключительно на выпуске фармацевтических субстанций, потому и не известный «широким» кругам, и поставляющий сырьё более чем в девяносто стран мира. Один только кристаллический сантонин, получаемый из эндемика Чимкентской области, цитварной полыни чего стоит. И ведь не случайно поспешил Ульянов-Ленин издать отдельный, специальный декрет о национализации именно этого, Черняевского (с 1914 по 1924 год г. Чимкент был переименован в Черняевск) сантонинового завода!

Ай, да русские «колонизаторы», ай да молодцы! Хотя бы купеческое сословие Российской империи? Взять того же купца Николая Ивановича Иванова. Затеялся сады под Ташкентом выращивать, занялся выпуском газированной минеральной воды, а следом и виноделием, а затем раз, и решили с зятем Савинковым сантониновый завод построить. За что бы ни взялись, везде получается! Решили и построили, да ещё какой! Даже корпуса сохранились, по сей день! Дом, в котором жила купеческая семья стоит себе целёхонький! Повезло, что «оказался» на территории завода, а то обязательно снесли бы, как сносятся почти все здания дореволюционной постройки. Жалко только, что собственность русских купцов казахи полякам отдали! Ну, так революция ведь была в 1917, всё национализировали, скажете вы, вернее интернационализировали – экспроприировали, а уж только потом, после развала СССР, действительно «национализировали».

Я понимаю, что это теперь самостоятельное, суверенное государство, которое само решает как поступать: ломать, сжечь, продать, а то и просто подарить, и не мне решать это. Я лишь сам пытаюсь понять и рассказать, без особых пристрастий, недовольства и досады, любознательному читателю, как же всё-таки так получилось, что развалилось могучее государство, превратившись в несколько удельных княжеств? Как содрогнувшись, пошатнулся, когда-то могучий и талантливый Русский Мир Средней Азии, но не упал, а просто пошёл, недоумевая и раздумывая, что же, произошло? Ведь от состояния этого самого Русского Мира зависит в мире очень многое! Но стал массово покидать родные места, а «гонители», спустя совсем немного времени отправятся следом за ушедшими, вот ведь какое дело! Ведь пройдёт не так уж и много времени и это будут трактовать совершенно не так как сейчас, вполне возможно и разберутся, дадут объективную оценку, а может быть окончательно исказят те события, что, скорее всего и произойдёт, поскольку «почин» этому уже заложен достаточно давно. И вновь, нет-нет, да и обвиняется «старший брат», «назначаясь» причиной очередных неудач. Хотя и русские

никому в «братья» и не набивались, тем более в старшие, и не их эта «затея», а всё строилось на принципах равенства и даже уступок. А то и просто срabатывает, уродливо вросшее в сознание некоторых, то ли ощущение какой-то давнишней досады, то ли собственный, затверждённый, «комплекс неполноценности».

Ну а если честно, то мне не совсем безразлична судьба химфармзавода. Хоть и самый большой город Чимкент в Казахстане, но все-то мы старожилы друг друга знаем, где-то, когда-то встречались, по всему городу, все как-то и чем-то связаны, а уж с такими «знаковыми» местами тем более. Ну, например я, ваш покорный слуга, три лета отработал воспитателем в химфармазаводском пионерском лагере «Дзержинец», расположенного на берегу любимой моей реки Арысь, близ узбекского села Инклап. А моя жена Татьяна до поступления в институт с 1972 по 1974 год проработала на химфарме в заводууправлении в должности, заведующей канцелярией. И уж она-то точно знала: сколько, чего и куда, в какие страны, отправляется с завода продукции. Вот так-то, дорогой читатель!

Да что же мы всё никак не вернёмся на эту, изрядно надоевшую, дорогу для вывоза шелухи с маслозавода? Может быть с «третьей» попытки всё-таки получится? Но и без пояснительных отступлений тоже ведь никак нельзя, поэтому и приходится отвлекаться на дела поважнее хлопковой шелухи. Хотя и хлопковая шелуха это очень занятная и любопытная тема, поскольку те люди, которые «монополизировали» этот, когда-то относительно доступный, сравнительно для всех, вид «незаконного приработка», в начале девяностых стали довольно зажиточными людьми, которые затем легко проникли во власть, ну а потом, сугубо национальная приватизация, была более чем доступна.

Зря ты иронизируешь, недоверчивый читатель, ибо даже само ночное участие в краже хлопковой шелухи, её организация, а тем более контроль за этим, приносили огромные доходы.

Хлопковая шелуха, это великолепный корм для скота, особенно для крупнорогатого. Многие в городе Чимкенте, про-

живая в частном секторе, держали скотину, да и прокормить скот не так уж и трудно было в городе, имея хорошие корма, получая, каким-либо образом с мелькомбината комбикорм или же с маслозавода ту же шелуху, тогда как в сельской местности основные проблемы были с выпасом, поскольку пастбища выгорали и скот угонялся в горы. Но такие мероприятия были осуществимы только в государственных хозяйствах, частнику подобная откочёвка не по силам. Вообще причин, объясняющих то, почему горожане, проживающие в частном секторе, старались держать какую-либо «живность» – множество, и перечислять их, – нет надобности, они всем понятны и ясны, такой у нас народ, потому, что такая жизнь.

Я помню, где-то в начале 60-х, когда в эпоху правления Н.С Хрущёва в городской черте провели беспрецедентную, по масштабам и глупости, реквизицию т.е. принудительное отчуждение за плату государством, крупнорогатого скота у населения. Я очень хорошо помню те времена, я помню последствия той реквизиции, помню, как стояли на берегу Бадама женщины и смотрели, как измученные конные гуртовщики тщетно пытались перегнать на другой берег Бадама огромное стадо, жалобно мычавших, мечучихся, недоенных коров. И вторили бедным животным, «ревмя ревя» и мечась, так же как и они по берегу, эти, объединённые горем, узбекско-русские «тётки», потерявшие кормилиц. И было ведь не одно это стадо: по всей стране так было. По всей стране рёв стоял! Всё это тщетно стараются «забыть».

А потом началась «хрущёвская оттепель» и перестали в подъездах узбечки по утрам кричать своё, уже привычное и ставшее родным: «Кисьлё-пресно маляка-а-а!» и встали все абсолютно, по утрам, в длиннющую очередь за молоком, но уже не из «пегой» коровки, вкусным и пахучим, хозяйкой которой являлась какая-нибудь узбечка с улицы Гульбах, или же Партизанской, а из жёлтой железной бочки, продавщицей которого была, на нашем Текстиле, также узбечка, «тётя Маша» Джабаркулова, которая распродав молоко, переходила в мясной магазин, расположенный несколько дальше, в

районе «великолепной русской бани» (это я у А.С. Пушкина позаимствовал), а также просторного бомбоубежища, с принудительной вентиляцией, водоснабжением и канализацией и прочими «премудростями», куда, помню, нас ребятишек, как-то загоняли наши же, текстильские дядьки, облачённые в защитную, прорезиненную одежду. Тогда, в начале 60-х, уже прошлого века, иногда устраивали подобные учения по ГО (гражданской обороне). Хорошо помню внутреннее «убранство» сего бомбоубежища, которое впоследствии было завалено мусором.

А вот сам мясной магазин успешно соседствовал с отличной массовой библиотекой №8, заведующей которой была мама моего детсадовского одноклассника и одноклассника Мангутова Альберта. Мы тогда много читали. И читали хорошие книги. Мама Альберта, мы её называли тётя Алия, была награждена медалью «За оборону Ленинграда», воюя в составе 2-й Ударной армии. Эта медаль по значимости приравнивалась к ордену. И она знала, какие книги нам рекомендовать к прочтению.

А тётю Машу Джабаркулову, простите, что не знаю настоящего, узбекского имени, не так давно я узнал, что где-то перед развалом Страны, её наградили по представлению дирекции ХБК, орденом «Дружбы Народов». Слышал, что многие возмутились, а я очень рад и горд за неё! Да ты и сам, читатель, подумав и поразмыслив, порадовался за неё вместе со мной.

А «оттепель», мне кажется, большинством граждан была воспринята, не как настоящая, весенняя оттепель, с ярким радостным солнцем и голубым небом, с лужами, в которых купаются воробьи, почувствовавшие весну, а как её имитация, выразившейся в посыпании пешеходной и проезжей части улиц обыкновенной крупной солью, не потрудившись даже убрать, образовавшихся в результате этого, зыбких сугробов, напоминающих структурой своей, именно рыхлый непроходимый песок, по которому если и идёшь, то крайне медленно.

Лично мне это время запомнилось Карибским кризисом, хотя не знали названия, но ощущали все, и полётом Ю.А. Га-

гарина в космос, и денежной реформой, когда «солидные» бумажные рубли, вертикальной компановки, превратились в маленькие серебристые десятикопеечные монетки, тут же, прозванные нами «десюнчиками». Но, что интересно, стакан семечек, стоивший до денежной реформы десять копеек, спустя совсем немного времени стал опять же, стоить ровно «десюнчик», подорожав «незаметно» ровно в десять раз. Но мы тогда, в нашем возрасте, не понимали, что значат новые, действительно полновесные, «настоящие» деньги на внешнем рынке, нас «интересовал рынок внутренний», поэтому и запомнили.

А ещё я помню, такое огромное количество анекдотов про Н.С. Хрущёва, столько, что их бы хватило на издание небольшой книжонки. А ещё я помню, жёлтый «красивый» хлеб, который был страшно невкусный. Помню, почему-то, нож, в хлебном магазине, вмонтированный в стол, с ручкой, напоминающей ручку ручной пилы-ножовки, очереди за пирожками с ливером, кстати, я уже писал об этом. Помню продажу в хлебном магазине готового теста. Да-да, именно обыкновенного теста! Я даже помню продавца мужчину, в нашем хлебном магазине, расположенного рядом с овощным, на развороте автобуса шестнадцатого маршрута, когда он, продавец, перед тем как «отхватить» ножом кусок теста, погружал руки в таз с водой, стоявший тут же, на прилавке, вероятно для того, чтобы не прилипало тесто к рукам. А поскольку это было простое пресное тесто, даже не дрожжевое, то дома в него добавлялись всевозможные «улучшители» и выпекались уже изделия со вкусом и запахом настоящего пшеничного хлеба, без всяких ячменно-куруузно-горохово-соево и прочих добавок.

Это время было каким-то необычным, с тревожным ощущением шаткости и непрочности, даже у меня, ребёнка. Возможно это обычное субъективное восприятие того периода детства, но я его помню именно так, и даже порой, я и сам удивляюсь его «устойчивой живучести», поскольку это ощущение иногда и напоминает о себе. И воспоминания какие-то странные, не очень-то и серьёзные, как может показаться

на первый взгляд. Например, помню я большое количество бездомных ишаков, которые сбившись в небольшие табунки, «неприкаянно» бродили в окрестностях города. Да и в самом городе можно было их встретить, хотя и отпугивала их бестолковая, вездесущая ребятня, которая ловила бедных осликов, катаясь на них. Помню и я «приобрёл» себе в Забадамском посёлке замечательного чёрного ишачка, и даже намеревался «держать» его, прикармливая, хотя бы временно, капустными кочерыжками, благо их было достаточно, потому что была осень, и жители Текстиль-городка рубили капусту, заготавливая её впрок к зиме. Но «доставить» до места назначения, – Текстиля, нам, поскольку со мной был ещё мой одноклассник Валера Безбородов, который жил здесь же, в Забадамском посёлке, не удалось.

Что же случилось и почему выгнали ни в чём не повинную скотину, которая была, по сути, для некоторых жителей, велосипедом, или же, особенно для стариков, почтенных аксакалов, их единственным видом транспорта, их ногами? Разве же они плохо служили своим хозяевам, правда, бывая иногда излишне упрямыми, но они терпели их «ослиные капризы», почему же сейчас так прогневались на бедных осликов их бывлые владельцы? Ответ очень прост: в «хрущёвские» времена был введён налог на ослов, такой же, как и на лошадей и поэтому владельцы ослов, просто напросто выгнали их на улицу, на «вольный выпас»! Но негоже с народом, как с ослами поступать, ведь люди рано или поздно, но всегда найдут выход, правда, не сразу, но найдут обязательно! И они нашли, прекрасно зная, что хоть и упряма осёл, но дорогу к дому своему он никогда не забудет. А платить налог на осла? Это явный перебор!

А ещё я помню, сколько было в тот период мяса, мало того, что гнали скот на убой почти ежедневно, а тогда просто гнали отарой, гуртом, либо табуном, если гнали лошадей, на мясокомбинат, поскольку машины скотовозы массово появились несколько позже. Но самое интересное заключалось в том, что торговали в основном в государственных магази-

нах сайгаком, очень вкусное мясо которого, продавалось, по более чем «смешной» цене – семьдесят копеек. Эта цена была действительно смешная, поскольку была иногда в продаже рублёвая баранина – «тощак», происхождения которой, наверное, ни я, да и никто другой, не в состоянии объяснить, потому как баран, – это такое животное, которое никак не может, да и не должно быть тощим! Даже сами казахи говорят: «У барана пять ртов, – одним ест, четырьмя топчет!» Тощим, вернее отощавшим, он может только в «джут», но который в Средней Азии бывает не часто, в отличие от нашей Кубани, когда задует вдруг северо-восточный ветер при относительно тёплом дожде, и поначалу не поймёшь, что же, это? Но когда начинают покрываться ледяной коркой деревья, кустарники, стены домов, линии электропередач, суда в порту, вот тогда и начинаешь осознавать свалившуюся беду! Но для животных на Кубани это совсем не страшно, потому как стоят они у себя в тёплых «закутках» и поедают себе, подбрасываемое щедрой хозяйской рукою, заранее, в весенне-летний период, заготовленные корма. Ведь отгонного животноводства на Кубани практически нет. А в степных районах Средней Азии всё происходит иначе, вроде и обледенение, да не совсем такое, как на Кубани. Обычно бывает это после очень обильных снегопадов и морозов, а затем внезапного, короткого потепления, сопровождающегося дождём, переходящего в липкий, мокрый снег, который ложась, на уже подтаявший снежный наст, мокрыми, колюче-жгучими нашлапками, сковывает, прессует его. Но ночью, если вдруг подует не тёплый и ласковый южный ветер, который за одну только ночь растопит весь снег, оставив его лишь в глубоких оврагах и балках, да и то, с подветренной стороны, а прилетит злой ледяной северный, который залижет, зашлифует его до блеска и каменной твёрдости, своим раздвоенным шипящим змеиным языком, скользя и извиваясь по нему в своих ледяных шуршащих нищенских отрепьях, превращая снежный наст в броню, то знай: наступил джут! И слово это, короткое и хлёткое, как удар кнута, как порыв ледяного ветра, как пощёчина, для всех означает настоящее бед-

стве! И это понятно даже горожанину, потому что большие городские полянки, да и обычные пустыри, превращаются в точные копии степных просторов и предгорий. И тогда, даже лошади не могут пробить толстый ледовый наст-панцирь, чтобы добраться до травы, растущей под снегом! А следом за лошадьми гонят овец, которые после лошадей легко нашли бы себе корм, но тщетно!

Но бывает так, что выдаётся очень сухая весна, при которой даже весенняя трава, вырастающая в хорошие годы, к этому сроку, выше пояса, почти вся выгорает на солнце. Скот выгонят, возможно, чуть раньше на летние горные пастбища – джайлау, но как быть с предстоящей зимовкой скота, где и как заготавливать корма? И тогда на помощь, как и зимой, командируют горожан! Так и всегда, приходят горожане! Тем более, что обком партии дал распоряжение, продублированное затем во всех организациях, где есть хотя бы ячейка КПСС, приступить к сбору зелёной массы в черте города. И как всегда, впереди всех будет в этой «трудовой эпопее» счастливая детвора! А счастливая, вовсе не потому, что прозвучал «строгий партийный приказ», который детей и не должен касаться, а уже лишь только потому, что непременно, в связи с этим, сократят уроки в школе! И будут спиливать зелёные ветви деревьев, ведь это деревьям совсем не страшно, когда в арках бежит прозрачная водичка и ветви быстро отрастут. И будут нести траву в мешках, огромных хлопковых канарах, вязанках, «авоськах», сумках. Нести с радостными улыбками на потных, от труда и ощущения его значимости, милых и добрых лицах. И хорошо, что будут сваливать эту траву где-нибудь на спортивной площадке школы, на вольном ветру, на сквознячке, а то ведь находились такие «деятели», дающие «необсуждаемое» распоряжение: складировать эту свежую траву, прямо в спортивном зале школы! И это чтобы «уберечься» от того, что дети, якобы, начнут, как и на уборке хлопка, «прокручивать» мешки с травой, сдавая один и тот же мешок дважды, а то и трижды. Но такая «тухая предосторожность» оборачивается бедой! И даже невозможно вообразить, во что превращался

спортивный зал, спустя совсем немного времени, когда сырая трава, лежащая толстым слоем в непрветриваемом помещении, начинает преть, по сути дела гореть! Избави Боже попасть в это помещение и хотя бы разок вдохнуть этот одуряющий, отвратительный смертельный запах!

И те «рублёвые» бараньи тушки, которые нет-нет, да и выбрасывались в розничную торговлю, по всей вероятности принадлежали когда-то именно тем барашкам, которые были, по какой-то причине обделены «школьной городской пайкой» из травы, собранной, весёлыми и жизнерадостными чимкентскими городскими ребятами в «засушливую» весну. Поэтому, «обидное» ценовое несоответствие, да и хороший спрос на мясо сайгака, несмотря на то, что многие, даже не из мусульманской среды, почему-то «высокомерно» отказывались потреблять вкуснейшую сайгачатину, вероятно за несколько темноватое мясо, кстати, такое же как и у любой дичи, ничуть, не снизило его «востребованности». Мусульмане же, довольно обоснованно не считали эту дичь «халяльной», разрешённой, хотя многие из них брали сайгака, особенно на шашлык. Но я к этому отношусь более чем снисходительно, ибо являюсь очевидцем, да и активным участником, в мусульманской компании, поедания отличного, откормленного, ни сколько на горных злаках и луковичках, сколько на великолепной кукурузе, молодого кабанчика, неосмотрительно участвовавшего свои походы на кукурузные плантации колхоза. Причём со своей «свинячей» компанией, но удачно пристреленного, аккуратно разделанного, и «одобренного» к трапезе, правда, без традиционной молитвы-фатихи. Кстати, в меню этой «трапезы» входил, запрещённый «арак», по-русски водка. Но суть не в том, что его удачно «приговорили», очень вкусно приготовили, а в том, что и объявили «разрешённой» пищей, только лишь потому, что «покрыт шерстью», тогда как свинина, которая продаётся на чимкентском базаре «шерсти не имеет»! Вот Вам и халяльная пища! А тем более сайгак! Но, тем не менее, спрос на сайгака оставался прежним, поэтому и цена возьми, да и сравняйся с тем «рублёвым», умирающим от голода, но вове-

мя прирезанным по всем правилам, с традиционной молитвой, бараном, получившим народное обозначение – «тощак». А потом, но это будет гораздо позже, уже после Хрущёва, цена на мясо сайгака установится на «отметке» – рубль двадцать!

А в соседнем шестом доме, аккуратно в одном подъезде с Венгеровыми, правда на первом этаже, не так уж и долго, поскольку позже переехал в трёхэтажку, жил мой одноклассник Петя Бакутин со своей мамой и отцом, которого мы крайне редко видели, потому, что он работал в какой-то промысловой охотничьей артели, а возможно и был простой «вольный стрелок», да и самого Петю Бакутина я знал не очень-то и хорошо, он был старше нас и пришёл в наш класс из другого, поскольку был оставлен на повторный год. А напротив каждого дома в нашем Текстиль-городке, располагались вытянутые параллельно дому кирпичные кладовки, изначально предназначенные для хранения дров, но не для отопления домов, поскольку отопление было центральным, а для дровяных плит с духовкой, имеющихся в каждой кухне. Но, по вполне объяснимым причинам, этими плитами мало кто пользовался, предпочитая примусы и керогазы. А затем, когда в середине 60-х керогазы, керосинки, примусы и прочие керосиновые «премудрости», а также дровяные плиты для приготовления пищи в домах Текстиль-городка были заменены на газовые, то сарай несколько не утратили своей значимости в домашнем хозяйстве. В каждом сарае, а некоторые называли его «балаган», обязательным был погреб, в котором наш запасливый народ, с трудом веривший, но, тем не менее, всё-таки веривший, вернее, вынужденный верить в «коммунистическое изобилие», которое обязательно наступит завтра, но осуществляющий это самое изобилие собственноручно, причём непременно сегодня, посредством разумной, успешной и изобретательной заготовительной деятельности, хранил картофель, купленный осенью на базаре, кадушки и бочки с соленьями, обязательной, кстати, абсолютно у всех, квашеной капустой, зелёными помидорами, баклажанами, а иногда, и арбузами. Не знаю как это «заготовка» организовывалась в

других домах, но моя мама, пережившая войну в родном Наро-Фоминске, видевшая смерть, голод и оккупацию, пусть и короткую, но, тем не менее, знающая войну не по рассказам очевидцев, а являющаяся сама её невольной участницей, делу заготовки зимних запасов отводила очень большое значение, как впрочем было заведено и в большинстве советских семей. И я чересчур хорошо помню эти бесконечные «погружения» в тёмный и неудобный погреб, куда меня, как самого младшего в семье, посылали достать что-либо из продуктов, а возможно помочь маме «смыть» кружки на бочках с соленьями, или же прополаскивать «тряпочки», коими накрыты манзаны – фаршированные баклажаны, в воде, куда добавлена ацетилсалициловая кислота, а проще – обыкновенный аспирин, но называли почему-то «салицилка». Я ведь, к стыду, а возможно и к достоинству своему, сохранил несколько «бабью», неистребимую привычку к домашним заготовкам. Именно поэтому я научился, правда, уже взрослым, делать вино и гнать водку. Очень хотел добавить – домашнее, но всё равно вино, поскольку это слово, не имеет права быть домашним или же, напротив – бездомным, я этого не понимаю. Оно просто может быть очень хорошим, либо напротив, – плохим. Вот, например, что произошло с обычной водкой, ежели она изготавливается дома самостоятельно, в нарушение государственной монополии и в отрыве от «всеохватывающего» контроля, за этим «страшным действием», а вернее, всего-то – за продуктом этого действия. Она просто напросто потеряла своё исконное название и получила кличку – «самогон»! Поскольку чего-чего, а уж винограда, подлежащего отнюдь не хранению, или же, какой-то иной переработке, а не обыкновенному банальному сбраживанию, в Средней Азии было более чем достаточно. Ведь это продиктовано его сортами, а не преступными наклонностями «нарушителя». Да и вино, этот благородный напиток, не может, вернее не имеет права, быть привязанным, скажем к какому-либо месту советской обязательной прописки и носить строгое и точное «исходящее происхождение», за исключением известных марок и сортов. Я не имею в виду вина,

с защищёнными географическими указаниями (ЗГУ), которые специально лицензированы и предназначены исключительно для потребления капризной, избалованной публикой, которая в большинстве своей мало разбирается в винах, а гораздо чаще просто делает вид, что понимает что-то в нём. И это сразу же бросается в глаза. А домашнее вино, вообще, должно приобретать известность, только лишь благодаря мастерству его изготовителя. Самое главное, что это ты делаешь только для себя и гостей, не претендуя на какое-то распространение или известность своего напитка. Поэтому я вынужден повторить, что даже слово «самогон» «исторически» превратилось в преступное действие, но, отнюдь, не в предмет этого действия, хотя он, именно так и стал называться – самогон.

Я очень часто вспоминаю строчки из произведения одного из самых любимых и почитаемых мною русских писателей – Н.В. Гоголя «Старосветские помещики»: «Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике водку на персиковые листья, на черёмуховый цвет, на золототысячник, на вишнёвые косточки, и к концу этого процесса совершенно не был в состоянии поворотить языком, болтал такой вздор, что Пульхерия Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать». И где здесь слово «самогон»? Его нет!

Поэтому, а я это «высказал» к «проблеме» домашних заготовок, а не только к виноделию, а тем более к «преступному самогоноварению», в отношении которого имею своё, субъективное мнение, и отношусь к этому, крайне серьёзно. А домашнее консервирование и появившиеся, в середине, всё тех же шестидесятых, «диковинные» закаточные ключи, довольно «робко» поначалу, завоёвывавшие симпатии консервативных домохозяек, и вызывающие серьёзные опасения, как ещё не опробованные, совсем новые способы консервации, но которые здорово помогли нам разнообразить наш стол, – прочно и надолго вошли в наш быт.

Так вот, продолжу, затеялся наш сосед по шестому дому, отец моего одноклассника Пети Бакутина, возить охотничью добычу, а именно сайгаков, да сразу по несколько тушек до-

мой, хотя путь доставки товара не такой уж и близкий, и продавать их, свежую тут же в сарае. И настолько бойко пошла торговля, да и брали помногу, – тушами, опасаясь, а вдруг да скоро не будет этого? Но повышенный спрос, больше радовал, чем удивлял, хотя и вызывая порой опасения: «А вдруг да иссякнет источник этот?»

Конечно, уважаемый читатель, я не совсем удачно подобрал слово «затеялся», в котором кто-нибудь вдруг, да и обнаружит нотки недоброжелательности и сарказма, а, то ещё, и «расслышит» совсем иное «звучание», но это вовсе не так, и я думаю, что в дальнейшем прочтении моего «эссе» всё прояснится, всё станет понятным, поэтому и не стоит шибко прислушиваться. Я ведь тоже, приступая к написанию этой главы, имел одно, устоявшееся в убеждении, времени и памяти, отношение к «хрущёвской эпохе», получившей позже название «Оттепель». Может быть это название того времени было уже давно, но его, именно тогда, никто не слышал, да и не произносил, а вполне возможно, не хотел произносить? Но только одно могу более чем уверенно утверждать, что время тогда наступило не погони и преследования за любое отступление от жёстких, а подчас и жестоких, правил и законов, установленных в послевоенное время, а напротив, какой-то «поблажки», из-за боязни возможного «взрыва возмущения». Наступило время, какого-то временного, непрочного, напряжённого, вынужденного затишья, как перед каким-то событием, которое должно было вот-вот наступить, но этого наступления страшно бояться, но все делают вид, дескать, всё в порядке, всё нормально. Ведь сама по себе, так называемая хрущёвская оттепель носила явно выраженный русофобский характер. Именно тогда были закрыты почти все суворовские училища, где воспитывалась опора и защита нашей Страны, а кроме того, принимались в эти училища, чаще всего дети сироты. В так называемую «оттепель» было закрыто десять тысяч русских церквей, которых в России и без того осталось так мало и поэтому, чрезмерно «дожимать» и так предельно выжатый войной русский народ, при крайней неприязни этого

народа к Хрущёву, большинства граждан, а особенно из среды демобилизованных офицеров, Никита Сергеевич Хрущёв не рискнул. Поэтому и спешил народ жить, выживая, потому как доверять власти-то перестал, но терпеливо дожидался смены руководителя. И вновь, как и до «скотской реквизиции» в частном городском секторе стали держать живность, поскольку не держать его многим было просто нельзя, ведь только к середине 70-х годов частный сектор перешёл на газовое топливо, а поэтому самым дешёвым и доступным топливом для обогрева жилищ оставался по-прежнему кизяк. И многие до сих пор помнят, разложенные летом вдоль саманных дувалов, для просушки, эти древние «отопительные брикеты».

Наверно поэтому и возникали «импровизированные» зелёные базары, возникали именно внезапно, в разных местах города, именно там, где было удобно абсолютному большинству граждан, где торговали свежей зеленью, фруктами, овощами, а то, ещё чемнибудь. И никакая милиция, даже не пыталась сделать какое-либо строгое «внушение», или простое замечание, а тем более разогнать этот «неправильный базарчик», чтобы торговали в «специально отведённых местах». Нет, никто даже и не обращал на это внимания!

Вот так и свободно, поскольку некого было ему опасаться, и начал «сбывать» в своём сарае охотничьи трофеи – сайгаков, причём в достаточном количестве, по более чем приемлемой цене, наш сосед по шестому дому, отец моего одноклассника Бакутина Пети.

Брали помногу, брали впрок, тушили, жарили, мариновали, чтобы запечь в тесте, засаливали, чтобы приготовить затем вкуснейшую колбасу, комбинируя её со свиной, вялили и коптили, да мало ли что ещё могла приготовить умелая хозяйка! А хотя и умение здесь не причём: «Неумёха печёт, когда тесто течёт!». Но возникали проблемы, вызванные поисками способов хранения, поскольку хотя и были уже тогда холодильники, но большей частью абсорбционные, например «Кавказ», которые хоть и бесшумные, но уж больно неэффективные, «нехолодильные». А компрессорный холодильник

тогда было трудно «достать», особенно дешёвый и довольно популярный «Саратов», хотя и очень маленький. Поэтому и выручали нас наши погреба. Но всё равно, все эти «мясные эпопеи» происходили в осенне-зимний период, ибо в другое время года, такие гастрономические «излишества», были бы невозможны.

А потом вдруг исчезла сайгачатина совсем с прилавков магазинов, и стали поговаривать, что дюже уж пришлось по душе ароматная и сочная дичинка, с умеренным количеством душистого жирка, известным гурманам и гастрономам французам, и что, якобы, был заключён торговый долгосрочный контракт на поставку этого деликатесного мяса к французскому столу. Но мы ведь тоже привыкать было стали, чем мы хуже французов? Стало быть, не напрасно опасались, что «иссякнет источник»? Но утверждать не могу, хотя слухи совсем уж беспочвенными не бывают. Скажу одно: сайгак исчез надолго, пришлось отвыкать!

Интересно жизнь устроена: случайности если и случаются, то они отнюдь не случайны. Прости, за не совсем удачный каламбур, хотя лично мне он нравится, но я живу в получасе неспешного пешего хода, если конечно идти «по прямой», от бывшей дачи-резиденции на Кубани Н.С. Хрущёва. Это аккурат там, где наша речонка Бзюк впадает в Афипис. После «ухода» Н.С. Хрущёва, там довольно долгое время был госпиталь для ветеранов, а затем, когда губернатором Краснодарского края стал А. Ткачёв, то бывшая дача обрела новых хозяев в лице краевой администрации, можно даже сказать: «Вновь обрела статус закрытого объекта». Очень ведь удобно. И Краснодар рядом, да и место красивое.

Где уж тут забудешь эту «пресловутую» оттепель, когда отовсюду напоминания, вроде и стараешься следовать совету не заикливаться на прошлом, а вот не получается, нет-нет да нахлынут воспоминания, душевной волной памяти, тем более, «подпитываемые» участившимися телесериалами на эту тему.

Вот так, дорогой мой читатель! Кстати, совсем я забыл рассказать о хлопковой шелухе, вроде начну-начну, а что-то

вдруг вспомнится, более важное и значимое, да и отвлечёт, но и без «шелухи» вроде, как и глава не закончена, поэтому придётся рассказать.

Я уже сказал, что некоторые из нынешних чимкентских «состоятельных» людей начинали свой «бизнес» с организации хищения с МЖК обыкновенной шелухи, которая всегда-то давала возможность многим иметь «дополнительный» заработок намного превышающий основной. Правда этого не было, до того как сделали подвесную дорогу для транспортировки на гидролизный завод шелухи, а кроме того, хотя и отделы вневедомственной охраны возможно тогда уже были, но они не играли столь большой роли в охране промышленных предприятий, поскольку там была своя охрана. Утащить пару мешков шелухи, я намеренно не пишу: украсть, можно не каждому, а тем, кто пытался сделать это, в обход существующих правил и «порядков» приходилось очень плохо. Поэтому, кто-либо, вознамерившись, скажем, поправить свои «финансовые дела», обязан был договориться со старшим группы, чтобы получить у него разрешение на «ночную работу». Причём принесённую с завода шелуху он должен нести в, строго обозначенное место, к транспорту, где находится сам «смотрящий», который тут же рассчитается за принесённый мешок, вернее, не за сам мешок, а за проделанную работу, а получивший деньги, может опять лезть на завод, чтобы «набить» шелухой новый. И так до определённых обстоятельств времени, которое определяет... охранник предприятия, он же и предупреждает об опасности, выручает «несунов», если вдруг попадутся, если сможет, а он непременно должен «смочь», потому, как с ним обязательно договаривается смотрящий, который платит («входит») ему определённую сумму и за это тоже. А если вдруг не сможет, то уже завтра он уже не работает – сам уйдёт!

Весь этот процесс носил, вполне понятное «лагерное» название – «таска», от слова таскать. Конечно, было много всего и всякого на этой «таске», были и убийства и «несчастные случаи», и много всего непонятного, а подчас и страшного, о котором даже сейчас, спустя столько времени, писать не сле-

дует. Некоторые, пытаясь миновать не совсем приемлемую для них «таску», особенно те, кто держал скот, влезали на подвесную дорогу – фуникулёр, опрокидывали подвесные тележки, а когда они переворачивались, и шелуха высыпалась на оградительную сетку безопасности, то прыгали на ней, «просеявая» шелуху, чтобы она просыпалась вниз. Падали, оставались без ног! Примеры? Их много! Но это было где-то в середине семидесятых, но возможно чуть позже...

Упорно не хотел я писать об этой шелухе, всё никак не получалось – всё оттягивал. Но вот что главное в этой «истории», а я и сам не могу понять, что, но ведь что-то есть? Не просто меня вело что-то, словно осла на аркане, к этой самой хлопковой шелухе, чтобы написать всё-таки о ней? Ну, впервых, нет теперь вообще гидролизного завода, стало быть, и нет ничего того, что он выпускал! А что же он будет выпускать, коль нет сырья? Нет, шелуха есть, и она всегда будет, но только контроль над «таской» в стране, причём за «большой таской» взяли совсем другие, объединенные не только «общими интересами», языком, верой и прочим, но и полным отсутствием всего названного, в том числе и интереса к чему-либо или к кому-нибудь, кроме своего кошелька. Одним словом, не те «смотрящие» нынче, не те! Одна лишь шелуха, потому что нет в их среде зерна-семена!

Ты знаешь, друг мой, что я вдруг вспомнил, хотя и не забывал этого никогда? Я вспомнил нашу тёплую и сухую чимкентскую осень, где-то последнюю декаду октября, когда привезённую утром с базара картошку, рассыпают жители Текстиль-городка для просушки на тёплом ещё осеннем солнышке перед своими сараями – балаганами, чтобы к вечеру опустить её в чистый, окуренный листьями погреб, на зимнее хранение. А как только начнёт смеркаться, то за сараями и арыком, аккурат на месте нашего бывшего огорода, где годами позже завизжат циркулярные пилы стройдвора ЖКО комбината, а ещё позже это место будет отделено от арыка глухим больничным забором, да и вообще исчезнет сам арык, бегущий когда-то под моим балконом, то на этом самом месте мы,

ребятишки, запалим обалденный костёр, а когда он прогорит, то в угли зароем принесённую картошку, а когда она спечётся, то будем её есть, вдыхая незабываемый аромат, исходящий от неё: дыма, осеннего солнца и детства! А угли долго будут прогорать, а мы хотя и будем подбрасывать в угасающий костёр ветки, но чаще всё-таки, смотреть в звёздное осеннее южное небо, каждый разглядывая в нём что-то именно своё. И удивительно, что именно в такие дни, редко кто из родителей, да и то, если только по особой надобности, откроет форточку и позовёт своих детей домой: видно тоже детство вспомнит. Вот что главное, дорогой мой читатель! И это тебе не хлопковая шелуха! Думаю, я прав.

Глава шестая

**Считалочка «Бирлагим – лагим»,
лянга и асычки**

*Я чужой. Я брожу и мечтаю о Родине милой...
О чужбина, чужбина, чужбина, чужбина, чужбина.*

Камоль Худжанди

*Тот, кто умеет наслаждаться жизнью – не бедствует,
а тот, кто умеет не обременять себя заботами – не богатеет.*

Ян Чжу

Вот и ещё одну главу начинаю, вот и опять копаюсь в прошлом, осознавая, как и всякий здравомыслящий человек, что нас там больше не будет, хотя и хотелось бы порой повернуть время вспять, дабы что-либо исправить, что-то добавить, а что-то, напротив, убрать, а то и просто посидеть и помолчать, посмотреть и порадоваться. Но этого не дано никому из смертных, поэтому и задумываешься всё чаще и чаще: «А стоит ли в мыслях надолго возвращаться туда, куда уже нет возврата?». Ну, раз наделены мы памятью, этим даром, благодаря которому мы и можем возвращаться в прошлое, стало быть, стоит? Я думаю, и задумываться нечего, обязательно надо. Непременно!

И чтобы окончательно убедить себя в этом, решил покопаться в литературе и отыскать какое-нибудь высказывание на этот счёт, признаного мирового авторитета, и довольно скоро нашёл афоризм автора политического термина «холодная война» английского писателя Эрика Артура Блэра, известного в литературе под именем Джордж Оруэлл и своей повести «Скотный двор», являющейся вроде бы притчей, аллегорией на революцию 1917 года и последующие события в России. И хотя я не отношу себя к почитателям его творчества, напротив, но, тем не менее, афоризм этот процитирую: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим, кто управляет настоящим,

тот управляет прошлым». Точнее и не скажешь! А посему, чтобы не исказили, вдруг правду, те, кто управляет настоящим, о нашем прошлом, которое мы с тобой, слава Богу, ещё помним, мы и должны, упредив их, рассказать сами о нём, о нашем прошлом. А то ведь может случиться, что внуки наши, а то и правнуки прочитают, в вполне официальном «источнике», коим будет объявлен школьный учебник, о нашем детстве, да и начнут рыдать от жалости к дедушке и бабушке, которые росли, как и все их сверстники, в голоде, холоде, абсолютно не зная развлечений, а лишь с утра до ночи готовились к «ленинскому зачёту», заучивая наизусть коммунистические лозунги, а рано утром выстраивались всем семейством и хором пели гимн СССР. Вот именно поэтому я и пишу это «эссе».

Вообще, я озаглавил главу названием узбекской считалочки «бирлагим-лагим», но хочу рассказать читателю об играх, в которые мы играли в детстве.

Любые игры, везде, абсолютно у всех народов, у людей любого возраста, а не только у детей, носят сезонный, временной характер, продиктованный, как правило, хозяйственной деятельностью или же погодными условиями, и часто приурочены к праздникам. И даже на детские игры это, в какой-то степени, распространяется. Исключение, пожалуй, составляют только те игры, которые исторически превратились из обычных азартных, во «всесезонные», в бизнес. Но ведь любая игра азартна, поскольку другой и быть не может, а само слово азарт, от французского hazard, что означает риск, случай и, кроме того, неразрывно связана с другими, дополняющими их словами: увлечение, задор, запальчивость, горячность, которые по смысловому и этическому значению не всегда и плохи, особенно если они касаются детей. Мы же, русские, проживая в Средней Азии, непроизвольно включались в игровой сезонный ритм этого региона, но иногда и устанавливая свой, встраиваясь в уже установленный, ибо именно для детей, независимо от национальности, игры и забавы – неотъемлемая часть их жизни.

Меня часто спрашивают, наверное, я очень хорошо играю в нарды, коль вырос в Средней Азии? Я не играю в нарды, и могу

сказать одно, что ни разу не видел за всё время проживания там, чтобы местные жители играли в нарды! Мало того, что я не нашёл ни одного упоминания об этой игре в узбекской или же казахской литературе, хотя я это «упоминание» довольно тщательно искал. В городских парках играли в шахматы люди всех возрастов и национальностей, но в основном «европейской» внешности, но в нарды там не играли. Часто можно было встретить какого-нибудь аксакала, на руку которого был одет мешочек, являющийся как бы продолжением рукава его летнего лёгкого халата, имеющего название – яктак, или же тёплого халата-чапан, в зависимости от погоды. В этом мешочке старик прятал от света бедана-перепёла, бои, которых устраивали где-нибудь в старогородской чайхане. Часто видел собачьи бои, поединки баранов-кучкаров, петушинные, бои кекликов. Но в нарды никто не играл, возможно, играли позже, где-то в семидесятых, но людей среднего возраста из числа мусульман я не встречал, а вот молодёжь играла и не только в нарды, но и карты. Единственно о нардах упоминание я нашёл в этико-дидактическом произведении «Кабуснаме», написанном в 1082 году: «О шутке, и нарде, и шахматах, и необходимых для этого условиях», но это произведение относится к персидско-таджикской прозе, но ведь и у Садриддина Айни, автора книги о старой Бухаре, основоположника таджикской современной литературы, вообще нет даже упоминания об этой игре. Стало быть, строго придерживались жители Средней Азии наставлениям Корана: «Они спросят тебя о вине и игре. Скажи им: в том и другом есть зло и выгода для людей: но зло превосходит выгоды, которые они составляют» (Кор. II 126). Или же вот ещё: «О, верующие! Вино, азартные игры, статуи и гадание по стрелам – мерзости, придуманные сатаной. Удержитесь от них и будете счастливы» (Кор. V 92).

Кстати, именно сейчас, в наши дни например игра в шахматы получила небывалое распространение, особенно в Ташкенте, хотя не так давно этого не было. Да и в нарды стали активно играть, в том числе и в Чимкенте.

Извини, дорогой мой читатель, естественно, мне приходилось видеть, но уже в зрелом возрасте «нардовые поединки»,

слышать азартные выкрики удачливых игроков: «Шаш у пянж», что служит не только возгласом азарта, но и является названием игры, в переводе с персидского означающего, – шесть, пять. Но это было, повторюсь, гораздо позже моего детства. Хотя помню: в детстве, некоторые узбеки «за глаза» неодобрительно отзывались о некоторых взрослых, называя их кумарбозами. Сразу поясню, что слово «кумарбоз», подразумевает азартного игрока в кости, от всего «свободного», кроме азарта. А конкретно, какая имеется ввиду игра в кости – не знаю!

Сейчас крайне трудно определить в отношении некоторых игр и забав, какому народу мы отдадим их первоначальное «происхождение», чей народ автор этих игр, уж больно много различных национальностей, этносов и народов проживало в послевоенное время в Средней Азии. Одни приехали сюда добровольно в поисках лучшей доли, другие от разрушенной войной родной стороны и сожженного дома, многих выслали сюда целым народом, кого «мобилизовала» партия, а многие здесь жили всю жизнь, хотя и были европейцами, но одно могу сказать, что каждый из них занимался своим делом, своим ремеслом, своей работой, занимая каждый свою «экономическую нишу», не мешая и не завидуя друг другу, а вместе делая общее дело, на благо государства и своей семьи. И это я не устану повторять, потому что всё обстояло действительно так.

А дети учились, играли, общались, постепенно осваивая премудрости жизни, ссорились, дрались, кстати, очень часто, потом мирились, быстро забывая обиды. Но одно могу сказать: ссор, а тем более драк, на национальной почве среди населения тогда не было, а уж тем более среди детей, все драки носили «территориальный» характер. А вот несколько позже, примерно в 70-х годах, были случаи национальных стычек среди подростков, спровоцированные некоторыми «деятелями», но эти стычки были эпизодичны, массового характера не принявшие.

Сейчас на Кубани наступил второй день зимы, закончилась осень, которая гораздо дождливее среднеазиатской осени, с её сухими, шуршащими под ногами листьями, которые, помню, сгребали в большие кучи и «нещадно» жгли, отчего

весь воздух был в какой-то дымке, и все мы пахли «копчёной колбасой», и именно этот запах я помню, как запах осеннего города Чимкента, тогда как, допустим, за Бадамом, за городом, пахло уже иначе. Пахло именно осенью, пусть даже и сухой, но всё равно с ночными густыми туманами, летящими бело-серебристыми нитями паутины и прочими осенними «опознавательными» знаками, делающими «азиатскую» осень незабываемой.

Именно тогда, когда и пыль пририта и по-осеннему прохладно, начинается для ребятишек не только время учёбы, но и время осенних игр. Но это не означало, что все другие игры были временно отложены до наступления следующего времени года, нет, но были игры, носящие строго сезонный характер, к такой бы игре следует отнести именно лянгу. Кстати именно о ней, сейчас, много споров: чья же игра эта самая лянга? Кто говорит уйгурская, а кто-то приписывает её китайцам, поскольку это сейчас считается «беспроектным» вариантом, хотя в то время, которое мы описываем, об этом и предположить вряд ли «додумался». Кто бы мог тогда подумать, или же, даже предположить, что те игры, в которые мы все вместе играли в детстве, кто-то вполне серьёзно начнёт делить, деловито и бездумно, а порой и безжалостно, «распиливая» их по пресловутому «национальному признаку»? Например, некто Мика Тутаев на страницах Википедии, ссылается почему-то на Владимира Соловьёва, потому как именно у него встретил «упоминание о лянге», и наделяет его авторством повести «Ходжа Насреддин» как и вероятно и авторством одноимённой пьесы, послужившей сценарием для известного кинофильма о «возмутителе спокойствия» и «весёлом грешнике» Ходже Насреддине. Причём всё это преподносится в качестве справочного материала и всё тот же Владимир Соловьёв представлен читателям как «непревзойдённый» знаток Средней Азии. Можно было бы и не обращать особого внимания на эту статью в Википедии, поскольку «подобных» статей там масса, но автором «Повести о Ходже Насреддине» является не Владимир Соловьёв, а его однофа-

милец Леонид Васильевич Соловьёв (1906–1962), с которым меня лично связывает город Коканд, в котором я родился, но вырос в Чимкенте, а он вырос в Коканде, хотя и родился в Ливане, в городе Триполи.

Ты знаешь, дорогой мой читатель, я крайне редко «заглядываю» в эту самую Википедию, поскольку предпочитаю сам копаться в словарях и источниках, отыскивая нужную мне информацию, потому, что так надёжней да и интересней, и я даже весьма огорчился, прочитав там же, что в Кызыл-Орде (я пишу прежнее название первой столицы Казахстана из трёх так, как всегда писали), намерены запатентовать национальную игру «лянга», вероятно посчитав её казахской. Я огорчился, но нисколько не удивился, ведь подобные вещи происходят в казахской среде не впервые, и к ним уже многие привыкли, ведь даже сугубо русское название «самовар» занесено в число «чисто казахских» и даже не переубедишь, да и не стали переубеждать, отнеся подобные проявления к национальным особенностям этого народа. Но в следующих главах, я обязательно их обозначу, эти национальные особенности, вернее странности, потому как, это весьма важно, хотя в подавляющем большинстве своём казахи народ удивительно добрый и незлобивый. Но время идёт, происходят изменения везде и всюду, даже в национальном самосознании и восприятии, в зависимости от того, что человеку внушать, чему учить, что говорить, какие песни петь...

Можно конечно относиться к этому более чем равнодушно, а подчас и снисходительно, ведь у русских подобных проявлений нет, вроде бы, как и не нуждаются русские в этом, хотя иногда и следовало бы поспорить, особенно при современных жизненных реалиях и событиях, когда на подобных, казалось бы, безобидных мелочах, но суммированных в совокупность, искажается историческая истина, а это очень плохо. Поэтому оправдаюсь известной фразой, не менее известного киногероя, прозвучавшую, в более чем известном кинофильме «Покровские ворота»: «Заметьте, это не я предложил!». Имеется в виду, спорить не тему «игровой национальности». Смешно,

читатель? Мне нет, потому, вот и пишу, хотя больше с иронией, нежели с возмущением!

А пока закончим с лянгой, с этой игрой, о которой нет ни одного упоминания абсолютно, ни у кого из узбекских поэтов и прозаиков, таких как Айбек, Гафур Гулям, Абдулла Каххар, Абдулла Хакимов, Х.Алимджан, А.Кадыри, писавших именно о жизни своего народа, охватывая различные стороны, в том числе и игры. А вот у Леонида Соловьёва действительно есть упоминание о лянге во второй книге о ходже Насреддине, где рассказывается о детстве этого «весёлого грешника», в которой он действительно называет игру в ляngu китайской. Но я, на правах земляка, позволю себе с ним не согласиться и предложить читателям свою версию, ведь я тоже имею право её изложить?

Игра в ляngu, искажённое от труднопроизносимого, для детей, слова «лягна», так и тянет поменять местами буквы, производного от русских слов – лягать, лягнуть, лягивать, или брыкаться, бить наотмашь ногами, что и делает норовистая или вовсе необъезженная молодая лошадка. Появилась эта игра именно в части нового города (янги шахар), где селились, застраивая эту часть города, большей частью русские, в основном мастеровые ремесленники, купцы, чиновники из гражданских и военных ведомств. Одним словом – люди зажиточные. И так было во всех крупных уездных городах Средней Азии и так же было в Чимкенте.

Скорее всего, лянга и появилась именно в новом городе среди русского населения казачьего сословия, поэтому, как и счёт в игре понятен, так и фигуры. Начинает игрок с «однушек», потом следуют «пары», затем «виси», когда набиваешь «висячей» ногой, т.е. на весу, стоя на одной ноге. Затем следуют прыжки, напоминающие бег лошади аллюром, потому и называются они – «люры», когда играющий заводит согнутую в колене правую ногу, стараясь вынести бедро параллельно поверхности земли, а бьёт из-под левой ноги всё той же правой. Потом идут комбинированные удары: «Одна люра-пара, две люры-пары...» Потом идут очень трудные удары – джуры

(маньчжуры?) и джанджи, когда бьёшь в прыжке из-под стопы согнутой в колене левой ноги, а во втором случае, бьёшь в прыжке из-под голени полностью согнутой в колене левой ноги. Вообще, все прыжки напоминают танцевальные фигуры «Казачка» или же «Комаринского», да и «Гопак» тоже. На Текстиле были удивительные мастера этой игры, как впрочем, и по всему городу виртуозов было немало, хотя это слово и относится к музыкантам, но я назову именно так – виртуозы лянга!

Я так и не рассказал, что же такое представляет собой лянга (лягна)? Это своеобразный воланчик, для изготовления которого нужен кусочек меховой овчины, обязательно нестриженной, размером всего-то, с юбилейную монету, диаметром чуть меньше тридцати миллиметров, а также свинцовой пластины толщиной примерно три, а диаметром примерно двадцать миллиметров. Вообще-то мы всегда вырезали овчинку, которую называли «пушок» и свинцовую монетку одинаковых размеров, но чаще «пушок» вырезали несколько большего диаметра, нежели свинец. Свинцовая «облатка» крепилась к пушку медной проволокой, в виде скобочки. Лянгу делали «по своей ноге», чтобы было удобно играть. Причём играть следовало, только в обуви, особенно, удобно было играть в кедах. А русские казачата играли в «старое время» в сапожках, поскольку в каушах, особо-то и не поиграешь. Собственно возрождённая, но абсолютно не забытая казачья лянга стала особо популярна вновь, в послевоенное время. Кстати, в Белгородской области играли в аналогичную игру, также носящую «задорное» название – жошка, такое же название имела она и в районах исконного проживания уральских казаков. В Сибири эта игра носила созвучное название, – зоська.

Я вспоминаю, как необузданно дико, боролись в школе учителя с этой, казалось бы, безобидной игрой, как выворачивали карманы в поисках запрещённой лянга, как устраивали родительские собрания с повесткой, посвящённой всё той же пресловутой лянге, как писали в дневнике: «На перемене играл в лянгую!», «Опоздал! Играл в лянгую!», и ставили по по-

ведению за неделю двойку, лишь только за это. Некоторые мне могут не поверить, но ведь и многие, жившие в Средней Азии в шестидесятые годы помнят это, поскольку забыть такого невозможно.

Естественно, всё было приподнесено трудящимся и их детям, как забота о здоровье подрастающего поколения, вред же от игры в ляngu заключался в том, что многократно возрастал риск образования паховой грыжи у детей именно от игры в ляngu. Возможно это и так, но среди моих приятелей, помнится, никто этим недугом не хворал, а у моих товарищей их знакомые тоже. И все играли, и никто никакой грыжи не боялся, хотя последним, самым весомым, и обидным аргументом проигравшего, в адрес счастливого победителя было более чем глупое восклицание: «А у тебя зато грыжа будет!».

Хотя в ляngu с годами стали играть всё реже и реже и к середине 70-х, не помню, что кто-либо играл в эту интересную осеннюю игру. Но вот как-то увидел я, уже здесь на Кубани, как играли подростки, перебрасывая друг другу матерчатый округлый предмет, набитый пластмассовыми лёгкими и мелкими шариками, и я, не удержавшись, напросился в игру. И самое интересное, несмотря на возраст, мог единственный, подолгу задерживать у себя этот мешочек, набивая «простушки», удивляя подростков.

А вот игра в асычки, пожалуй, бесспорно, родом из Средней Азии, в которую играли ранней весной, хотя и на Руси издревле была популярна игра в «бабки», при игре в которые применялся надкопытный сустав коровьей ноги и именно этой костью сбивали аналогичные бабки, установленные на расстоянии.

Но я, ни разу в жизни в бабки не играл и даже не видел, как в них играют, а вот в асычки играть любил, но везде их называли по-разному, кто говорил «альчики», кто «асычки», а у нас на Текстиле некоторые их называли по-русски, – «мослы», но большинство предпочитало называть деликатно – асычки. Ну, во-первых, асычка представляет собой суставную баранью либо козью косточку, точно такая же, только чуть меньше,

косточка у сайгака, но предпочтение отдавали в основном бараньим, хотя сайгачья несколько «красивее». Поэтому сама по себе эта косточка, если хорошо выварена, а потому легко зачищена от сухожилий, внешне довольно «эстетична», и название «мосол» как-то ей не подходило. И даже явное восхищение, не так уж и редко, звучавшее из уст большинства «одержимых» игроков, когда он подбрасывал её на ладони, восклицая при этом: « Ух, ты! Сайгачок!», говорило о многом. Каждая сторона асычки имеет своё название: чика, пука, алчи, това. Хотя у Садриддина Айни в его книге «Бухара» названия этих сторон названы несколько по-другому, вероятно в таджикской транскрипции: чикка, пукка, аспа, хара (С. Айни «Бухара» кн.2-я. Прим. к стр. 74), а кроме того сказалась вероятно, некоторая изолированная обособленность, до сентября 1920 года, от «новой» Средней Азии и русского Туркестана, Бухарского и Хивинского ханств, находившихся в вассальной зависимости от России. Хотя везде, во многих регионах были свои названия, ведь так бывает всегда, поэтому утверждать, что где-то говорили именно так, как и следует говорить, довольно глупо, это ведь игра, а тем более, вдруг да появится очередной «соискатель национальной исключительности» этой игры? А это раздражает!

Кроме того, за время существования этой игры, особенно в «новейшее» время, получил распространение своеобразный язык, вернее сленг, на котором общались играющие. Например, слово «сока», которая была самой главной асычкой у конкретного игрока, называлась иногда любовно «лобан», а то и вовсе не совсем прилично в современной интерпретации, – «стоячок», потому, что положение асычки в позиции «чика» или же «пука», означало лежачее положение, тогда как положение «алчи» или «това» – стоячее, более главное. Как правило, во избежание споров, хотя каждый помнил свои асычки в «лицо», сока окрашивалась красной тушью, поскольку всевозможных женских лаков для ногтей тогда так много, как сейчас, не было. Хотя я помню, как мои молодые соседки, измельчив пару слабительных таблеток «Пурген», а

это не что иное, как фенолфталеин с сахаром, а фенолфталеин нам известен по школьным урокам химии, как индикатор, смешивали этот порошок с силикатным клеем, известным сейчас как жидкое стекло, «изготавливали» таким образом, яркий, но крайне недолговечный лак для ногтей. А нанесённый на асычку, в первой же игре обобьётся. Поэтому, даже если бы и эти лаки были тогда, никто их, этих лаков, нам и не дал бы.

Перед игрой, дабы определить того, кому первому бить, вернее, начинать игру, игроки бросают каждый свою «соку» на землю, – «чикаются», у кого положение асычки главнее, тот и начинает. Затем, для того, чтобы выбить асычку за пределы круга необходим был «залиток» – асычка, высверленная «хитрым», особым способом, и залитая свинцом. Но заливали свинцом не только для утяжеления, но и для того, чтобы стояла, скажем, в положении «алчи», хотя самым предпочтительным положением асычки, было такое, когда она становилась «на конь», т.е. на дыбы и такое её положение называлось «умпэ». Но при этой игре «залитки» не допускались, да и были бесполезны, поскольку игра велась на небольшой поверхности и каждая позиция асычки имела своё цифровое значение и в эту игру дети практически не играли.

Интересно ещё и то, что в мясных магазинах и отделах продавали иногда бараньи ножки – «моталыжки», кстати, которые так и назывались. Помню, всегда «слёзно» просил маму купить эти самые «моталыжки», которые иногда покупались и после варки, куда добавлялось обязательно и мясо, поскольку на «моталыжках» его почти нет, хотя и бульон из них получался всегда наваристым и без добавления, они извлекались из кастрюли, и ты получал «вожделенные» асычки, а попросту мослы. Это была своеобразная «денежная единица»: их можно выигрывать, обменивать на что-то, продавать, давать в залог, короче, совершать любые финансовые операции.

Да, чуть было не забыл рассказать о «свинцовой плавильной мастерской», функционирующей небольшой срок, находящейся между сараями пятого дома по Быковского и детсадовским забором, аккурат вдоль арычного берега. В глини-

сто-песчаном грунте этого берега, умелые руки текстильских ребятишек нарыли десятка полтора маленьких печей, в которой можно было успешно и быстро расплавить, в консервной банке, извлечённый из старых аккумуляторов свинец, залить свинец в асычки, изготовив, таким образом, заливки, да и приготовить «заготовки» для лянги. Правда позже, всё это стали делать дома, на кухне, воспользовавшись отсутствием родителей, да и место это за сараями постепенно «потерялось».

Что-то я увлёкся этой темой, ты не находишь, мой дорогой читатель? Но, вспоминая, увлекаешься, «заводишься», и вот уже ты, вспомнив какие-то подробности полузабытых моментов, «давнопрошедших» дней, вдруг удивишься тому, что именно это событие сохранилось в памяти, и сохранилось настолько полно и ясно, настолько отчётливо-познавательное, что ты внезапно поймёшь, именно сейчас, в ту же минуту, важность и значимость, во всей твоей дальнейшей жизни, произошедшего тогда, в далёкие годы, именно этого события. А помогают вспомнить что-то значительное, вернее более значительное и важное, именно эти, казалось бы, пустяковые рассказы о асычках и лянге, а возможно и другие истории, происходящие с нами в детстве, которые вполне возможно и окажутся вдруг, для кого-то очень интересными и познавательными.

А расскажу-ка я, пожалуй, ещё об одном событии в бытность нашего детства, а именно о приезде старьёвщика – «ески-тускичи» или просто «ескичи», что по-узбекски означает старьёвщик или «тряпошник», как иногда называли мы его, потому как старьё по-узбекски – «ески-туски». Но для нас ребятишек это была важная, значимая личность, пренебрегать знакомством с ним не следует, к встрече с которым следовало бы готовиться загодя, но всегда почему-то, не получалось подготовиться. И когда вдруг, совсем внезапно, раздавался громкий призыв к товарообмену, а проще говоря, к бартеру, поскольку торговля велась прямым обменом одних товаров на другие, без использования денег, то выяснялось, что свой-то товар ты и не подготовил, что опять, как и всегда, «проворонил» долгожданный приезд старьёвщика!

Да и какой у тебя там товар: старые вещи, тряпье, проще сказать по-узбекски, латта-путта, тогда как в телеге у старьёвщика действительно товар, всем товарам товар! И хотя некоторые сейчас, в своих «ностальгических воспоминаниях» и называют товар, лежащий в телеге тряпошника-ескичи, почему-то шара-бара, что означает, – всякая всячина, на самом же деле, так называлось место на базаре, где торговали всяким старьём: самодельным инструментом, кетменями, тяпками и прочими, иногда необходимыми в хозяйстве предметами.

И чего там только нет, в этой самой телеге, вернее, там есть всё, чего нет в обычном магазине, но самое главное: в телеге у старьёвщика обязательно есть резина для рогатки, разрезанная по размеру именно для неё, есть пистоны и капсули и много чего полезного и нужного для мальчиков и девчонок! И поэтому около его телеги собирается порядочная толпа и каждый нетерпеливо, отталкивая других, протягивает старьёвщику свой товар, потряхивая им в воздухе, а тот, придирчиво и скрупулёзно, осмотрев его со всех сторон, не торопясь, откладывает предмет обмена в сторону, и только тогда вопросительно устремит свой взгляд на «страждущего». И этот взгляд ни капельки даже не имел ничего общего с взглядом, например, ведущего телеигру «Поле чудес», перед раздачей подарков или призов, напротив, он был абсолютно равнодушным, холодным и лишён, напрочь, каких-либо эмоций. Но делать какие-то из этого выводы мы ещё не научились, да и телепередачи такой тогда не было, как не было и такого качественного телевидения. Поэтому, обменяв какое-нибудь старое папино пальто, на пару резинок для рогатки и мячик на резиночке, набитый опилками, который ты вообще не просил, а просил ещё пару запасных резинок для рогатки, но твой обменный товар не дотягивал до «равнозначности», а поэтому и был сбалансирован этим мячиком на резиночке, но, тем не менее, ты счастливый и гордый, несказанно радостный, спешил домой, по пути любуясь приобретённым.

Вообще, дорогой мой читатель, чтобы у тебя не сложилось обо мне чрезмерно негативное впечатление, когда ты

читаешь строки, где я описываю своё «нездоровое» желание в приобретении резины для рогатки, да ещё и мечтаю запастись ею впрок, то вынужден подробно разъяснить это, поскольку всему есть, вполне простая причина. Дело в том, что после окончания учебного года, к началу летних каникул, все мои сверстники и не только они, обзаводились рогатками с «кожанкой», в которую владывался камушек для стрельбы. Это была серьёзная рогатка, в отличие от рогатки без «кожанки», которая стреляла «пульками», представляющие собой согнутые дугой кусочки проволоки. Кстати и такая рогатка нужна была, только, вот несколько попозже рогатки, стреляющей камушками, для которой требовалась хорошая «белая» резина, купить какую можно было тогда, только у старьёвщика, который её где-то приобретал, качественно разрезая на полоски. Хотя возможно, она и всегда продавалась в аптеках в качестве медицинского жгута-бинта, но я её увидел в продаже уже взрослым.

Кстати, в то время многие взрослые пользовались рогаткой, особенно пасечники, для защиты своих пчёл от набегов, вернее налётов, шурок, – зелёной и золотистой, когда, только, бесшумная праща и рогатка, были эффективны в борьбе с этими красивыми птичками, истребительницами пчёл.

Но всё меняется, даже время тогда двигалось медленнее, не в пример сегодняшнему, а что же, можно сказать об играх, которые также стали другими? Игры нашего детства, так и останутся лишь только нашими, а внуки уже играют в другие, совсем не похожие на те, в которые играли мы когда-то. Это немного напоминает сменяющийся, в зависимости от объективных обстоятельств, обменный эквивалент, у того же старьёвщика, с тряпья, «латта-путта, шара-бара», на пустые бутылки, но он, этот старьёвщик, ассортимент своих, предлагаемых к обмену, товаров так и не сменил. Такое и в повседневной жизни нашей часто происходит, правда гораздо серьёзней, а порой и страшней, когда требуют от тебя чего-то нового, необычного, а часто даже, связанного с чрезмерным напряжением сил, а взамен, – всё те же надоевшие лозунги,

призывы, обещания, пустая болтовня и просьбы, – ещё немного потерпеть, ещё немного подождать!

Вот и снова я сворачиваю в сторону от темы, ведь хотел же только играть и посвятить эту главу, но всё никак не получается, что-то всё держит, никак отпустить не хочет, видно у детства длинные корни, никак не подвергаются «выкорчёвке». Поэтому, как не рассказать о замечательных, запоминающихся, протяжных криках, которые издавали эти, вроде как уже и не старьёвщики, сменяющиеся во времени, но остающиеся всё теми же «ездовыми», с телегой и лошадьё? Одни, въезжая в общий двор, протяжно кричали в жестяной рупор протяжное, с усилением на предпоследних звуках: »Керо-о-с-и-и-и!», тогда как на самом деле собирали бутылки, предлагая невостребованный к тому времени товар – керосин, в обмен на бутылки. А спустя какое-то время стали просто кричать, не менее протяжно и громко: «Бути-и-и-л-к-е-е!», да так колоритно и запоминающе, что даже маленькие дети на вопрос: «А как лошадка кричит?», обязательно бы прокричали охотно: «Б-у-т-и-л-к-е!».

Вообще у детей тогда какая-то неистощимая фантазия была на самостоятельное изобретение всевозможных игр и забав, правда не всегда безобидных и действительно увлекательных, но нам было во дворах интересно и поэтому всё своё свободное время мы проводили на улице. Играли в прятки, хотя эту игру называли нежно «кулюкушки», играли в которую в основном в вечернее время, после того как стемнеет и мы, всё-таки успевали, перед тем как нам поочерёдно и почти одновременно, не последует приказ идти домой, оглашённый из окон нашими родителями, достаточно наиграться. А ещё, поздним вечером играли, разделясь на две группы, отгадывая названия кинофильмов по начальным буквам. Кстати, эта игра, сейчас, уже невозможна, исходя из чрезмерного обилия кинофильмов, а в моём детстве, в неё было довольно интересно играть. Тогда многое было интересным, поскольку неизменный спрос детей на игры, несколько превышал их предложение, невольно заставляя детей проявлять поразительное

творчество и фантазию, успешно выравнивать это «экономическое» несоответствие между спросом и предложением. Примеров не счесть, даже по нашему Текстилю можно сбиться со счета, перечисляя все премудрые изобретения которые внедрялись вдруг, как будто невзначай, в нашу повседневную ребячью жизнь. Особенно после очередного «набега» на текстилькомбинатовскую «мусорку», расположенную внутри территории фабрики и куда мы проникали, аккуратно между прутьями высоченной ограды, пользуясь полным отсутствием, даже самих признаков «дородности», в наших ребячьих тельцах, произношу это слово, естественно с ударением на первом слоге. Чего только не было там, какие «полезные» изобретения моментально рождались в наших головах, когда мы видели всё это богатство: валики с прядильной машины, на которых крепились малюсенькие подшипники, всевозможные шпули, цевки и стальные веретёна, которые мы называли – штыки, крючки, узловязатели, початки пряжи, всевозможные стропы и прочная тесьма, от капроновой до хлопчатобумажной, длиннющие ленты наждачной ткани, кольца с «бегунками», стальные цилиндры, трикотажные хлопчатобумажные рукава-чулки, непременно чёрного цвета, после окраски в них бобин с пряжей, которые мы натягивали себе на голову, воображая себя «угнетёнными» неграми, да много чего там было, полезного и нужного, для нашей «творческой ребячей» деятельности. И что только не придумывали! Ну не было в продаже водяных пистолетов, так мы, используя полую деревянную шпулю, скреплённую тремя стальными кольцами с утолщённого конца, и металлическим наконечником, с маленьким отверстием, с другого, умудрялись сделать великолепную мощную «брызгалку», изготовив из крючка с кольцом на конце, поршень, обломав или выпрямив, это как уж получится, противоположный конец, обмотав его тонкой пряжей, с найденной, тут же на «мусорке», бобины или же початка. После чего, вставив этот прочный и надёжный поршень в отверстие деревянной шпули, получали великолепный насос-брызгалку, достаточно только втянуть в него воды из арыка и

«оросить» ею противника, вооружённого таким же «оружием». Причём, всё это умудрялись делать абсолютно без какого-либо инструмента, буквально на ходу, используя вместо молотка гладкий булыжник, а вместо наковальни, располагаясь на чугунной крышке канализационного люка.

Ох уж эти, босоногие «Кулибины», щеголявшие всё долгое южное лето в одних лишь чёрных сатиновых трусах, подтянутых чуть ли не к самым подмышкам, потому как носить трусы «ниже пупа» считалось крайне позорным проявлением в мальшеской среде, и чтобы не прозвучало вдруг, весьма обидное в твой адрес замечание: «Ниже пупа не носи – пять копеек попроси!», то за своей единственной, на тот момент, одеждой – выцветшими сатиновыми трусами, старался исправно и внимательно следить, периодически подтягивая их выше «запрещённой» центровой, точнее, «пуповой» отметки.

Лето, это великолепная пора, даже если ты не поехал на какой-то сезон в пионерский лагерь, но тогда ты сам заполняешь свой досуг, изобретая что-нибудь необычное и интересное, которое не всегда и не всем абсолютно нравилось, и не для всех было шибко интересным. Ну, например, загодя набрав, на известной уже читателю мусорке, початков с бракованной пряжей, густо обматывали ею деревья, противоположно стоящие по обе стороны тротуарной аллеи, ведущей вниз от летнего кинотеатра к домам нашего Текстиль-городка. Самое главное, надо было удачно рассчитать время и надеяться на то, чтобы случайный прохожий не порвал преждевременно тонкую, абсолютно невидимую паутину из хлопковой пряжи, потому как если идёт людской поток, то первые, чересчур быстро спешащие домой, наткнувшись на тонкую и липкую «преграду», так напоминающую паутину в осеннее «бабье лето», невольно останавливаются, а следом идут другие, а за ними ещё и ещё, и поэтому, охваченных нашей безобидной шуткой, было довольно много. Хотя я и сам, проживая в самом первом по счёту доме, по пути от кинотеатра до ближайших домов, возвращаясь из кино, никогда не спешил, ибо я знал, что не все мои друзья-приятели, особенно из моего седьмого

или, если по номеру, из соседнего шестого дома, были сегодня в кинотеатре. А ну, как и мне, уготовано очередное, искусственное «бабье лето», в список «изобретателей» которого входил и я, но, несмотря на это, всё-таки и мне, правда, будучи уже довольно взрослым, пришлось испытать на себе эту, не совсем «приятную» шутку, подпадающую больше под определение мелкой пакости.

Тогда мы придумывали, что-нибудь ещё, схожее с арсеналом, этих самых «пакостей», появившейся несколько позже, «мультишной» героини старухи Шапокляк. Например, завернув в обрывок газеты пригорошню мельчайшей и горячей, словно цемент из печи, чимкентской пыли, на просёлочных грунтовых дорогах которой летом было столько, что нога почти по колено утопала в ней, подбрасывали эти пылевые гранаты вверх, отчего в воздухе очень долго висело пылевое облако, особенно если бросить эту «гранату» под вечер.

Но всё это быстро надоедало, хотя иногда и удавалось выехать и за город, благо мест, где можно было порыбачить или половить раков, близ Чимкента более чем достаточно. Летом дождей не бывает, поэтому можно обойтись без палатки, ведь так намного интересней, особенно когда лежишь на спине и смотришь на звёзды, а спать совсем не хочется, а потом все идём проверять раколовки, и так – всю ночь. Я помню, как отец Валеры Галимова, во второй половине дня, ближе к вечеру, отвозил нас на Буржар или же Кайнар-булак, в то время, когда ещё там и дач в помине не было, оставлял там одних, а на следующий день вечером забирал. Тогда это было возможным, потому как жизнь в тот период была совсем другая, нежели теперь. Да и я, дорогой мой читатель, поведал тебе именно о тех эпизодах летнего периода, когда мы, по каким-то причинам, не попали именно на этот сезон в пионерский лагерь, о чём я уже заранее тебя и предупредил.

Вообще о детстве, а о возрасте особенно, столько всего интересного сказано. Вот я, например, всё сетую на невозможность вернуть то ощущение чего-то, например прочитанной когда-то книги, или же возможность, чему-либо удивляться или же вос-

хищаться, так же непосредственно и искренне, как в детстве. Или же вернуть то, что безвозвратно потеряно, по меркам жизни, не так уж и давно. Но с возрастом вдруг открылось такое чувство, как чувствовать, что именно это случилось в последний раз, и что этого больше уже никогда не будет, хотя и знать этого ты, ну никак не можешь, вернее, не должен этого знать. Ну, например, увидевшись с каким-либо человеком, возможно и дорогим, ты вдруг, с болью, внезапно почувствуешь, что видишь его в последний раз. Поэтому не очень-то и правильно, да и никчёмное это дело, скажет некто, вспоминать давно ушедшие детские забавы и игры, канувшие в лету, пускай и памятные, но всё же ветхие неодушевлённые предметы, дома, улицы, какие-то арыки, старые погосты, церкви, храмы, которые засыпало само время, какие-то обстоятельства, когда-то значимые события. Ведь время идёт неумолимо вперёд, и умирают люди, рождаются новые, меняются названия, многое забывается, даже хорошее, а плохое напротив – выпячивается, даже заучивается наизусть как истина, и чаще всего именно теми, кто и не жил в то время, и помнить его никак не может. Поэтому и забывать прошлого никак нельзя, из, казалось бы, пустячных мелочей и состоит порой, едва ли не самое главное в нашей жизни.

Я ещё ведь не рассказал о собачьих боях, которые устраивались на полянке, рядом со старым узбекским кладбищем перед посёлком Гульбах, и какая большая стая огромных чабанских волкодавов охраняла овощную базу, саманный дувал которой ограничивал кладбище с противоположной северной стороны, а вход был как раз напротив автовокзала, расположенного через дорогу. Помню даже, что кто-то из работников этой базы, а возможно и сторож её, приводил на бои собак оттуда. И даже помню чёрного мощнейшего пса, даже мне кажется, без белой отметины на морде, и которого завсегдагаи собачьих поединков называли Чемпионом. Но собачьи бои я смотрел украдкой от родителей, за что меня и наказывали, но честно говоря, они мне не очень-то и нравились – жуткое зрелище, да к тому же, место боёв вскоре сменили, а возможно и запретили.

А ещё я очень хорошо помню, как однажды два моих соседа, братья Генка и Санька Савченко, отец которых служил в летной воинской части, расположенной на горке, рядом с крепостью, решили вдруг встретить свою маму с работы, которая работала заведующей мебельным магазином, расположенного рядом с Балаханой в старом городе, уговорили и меня отправиться вместе с ними. Да, собственно, и уговаривать меня не надо было, потому как путь, по которому нам предстояло пройти, был нам очень знаком, потому что днём, мы часто играли именно в этом районе. Ведь тогда ещё не был построен автовокзал, а было высокое плато, являющееся продолжением крепости, на котором обильно цвели весной цветы, между которыми всюду валялось множество глазурированных керамических черепков. Но потом это плато срыли, землю вывезли, а на его месте построили автовокзал. А вот сама старая овощная база, напротив автовокзала, ещё очень долго просуществовала, постепенно разрушаясь, и даже когда уже не осталось ворот, то заглянув за полуразрушенный саманный дувал, можно было разглядеть остатки десятков собачьих будок, сделанных прямо в склоне, отходящего от этого дувала. Причём будки располагались почти рядом друг с другом, а с правой стороны от входа стояло одноэтажное небольшое крепкое здание, правым, боковым фасадом, «притиснутое» к горе. В этом здании изначально, но крайне недолго, разместилась как-то пошивочная мастерская, но потом очень быстро закрылась, окна были заколочены досками, и так оно стояло, – непонятное и незаметное, в густой тени карагачей, мне помнится, всегда. Был ещё и овраг, на краю которого вечно лежал штабель непомерных по толщине брёвен, и даже когда овраг засыпали землёй, срытой с холма при строительстве автовокзала, то эти брёвна ещё так долго лежали, что крайне удивительно, как они не сгнили, рассыпавшись в прах.

Но вернусь к рассказу о том, как мы отправились с соседями в Старый город встречать с работы их маму и потому как дело было осенью, смеркалось рано и мгновенно, да и вышли мы, когда уже было темно, но не было, почти обязательного,

именно в этот период осени, тумана. И пройдя Гульбах, пошли по дорожке, идущей вдоль кладбища, сделанной тогда совсем недавно, и почти дошли до дороги, ведущей вниз, к Старому городу, то увидели при свете фонаря, десятка полтора огромных волкодавов, пересекающих «нашу тропу», которые, не обращая на нас никакого внимания, спустились в овраг, служивший тогда свалкой для таштрактской больницы, расположенной в противоположной, западной стороне от кладбища. Так вот, среди этих огромных псов, особо выделялся, при свете фонаря, чёрный волкодав, в котором без труда можно было узнать Чемпиона. Хотя мы и здорово перепугались, но назад возвращаться не стали, а продолжили свой путь и благополучно добрались до магазина, чем удивили тётю Таю, мою соседку – маму моих «сотоварищей». Поэтому обратно мы уже добирались на автобусе до текстилькомбината. Интересно, что много лет позже я видел на чимкентском шинном заводе псов – охранников, именно такого же окраса, как и «чемпион» из детства: чёрные, лишённые даже белой отметины на лбу, отсутствие которой у волкодавов, чабаны считают серьёзным недостатком, не только потому, что однородная масть, без отметин, не соответствует самому слову «ала», что означает – цветной, пёстрый, но и потому, что чабанский пёс, а основное предназначение среднеазиатской овчарки, именно охранять овечьи отары и быть помощником чабану, в темноте будет абсолютно незаметной, неразличимой с волком, поэтому есть риск подстрелить именно собаку, а не его. В аулах и кишлаках много собак ровного окраса, но обязательно с белой отметиной на морде, хотя достаточно и «чисто» белых псов, а вот абсолютно чёрных в сельской местности почти нет.

Ты уж не сердчай, дорогой мой читатель, что вынужден читать про каких-то чёрных собак, когда я обещал вроде писать про игры, в которые играли мои сверстники и я в их числе. Конечно, я бы мог написать о том, как играли жители домов, собравшись во дворе, в домино или же лото, или же рассказать о самой лучшей в городе Чимкенте сборной текстилькомбината по игре в «городки», тогда как к тому времени и в

центральной России забыли, поди уж, про эту русскую игру! Да и совсем ничего не сказал о том, как девчонки, занимаясь коллекционированием, в дополнение к почтовым маркам, «копили», как они сами это занятие называли, ещё и спичечные этикетки, а самое главное – фантики, которые представляли собой, – просто напросто, обычные конфетные обёртки, как обменивались ими, как бережно хранили их в различных коробочках.

А, кроме того, я ведь ничего не рассказал о наших зимних играх, о том, что, несмотря на короткую и, сравнительно тёплую зиму, каждый из нас умел кататься на лыжах и коньках, причём привязывая, коньки к обуви прочными верёвочками, и, только по этой причине во дворах, хозяйки зимой отвязывали на ночь свои бельевые верёвки, потому как существовал риск, что ночные конькобежцы могут их срезать на крепления для своих коньков. Я не рассказал о том, как скатывались мы с многочисленных горок, поскольку в Чимкенте их множество. Катались на санках, кирзовых сапогах, самокатах, выгнутых из гладкого стального толстого прутка. Причём, некоторые в Чимкенте называли это изделие, из-за своеобразной изогнутости, – гуськи. Катались долго, не уходя домой далеко за полночь, спешили успеть, ведь снег мог внезапно и растаять ... И успевали ведь!

А ещё я вообще не сказал ничего о самой «популярной» и едва ли, не любимой игры в «войнушку», в которую играли все, даже девочки! Да о многом, из того, что помню я, умолчал, возможно, потому что уж больно это для нас чрезмерно дорогое, сокровенное, хотя и наше, общее, можно сказать – ничьё, но всё равно наше. А вот о дороге через Гульбах в Город, о самом городе, о многих «знаковых» событиях, – рассказать надо. Обязательно!

Обо всём об этом, дорогой мой читатель, я уже немного пытался рассказывать в предыдущих главах, но всё как-то не удаётся достаточно хорошо это выполнить, но в какой-нибудь главе, я обязательно это сделаю, а, тем более что уже, ни базы, ни посёлка Гульбах, ни кладбища, ни плато, где росли

весенние цветы – нет, осталось всё лишь только в памяти. Но это всё произошло ещё до развала СССР, и поэтому, как-то и скучать, сожалея о «потерянном», вроде бы и не должен. Но порой бывает просто невозможно объяснить, то чувство грусти, а то, и сжимающей сердце тоски, которое вдруг овладеет тобой, когда ты увидишь, что нет более тех мест, где беззаботно играл в детстве, да и просто нравилось здесь бывать. А вот почему выбирали для игр именно эти места, – невозможно даже сейчас объяснить, может быть, просто не было других мест, кроме этих? Но это же, не так. И ведь не существовало у нас, каких-то особых, постоянных мест для игр, раз и навсегда выбранных. А что если, не мы выбирали места для игр, а они нас? Ведь в детстве по-иному быть и не может, ведь в том возрасте нам только кажется, что мы играем, на самом же деле мы просто живём в игре, потому что игра это не обязанность, это не работа, это просто игра!

Глава седьмая

Старое кладбище

*Если ты не слепой, мглу могильную зри.
Эту, полную смут, землю пыльную зри.
Сильных мира сего, в челюстях муравьиных –
Этот мир, эту тризну обильную зри.*

Омар Хайям

*В жизни все вещи друг от друга отличаются,
А в смерти все одинаковы.*

Ян Чжу

Всё-таки надо рассказать о самой короткой дороге, по которой, до того как стал «ходить», как раз до моего дома, шестнадцатый автобусный маршрут, все жители Текстиль-городка ходили в Город по своим делам, но чаще всего на базар. Можно было конечно подняться вверх, до текстилькомбината, а там сесть на какой-нибудь автобус, идущий от железнодорожного вокзала, но это было менее удобно, поэтому народ отдавал предпочтение пешему маршруту, исходя из экономии времени, но отнюдь, как может показаться, совсем не кошелька, хотя находились люди, которые и «пяточек», – ровно столько, стоил проезд в городском автобусе, считали за «деньги», но такие люди были, есть и будут, во все времена и эпохи.

Я ведь сообщал в предыдущих главах о разделении, со времён появления русских в Средней Азии, крупных уездных городов на условное «отделение» старой части города, от новой. Поэтому сохранились, и по сей день, названия: Старый город, который мало кто называл по-узбекски – Ески шахар, тогда как Новый город все называли Янги шахар, и собственно – Город, который означал центр.

Я также и рассказывал о старом узбекском кладбище, между посёлком Гульбах и овощной базой, но поскольку тема эта очень уж деликатная, тонкая, а посему не терпит равно-

душия и суетливой спешки в обсуждении, то я, уважаемый читатель, задержусь на ней и постараюсь более полно и подробно разобраться в ней.

Я уже сравнительно давно живу в Краснодарском крае, через год как раз четверть века, и за это время многое понял, много чего увидел – пристально разглядел и тщательно обдумал, и не сказать, чтобы уж шибко поумнел, но мудрее, естественно с возрастом, стал уж точно. Но, как говорится: ум не в годах, а в голове. Но это несколько шутливо звучит, но годы, конечно, если не ума, то мудрости прибавляют это точно. Но вот «отвыкнуть» от того, чтобы не вспоминать места, где прошло детство моё, не смог. Некоторые упорно твердят, что в прошлое тянет именно тогда, когда нет радости в настоящем. Но тогда можно «перефразировать» это спорное, да и глупое утверждение, и только поплакать о несчастном и страшном прошлом, сказавшего это. Поэтому не «тянуть» в прошлое никак не может, ну а нас, сменивших место жительства, в зрелом возрасте, да ещё и при таких обстоятельствах, которыми явились последствия распада, некогда могучей и единой страны, особенно.

Но я, вроде, отвлёкся, поскольку начал-то я о дороге, пересекающей старое узбекское кладбище, но тогда это не было дорогой, а была простая, протоптанная, между могилами тропка, которая, случалось, что и слегка меняла свой «курс», из-за периодически проваливающихся, особенно весной, могил. Правда несколько позже сделали пешеходную дорожку по краю кладбища, которая шла рядом с посёлком Гульбах, вдоль его северной окраины.

На этом кладбище уже не хоронили, и на нём не было совершенно могил с надгробными камнями, лишь однажды мы с ребятами набрали на упавший, а потому совсем незаметный, надгробный камень. Вероятно, в этой могиле покоился какой-то особо почитаемый человек. Больше никаких надгробий на этом кладбище не было. А вообще, надгробные памятники по исламским канонам запрещены, но существуют исключения для некоторых, особо значимых при жизни личностей, но эти

исключения, в наши дни, возможно, стали нормой, распространяющейся абсолютно на всех, но утверждать что-либо, не зная этого достаточно хорошо и полно, тем более в таких темах, я не смею, а поэтому спорить не буду.

По-узбекски кладбище – кабристон, но сами узбеки его так не называли, а называли мазар, хотя я почему-то считал, что мазар это какое-то строение, хотя никаких строений на старом кладбище не было, но вполне возможно, что когда-то и было. Мы же, называли это место, просто, – могилки...

Вообще, существует очень точный индикатор равенства, это погребальный обряд, ведь иногда, даже достаточно просто одного взгляда на старые, о которых принято говорить, – «закрытые» кладбища, и всё станет понятно.

Я хорошо помню то кладбище, на котором весной цвели маки, а позже густо золотился тысячелистник, где вместе с жёлтыми цветками попадались группы тысячелистника с белыми, чуть розоватого оттенка цветами, а затем почти всё лето, среди едва заметных могильных холмиков, с обвалившимися и сравнявшимися от времени провалами, цвели своими белыми, очень красивыми, лилейными цветами, колючие кусты растения, которое мы называли «арбузики», за плод, размером с небольшой грецкий орех и точно такую же расцветку – под арбуз, но самое главное, с красно-розовой мякотью, в которую были вкраплены чёрные семечки, размером чуть больше макового. Собственно, такие «арбузики» росли во множестве и в крепости, и на полянках, да и любые развалины, любая груда саманных развалин, по-узбекски «хиробазор», быстро зарастали этим колючим растением с тёмно-зелёными округлыми и жесткими листочками, красивыми белыми цветами, с очень неприятным, «одуревающим» запахом, и плодами так похожими на миниатюрный арбузик! Все их считали крайне ядовитыми, поэтому, даже если мы и рвали эти «арбузики», дабы запустить им в чью-либо голову, то после этого старались руки помыть, или же, обильно поплевав на ладони, потому как, например, не окажись вдруг поблизости воды, усиленно тёрли их о свои сатиновые, наи-

прочнейшие трусы, в которых, как я уже сообщал, ходили всё лето. Но никогда и никто, даже и не пытался срывать какие либо цветы с территории кладбища, разве только по незнанию или же, врождённой глупости, да и то, таких вроде не было в нашей детской компании.

Что интересно, несмотря на этот неприятный запах, исходящий от этих «арбузиков», очень часто рука, невольно тянулась к его красивому цветку, чтобы сорвать и понюхать, в очередной раз, убедившись в неприятном запахе, поэтому уж этот «аромат» я запомнил навсегда.

Уже живя на Кубани довольно большой срок, как-то мне младшая дочка привезла из Дагестана, куда они ездили с семьёй, гостинцы, среди которых была литровая банка каперсов, которые там сами собирают, солят, заготавливая впрок, и называют, довольно смачно – каперцы, созвучно со словом огурцы! Причём родственники снабдили их из своих же запасов-заготовок, поскольку сами собирают нераскрывшиеся бутоны цветов, как-то вымачивают, солят и некоторые из жителей продают это на кизлярском базаре не совсем-то и дёшево. Особенно если сравнивать с другими товарами, выставленными на продажу, среди которых есть такие, с чем можно и сравнивать, хотя бы с той же икрой или осетриной, причём всё это свободно продаётся, и многие этим живут.

Поначалу мне эти каперсы как-то не понравились, особенно «послевкусие»: очень сильно было какое-то подозрительное и тревожное ощущение чего-то удивительно знакомого, но не совсем приятного, но я внушал себе, что это непременно надо есть, стыдил сам себя, «упрекая» непонятно в чём, в какой-то «непродвинутости», отсталости и ещё в чём-то. Интересно то, что я, уже изрядно «пристрастившийся» к этим самым «каперцам», дотошно просмотревший литературу и убедившись в правильности и точности написанного там, но, так и не выяснив для себя, что же это такое на самом деле, года два спустя, уже сам, поехав в Дагестан, попросил показать мне кусты этого растения. И я был даже не удивлён, а поражён, увидев, что каперсы, которыми я только что заку-

сывал за столом, не что иное как пресловутые, «одуревающе» и неприятно пахнувшие, известные мне с незапамятных времён, с детства, «арбузики», которые мы даже подолгу в руке опасались-то держать, а тем более это есть! «Захар, захар!»: кричал нам какой-нибудь старый узбек, что в переводе с узбекского означало: «Яд, яд!», видя, как мы срываем «арбузики», и мы понимали, и слушались, ведь никакого Захара в нашей компании не было. Позже, уже в Дагестане я спрашивал о секретах приготовления, вернее засолки каперсов, и их немало, потому как действительно, возможны и серьёзные отравления при их незнании!

Но вернёмся вновь в тему старого мазара или же, кабри-стона и поэтому нельзя ничего не сказать о похоронах, хотя и рассказываю я о кладбище уже закрытом, на котором уже и не хоронили, но не рассказать о скорбных тамошних мусульманских обрядах, не совсем хорошо, вернее совсем нехорошо. Тем более, бывает и так, что человек, прожив достаточно долго где-либо, так и не изучил, и даже не ознакомился с жизнью местных жителей, и не пытался сделать это, а потом, вдруг выясняется, что он и о своём народе ничего сказать-то не может. Но это плохой человек, пустой, не любознательный, а значит и равнодушный, а равнодушие это, на мой взгляд, самая опасная и подлая черта человека, от неё все последующие беды и грехи. И я не имею ввиду, что человеку, непременно надо специально интересоваться, дотошно и назойливо спрашивать, как это делают сейчас многие, о каких-то обрядах, рецептах блюд и прочем. Нет, всё это придёт само, просто, надо быть не только внимательным, но и участливым, открытым, сопереживающим, но не любопытным. Не лю-бо-пыт-ным! Но требуется научиться находить принципиальные различия неприличного, навязчивого любопытства от деликатной и тонкой любознательности, а это не так уж и сложно. А я вот не люблю, с некоторых пор равнодушных, с той поры, как научился отличать равнодушных от невозмутимых, а бывало ведь, и завидовал даже некоторым, «спокойным», не различая этих проявлений характера.

Связанные с похоронами хлопоты обычно лежат на соседях. Я почему-то хорошо помню именно всадника в синем чапане, который рано утром, верхом на лошади, ехал на Гульбах по текстильской дороге, по улице Быковского, мимо людей, стоявших на конечной автобусной остановке, известить о смерти, знакомых и друзей умершего. За всё время проживания в Чимкенте я лишь дважды видел такого всадника – вестника скорби, потом, вероятно, стали пользоваться другими средствами оповещения, но именно эти «кадры» из прошлого, навсегда запечатлелись в моей памяти. Поэтому возможно я видел это гораздо чаще, вероятно не обращая на это особого внимания, стало быть, ещё не дорос тогда до понимания этого, а раз так, то никогда не запомнишь того, что видел.

Мусульмане хоронят покойников по исламским законам, почти не отличающимися, даже из-за географической отдалённости мусульманских регионов, хотя и есть абсолютно незначительные различия, скорее всего обусловленные адатом, нежели шариатом. Похоронить стараются как можно быстрее, но эта спешка имеет свои обоснования, которые я не буду здесь излагать, да и не так они важны, мои обоснования. Но, повторюсь: здесь «спешка» носит ритуальный характер, поэтому если человек умер утром, то его хоронят, за крайними и редкими исключениями, обязательно в этот же день, но если смерть наступила либо вечером, или же ночью, то похороны устраиваются непременно утром.

Если умер мужчина, то приходит, специально нанятый человек, либо кто-нибудь из соседей мужчин, чтобы обмыть тело покойного, если же умерла женщина, то, естественно, обходятся с этим женщины, но обмывание производится на специальной доске, предназначенной для этой цели, которая имеется в каждой мечети, как и все похоронные принадлежности, в том числе и похоронные носилки. Вообще, насколько я помню из рассказов взрослых, что были люди, издавна занимающиеся этим «богоугодным ремеслом», так называемые «мардашуй» т.е. обмыватели покойников, даже и существовали семейные династии, о которых местные жители, безусловно, знали, да и

я знаю, но предпочитали не говорить, но, бывало, «случайно оговаривались», да и в обычной, «мирской» жизни стараясь поменьше с ними общаться.

Посуду, из которой обмывают тело, обязательно разбирают и выбрасывают, не на кладбище, а где-то поблизости, но за жилой зоной. Я вдруг вспомнил тот пустырь-плато, на подходе к крепости, где сейчас расположен автовокзал, так там попадалось достаточно много глазурированных керамических черепков, разбросанных окрест, а ведь это рядом с кладбищем, только разделено дорогой.

В это же время, когда идёт обмывание, на кладбище роют могилу, со скошенным дном и нишей, в стороне уклона. Причём, для женщины она роется несколько глубже, нежели для мужчины, для мужчины роется по грудь, а для женщины, где-то на уровне плеч, роящих эту могилу. По мусульманским обычаям, женщина не только в жизни, но и на том свете должна быть ниже мужчины, стоять позади его, не лезть вперёд, перебивая и отодвигая в сторону мужчину, тем самым, унижая его. Она обязана помнить своё место и предназначение, и соответствовать ему. Поэтому и наши жёны-христианки, но родившиеся и выросшие в Средней Азии, в хороших и прочных семьях православных христиан, разительно отличаются от некоторых, вернее, даже большинства, женщин Центральной России. Ведь наши русские азиатки, обязательно, как и все русские женщины, и «коня на скаку остановит» и « в горящую избу войдёт», но только сделают это настолько изящно и элегантно, причём, не оттолкнув прежде мужчину, а, только убедившись в том, что больше-то некому в эту «горящую избу», кроме неё входить-то, вот тогда и войдёт. Так что, «некрасовские» женщины (не путать с казаками-некрасовцами), когда-то «перебрались» и в Среднюю Азию! А наш народ восприимчив: худшее отбросит, лучшее возьмёт, вот и старались быть во всём лучше, а те, коренные, в свою очередь, старались быть лучше наших, русских. Вот такое полезное соревнование в добродетели и воспитанности. Но, пожалуй, едва ли не самой основной отличительной чертой от своих европейских «со-

племенниц», является то, что наши не столь эмансипированы, хотя и умеют, не только за себя постоять, но и себя показать. А ещё, она одинаково хорошо, после замужества, относится и к своим родственникам и, особенно, к родственникам мужа, стремясь к сближению и поддержанию родственных отношений с ними, что в Центральной России в большинстве семей почти безвозвратно утеряно.

Но вернёмся вновь к описанию обряда, поскольку вынуждены были сделать некоторое отступление от темы.

После того как усопшего обмыли, его одевают в две или одну, белые специальные, без рукавов рубахи и так называемый камис или, как его ещё называют, в частности здесь, в Адыгее, в арабском звучании – кефен, представляющий из себя мешок из белой хлопчатобумажной материи, подвёрнутой и завязанной на голове и ногах. Как и везде заведено, женщины перед выносом тела дома оплакивают покойника, затем его кладут на похоронные носилки-джаназа, выносят на улицу, где мулла служит панихиду, по окончании которой процессия направляется на кладбище. Носилки на плечах несут несколько человек, которые идут очень быстро, почти бегом, каждые десять-пятнадцать метров сменяя друг друга. Если кладбище находится далеко, то покойника везут на автомобиле.

На кладбище покойника снимают с погребальных носилок и опускают в могилу, в нишу, в полулежачем виде и таким образом, чтобы обязательно головой на север, а лицом на запад, в сторону Мекки. Это делается для того, чтобы умерший, когда наступит день воскресения мёртвых (яму-л-кыямати), мог бы сидя отвечать на вопросы ангелов Накира и Мункира. Во время погребения всё время читаются молитвы, чтобы душа покойного слышала только спасительные слова. Вообще принимать участие в похоронах, особенно нести носилки, считается богоугодным делом, причём не приходит никому в голову определять чьё-либо вероисповедование, как впрочем, делается и у нас – православных христиан. Поэтому, участвовать в похоронах своего друга, представителю другой конфессии, – не возбраняется: ведь самое главное, а это дей-

ствует абсолютно везде, чтобы ты не «отмочил», не дай Бог, конечно, чего-либо «противоестественного», что оскорбило бы и шокировало присутствующих. Но что-то сделать не так, как положено, мог не только пришедший на похороны иноверец, но и, по забывчивости или душевному расстройству, любой другой человек, принадлежащий к той же конфессии. Например, кто-то забыл перевернуть вверх дном носилки-джаназы, возвращённые с кладбища, что является диким, опасным поступком, потому как, по существующему поверью, «пустыми долго уже они не будут», – жди ещё смертей. Но за всем похоронным процессом всегда зорко следили аксакалы, не допуская подобных «ошибок» и досадных промахов.

Но так было тогда, при едином Государстве и являлось действительно настоящим, искренним, но сокровенным, и абсолютно не нарочитым, не афишируемым, никогда и нигде не противопоставляя одну конфессию другой, как это делается сейчас, причём делается людьми, довольно далёкими от религии, но недалёкими в своём интеллектуальном развитии, которых и переубедить-то невозможно. Да и само латинское слово толерантность, что означает терпение, никак не являлось категорией определения той, прежней нашей жизни, – эпохи нашего детства и молодости нашей.

Всегда и везде, в любом коллективе, во всяком человеческом сообществе, независимо от национальности и религиозной конфессии, обязательно находятся такие люди, для которых, так называемые, «скорбные мероприятия», которые они обязательно, примерно, так и называют, представляют очень большой интерес. И они всегда востребованы, ведь когда от горя и ощущения потери близкого человека, люди теряются, не могут сообразить и решить, что делать, такие люди приходят на помощь. Они всё сделают, всё выполнят по обряду, если похороны христианские, то найдут людей и распределят «роли» – кому нести венки, кому крышку, всем найдётся «работа» и даже на плачущих и «чрезмерно» скорбящих, они непременно обратят своё «всеохватывающее» внимание и даже как-то смогут, одним только «укоризненным» взглядом своим,

не только успокоить его, а даже и «пристыдить», дескать, не приличествует мужчине слёзы лить, тем самым, скорее всего, озадачить и поразить скорбящего, крепостью своих стальных нервов, а возможно ещё чем-либо, о чём я лучше промолчу.

В Краснодарском крае, куда я вывез свою семью, после развала страны, живём уже почти четверть века. Немало здесь мест, связанных с трагическими страницами истории нашей Страны. Но это настолько большая и трудная тема, а вдобавок ко всему, я не пытаюсь в своём «эссе» сделать это, я лишь хочу как-то дополнить свою тему, вернее наполнить её определённым смыслом и моралью. Так вот, коль рассказываю я о старом узбекском кладбище, которого уже нет, то вблизи самого Краснодара таких мест, множество. И они везде есть – старые кладбища, про которые никак нельзя сказать – бывшие, ибо кладбища, места вечного упокоения людей, бывшими не бывают. Потому как, «каждый человек – это мир, который с ним рождается и с ним умирает, под всякой могильной плитой лежит всемирная история» (Генрих Гейне). А если, по какой-либо причине, возможно даже и без злого умысла, а также отнюдь не по причине тупого равнодушия чиновников, решивших построить что-либо на месте кладбища, и даже, исходя из-невозможности принятия другого решения, более разумного, кроме как разрушить его, то старое кладбище нет-нет, да и напомнит о себе! И эти «напоминания» чаще всего носят довольно трагический характер, взять хотя бы в качестве примера, автомобильные аварии, совершающиеся очень часто, по «непонятым» причинам, на совершенно, казалось бы, безопасном участке дороги, заканчивающиеся смертельным исходом. Поэтому стоят Поклонные кресты на обочинах Ростовской трассы, да и рядом со станицей Елизаветинской, на месте гибели казачьего полка, которое пересекла ныне трасса федерального значения.

Немало таких мест и в городе детства моего Чимкенте, но прежде чем довести свой рассказ о старом кладбище посёлка Гульбах до конца, я расскажу ещё об одном кладбище, на месте которого ныне расположен Верхний базар и старый

пивзавод. Это небольшое отступление дополнит мой рассказ. Так вот, это кладбище снесли в 1948 году, когда город Чимкент стал усиленно строиться, для чего и понадобилось срыть старое кладбище, поскольку именно это кладбище, и только лишь оно, так «мешало» этому строительству. Старожилы Чимкента, которые давно отошли в мир иной, но рассказывали своим детям об этом кладбище, потому, как похоронены, были на нём их ближайщие предки. И, как поднимались на гору, в День поминовения усопших, Радоницу, женщины в белых платочках, видными издалека, на фоне яркой весенней зелени в Светлые Пасхальные дни, и как шли они к часовне, стоящей неподалёку, а потом, спешили к могилкам, где покоились их родные и близкие, чтобы помянуть их.

Вообще-то, эту гору можно было бы назвать, Горой мёртвых, потому что на ней было три кладбища: мусульманское и православно-христианское, а также австрийское, на котором хоронили пленных австрийцев, которых было достаточно много в Чимкенте, вернее в Черняеве, потому как переименован был город аккурат в 1914 году, в год начала Первой мировой войны.

Само разделение, по религиозным конфессиям, большого кладбища, было следующим: если смотреть с Комсомольской улицы, повернувшись лицом к Верхнему базару, то слева было мусульманское кладбище, а за ним австрийское, а уж только потом, – православное. Тогда ещё не было и Чернышевского базара, о котором я расскажу несколько позже, но только могу сказать, что он появился почти одновременно с Верхним, строительство которого началось вместе с дорогами, срезающими кладбищенский холм с двух сторон, в 1948 году. Часовенка стояла, скорее всего, на месте старого пивзавода.

Я читал записки очевидца тех событий, повествующих о сносе кладбища, которые читать было очень тяжело, а из-за кажущейся простоты их написания, их «нелитературности», которая ещё больше подчеркнула пронзительную безысходность повествования, – весь трагизм происходящего, усиливался многократно.

Не знаю, почему так часто случается, что старые погосты стараются непременно уничтожить, а на их месте построить жильё, для ныне живущих? Причём это происходит почти повсеместно, во всех регионах, и, всегда всем делается как-то не по себе, видя такое, но только лишь спустя годы, с возрастом, полностью осознаёшь, произошедшее тогда

Я не думаю, что с большим энтузиазмом и рвением, принимался какой-нибудь, молодой, комсомолец бульдозерист, готовить площадку под будущее строительство, срезая ножом бульдозера пласт земли вперемешку с костями, когда-то живущих и похороненных здесь людей? А уже гораздо позже, когда он станет старше, мудрее, лучше узнает жизнь, людей, многое поймёт, из того, о чём прежде и не задумывался, – он всё чаще и чаще будет вспоминать именно этот «рабочий день» своей жизни. И пусть даже он переживёт время, гораздо более тяжёлое, а возможно и даже страшное, несравненно эмоциональнее и продолжительнее, нежели всего лишь только этот рабочий день, но в памяти именно он и отложится обязательно.

Я ведь в третьей главе о Текстиль-городке писал, как постепенно начали сносить узбекский посёлок Гульбах, граничащий с нашим городком текстильщиков, но на кладбищенскую территорию никто пока не посягал, поскольку ещё оставалась одна улица с одноимённым названием, на которой проживало ещё несколько узбекских семей.

Сказать, что наш народ был очень уж «атеистичен» в то время, было бы неверным. Люди всегда во что-то верят, и даже особо ретивые атеисты, вызывали у большинства раздражение, граничащее с неприязнью, но отнюдь не добродушное равнодушие. Человек всегда старается быть человеком, и это ему, как правило, удаётся, при его желании, естественно. Не может нормальный человек равнодушно смотреть на любые разрушительные мероприятия, будь то разрушение храмов, памятников, знаковых сооружений, домов, могил, – всего, что связано с памятью, всего, что для кого-то важно, пускай и не для всех. Ведь на старом узбекском кладбище были похоронены не только отдалённые предки, но и ближайщие,

вполне возможно, родственники, живших на махалле Гульбах, но переехавших из-за сноса домов, большей частью в Забадамский посёлок, а некоторые на Янги-Шахар или Хатын куприк, в районы компактного проживания узбеков. Но хорошо помню, как многие приезжали сюда, по одному, на старое и родное место жительства и подолгу сидели молча, о чём-то думая, что-то вспоминая, переживая, стесняясь своих слёз. Стесняясь своих слёз!

Но кладбище, стали кромсать по частям: вначале стали прокладывать дорогу через кладбище, на соединение с улицей Володарского, мимо старой таштрактской больницы, придвинув её к самому зданию, а дальше, широкой полосой через кладбище, к автовокзалу. Получилось так, что Таштракт, около больницы образовал разветвление, и автобусам, следовавшим по ташкентской дороге, было гораздо удобнее ехать по этому пути. Но ведь прошло каких-то пять-шесть лет с тех пор, как построили автовокзал, срыв напрочь возвышенное плато, являющееся, по сути, продолжением крепости, исторического центра города? Зачем надо было строить автовокзал именно в этом месте, ведь всё равно старый автовокзал, находящийся на озере, близ Верхнего базара, не прекратил своего существования, сменив лишь название с «автовокзала» на «автостанцию»? А не лучше ли было построить автовокзал, коль он принимал рейсовые автобусы в основном южного, ташкентского направления, где-то в районе седьмого квартала или Химфарма, так, чтобы чадящие ядовитыми выхлопными газами, автобусы не ехали через весь город? Такие вопросы задавались руководству Чимкента и даже выдвигался на обсуждение план, ставивший целью сохранение части Старого города, как это было сделано в Ташкенте, но такой план не был принят, и о нём быстро забыли. А, упоминаемое мною общественное городское управление – сахар бошкармасы, состоящее из уважаемых авторитетных аксакалов узбеков, в семидесятых годах утратило свою прежнюю силу и значение, – с общественным мнением перестали считаться. Да и сам Текстиль-городок стал несколько другим, что-то изменило

его – ему уже никак не подходило это, какое-то задушевное, тёплое слово, говорящее о защищённости и надёжности – гордодок. Но всё же, он по-прежнему оставался чистым и уютным районом, как впрочем, и весь город.

Хорошо помню, что весной 1973 года снос старого кладбища вступил в свою завершающую фазу: началось строительство домов на его месте. Я учился тогда на художественно-графическом факультете Чимкентского педагогического института, а собирались мы, несколько студентов, в, своего рода, клубе-студии, – мастерской интересного и оригинального художника Евгения Павловича Медведкина, которая находилась в посёлке Свинцового завода, рядом с детским садиком. Кстати, заведующей этим детским садом была его жена, Антонина Дмитриевна Михайленко, которая на летний период становилась начальником пионерского лагеря «Горный ручеёк», находящийся в ущелье Машат и принадлежащий Чимкентскому свинцовому заводу.

Помню, как-то выставили учебную постанковку, у него в мастерской, с человеческим черепом, но поскольку настоящего черепа не было, то поставили гипсовый, вернее, из папье-маше, материальность которого, разительно отличается от настоящего. И тут, будто кто меня за язык дёрнул сказать, что, дескать, имеется возможность, без особых проблем, достать настоящий череп, и даже пообещал на днях принести его, потому как некоторые наши текстильские ребята, не знаю, чем руководствуясь, «запаслись» ими, присутствуя во время срытия части старого кладбища. Поэтому я особо и не торопился с этим, поскольку был спокоен и уверен в том, что обещенное я обязательно выполню, выпросив череп у кого-нибудь, и поэтому просто осмотрел разрытое кладбище, где всё было убрано богобоязненными жителями и кости зарыты где-то в одной из траншей, хотя много земли увозилось самосвалами неизвестно куда, естественно, с частью останков. А на следующий день я отправился к Солодухину Виктору, живущему в соседней трёхэтажке, ведь именно у него я вознамерился заполучить необходимый мне предмет и явился я, как раз, вовремя. Пото-

му как он уже собирался избавиться от черепа, принесённого со старого кладбища по настоятельному требованию своих родителей. Дело в том, что родители Виктора были врачи, и причём, довольно известные, особенно отец Виктора, Солодухин Валентин Ермолаевич – ведущий в Чимкенте лор. Так вот, отец увидев черепа в гараже, потребовал немедленно отнести их на прежнее место, а кроме того сообщил, что на этом кладбище весьма возможны и захоронения умерших от холеры, так как эпидемия холеры свирепствовала по всей Средней Азии в 90-х годах 19 века. Виктор эти требования начал выполнять, но потому, что уже пообещал мне отдать один из этих черепов, выполнял требования своего отца крайне медленно, растягивая их выполнение до моего прихода за черепами. И это никак не говорит о сыновьем непослушании, напротив, он бесприкословно выполнял родительское требование, но дело в том, что он и мне обещал дать череп, а посему, дабы не прослыть необязательным по отношению к товарищам, он старался сдерживать, данное и мне обещание. Именно по этой причине он и предложил мне отказаться от этого черепа и рассказал всё, о чём предупредил его отец. Но череп я отвёз, в тот же день, в мастерскую Евгения Павловича, который обрабатывал его, выварив в растворе медного купороса, использовал его в работе и даже в учебных постановках для учащихся художественной школы. Но я, казалось бы, должен забыть об этом случае, но вот, напротив, он ещё более «закрепился» в моей памяти, а потому я и рассказываю терпеливому читателю об этом событии своей жизни, каюсь и сожалею о содеянном.

Это я гораздо позже, с возрастом понял, насколько был правильный совет Виктора Солодухина, который был младше меня, но стоило бы последовать этому совету и не везти человеческий череп через весь город в посёлок свинцового завода.

Ещё больше изменился наш Текстиль-городок, после этих событий, но особенно в середине 80-х годах, как-то окончательно растерял свой особый «шарм», автономного, в меру изолированного кондоминиума, от шумной и суетливой центральной части города. А вот по каким признакам я определил

это и почему я так говорю? Может быть, просто я стал совсем другим? А возможно появились свои дети, и я стал по-иному смотреть на мир? А может быть всё оттого, что я сменил место жительства, оставив родительский дом и поселившись с семьёй на Чапаевке, которая вообще-то, рядом с Текстилем? Попробуем разобраться.

Во-первых, был перенесён арык, столько лет несущий свои воды, почти под балконом моего дома. Арык перенесли на центральную улицу Быковского, хотя он и бежал по этой улице вдоль дороги, но несколько ниже всего своего пути. Посёлок Гульбах был окончательно ликвидирован, а это значит, что были снесены не только дома, но и уничтожены полностью все сады и виноградники в этом районе. На месте снесённых домов, на части бывшего кладбища, не занятого дорогой, стали строить типовые панельные пятиэтажки. Во-вторых, появилось множество комаров, хотя казалось, откуда бы им взяться, ведь кругом сушь и пыль. А в третьих, снесли наш любимый летний, зелёный кинотеатр, где праздновался День Текстильщика, где проводились все летние мероприятия, где было так уютно: прохладно и свежо. Совсем исчезли летние зелёные базарчики, где узбечки торговали овощами, фруктами и зеленью, со своих приусадебных участков, потому как ничего этого уже не было, да и не откуда этому всему было взяться, коль уничтожена сама производственная база – земельные участки и жилой частный сектор этого района. А в четвёртых, прошу прощения, дорогой мой читатель, сменился полностью национальный состав девочек, учениц ГПТУ № 123, где совсем исчезли привычные европейские лица, различных национальностей, среди которых особенно много было немок и русских, хотя и других представительниц хватало. А вот вместо них училище было полностью укомплектовано девушками казашками, которых до этого практически не было, а если и были, то единицы, да и то, поступали казашки городские или же с Северного, либо Западного Казахстана, ментальностью отличающиеся одни от других, а от южных тем более. И может и кому-то показаться, что я проявляю «национальную

нетерпимость», как это «модно» стало говорить и обвинять того, кто как раз-то только лишь заводит речь о предпосылках, порождающих эту самую нетерпимость, рассказывая об этом. Нет, дорогой мой читатель, я просто констатирую факты, которые изложены с позиций субъективного суждения, попросту сказать, моих личных, но я ничуть не пытаюсь перевернуть их, я пишу только правду, которую помнят и мои товарищи, живущие тогда рядом, хотя и из старых, первых жителей Текстиль-городка, их семей, осталось не так уж и много, а в некоторых домах – единицы. Но его ещё можно было узнать – наш Текстиль-городок, городок детства, солнца и радости.

Вообще-то изменения коснулись не только нашего городка. Кстати, я не имею ввиду сооружений и объектов, украшающих город, и не меняющих самой его сущности, его души, его «азиатской» узнаваемости и особого чимкентского «шарма». Несколько ранее, в середине семидесятых, начале восьмидесятых, был построен великолепный и просторный чимкентский зоопарк, с его искусственным водоёмом, ипподромом, на столетельстве которого отработали почти все жители города. Была построена уникальная детская железная дорога, заложен обширный дендропарк. Был запущен новый пивзавод, построенный при содействии чехословацких пивоваров, которые были в восторге от воды чимкентских источников, о которых упоминается даже в авторитетном словаре, изданном в позапрошлом веке Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном. Именно это пиво поставлялось на Московскую олимпиаду в 1980 году.

А вот именно с началом перестройки, вернее с приходом к власти М. Горбачёва, стало происходить что-то непонятное, что-то пугающее своей непредсказуемостью и какой-то, песочной непрочностью. Почему-то стали пилить деревья в маслозаводском парке, посаженными в самом начале двадцатого века, аккуратно во время строительства железной дороги русскими «колонизаторами» и стали строить именно там дома, хотя свободных пустырей, лишённых древонасаждений, было более чем достаточно. При этом был ликвидирован парк: уничтожены аттракционы, летний кинотеатр, танцплощадка.

Затем заговорили об усилении интернационального воспитания в школах, вузах, причём рекомендации были настолько навязчивые и дикие, которые наоборот, именно разбудили и легализовали национализм, разобщая и ссоря, напоминая о том, что мы разные, совсем недавно единому народу. Причём это всё напоминало какие-то непонятные действия, в которых явно была выражена какая-то «вредительская» направленность, хотя большинство делало вид, что ничего этого не замечает, что всё идёт так как надо...

А началось всё с того, что отправив Д.А. Кунаева на пенсию, Горбачёв назначил на его место первого секретаря ЦК КПСС Казахстана, абсолютно не известного, никогда не работавшего и даже не живущего в Казахстане, русского Колбина, что естественно и вызвало волну возмущения, спровоцированное таким решением и организованное заинтересованными лицами, в массовое выступление казахской молодёжи. Поэтому лично мне, не знаю почему, скорее всего на подсознательном уровне, чисто интуитивно, М. Горбачёв абсолютно не понравился, даже почему-то стал раздражать своими речами, напоминающими какие-то ребусы или шарады. Особенно, когда он, начиная отвечать на конкретно поставленный вопрос, наговаривал столько, что полностью уходил от темы, переходил к другой, а затем, так же, не ответив, начинал новую тему, и так до бесконечности, но, так и не ответив на конкретно заданный первый вопрос. Но во мне ещё теплилась, пусть слабая, но уверенность, пусть робкая, но надежда, что там, в России всё не так, всё гораздо по-другому, все проще и слаженней.

Я несколько отвлёкся, дорогой мой читатель, перейдя к теме, которая заслуживает отдельной главы в моём «эссе», и я постараюсь её несколько позже написать, поэтому остановлюсь я пока как раз на том, как в 1985 году я вывез свою семью в Анапу, и совсем не потому что вдруг мне стало «видно», что произойдёт со страной, дескать, я такой «крутой» оракул, прозорливый провидец и прочее, – наперёд всё вижу, и поэтому предпринял переезд. Нет, совсем нет, но в добавле-

ние к объективным причинам переезда моей семьи, следует сказать о присутствии в сознании какого-то беспокойства, что вероятно испытывает и любой, переезжающий в новое, абсолютно незнакомое место. И что интересно, таких как наша семья, было очень много. Тем более, что в Анапе это чувство не затихло, а наоборот, усилилось. А «усиливаться» беспокойству было с чего, взять хотя бы уничтожение теплиц под лозунгом борьбы с нетрудовыми доходами, будто теплица это сказочные жерновки, выдающие при вращении «то пирог, то блин», не прилагая к этому никаких усилий. И хотя у меня не было никаких теплиц, никаких нетрудовых доходов, а тем более не было сказочных жерновков, но само по себе любое уничтожение или разрушение, умиротворения и спокойствия отнюдь не прибавляют, напротив, – его усиливают, даже если это тебя лично не касается. Затем последовало уничтожение виноградников, под видом борьбы с пьянством, а 26 апреля 1986 года произошла страшная Чернобыльская авария на АЭС, трагедия, которую почему-то старались скрыть, что ещё более усилило душевный дискомфорт и тревогу. Хорошо помню, что начало лета было очень дождливое и огурцы пересевали по нескольку раз, поскольку посаженные ранее, поражались непонятной болезнью, желтели и сохли, что послужило темой всевозможных «народных» разговоров, что радиация «накрыла» и Чёрноморское побережье.

Летом моя жена улетела в Москву с младшей нашей дочерью, на обязательную консультацию в клинику, а мы со старшей, которой на тот момент исполнилось десять лет, остались в Анапе. Тогда ещё можно было особо не беспокоиться об организации полноценного отдыха ребёнка, устроив его на лето в обыкновенный лагерь при школе, где их хорошо и правильно кормили, где они купались в море, отдыхали и всё это, – совершенно бесплатно. А я также не был обременён особыми хозяйственными заботами, а спокойно дожидался возвращения жены с младшей дочерью из Москвы. Но она, завершив необходимые дела в Москве, навестив родственников и погостив у них совсем недолго, решила слетать ещё и в

Чимкент, чего, конечно, не следовало было бы делать, потому что, вроде мы и стали уже отвыкать от родного, и привычного нам, Чимкента, но видно на всё воля Господа Бога нашего.

Прилетела в Анапу назад моя Татьяна с дочкой Леночкой в самом конце августа и уже к началу сентября уговорила меня возвращаться домой, в Чимкент, потому как намного спокойней там, поскольку не так болезненно ощущается «реформаторская деятельность» Михаила Сергеевича, которая начинала не только раздражать, но, почему-то, беспокоить и пугать. Особенно это заметно было на Кубани, обретя здесь какие-то «вселенские» масштабы, взять в качестве хотя бы одного примера, «виноборческие» мероприятия, которые не только ударили, а били наотмашь, не переставая, по хозяйствам, издавна занимающихся виноградарством, а сам регион виноделием. Да я и особо не противился возвращению домой, поэтому заказав контейнер для перевозки вещей в Новороссийске, а тогда контейнерная станция была только там, погрузив вещи и отправив «пятитонник» железной дорогой, десятого сентября 1986 года наша семья вошла на борт самолёта, который взял курс на Ташкент. В иллюминаторы был виден ярко-зелёный, несмотря на сентябрь, анапский берег и море! Мы возвращались домой, но почему-то было грустно, очень грустно, очень, очень.

Перечитал сейчас главу с самого начала, вроде и начал как-то нескладно, наощупь, словно незрячий, то про старый Чимкент, и тут же,— о Кубани, а затем о старом узбекском мазаре, а завершил печальное повествование грустным возвращением домой, и мне как-то написанное не понравилось, но потом, подумав, решил не вымарывать ничего, а оставить всё как есть. Нормально я написал, ведь пройдёт совсем немного времени и произойдёт нечто страшное, которое сейчас выдаётся за неизбежное, а некоторыми, дабы оправдать как-то себя, свои поступки и действия, даже за благо для Страны. Но мы-то знаем! Кто мы? Мы, это те, кто совсем скоро сорвётся с насиженных мест, живя не одно поколение на этой земле, помчавшись в неизвестность, кто куда, чтобы до сих пор радоваться

тому, что уехали вовремя, и грустить, скучая по оставленным родным местам и могилам родных и близких. Поэтому оставлю пока эту трудную тему, а закончу её в соответствии с её названием: рассказом о старых чимкентских кладбищах.

Собственно, старых кладбищ в Чимкенте совсем немало, есть и национальные, как например на Ленгерском шоссе, чеченское кладбище, есть и наше чапаевское православное кладбище, расположенное на горе за Бадамом, рядом с бывшим откормсовхозом чимкентского завода Прессавтомат, в теперешней черте города, территория вокруг которого «активно» застраивается «титульным» народом, хотя свободных земель вокруг более чем достаточно. Есть кладбище, не совсем чтобы и старое, общее, правда условно разделённое по религиозным конфессиям, на ДСР, которое тоже стали постепенно застраивать, хотя ещё живы дети покоящихся там, есть на К.Маркса аналогичное, есть на свинцовом, так же на горе, есть и мусульманское, по левую сторону Ташкентской дороги, аккурат на выезде из города. Это я перечислил ещё не все кладбища, а только известные всем, на которых нашли упокоение когда-то живущие, а есть еще тайные захоронения, хотя о них знают многие коренные чимкентцы. Говоря это я не имею ввиду национальность, я говорю о тех, чьи предки жили в Чимкенте хотя бы в послереволюционное время, в эпоху репрессий, массовых расстрелов и ссылок, те, которые смогли рассказать своим родным и близким о том времени. А ведь они видели всякое, и массовые расстрелы в Лисьем овраге, и многочисленных ссыльных, избежавших расстрела, но нашедших свою кончину в Чимкентской области, людей занимающих до ареста самое высокое положение в светском обществе. А сколько людей духовного звания покоится в Чимкентской земле в безымянных могилах? Среди которых даже представители Российского епископата, такие как Пётр (Полянский), митрополит Крутицкий, который умер в заключении в декабре 1936 года, или же Амвросий, тоже Полянский, архиепископ Подольский, который умер в 1934 году от солнечных ожогов в Голодной степи по дороге из Чимкента в отдалённое селение.

Помнится, как-то прочитал я совсем короткий рассказ «Праздник поминовения усопших», написанный китайским писателем Лу Синем (Чжоу Шу-жень), основоположником новейшей реалистической литературы Китая. В примечании к этому рассказу написано, что согласно культу предков, счастье всего рода зависит от удачно выбранного для могил места, а нарушение покоя предков, грозит гибелью всего рода. И в качестве примера приводится исторический факт, случившийся во времена монгольского правления, когда главный шаман при дворе Бахасыба, имя даётся в китайской транскрипции, чтобы «доконать династию сунских императоров, он собирался перемешать кости её предков с костями свиней и собак, и уже перерыл все могилы». Но, к счастью, кости выкрал какой-то смельчак, и Бахасыба не достиг своей цели. А вот «сунский дом» всё же погиб

Были в Чимкенте и области, пленные японцы, появившиеся вскоре после разгрома, в течение трёх недель, Квантунской армии, и есть объекты, построенные пленными японцами в Чимкенте, и есть даже кладбище японское, и это ни для кого не секрет, но это тема несколько другая, да и довольно обширная, а потому, дорогой мой читатель», оставлю я её.

Кто-то, прочитав эту главу, возможно и посмеётся над автором, а может и задумается над тем, насколько стар и тесен мир, ведь сколько кладбищ у нас под ногами, исчезнувших так же, как и старое узбекское кладбище, ведь даже сама госпожа Смерть, вряд ли помнит свой первый погост, а тем более стоит ли роптать, переживая, что исчезают «какие-то» узбекские, русские, чеченские и прочие национальные и конфессиональные кладбища? Но мир ведь не только очень стар и по старости своей возможно и забывчив, а порой страдает «старческим слабоумием»,— всё ведь можно допустить, а стало быть, и о кладбищах, сносимых с такой «лёгкостью», следует тоже переживать? Наверное, некоторым становится тесно, поэтому и занимают под застройку старые кладбища, отбирая у мёртвых их могилы, не так уж и давно ими «обжитые», не дожидаясь даже того, что когда-нибудь, само время это сделает и без их

вмешательства? Мир ведь ещё и молод, а не только стар, поскольку на смену старым приходят новые, молодые, но только одно помнить надо, что после смерти – все земляки, поскольку все в одной земле похоронены. Мир их праху! Не стоит тревожить покой навечно уснувших, ведь для них времени уже не существует, а для живых оно есть, – можно и подождать.

Глава восьмая

Прогулка по обочине памяти

*В моих писаньях нет негожих слов:
Как не щци – ты не найдшь улик,
Найдешь огрех – не льстись: и у луны
В урочный час, увы, уцербен лик*

Хафиз Хорезми

*Человек следует Земле, Земля следует Небу.
Небо следует Дао, а Дао следует естественности.*

Лао-цзы

Ну вот, пожалуй, и можем отправиться по дороге Памяти дальше, чтобы рассказать ещё о чём-нибудь, поэтому я пока не буду сразу обозначать название главы, а подберу только эпиграфы к ней, и буду писать про всё, что я упустил в предыдущих главах, и что хоть как-то соответствует этим эпиграфам. Хотя вроде так и не положено писать, ведь прежде следует обозначить тему, а уж только потом приступать к написанию её изложения, но я вот решил поступить иначе. Мы просто не спеша пойдём с тобой, от автовокзала вниз, в Старый город, пойдём, ведя тихую и неторопливую беседу, дорогой мой читатель, ведь спешить-то, вроде нам некуда. Поэтому ты уж шибко не обращай на меня внимания, если я вдруг с кем-либо поздороваюсь, а идущий навстречу прохожий, возможно и не ответит, а просто удивлённо посмотрит, недоумевая, ведь я ему абсолютно незнакомый. Да и я сам знаю, что встречного этого я впервые в жизни вижу, а здороваюсь я просто так, по привычке, а быть может просто «покуражиться-поприкалываться», ведь город-то свой я знаю очень хорошо, да и знакомых было столько, что приходилось, дабы не прослыть рассеянным невеждой, быть внимательным. Да и вообще, привыкли мы, приветствовать встречного, здороваясь, естественно, не с каждым, а со знакомым, пусть даже

показавшимся тебе им, возможно, что где-то видел. Ну и даже, если в этот день, ты, повстречавшись с хорошо знакомым, но с которым ты уже виделся сегодня, и уже, поприветствовал, пожелаешь ему ещё раз здоровья, поздоровавшись, то это замечательно! Так и следует поступать!

Вот сейчас я всматриваюсь в лица прохожих, надеясь увидеть знакомое лицо, но тщетно! И даже город не узнаёт меня, а я уже не узнаю свой город детства, ведь он стал совсем другим, не решаюсь сказать, что он стал чужим, но уже не тот, совсем не такой, каким он был прежде. А сказать, каким стал город: лучше или хуже, я не могу. Но то, что он «растерял», присущий ему, как и большинству среднеазиатских городов, особый «шарм», то я и, не посещая этот город, по одним лишь только фотографиям и сообщениям своих друзей и знакомых, всё же скажу: «Город чужой! Совсем чужой! Не мой это город!». Но оно и понятно, ведь так чаще всего бывает, это гораздо позже возможно и возникнет у кого-то некое чувство сожаления: что-то сделано не совсем деликатно и правильно, но чаще всего, этого не будет никогда, да и ладно, не будем переживать, главное, что в памяти нашей сохранилось, да и пусть не у всех, а у тех, кто хотел это сохранить, кому дано это. Но ведь и не бывает так, чтобы и для тех, кто так стремится изменить всё до неузнаваемости, не оставив даже и следа, от чего-то памятного, ставшего кому-то дорогим, родным, запомнившимся, но не ему, желающему всё изменить, стало вдруг таким же родным и дорогим для него тоже.

А я же, поведу тебя, дорогой мой читатель, мой приятный и любознательный собеседник, по городу, но не по этому, а по тому городу, по своему, которого уже нет, но который я помню и который помнит меня. И не важно, какое это время года, хотя конечно предпочтительнее, чтобы была весна, особенно когда цветёт джида, когда ещё нет пыли и не так жарко. Хотя весенних ароматов в эту пору более чем достаточно, взять хотя бы жёлтый шиповник! Несравненный аромат, который вдыхаешь с наслаждением, но мы речь-то повели о джиде. А это, где-то в мае, именно тогда её красно-коричневые ветки,

густо оделись в узкие, серебристые листья, такие блестящие, что, кажется, словно их специально окунули в «серебрянку», а потом ещё и украсили мелкими, припудренными золотом, удивительно ароматными цветочками. Причём аромат этот настолько силён, что даже, если вдруг вздумаешь, невзначай, расположиться в тени этого дерева, во время его цветения, то аромат его цветов, такой насыщенный, в «непозволительной» концентрации и «духмянности» своей, что не позволит находиться под ним, и даже вблизи его, более получаса, но чаще и того меньше. И называется это дерево лох серебристый. И на Кубани растёт нечто такое же, но совсем не такое. Во-первых – не пахнет, во-вторых, цвет листьев абсолютно не серебристый, а какой-то белёсый, нездоровый, и в третьих, – плоды мелкие и невкусные, даже можно сказать, несъедобные. То ли дело джида среднеазиатская, вкуснейшая, плоды которой созревают в конце сентября и могут храниться очень долго, почти два года. Есть даже культурные сорта джиды, но я рассказываю только о диких сортах, жилан джида и карга джида, что можно перевести как «змеиная джида» и «воронья джида», что вероятно объясняется, в первом случае, некоторой вытянутостью плода, его продолговатой формой, а во втором, скорее тем, что в течение долгого времени плоды не осыпаются и служат великолепным зимним кормом для представителей семейства врановых, прилетающих в огромном количестве в это время зимовать, из северных районов.

Стаи этих птиц, как только начинало садиться зимнее раннее солнце, слетались во множестве, рассаживаясь на высоких деревьях на ночлег, а утром улетали за город, вспугнутые шумом просыпающегося города, оставляя под деревьями обильные следы своего «неопрятного» ночного пребывания. И как только прекращали вороны извещать своим криком на лету: «Кар! Кар!», что в переводе с тюркского означает «Снег! Снег!», то можно ожидать наступления весны. Но я, почему-то, определял наступление весны по ночным лягушачьим концертам: вот уж действительно, – никогда не ошибёшься! И мне страшно нравились их концерты, поначалу робкие,

а лишь гораздо позже действительно оглушительные, извещающие об окончательном наступлении тёплых дней. Ведь даже шафраны, или же крокусы, которые для нас были просто подснежниками, могут зацвести на холмах и горных склонах, в любое время, даже в январе, если только растает снег и прогреет солнце. И поэтому отправлялись за ними, «вооружившись» ножом, потому как только с луковкой – шаровидным клубнем, выкапывали этот ранневесенний подснежник, ароматный шафран алатауский. Вот именно поэтому и были лягушачьи концерты надёжными вестниками весны, а не цветение подснежников.

Но мы ведь «определились» со временем и поэтому, коль уж выбрали время цветения джиды, то и пойдём вниз по Таштракту, вдыхая её несравненный, незабываемый аромат.

О достопримечательностях этого района я буду рассказывать, но постараюсь не утомлять тебя чрезмерными «историко-географическими» рассуждениями, ведь цель у меня несколько другая. Поэтому мы пойдём с тобою, терпеливый мой читатель, не совсем по дороге, да и не по тротуару тоже, а пойдём-ка мы по обочине? А что? Иногда и свернём куда-нибудь, да посидим, отдохнём, отдышимся. Путь-то у нас очень-то и лёгкий, тем более, что пойдём мы по обочине Памяти, а в пути, как известно, всякое может случиться. А вдруг, да и свернём с означенного маршрута куда-нибудь? А почему мы так с тобой назвали свою прогулку, я думаю, что ты, мой читатель, поймёшь, прочитав эту главу.

Вот и прошли мы мимо автовокзала, построенного на месте скрытого напрочь плоского холма, о котором я уже не раз упоминал в предыдущих главах, и идём, как раз между крепостным холмом, возвышающимся высокой вертикальной стеной, с наклонным подъёмом на него, с правой стороны, и старой тюремной стеною. Собственно, до постройки автовокзала разделительной линией этих двух холмов, крепостного, ещё существующего и скрытого при строительстве, более низкого, была дорога, ведущая в лётную воинскую часть, хотя сам аэродром располагался за городом, в значительном удалении от неё. Но

именно это возвышающееся над городом место, где когда-то была крепость, вместе с холмистыми окрестностями, мы называли «солдатские горки», наверное, потому, что в северо-восточной стороне этого возвышенного плато, находилась лётная воинская часть. В эту воинскую часть мы детьми, помню раза два-три, ходили в кино, а иногда покупали продукты в воен-торговом магазине. Вообще, пользуясь тем, что на Текстиле во многих квартирах проживали семьи военнослужащих, мы часто, вместе с их детьми, нашими товарищами и соседями, свободно ходили в эту воинскую часть. Хорошо помню, что где-то, в самом начале шестидесятых, в воинской части установили настоящий боевой реактивный самолёт на специальной небольшой бетонированной площадке, который мы дети, сведушие «более» взрослых в лингвистике, называли «реактишка». Этот самолёт возможно и никогда не летал ни до, ни после, а так и простоял, в качестве учебного пособия, на этой площадке, чтобы значительно позже, в 1971 году, когда воинскую часть отсюда убрали, то именно этот самолёт был установлен уже в качестве памятника с надписью: «Авиаторам, получившим путёвку в небо в городе Чимкенте в годы ВОВ» на специальной изогнутой стеле, установленной «над» площадью В.Куйбышева. Интересно то, что самолёт, установленный на площади, истребитель-бомбардировщик СУ-7Б, по классификации НАТО имеет прозвище «Жеребец», что не так уж и «обидно», а напротив – лестно. Табунный жеребец сила серьёзная, но эти самолёты поступили на вооружение нашей армии в 1961 году, но установили именно этот самолёт, посчитав его более грозным символом, а возможно и не нашлось подходящих самолётов эпохи прошедшей войны. Об этом и обо всём «дозволенном», мы получали информацию от соседей, военнослужащих.

После распада Страны памятник был демонтирован, но спустя некоторое время вновь установлен в парке Славы, расположенном на территории бывшей воинской части, той самой, о которой мы только что рассказывали.

Слева, по левую сторону дороги, тянется своим старым, но по-прежнему мощным, дощато-щитовым забором, бывшая

чимкентская тюрьма, в которой разместились какие-то торговые учреждения и склады, хотя из-за высокого тюремного забора, ничего не было видно. А вот по той стороне, по которой мы идём мимо крепости, тюремная стена уже кирпичная. В одном ряду с мощными воротами, на возвышении, расположена военная комендатура, напротив которой выходил, аккуратно под дорогой арык, который протянулся вдоль северного подножия крепости и о котором я уже подробно писал во второй главе «Чимкент. Город белых аистов». А посему, не задерживаясь, отправляемся дальше по улице Базарной, задержимся ненадолго возле знакомой нам Балаханы, возможно и заглянем внутрь, ведь это нас не затруднит, тем более что именно в Балахане получали часть продуктов завхозы многочисленных пионерских лагерей в летний период, а не только на мелкооптовой базе, расположенной несколько дальше озера. Это озеро в середине девяностых, после распада Страны, засыпали для торговых площадок, а затем вновь отрыли, так и не придумав ничего нового, что может быть лучше большого водоёма в самом центре города. Отрыли вновь, пользуясь тем, что озеро имело бетонированные берега и дно, и было по сути хаузом, куда вода поступала из родников, через оставленные специально в бетоне отверстия, но её же, можно было спускать через шлюзы полностью, когда это необходимо. А посередине озера находился круглый островок, соединённый с берегом мостом. Помнится, что когда осенью спускали воду, то в оставшейся на дне воде было настолько много живородящей гамбузии, этой легендарной истребительницы личинок малярийного комара, что её ребятишки ловили без крючка, на обычную нитку с узелком на конце, привязанную к удилицу!

Но вернёмся вновь, на улицу Базарную и отойдём к старому, но добротному зданию, расположенному по другую сторону улицы, перпендикулярную Базарной и носящую гордое имя Свободы. Хотя это была обычная старгородская улочка, по обе стороны которой тянулись высоченные саманные дувалы, являющиеся одновременно и глухими стенами домов. Домов, абсолютно без окон, потому что окна были на внутренней

стене, расположенной во дворе этих строений с плоскими крышами, по которым ночью бегали здоровенные волкодавы. А единственными проёмами, в этой сплошной саманной стене, были массивные ворота и двери, сделанные из прочнейших тёмно-серых карагачёвых досок, кое-где украшенных резьбою, и которые постепенно, но всё же быстро, менялись на современные, везде почти одинаковые, металлические ворота и калитки, окрашенные масляной краской, чаще всего голубого цвета.

Совсем недавно, а именно, весной 2016 года я посмотрел фильм, снятый именно в Старом городе, где это старое, примечательное здание, с арочными окнами, построенное из крепкого кирпича, некий местный житель «выдавал» за дом, в котором когда-то, до революции, жил какой-то генерал. Хотя живя в Чимкенте, я даже и не помню, чтобы кто-либо говорил на эту тему. И судя по фильму, а оно, на тот момент, было совершенно скрыто какими-то нелепыми складскими и торговыми сооружениями, построенными, как видно, совсем недавно, но которые даже и зданиями-то назвать не хватает смелости, этот старый, якобы «генеральский», дом уже обречен.

Я не знаю, что располагалось в этом здании ранее, но помню, только тогда, когда в нём была хорошая парикмахерская, а чуть дальше библиотека, а замыкал этот «квартал», неказистых старых зданий, обычный, общедоступный тир, каких по городу было достаточно много. Но именно этот, был «прославлен» тем, что там можно было не только пострелять из «воздушки», но и без особых проблем купить анашу. Хотя, вне всякого сомнения, таких «анашистских точек» по городу было более чем достаточно, что уж тут поделаешь, таковыми было большинство среднеазиатских городов, с весьма похожими проблемами. Причин здесь множество, а самая главная, это то, что проблема наркомании, которая возникла особенно сильно в середине шестидесятых годов прошлого века, тщательно замалчивалась и даже, абсолютно никак, не была «обозначена» ни в каких юридических документах. Её просто не существовало! Этой темы «стеснялись», поскольку «это

позорное пятно отсталой феодальной Средней Азии, перестало существовать, потому, как было искоренено с построением новой общности советских людей». Вот такое и нечто подобное этой фразе, было «растиражировано» в различных учебниках и прочих «агитках», того периода жизни нашей Страны. Лишь во второй половине шестидесятых годов, на это обратили внимание, поскольку наркомания стала очень быстро «осваивать» новые регионы, добралась до центральной России и страны Балтии. А до этого, никто и не обращал никакого внимания на растущие, а у некоторых прямо перед домом, высоченные заросли гашишной конопли, а кроме того, в садах и посадках тоже росло её достаточно, хотя её никто не сажал. А, кроме того, сказывалась близость Чуйской долины, этой огромной территории, на которой изобильно росла гашишная конопля, не находящая себе полезного применение, даже в качестве производства из волокон этого текстильного растения, мешковины или любой тарной ткани. Во всяком случае, уже существующая проблема решалась, чаще всего, на уровне «личной инициативы». Вот рос ещё и мак, почти у каждого на приусадебном участке, примерно до конца семидесятых, хотя мало кто из русских, во всяком случае, я таких не знаю, использовал его для каких-то иных целей, кроме как выпечки маковых рулетов и булочек. Кроме того, некоторые хозяйства области, например иранцы в Кельтемашате, а это рядом с Чимкентом, выращивали опийный мак в качестве сырья для нашего химико-фармацевтического завода №1, специализирующейся исключительно на выпуске фармацевтических субстанций, в том числе на морфине и, ещё больше «страшном концентрате» – саласадине, хотя не совсем ручаюсь за правильность написания и точность этого названия.

Вот и свернули мы, дорогой мой читатель, даже с обочины и углубились в абсолютно неинтересную тему с любых позиций, пусть даже этических, но и пройти мимо её мы никак не смогли, так что – не обессудь, потерпи, пожалуйста.

А вернись-ка я, пожалуй, к теме Русский Мир, которую мы пытались обозначить, но всё как-то вскользь, поверхностно,

хотя задача написания этого «эссе» именно в этом. Именно сейчас стало «модным» нет-нет, да и вспомнить как-будто невзначай, этот термин. Некоторые приписывают его нашему Ташкентскому Льву – генерал-майору Михаилу Григорьевичу Черняеву, а другие «отсылают» нас к автору известнейшей формулы «православие, самодержавие, народность», графу Сергею Семёновичу Уварову, министру народного просвещения. Но мы будем считать, что это они сказали почти одновременно, хотя и в разных местах, ведь это не так важно, кто сказал, а гораздо важнее, что сказано это своевременно и к месту. Так вот, я ведь упоминал о величайшем художнике-баталисте В.В.Верещагине, который находился в Туркестане в 1867 году, где в то время шли военные действия. Собственно, он путешествовал дважды по Средней Азии, тогда называли Туркестан, поэтому я не имею ввиду только лишь город Туркестан в нашей чимкентской области, но я несколько о другом, ведь он в это время создал огромную серию этюдов и рисунков, отображающих жизнь и быт народов Средней Азии накануне и в период русского завоевания. Был он и в Чимкенте, есть и этюды, выполненные именно здесь, что так и подписано рукою автора. Следует отметить, что около половины картин «туркестанской серии» посвящены изображению быта среднеазиатских народов, остальные полотна относились к батальному жанру. Но мне хотелось бы рассказать о совсем небольшом этюде, который висит в одном из залов государственного музея искусств Узбекистана, который называется «Опиумоеды». Любой мировой музей изобразительного искусства мечтал бы заполучить хотя бы небольшой графический набросок сделанный рукою величайшего русского художника. Много полотен этого художника особенно в Бруклинском музее (США), но основная коллекция в Государственной Третьяковской галерее. Так вот, на этюде изображено шестеро, одетых в отрепья, совершенно опустившихся людей, сидящих на глиняном полу, какого-то убогого помещения, какой-нибудь кукнарханы. Перед ними – закопчённый медный кумган, в котором, скорее всего, находился отвар опийного мака – кукнар и две прими-

тивны глиняные чаши, из которых только что был выпит этот наркотический отвар, изготовленные, вне всякого сомнения, даже не на гончарном круге, а вылепленные вручную. Интересно, но этот впечатляющий, вызывающий, естественно, негативные эмоции этюд, висит совсем незаметно в одном из залов ташкентского музея, в самом углу, сразу, справа от входа в зал, на «постоянном» месте, как бы упрятавшись от впечатлительных зрителей, от их оценок и суждений, вроде, как и не нуждаясь в них, и говоря сам за себя. Но и не каждому язык, на котором говорит эта небольшая композиция, понятен. Возможно, а это, скорее всего и произошло, экспозиция этого зала, в ташкентском музее, где в самом углу приютилась эта небольшая картина-этюд, изменена, вполне возможно, что и сам этюд убрали в запасники музея, – всё возможно, но то, что впечатления оставленные после его просмотра неизбежны, – это факт.

Хотя напрасно я назвал эмоции, которые вызывает этот этюд, негативными. Вряд ли жалость и сострадание можно отнести к негативным эмоциям, ведь работы В.В.Верещагина и запрещались к просмотрам, и обливались кислотой, слишком пронзительны они, слишком откровенны, слишком правдивы, слишком больно бьют! Да и лица опиумоедов отнюдь не отвратительны, а даже и не лишены былой своей красоты, а оттого ещё, более выразительны и трагичны образы этих несчастных.

Кроме того, хотелось бы сообщить о том, что этот этюд, возможно, был написан где-то, не так и далеко от Чимкента, поскольку именно в это время, согласно дате написания этого этюда – 1868 год, В. Верещагин постоянно находился в «творческом вояже» аккурат в тех краях, ведя этнографические исследования в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях, на чаще живя в Ташкенте.

Ох, и надолго остановились мы с тобой, дорогой читатель, около этого тира, а как раз за ним проход на берег Качкар-Аты, а за ней «купалка», которая называлась, Ат кумар. А вот если вернуться назад по Базарной и пойти в сторону бывшей синагоги, которая становилась поочерёдно вдруг, то художе-

ственной школой, то станцией юных техников, то таким образом, дойдём до следующей «купалки», уже под названием Туйе кумар. Все мы, почему-то считали, а возможно и не задумывались над этим, поскольку это нам и не нужно было, да и купались мы на Качкар-Ате крайне редко, ибо холодна водичка качкаратинская, а чаще всего купались на Бадаме, что всё эти названия, – определители глубины данных «купалок». Означают они, как «переводило» большинство из нас, соответственно: «лошади по колено», «верблюду по колено». Хотя, почему-то, очень редко так говорили, да всё больше не мы, а старогородские, более старшего возраста ребята, нежели мы, дети. Но прошло много лет, многое стёрлось из памяти. Но, то, что нужно, что возможно когда-нибудь и пригодится, то и откладывается в памяти, но не как в доме у гоголевского Плюшкина – весь хлам вперемешку с дорогими вещами, которые от подобного соседства и невостробованности, довольно скоро сами ветшают, превращаясь в подобное. А, раскладывается по полочкам и бережно хранится, ожидая своего часа, когда они вновь потребуются. Вот и вспомнил я сейчас эти названия и, подумав, спустя более полувека понял эти названия «купалок», переведя их правильно! Тюркское слово кумар означает азарт, страстное желание, страсть, значит это, ни что иное как «лошадиный восторг» и, следующее «верблюжий восторг»? Впечатляет! Но что интересно, слово «кумарбоз» мне было всегда знакомо: так называли заядлых игроков, забывающих всё на свете, кроме азартной игры, а вот слово «кумар», хотя и знал, но понимал его неверно. А мы-то думали, что как же надо это «раскумариться», чтобы в ледяной качкаратинской воде ощутить, этот самый «лошадиный» восторг?

Вообще, старый город именно в этом месте, на Базарной, которая очень долго была «крытой» улицей, был самым оживлённым и значным местом города, поскольку именно здесь, в старогородских трущобах, особенно в пятидесятых годах, но и где-то поближе, до середины шестидесятых прошлого века, находили себе пристанище увечные и калеки, бывшие фронтовики, а, то и просто пострадавшие от войны. Да и спив-

шиеся, опустившиеся на дно люди, которые не нашли себе места в послевоенной жизни и двигаясь по стране, оказались в Чимкенте, городе тёплом, городе гостеприимном, городе добром и сытом. Многие настолько «примелькались», что превратились в своеобразную достопримечательность города, в её «визитную» карточку, среди которых были и герои прошедшей войны, как например безногий, который ездил на деревянной тележке на подшипниковых колёсиках, в неизменном сопровождении женщины, возможно, что когда-то, довольно красивой, как говорили взрослые, но мы, дети, этой красоты не могли никак видеть, да и страшно боялись всех этих несчастных. Но возможно, это было действительно так, хотя, в то время, о котором я рассказываю, что-то лишь отдалённо напоминало о её былой привлекательности. Зато безногий спутник её, имел густую, запоминающуюся, кудрявую шевелюру, золотистого оттенка, что с «лёгкого языка» завсегдатаев этих мест, да и просто прохожих, послужило причиной называть его Пушкиным, а его верную подругу – Ариной Родионовной. Народ поговаривал, что этот безногий калека, полный кавалер орденов Солдатской Славы, но я утверждать этого не могу, потому как сам в те годы, был ещё мал, в соответствии с возрастом глуп, и сейчас рассказываю то, что помню, что говорили тогда взрослые. А, тем более что подобных ему в городе было много, но потом они все куда-то исчезли, во всяком случае, в этой части города их совсем не стало.

Да, едва не забыл ещё об одной примечательной личности, которая появилась незадолго до «исчезновения» всех нищих и прочих убогих, которые, возможно перебрались в район Хитрого базара, о котором я тоже расскажу. А появилась она, эта личность, сразу же, как только заработал новый автовокзал, построенный на месте скрытой части крепостного холма, именно там, где мы с тобой, дорогой мой читатель, только что прошли. Именно на обочине тротуара, на спуске, ведущего в город, сидел он, облачённый в приличный чапан, и обмотав свою голову белой чалмою. Пассажиры, выходящие из рейсовых автобусов и отправляющиеся в город пешком, по

той же дороге, по которой идём и мы, обязательно проходили мимо этого нищего, собирающего подаяние. Вообще, подача милостыни, это одна из важнейших обязанностей верующего мусульманина, а тем более, когда человек приехал в город из далёкого казахского аула, где и мечети никогда не было. Поэтому, увидев сидящего на обочине, в чалме, благообразного бледного «старца», бормочущего что-то, приезжий вспоминает вдруг об уплате обязательного для мусульман зекята или садаката. И развязывает свой платок, и вынимает деньги, и платит обязательный налог, и идёт, уверенный, что всё у него будет в этот день хорошо, да и поездка удастся, потому как он заплатил!

Мимо этого «неимущего» прошли тысячи тех, кто сейчас живёт в Чимкенте и составляет титульную нацию, потому как только один он сидел там, почти до самого конца шестидесятых годов, и только ему платили «входную и путевую» милостыни. Его знали все, кто жил тогда на Текстиле, поскольку жил в самом первом бараке, аккуратно возле текстильского арыка и артезианской скважины, напротив поворота с горки на улицу Быковского. Этот «хазрат», сидящий возле автовокзала, до того, как там сесть, работал слесарем или же ремонтником, – была такая должность, на текстильномбинате, но потом превратился в горького, запойного пьяницу, «забомжевал», и вот, внезапно, и чудесным образом остепенившись, нашёл себе занятие по душе. Я даже помню его сына, светловолосого татарина по фамилии Ахмедов, который учился в 22-й восьмилетней школе, вроде парня неплохого, хотя имени и обязательной клички не помню, но внешность помню: бледный, светловолосый, сутуловатый, с маленькой головой на короткой шее.

Зато менее примечательный, вернее совсем незаметный Алты Бармак – «шестипалый», о котором поговаривали узбеки как об одном из самых богатых людей города, встречался почти всегда, стоит, лишь оказаться в этой части города, имеется ввиду, район кинотеатра «Штурм». Поговаривали, что этот степенный старик, который шёл, всегда заведя правую

руку за спину под чапан, а иногда и пряча ладонь в мешочек, одетый на руку, чтобы прохожие думали, что в рукаве боевой перепел, а левой опираясь на палку, давал деньги в долг, эдакий ростовщик советской поры. Его часто можно было увидеть летом в большой чайхане с фонтанчиком, которая долгое время была неподалёку от «Штурма», рядом с деревянным магазинчиком «Ткани», по этой же стороне, как идти к ресторану «Националь». Но, интересно, что этот старый узбек, пользовался большим уважением и почётом среди местных жителей, и не только узбеков, потому как, хоть и положено, по роду занятий, быть ростовщикам жадными и скупыми, один бальзаковский Гобсек чего стоит, то этот был вполне нормальным человеком, весьма далёким от его литературных «аналогов». Открыто, с сожалением, говорили, что в войну и послевоенное время, в Чимкенте, наряду с государственными предприятиями, большое распространение получили всевозможные производственные артели, которые, хотя открывались и существовали при большой государственной поддержке и помощи, но всё же, в основном для «подстраховки и уверенности», а также приведения в соответствие ещё и с мусульманскими законами, организовывались, своего рода, страховочные кассы, куда члены товарищества (ширкет) или же артели (шерик), делали страховые вклады. Функции этой, своеобразной страховочной кассы и выполнял когда-то, так говорили, этот, скорее всего, выборный казначей. Вероятно, вносили эти обязательные вклады ему, как авторитетному доверенному лицу, на заранее оговорённых условиях. Как удавалось сохранять и приумножать, существующий до той поры капитал, по сути своего рода «общак» от обменных курсов и прочего, я не знаю, да и никто «нездорового» любопытства, я думаю, не проявлял, дабы выяснить это. Имени его и фамилии никто и никогда не называл, хотя и все знали, а только лишь это прозвище – Шестипалый, да и то, – «за глаза». Сам же «ростовщик» Алты Бармак, когда-то работал в системе заготовки скота, потому-то «бедным» никогда и не был, ведь в этой сфере деятельности, никто и не ворует, поскольку деньги

эти «имеют ноги» и сами «приходят», вместе с заготовленной скотиной, которая в пути может столько же потерять, сколько и приобрести и наоборот.

Очевидцы, не раз пользующиеся его услугами, рассказывали, что у старика было даже, в его доме, расположенном неподалёку от старой зеркальной фабрики, по улице «8 Марта», что-то вроде специального кабинета. Это была комната, белённая известью, в которой стоял большой канцелярский двухтумбовый стол, со столешницей обтянутой дерматином, стояли стулья под «стать» столу, а на стене висел лист плотной чертёжной бумаги большого формата, на который «ростовщик» Алты Бармак вносил соответствующие надписи о сроках и суммах уплаты долга. Причём записи делал, всегда толстым гранёным красно-синим «сталинским» карандашом арабской вязью, меняя цвета, в зависимости от состояния суммы долга. Всё это я слышал от очень уважаемого, даже если судить лишь только по фамилии, Тилляходжаева, который работал на ХБК и часто рассказывал это моему отцу, а я иногда и слышал это сам, но чаще всего пересказывал это мне мой отец.

Но самое главное, что мне запомнилось, а именно сейчас и особенно удивляет, так это то, что никаких долговых расписок при этом не писалось, а случаев задержки, а тем более невыплаты долга никогда не было. Во всяком случае, – так рассказывали, но вот как именно проходила эта «процедура» самой денежной сделки, сколько человек присутствовало при этом, – я не знаю.

Артели, которые в хрущёвскую «оттепель» все «порагонялись», остались в людской памяти названием улицы в районе Таштракта, да в воспоминаниях современников, а ещё в различных присказках, чаще насмешливых, хотя и зря, потому как артели, выпускали бытовые товары, которые ещё не скоро стали выпускать в достатке и нужном ассортименте, промышленные предприятия нашей большой Страны. Ну, а если ещё глубже «копнуть» артельную тему, то можно с большой долей уверенности заявить, что закрытие подобных кооперативных предприятий, коими являлись промышленные

артели, более чем подконтрольные государству, в частности из-за сырьевой зависимости, позже послужило одной из причин появления преступных цеховиков. Тех цеховиков, которых сейчас пытаются оправдать. Артельщики и цеховики – несовместимы, это две взаимоисключающие группы. Даже формы распределения прибыли разные. В первом случае, – «шерикчилик тарелкаси» (артельная тарелка), а во втором, незаконная, тайная прибыль (дилида пайда), которая шла в карман единицам, минуя даже работников, производящих товар и которые чаще всего даже не догадывались, на кого они работают. Повсеместно закрывая трудовые артели, разве же трудно было догадаться, какие последствия это будет иметь? Да и возможно даже простосебе представить артельные деньги, честно заработанные кропотливым трудом, плывущими по реке, в какой-нибудь алюминиевой фляге, набитой пачками 25-ти рублёвых денежных купюр? Как это было в 80-х годах, когда пресловутые цеховики, пытались избавиться от наворованного? Да никогда! А деньги цеховиков плыли! И те, чьим распоряжением закрывались артели и прочие кооперативы той поры, прекрасно знали, что совершают! Если только они были не идиоты!

Обо всех знаменитых завсегдатаев улицы Базарной, самой оживлённой улицы города в тот период, рассказать невозможно, да и слишком тяжёлым покажется рассказ, а тем более вспоминать, надрывая себе душу этими воспоминаниями, но ещё об одной знаменитости, пожалуй, стоит и рассказать.

Очень часто, всё на той же улице Базарной, можно было встретить, даже и затрудняясь, как можно назвать его, очень примечательного, но явно нездорового душевно человека, потому как назвать его умалишённым или же просто дурачком, либо полоумным, даже спустя столько лет, никак не решишься. Назвать же его дивоной или юродивым, тоже как-то не подходило к нему – уж больно своеобразно вёл себя несчастный, вызывая наряду с естественным состраданием, ещё и симпатию и, что удивительно, вдобавок хорошее настроение и лёгкую, добрую грусть, ощущение которой невозможно за-

быть. Многие старые чимкентцы помнят этого чеченца, который вероятно жил где-то в районе Зелёной балки, а возможно и в другом месте компактного проживания чеченцев, но чаще всего его можно было встретить возле Балаханы, у бурного родника на берегу Качкар-Аты, тогда ещё не одетого в бетон, этого сакрального и памятного центра Старого города, а впрочем, и всего многонационального Чимкента.

Ходил этот чеченец всегда очень быстро, приплясывая, пританцовывая на ходу, но самое главное – это его костюмы, которые он сам шил из всевозможных старых вещей, каких-то половиков и прочего старья, сам украшал их и выглядели эти невообразимые одежды, настолько необычно, настолько оригинально, красиво и опрятно, и вместе с тем, так не похоже и не понятно, из чего же это сшито, что понимаешь лишь только сейчас, в наши дни, когда многие «условности» и общепринятые требования к одежде и её «культуре» просто напросто отменены, а большей частью превратились в явный анахронизм, никчёмный пережиток. Но тогда это было дико, хотя и интересно.

Неизвестно, когда он успевал шить свои костюмы, не забывая обильно и искусно декорировать их, украшая крышечками от пивных бутылок, стреляными гильзами, которые он, скорее всего, набирал в тире, но не в том «анашистском», о котором я уже рассказал, а в настоящем стрелковом тире ДОСААФ, расположенном буквально через дорогу от него, у подножия крепостного холма, аккуратно за рестораном «Националь». В этом настоящем тире стреляли из молокалиберных винтовок и пистолета Марголина и куда мы, помню, однажды залезли, «перемахнув» через высоченный кирпичный забор, чтобы набрать этих самых стреляных гильз, которые нам для чего-то понадобились.

Что мне запомнилось, так это газыри, нагрудное украшение в виде своеобразного патронташа, сделанные довольно искусно и оригинально и особенно его папаха, как сейчас помню, сшитая не с какой-то, допустим, качественной мерлушки, которую получают, пусть даже и с абортированных ягнят,

пытаясь получить хоть что-то, напоминающее отдалённо каракуль, где-нибудь на Кубани, Кавказе или солнечной Молдавии, а сшитая из великолепного настоящего среднеазиатского каракуля золотистого оттенка «сур», который больше нигде не имеет такого «завитка», такого богатого затейливого рисунка, который приобретают каракулевые смушки, т. е. шкурки ягнят, от овец, пасущихся на особых, по подбору трав, пастбищах чимкентской, джизакской и бухарской областей. Такой каракуль невозможно забыть, как невозможно забыть вкус и запах мяса барашков, пасущихся на этих разнотравьях. Это загадка, которую загадала сама природа, а разгадку не даёт!

Помню, встречая нашего героя, идущего навстречу, пританцовывающего, весёлого и красивого, который был действительно очень красив, мне кажется каждый добродушно и восторженно восклицал: « Ух, ты! Вот чечен нарядился!»

Где-то в 1986-1988 годах на некоторых домах, в замечательном посёлке чимкентского свинцового завода, аккуратном, удивительно уютном и зелёном, на стенах некоторых домов, появились большие портреты И.В. Сталина. Посёлок свинцовиков, это особый посёлок, достаточно сказать, что в годы ВОВ из десяти пуль, выпущенных во врага, семь были отлиты из чимкентского свинца и Правительством, а завод был, как и большинство Чимкентских заводов, союзного подчинения, уделялось большое внимание на благоустройство этого посёлка. Говорят, даже пленные японцы, коих в Чимкенте было достаточно много, принимали участие в строительстве гражданских объектов в этом районе. Так вот, эти портреты, вызвали у некоторых всевозможные эмоции, у одних недоумение и озабоченность, у других страх и злобу, у кого-то просто интерес и любопытство, вот только лишь равнодушные и «уравновешенные», просто не обратили внимания. Да, чуть было не забыл, некоторые даже обратились с разъяснением в редакцию местной газеты «Южный Казахстан» с выражением возмущения и требованием разъяснения! Благо гласность к тому времени не только утвердилась, но и «вросла корнями»

в наш быт и сознание, являясь одновременно для некоторых и хлебом насущным, и виртуальным пряником «золочёным».

Оказывается, что в посёлке свинцовиков снимается киностудией «Казахфильм» кино, время событий в котором аккурат послевоенное, сталинское. А для натуральных съёмок в Алма-Ате, тогдашней столицы Казахстана, подходящего места не нашлось, а в Чимкенте – в самый раз. Да оно и понятно, ведь Чимкент тогда ещё, а посёлок ЧСЗ особенно, имел свой узнаваемый, совершенно не похожий ни на какие города, разве только на самый близкий Ташкент, особый шарм и колорит. Да и Чимкент, этот самый старейший из всех городов Казахстана, имеет более чем почтенный возраст, целых 2200 лет, а это многое значит. Но, если быть последовательным и откровенным, такой почтенный возраст город приобрёл, включив в городскую черту, населённый узбеками древний Сайрам, издревле населённый узбеками, которые именно здесь были особенно красивы, среди которых много рыжеволосых, с удивительно белой кожей. Сайрам, до того как получить это название назывался Исфиджаб, китайцы же называли его Байшунху. Существует достаточно много исторических документов и источников, о самом городе, но об этом постараюсь рассказать в следующих главах своего «эссе».

Это снимали фильм по поэзии О.Сулейменова «Балкон» режисёра К. Салыкова. И хотя действия происходят, согласно сценария, в Алма-Ате в пятидесятых годах прошлого века, но большинство «коренных» чимкентцев восприняло этот фильм только как о Чимкенте и, только о нём. А я очень эмоционально воспринял этот фильм, особенно игру одного из своих самых любимых актёров Валентина Никулина, любившегося советским зрителем моего поколения по фильму «Три толстяка», где он блестяще сыграл роль доктора Гаспара Арнери. А вот в фильме «Балкон», о котором идёт речь, Валентин Юрьевич сыграл роль чудака Солнцелова. Причём сыграл настолько запоминающе, настолько блестяще, что я, да и, не только я один, увидели в нём, и непоколебимо уверовали в это, что играет он чимкентского старгородского раженого чечен-

ца, тем более, что Солнцелов был также «обряжен» довольно чудаковато, если не чересчур странно! А хотя, совсем не был он похож, особенно своим некрасивым лицом, своими грустными, пронзительными умными глазами, на того хронически «веселого» больного чеченца, но многие решили, – это он!

Мало кто помнит этот фильм, как-то прошёл он совсем незаметно, в уже далёком 1988 году, хотя вполне возможно, что поспешил этот фильм выйти на экраны, а возможно и, слегка опоздал, а быть может, что вышел он именно тогда, когда большинству из жителей огромной Страны, было совсем не до серьёзных и «тонких» фильмов. Шла перестройка, добывая Страну, и очень многое становилось другим, да и мы черствели душою, в борьбе за хлеб насущный.

Ну что, дорогой мой читатель, что-то медленно мы движемся по обочине нашей памяти? Да вот, никак не получается, одним огромным шагом, перемахнуть из конца в конец, всю эту улицу Базарную. Перемахнуть и забыть бы все эти годы «перестроечные», годы неуклонного развала нашей Страны! Но нельзя. Вот и медленно идём, часто останавливаемся, чтобы отдышаться, о чём-то думаем, встатриваемся в прошлое, почти забытое, переживаем. А дойти надо, хотя бы, до качкаратинского моста и было бы на сегодня достаточно, поэтому придётся идти.

Вот и прошли мы по старому пешеходному мосту, рядом с которым так же, как и мост, «переброшен» через Качкар-Ату такой же старый павильон «Живая рыба», где в большом металлическом коробе, обтянутом сеткой из довольно толстой проволоки и опущенного на дно реки, всегда плескалась живая рыба, чаще всего зеркальные карпы. Этот короб неоднократно подвергался ночным «диверсиям», когда ребяташки, каким-то образом умудрялись разрезать сетку, и рыба вся уходила в Качкар-Ату. Видно намереваясь, таким образом «зарыбить» холодные воды прозрачной Качкар-Аты, ценными породами рыбы, но так и не развелась, не прижилась эта рыба, уйдя по течению в более привычные тёплые воды Бадама, Арыси, а затем и Сыр-Дарьи.

А магазин этот превратился сейчас в хозяйственный, как и рядом расположенный ресторан «Арал», с его дополнительным летним открытым залом, составляющим вместе с рестораном «Националь», мимо которого мы совсем недавно прошли, дорогой мой читатель, так называемый «комбинат общественного питания общедоступной сети», вот только номер не помню точно, но помнится, что четвёртый. А вот кухню помню хорошо, хотя, как и большинство граждан, ресторанным завсегдатаем никогда не был, так бывал несколько раз, приходилось. Поэтому смог оценить и запомнить, да и цены тогда были «реальными», не сравнить с нынешними. Да и готовили тогда очень вкусно, за качеством, и технологией приготовления блюд, тщательно следили.

Вот и дошли, внимательный мой читатель! На сегодня путешествий по обочине памяти, достаточно. Тяжеловато... Я вот вспомнил, хотя и никогда не забывал, затверждённую, незнамо с каких пор, возможно ещё со школы, карломарксову формулу: «Человечество, смеясь, растаётся со своим прошлым». Правда, здорово? Хотя я уже давно перестал воспринимать эту «формулу» без раздражения, но вытравить её из памяти никак не могу. А ведь сказал он это не о человеке, и не о группе конкретных людей, а обо всём Человечестве, что хотя бы несколько примиряет меня с этим афоризмом К.Маркса, не давая повода посчитать его не очень-то и удачным, а тем более, чересчур весело хохотать, от восторга хлопая себя по коленям, во время написания своего эссе.

Вот и опять, вспомнил фильм «Балкон» О. Сулейменова. А именно вспомнил его финал, когда пацаны бегут по тоннелю, знакомому, чимкентскому, в районе посёлка свинцовиков! Бегут навстречу свету, который обязательно есть, там, в конце тоннеля, во всяком случае, непременно должен быть, именно свет, много света, а не просвет от него, не просто светящееся пятно! Свет!

Да ещё, именно сейчас, почему-то вспомнил ряженого чеченца, которого долго не видел, а где-то в конце 60-х увидел его, сидящего в Балахане, наверху. Но узнал по знакомой

каракулевой папахе, золотистого оттенка «сур», которая выглядела всё такой же, красивой и добротной, почти новой, а вот хозяина узнал с трудом, настолько он стал стар, сед, немощен и жалок. Время, время, его не остановишь! Ведь шапку можно сшить новую, благо, – совсем рядом, за железнодорожным мостом и мелькомбинатом, Чимкентский каракулевый завод, где можно было иногда, и приобрести не только каракулевые смушки, но и даже настоящую каракульчу! А человек? Да и вещи, порой, изнашиваются гораздо медленнее людей! Хотя, смотря какие вещи, и смотря какие люди!

Это же надо затвердить такое: «Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым»! Но многие тогда, в девяностых, расставались рыдая.

Да... Ещё постоим, совсем немного, на старом качкаратинском мосту, добрый мой собеседник. Поговорим и отдохнём. Я ведь к тебе привык, даже подружились. Вот и незаметно на «ты» перешли. Это хорошо. Ты ведь знаком с творчеством очень оригинального, умного, талантливого скульптора Бруно Каталано? Если нет, то обязательно посмотри его работы, сейчас всё это доступно. Бруно Каталано! Имя и фамилия итальянские, но скульптор он французский, – так бывает. Работы его очень интересны, поскольку жанр оригинален и необычен. Рваная скульптура! Профессиональные художники, могут возразить: «Ничего необычного нет. Обычная «выколотка», когда на выполненную скульптором модель накладываются металлические листы и эти листы «выколачиваются» по форме. Ну, как знаменитая работа Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», установленная на ВДНХ». Просто Бруно Каталано работу до конца не доводит, бросает её! Нет! Ведь я речь веду не о технике, а о теме, о содержании, о философии, о душе. Мне очень нравятся его работы, особенно из серии *Les Voyageurs* – Путешественники. Особенно Памятник Эмигрантам, Покидающим Родину. Дорожный саквояж, стянутый ремнями, оставленное сердце, оставленная память, оставленная молодость и часть души! Куда же ты, путник? Куда? Пустой внутри... и в никуда?

Говорят, что время лечит. Кто-то с этим утверждением не согласен и приводит сотни доводов, мотивирующих это несогласие. А я согласен. Время действительно лечит. Лечит всегда, всё время, сколько его отведено нам, отмеряно. Но не вылечивает, а продолжает лечить и даёт нам выбор, учит нас, направляет, подсказывает, как переносить боль утрат, или ещё чего-либо. А боль не уходит, не исчезает совсем, она лишь затихает и возвращается, напоминая о себе в душевную непогоду.

Глава девятая

На базаре что-то продавали...

*На базаре мудрость продавали
И давали старость к ней в придачу.
Люди подходили, но не брали
Уходили молча, деньги пряча.
Глупость продавали на базаре,
Молодость давали к ней в придачу.
Люди подходили, покупали,
Убегали, позабыв про сдачу.*

Омар Хайям

*В стране, где есть порядок, будь смел
и в действиях, и в речах.
В стране, где нет порядка, будь смел в действиях,
но осмотрителен в речах.*

Конфуций Кун-цзы (Учитель Кун)

«Ну? Кому воды холодной? Хватит, хватит, хватит!», – кричали по-русски на Верхнем базаре босоногие ребятишки, кто протяжно и звонко, а кто и нудно бубня, разнося холодную качкаратинскую воду в чайниках, в которые, для пущей важности, некоторые бросали ещё и кусочек льда, хотя родниковая вода была и так холодна. Эту нелепую присказку, рекламирующую воду, я хорошо помню. Как помню вообще базары Чимкента, те, старые прежние базары, обильные и щедрые, «правильные» базары, куда многие ходили просто так, иногда и просто пообщаться. И поэтому, уложив в большой таз плоды со своего сада или огорода, и водрузив этот тяжёлый таз себе на голову, так и неся его до самого базара, лишь изредка, придерживая его рукой, шли ранним утром стройные узбечки, чтобы побыстрее продать свой товар. Именно по раннему утру, можно было безошибочно определить, что направляются они именно на базар, потому как ближе к

вечеру, точно так же, возможно, понесёт на голове кто-либо из них, свой таз, но уже завязанный в платок, или же в скатерть. А в тазу у неё сложены всевозможные гостинцы и лакомства, для предстоящих посиделок. И если это даже не праздник, а обычный день, то направляется она к кому-нибудь в гости, возможно, на свои женские посиделки, аналогичные русскому девишнику, носящему такое же название, – киз мажлис, куда мужчинам вход категорически воспрещён, уже и потому, что проводится он на женской половине дома, – ичкари. Такое разделение на женскую (ичкари) и мужскую (ташкари) половины, существует практически во всех узбекских домах. А мужчины, могут собираться на свои посиделки, свой «мальчишник», имеющий несколько названий: гап, зияфат, хотя некоторые узбеки, а их насчитывается 99 племён, во всяком случае, так считается, букву «ф», заменяют на «п», и тогда «мужские посиделки» называются «зияпат». Но мужчины с «тазиками на макушках» не ходят, поскольку это противостоит естественно, то угощения организуются в складчину, причём по установившейся очерёдности.

Но вернёмся вновь к «базарной» теме, где мы рассказывали о способах доставки товара на базар. Так вот, более крупные партии товара от частных производителей, хотя частной формы собственности, как бы и не существовало, но она всё-таки фактически была, хотя и «обозначена» была личной, доставляли на базар, кстати, ещё очень долго, посредством дешёвого гужевого транспорта, чаще всего в небольших ослиных повозках. Да, собственно, издавляя редко несли продавать свой товар, чаще всего продавали горожане, проживающие рядом, это гораздо позже, когда появились дачи и одновременно, почти сразу же, с появлением на рынке продукции этих дач, появились и первые перекупщики, воспользовавшиеся переизбытком товара и проблемой его реализации, вот тогда-то и базар стал превращаться в рынок. А так, особенно под вечер, можно было купить огромную неподъёмную дыню, всего-то за каких-то пятнадцать копеек, только потому, что она слегка треснула от спелости, или же во время транспортировки. А ещё возможно, купить

по «демпингу», проще сказать по бросовой цене, например, великолепные персики, только потому, что продавцу нет нужды нести оставшийся товар домой, разве только бросить, здесь же, на базаре. Ведь для него он ничего не стоил, потому-то и довольствовался полученной выручкой, ибо завтра, эта же торговка, опять снимет часть урожая с деревьев, растущих у неё же в саду, и опять принесёт на базар, чтобы продать. А там, глядишь, ещё что-то поспело: зелёный лучок каратальский, вкуснейший, посеянный «чернушкой» подрост, редиска, второго или третьего урожая, зелень и прочее. А там ещё что-то, что можно быстро и без проблем продать, для чего и нужно-то, просто напросто вынести на импровизированный маленький базарчик, которые возникали там, где было удобно и продавцам и покупателям, свой, всегда востребованный свежайший товар. Часто, создавалось впечатление, а иногда так оно и было, что большинство местного населения, узбеки, занимаются преимущественно торговлей, но и покупатели всегда находились, поскольку в городе было много промышленных предприятий, работники которых и были основными покупателями, в большинстве своём, не имеющие земельных «наделов», дачи появились гораздо позднее. Но и тогда, всем находилось место на базаре, и русские несли что-то на базар. Например, в рядах, где торговали яйцами, или же, битой птицей, стояли только русские. А, кроме того, ягодами и некоторыми овощами торговали тоже «русскоязычные», а с появлением дач, базар стал ещё более меняться, – становиться интернациональным.

Хотя дачи были всегда, но я имею ввиду те земельные участки, в шесть соток, которые стали выделять работникам промышленных предприятий, для занятий «садоводством и огородничеством». Поэтому деньги не перегонялись по замкнутому кругу, от одного торговца к другому, а были включены в полноценный денежный оборот всей нашей Страны. Город жил торговлей, город снабжался базаром, хотя и в государственной торговле всё шло пока нормально.

Многие меня могут не понять, особенно те, кто никогда не жил в Средней Азии, где базар является центром и инди-

катором торгово-экономической деятельности любого города. И от того, чей «народ» главенствует на базаре, зависит очень многое, поэтому вернусь к той фразе, где я заявил о том, что не было в СССР частной собственности. Собственность-то была, только социалистическая, общенародная: государственная и колхозно-кооперативная, но тоже государственная, вроде как наша с Вами, общая. Вот и существовали эти, как бы две, формы собственности и, что очень занимательно, целых три формы торговли: государственная, колхозно-кооперативная и, всё-таки, частная. Существовали, вроде бы, при несоответствии, но народ жил, не задумываясь особо, что построив дом, измучив себя и свою семью, единственно, «умыкнув» на предприятии горстку гвоздей, возможно, ещё что-то, чего не было в магазинах, дом этот не становился частной собственностью. Но для самоуспокоения, назывался личной собственностью, кстати, как и пропотевшая «до дыр» рубаха, в которой ты строил свой дом. А вот земля под домом и на твоём земельном участке, оставалась также государственной. А если, вдруг, кто-либо пытался построить себе хороший дом, не «хатку», а настоящий, и, увлёкшись, начинал строить, выдумывая какие-то необычные варианты, пришедшие ему в голову, после долгих поисков и раздумий, и начинал их, вроде бы успешно, и с энтузиазмом осуществлять, собирая на свалке какого-либо завода, допустим асбоцементном, бракованные трубы, или ещё где-то, да мало ли где и что, в городе, с таким количеством промышленных предприятий, и у него вдруг стало, на зависть некоторым и на восхищение многим, получаться, вот тут-то и являлась организация, которая требовала предоставить документы, чеки и прочее, на приобретённые строительные материалы! Эта организация известна под аббревиатурой ОБХСС и «увлёкшийся» чрезмерно, новатор-застройщик конечно, не без труда оправдывался, защищая себя, но после этого он старался «не выделяться. А самая главная причина обилия «хаток» в «частном» секторе города в послевоенные годы, это не только отсутствие, или недостаток денежных средств на строительство своего дома, но и разумная, покладистая

непривередливость граждан Страны Советов, выигравшей страшную войну, что наиболее и понятно каждому, даже тем, кто ещё и не жил тогда.

Ну, пора вернуться на Верхний базар, да рассказать о нём чуть подробнее, ведь очень хороший базар, хотя и расположился, с 1948 года на месте кладбищ: мусульманского, православного и кладбища, где хоронили пленных австрийцев. Но народ, в большинстве своём, быстро забывает, ибо коротка память у многих, на многие же события, а тем более город вырос, народу прибавилось, именно тех, кому и нужды нет, это помнить, да и не говорил об этом никто – не принято было говорить об этом, да и вообще, то старое, дореволюционное время, никуда не годное, негоже и вспоминать его. Это я не о Верхнем базаре, ведь его построили в 1948 году, и я ведь уже сказал об этом, это вообще, – обо всех базарах, даже бывших, «дореволюционных», о которых только память и осталась.

И даже торговые места, где когда-то располагались эти старые базары, удачливые, удобные, уместные, «наторгованные», почему-то намеренно забывались, вернее, делалось всё, для того, чтобы они забылись. Но память о них, какое-то время сохранялась в названии этого места, как бы цепляясь за него, сопротивляясь, не уходя совсем, напоминая о нём. Но всё же, постепенно забываясь, и сохраняясь, только лишь на старых картах и планах города, хранившихся в папках на пыльных полках архивов, да в чьих-то, чаще устных, воспоминаниях, передающихся от старших, ещё помнящих это, младшим, а те уже следующим своим любознательным потомкам. И так далее, чтобы не терялась связь поколений, так упорно прерываемая, то революциями, то войнами, то какими-то «реформами», то «перестройкой», а то ещё чем-то, с обязательным ограблением, гонением, обнищанием и прочими, сопровождающими их явлениями.

А восточные базары, хотя и так похожи между собой, и имеют, пусть и схожий, одинаковый запах, но «лицо» у них разное, потому и отличаются они один от другого. Лично мне по душе базарчики, а больше всего обыкновенные летние,

развалы бахчевых: дынь и арбузов, которые возникали в совершенно неожиданных, но действительно удобных местах. Эти многочисленные горы, возведённые в хаотичности, всевозможных арбузов: полосатых, мраморных и просто с зелёной коркой, но представленных в эдакой «цвето-тоновой раскладке», – от тёмно-зелёного, насыщенного, до совсем светлого! Не менее живописны и впечатляющи аналогичные горы дынь, также всевозможных форм и расцветок, имеющие разную по цвету мякоть и разный, естественно, вкус. Особенно нравились мне душистые медовые «красномяски», имеющие оранжевую мякоть, но шершавую, узорчатую кожицу, которые носили название ески чапан, что переводится как старый халат. Со временем сортов дынь и арбузов значительно поубавилось, поскольку стали выращивать наиболее выгодные сорта. Хотя дыни особо не требовательны к земле, для них главное вода и своевременный полив, поэтому их было всегда много, и местных, и привозных из районов чимкентской области. Но открывали «дынный сезон» неизменные раннеспелые, душистые, медовые хандаляк, которые на Кубани носят название колхозница, хотя когда-то назывались канталупками. А потом, до середины осени вырастали горы из всевозможных сортов дынь: шакар палак, амири, замча, печка, кара-кутир, кой боши, печак, кукча и прочих. Всех сортов не перечислить, а уж запомнить их, – тем более невозможно.

По всему городу были «разбросаны» арбузные и дынные горы, которые никогда не убирались на ночь, по причине, не только невозможности выполнить это, а просто, – так было заведено, всегда, во все годы, сколько я себя помню. И если вдруг, возвращаясь глубокой ночью откуда-нибудь, где задержался по причине бесшабашной молодости своей, возможно, засидевшись с друзьями, ты всегда можешь окликнуть продавца, который заступив на «ночную купеческую вахту», расположился где-то поблизости на раскладушке, либо каком-то «импровизированном» топчане, сооружённым из ящиков, и купить у него понравившуюся дыню. А потом, скушать её здесь же, часто в компании с продавцом, который затем, видя как ты

отказываешься от возвращения им назад платы за съеденную вдвоём дыню, навязать тебе ещё одну, на «дорожку», в подарок, причём самую лучшую, выбранную им же. Особенно такое часто бывает, – если ночные собеседники «обнаружили» вдруг общие, связанные как-то, роднящие их, темы.

И ты идёшь дальше, по спящему ночному городу Чимкенту, идёшь, и тебе хорошо, – ты молод, силен и полон надежд, ты ни в чём не нуждаешься, и воспоминания у тебя приятные, и ничего ты не боишься, – ни ночной, абсолютно безлюдной дороги, ни южной ночной тишины, правда, наполненной стрекотом всевозможных ночных насекомых, – ничего! И даже тогда, а ты в этом уверен, что тебя, обязательно подвезёт, буквально до дома, какой-нибудь шофёр поливальной машины, или же обычный ночной наряд советской милиции, если ты по ошибке поднимешь руку, «голосуя», и машина остановится, и ты это воспринимаешь как должное, потому как, даже «спешившись», ты бы мог прийти куда угодно, никого не опасаясь! И я их, хотя побаивался: всякое может быть, да и всякое бывало, а как же иначе, но все равно, – верил: «моя милиция меня бережёт!». И это было, и было именно так, и ты, верь мне, дорогой мой читатель.

Откровенно говоря, я не люблю большие базары, я устаю от их суеты и базарной суетоки, хотя некоторые и дня не могут прожить без базара, и эти люди не обязательно и торговцы. Но это не значит, коль я не люблю базары, что я не умею торговаться и всячески их избегаю, напротив, я очень долгое время добирался до места своей работы, проходя, как раз-то, через Верхний базар, и мне приходилось невольно возлагать на себя семейные обязанности «снабженца». Не верь также, мой любознательный читатель, в старую сказку о том, что любой, кто избегает торга с базарным торговцем, тут же становится для него скучным и не интересным, и он, якобы, моментально «перестаёт тебя уважать». Такое уже давным-давно прошло, да и выдумали это, не всегда адекватные москвичи, да простят меня за произвольную, да и невольную дерзость, мои родовые московские родственники! Хотя слово «адекватный»

(лат. *adaequatus* – приравненный, равный, тождественный), как раз-то и соответствует тому времени, когда москвичи, были весьма «отдалённым», абсолютно не равным народом, остальному населению всей Страны.

Конечно, есть особый, традиционный тип торговца, у которого торговля: умение продать, умение привлечь покупателя, не «выпрыгивая из халата» при этом, но и не обманывающая покупателя, а позволяя ему самому, самую малость, всего-то чуть-чуть обмануться, но остаться при этом довольным и удовлетворённым покупкой, торговой сделкой, и даже гордящимся собой, – заложено с рождения. Это умение у него в генах, это что-то необъяснимое, это переданное ему в дар далёкими предками, караванщиками и купцами. Для них торг на базаре, – простое развлечение, и, как правило, – он иногда, просто случайный человек на базаре. Нет, он не чужой, а совсем даже наоборот, он в «доску» свой, но просто встал за прилавком, возможно чтобы покуражиться, покрасоваться перед кем-то, показать кому-то, как надо торговать! Ведь торговля это тоже искусство! Это вовсе не те, истошно вопящие: «Пад-хады, народ, свой огород! Динья сахар – мьёд!» Хотя и эти заслуживают внимания. Но не более! Те ведь другие! Их видно, этих, не так уж и часто встречающихся, базарных «умельцев». Не сразу, но разглядеть их всё же, можно, по ряду признаков, основным из которых являются глаза: доброжелательно-насмешливые, с лёгкой хитринкой, с желанием иногда, и покуражиться, торгуясь с понравившимся возможным покупателем. Именно такие «поэты-зазывалы» являются украшением любого базара и создают его неповторимый колорит. И ещё, я думаю, а это самое главное, и что постепенно, неумолимо исчезает, но всё равно, именно это и выражает особую прелесть и составляет, главную отличительную, неповторимую черту среднеазиатских базаров, над всеми остальными! Ты хочешь это знать, мой добрый читатель? Я охотно отвечу. Это явное доминирование, – многократное превышение щедрости над скупостью! Причём щедрости обоюдной, продавцов и покупателей, без которой все базары станут похожи один на другой,

станут скучные и неинтересные, превратятся в обыкновенное место для совершения купли-продажи. Поэтому я особенно не переносю жадные базары! Жадные базары, – это беда, это катастрофа, это очень плохо. Базарная жадность, – это порождение «несостоявшегося» государства охватить налогами «все и вся», – лишь бы обеспечить средствами свой, неоправданно обширный, фискальный аппарат. На таком базаре уже нет непосредственных производителей данного товара, – все перекупщики, потому и жадность. Вынужденная жадность! Хотя, жадный базар, это уже не базар, а обыкновенная толкучка, хотя вроде и должно наоборот: все товары красиво разложены, кругом и везде изобилие, порядок и чистота, а настоящего базара уже нет!

Интересно, но когда начинающий торговец, собираясь на базар с товаром, заранее, с вечера, подсчитывая, ещё только ожидаемую выручку, готовит огромный кошелёк для денег, абсолютно не думая о том, кого он может встретить на базаре, как себя поведёт при этом, как будет торговать, а думает только о предстоящей, обязательной базарной удаче, чтобы непременно с прибылью, с «пайдой», – редко «ухватит удачу за хвост». Но чтобы не было потом стыдно и досадно, в случае неудавшейся торговли, по ряду причин, чаще всего по своей глупости, тупости и жадности, а возможно самоуверенности, то тогда всё равно, что-то вдруг подскажет ему, что надо для начала подстраховаться, заручившись поддержкой опытного базарного торговца. И это поможет ему. Некоторые так и начинают. Особенно, если партия товара большая. И хотя это «неопределённый», ещё не состоявшийся торговец, и он, его образ, не может ещё никак служить определителем «коэффициента эффективности» торговли, и именно такие, чаще всего уходят довольно быстро с этого «поприща». Но умный же, настоящий торговец, пусть даже начинающий, но прирождённый, просчитывает абсолютно всё! Вот это и есть ГВОЗДЬ любого базара, но гвоздь ржавеет, гвоздь становится ненужным, как и те, старые базары конца пятидесятых прошлого века, которых уже никогда не будет!

А вообще-то, основной, преобладающий тип базарного торговца, особый, всюду узнаваемый, даже если встречается он вне базара, пусть даже и в другом месте, и другом городе. Тип, появившийся абсолютно на всех среднеазиатских базарах, примерно в середине 60-х прошлого века, в связи с массовым появлением базарных перекупщиков.

Это бойкая, крикливая, «восточная» женщина средних лет. А узнаваемая ещё и потому, что у подобных людей выработывается определённое поведение и даже внешность – сведённые на переносице брови, но не при помощи красящей травы «усьма», растущей у всех в огороде, а неаккуратными точками татуировки, да в дополнение ко всему, – ещё часто и на щеке «наколота» точка, имитирующая родинку. Некоторые, наверное, слышали песню, когда-то впервые прозвучавшую в исполнении Рашида Бейбутова, замечательного азербайджанского певца: «Я встретил девушку, полумесяцем бровь, на щёчке родинка, а в глазах любовь»? Красивая, правда? И песня, и девушка. Так вот эти торговки – полный антипод! Хотя, вполне возможно, в начале своей трудовой деятельности, они и были такими, как поётся в песне, но базар неумолимо накладывает свой отпечаток, меняя человека, его характер, облик. Кстати, их было вначале не так и много и местные редко покупали у них что-либо, поэтому звали этих дам по-разному: некоторые просто – «марджа», а некоторые, не менее просто: спекулянтками. Но очень скоро почти все торговые места, абсолютно на всех базарах были заняты этими, внешне «одинаковыми», торговыми «дамами».

А ещё я не люблю закрытых торговых павильонов, хотя без них сейчас нельзя обойтись, особенно без мясных. Хотя я помню ещё открытые мясные киоски, где и продавец, он же рубщик, в «одном лице», развешивал куски мяса на стальных, обязательно лужёных оловом крючьях, и к ним, опережая покупателей и многократно превосходя их по численности, слетались жёлтые, наглые осы, но они и одновременно, безукоризненные «эксперты» в определении свежести мяса. Забой скотины производился здесь же, на территории рынка, в

специально оборудованном месте, соседствуя с забором старого пивзавода, поэтому мясо в продажу поступало ещё тёплое, парное, даже не провисевшее положенного ему времени для «вызревания», что производить летом тогда, было невозможно. Поэтому «эксперты-осы», – были крайне нежелательны.

Не так далеко, за железнодорожным мостом, на сырьевой базе, был ещё один забойный цех, где также производился забой скотины для Верхнего базара. Вообще в мясном павильоне Верхнего базара продавали только лишь говядину и свинину, тогда как мясо остальных животных, употребляемых в кулинарии, продавалось лишь только в государственных магазинах, с вывеской над входом «Ет – Балык», что означает «Мясо – Рыба».

Сейчас народ больше общается в Интернете, даже те, кто живут буквально рядом, в нескольких минутах неторопливой пешей ходьбы друг от друга. Но нас, разъехавшихся, рассеявшихся по миру, после распада СССР, эти виртуальные встречи хоть как-то объединяют, хотя, иногда, ещё более отдаляя друг от друга, особенно от тех, кто остался на месте, кто приспособился к жизни в государстве, которое только впервые в истории своей, его создаёт, обкатывая какие-то нормы, законы, воссоздавая какие-то, почти полностью забытые, а возможно, вновь изобретённые традиции, уставы, праздники и обычаи, которые чаще всего прокатываются дорожным катком, именно по этим, оставшимся людям, тщетно пытающимся приспособиться ко всем, вроде бы и созидательным процессам, но на самом деле, глубоко им чуждым и непонятным в своей искусственности, нарочитой вычурности, кажущейся никчёмности, но и в обязательном неукоснительном исполнении. И я не имею ввиду, одних лишь только русских. Но это жизнь, и воспринимать её надо такой, какова она есть, и решить, поступиться принципами или нет, можно только самому, если эти принципы не противоречат законам и общепринятой морали. Поэтому, когда кто-либо и «выставляет» в Интернете фотографии, когда-то очень знакомых и узнаваемых мест, да ещё и снабжает их какой-то надписью, являющейся, по

сути, руководством-инструкцией к восприятию оных, даже не ожидая и, по сути, не нуждаясь в моей оценке, а именно: «Кен Баба – бывший детский парк. Он стал намного лучше: красивее и чище», то этим он мало кого радует, если только тех, кому судьба этого парка совсем безразлична, да и бывал он в нём отнюдь не часто, поскольку вырос в другом городе или, быть может, в селе, а переехал в Чимкент совсем недавно. Почему я так говорю, возможно, я не совсем объективен? Да нет, напротив, просто бывшего Детского парка, находящегося ещё в дореволюционном Соборном саду, с его огромными крупнолиственными монгольскими дубами, уже нет! Вернее есть, но просто он превратился в банальную торгово-развлекательную точку, вот и всё. Поэтому как можно говорить о том, чего уже нет, но оно, исчезнувшее совсем, каким-то образом вдруг стало лучше? Не понимаю! Да и сам город, сменивший имя своё, данное ему при рождении его, «постарев» на полтора тысячелетия, «поглощением» Сайрама, никак не может быть лучше или хуже того, прежнего, дорогого узнаваемого города, он просто напросто стал другим, не тем городом, который я знал, и в котором я вырос.

«Да ведь в этой главе, ты, «грозишься» рассказать о чимкентских базарах!», – скажет с возмущением какой-нибудь рассерженный читатель. И ведь будет прав, ибо эту главу я действительно посвятил базарам. Но иногда рассказ просто необходимо прерывать, дорогой мой читатель! Ведь это не просто банальная экскурсия по городу, и даже не прогулка во времени, это нечто другое, где необходимы пространственные отступления, причём, по воле автора этого «эссе», и именно тогда, когда он посчитает это необходимым, и что помогает понять причину его переживаний, да и становится как-то понятней читателю.

Так вот, я не люблю крытых рынков, потому как, всегда, особенно неуютно себя там чувствую, голова перестаёт соображать, уши перестают слышать, словно бы запечатываясь, непрерывным базарным гулом, и гул этот, превращаясь в некий звуковой ком, отключает всё, даже память, и ты, под-

час, забываешь о цели своего прибытия сюда. Действительно забываешь, и выручает тебя, заранее написанный дома реестр – список необходимых покупок.

Хотя крытых павильонов на Верхнем рынке было всего два, – это, уже названный мясной, и большой павильон, где продавали молочное, мёд и битую птицу, по обе стороны двойных торговых рядов, разделённые широкими проходами с обеих сторон, располагались различные продуктовые магазинчики, принадлежащие облпотребсоюзу. А за этим павильоном, за стеной, обращённой на запад, была большая площадь, упирающаяся в торговые ряды, естественно, под крышей, с каменными прилавками по обе стороны и широким проходом между ними, в которых торговали картофелем. Собственно крышу, опирающуюся на кирпичные, оштукатуренные столбы-колонны, имели абсолютно все торговые ряды Верхнего базара, исключение составляли только лишь огромные развалы бахчевых, находящиеся под открытым небом в любую погоду, накрытые только лишь брезентом и камышом. Хотя и для них, несколько позже, были сделаны просторные навесы, хотя всем «арбузятникам» места не хватало.

Так вот, на этой площади, между молочным павильоном и картофельным, находилась всегда «ишачья транспортная биржа», где за совершенно незначительную плату, можно было доставить домой, на ослиной одноколке, мешка три-четыре, а то и больше картофеля или капусты, составляющие обязательные запасы к зиме. И тебе не надо было ехать со своим грузом, сопровождая его, если тебе неловко или стыдно идти за ишачьей повозкой, а тем более сидеть на ней, возчик сам доставит твой груз по назначению, надо только успеть встретить его, доехав на автобусе, что гораздо быстрее. Чуть позже, к ослиным одноколкам и лошадиным телегам, добавились мотороллеры с кузовами, но особых перемен это не вызвало, ведь в подобной доставке особой скорости и не требовалось, тем более, что товар на базар доставлялся именно самим производителем, минуя всевозможные оптовые рынки, которых тогда попросту не существовало, – цена устанавли-

валась самим же торговцем, исходя из реального спроса и предложения. Легковые машины у населения, конечно же, были, но были они, вопреки известному утверждению, не менее известного литературного героя, в личном пользовании, тогда ещё пока роскошью, а не средством передвижения, а тем более не средством для перевозки грузов с базара.

...Вниз, от ишачьей транспортной биржи, а я не беру в кавычки это название, как брал его в первый раз, забирая вправо, в сторону первого выхода, а возможно и входа, потому как их три и «сложно» нам это решить, вошёл ты через этот вход или другой, но именно сейчас мы выходим и оказываемся перед фонтаном, в центре которого была скульптурная композиция, эдакая философская триада, изображающая трёх статных, «грудастых» женщин, плотно прижавшихся спинами друг к другу, держащих над головой один, общий, огромный поднос – ляган, наполненный фруктами.

Фонтан не бурный и шумный, у него не было эффектных водяных струй, мощно бьющих вверх, вода тихо струилась из чаши с фруктами, неслышно спадая, струясь, по одеждам женщин. Ведь на Востоке очень любят воду, с которой можно разговаривать, именно разговаривать, тихо и неторопливо беседуя с ней, а она отвечает, что-то едва слышно бормоча. Не любят здесь громкой, опасной, «дурной» воды, воды разрушительной. Именно поэтому восхитился и воспел тихий, едва струящийся фонтан, в крымском Бахчисарае величайший русский поэт А.С. Пушкин. Почему именно А.С. Пушкин и, причём здесь Крым? Да уж больно тема, не столько деликатная, сколько философская. Да и просто я посчитал удачной «находкой» применение этого термина именно в данном случае, именно к тому времени, поскольку этот термин, означающий в философии тройственный ритм движения бытия и мышления, подходил и к той эпохе, и к этому базару, и к фонтану тоже.

Фонтан этот иногда и работал летом, особенно в шестидесятые годы, хотя в конце их, превратился в прилавок для торговцев аквариумными рыбками, выставляющих свой товар по всему борту фонтанной чаши. А на выходе с базара, тут же,

до самого подземного перехода к магазину «Тюльпан», тебя назойливо преследовали, сменяясь сообразно с традициями, и в соответствии с изменениями моды во времени, портные-надомники, продающие расклешённые брюки, потому как пошла вдруг на них мода, а наши ГОСТы не успевали подстроиться, вот и выпускали швейные фабрики, брюки покроя «а-ля Хрущёв», когда пояс брюк оказывался аккурат подмышками, хотя Хрущёва уже давно не было, но народ помнил. Да мало ли что там продавали! Всё! В зависимости от спроса и времени.

Больше чем уверен, что убрали этот фонтан, хотя возможно и оставили, но скульптурную композицию – трёх красавиц в национальной одежде, держащих гигантское блюдо с дарами юга, точно убрали. Не только потому, что скульптурная композиция, изображающая людей, тем более женщин, противоречит мусульманским требованиям, запрещающими изображать людей, а скорее потому, как явно узбечки эти три дамы. А должны быть непременно казашки, ну а лучше всего, – какой-нибудь элемент казахского орнамента! Точно по той же причине, убрали фонтан, напротив бывшего текстилькомбината, поскольку сделан он был узбекскими мастерами и очень напоминал, особенно стилизованной хлопковой коробочкой, известный ташкентский фонтан, расположенный напротив театра имени Алишера Навои. Всё это конечно грустно, но весьма понятно и объяснимо, ведь в городе, до начала 70-х годов казахов практически не было, они только стали заселять город, и наиболее интенсивно стало это происходить в конце именно тех лет. А сейчас город казахский, и абсолютно все должны это знать и чувствовать, а как же иначе, ведь именно преследуя эту цель, а ни какую другую, сменили название города, заставив узбеков забыть то, древнее, прежнее, ну а русских смириться с тем, что пишут, название города, в котором родились и выросли, с ошибкой, напрочь забыв, самое первое, уже русское, правило, выученное ещё в первом классе: «ЖИ» и «ШИ» пишутся с буквой «И»!

Совсем забыли мы с тобой, уважаемый читатель, заглянуть в павильон, мимо которого мы только что прошли, да

подойти к молочным рядам, где тоже есть на что посмотреть, есть что купить, есть чему поудивляться! А удивляться ведь есть чему, потому как мы с тобой, многоуважаемый читатель, на том, старом базаре, ещё до распада единой Страны, где было большинству хорошо, почти всем хорошо, а не только некоторым. А может, я ошибаюсь, читатель?

Мне просто интересно, что многие молочные изделия, которые продавались на среднеазиатских базарах, со времени начала существования самих базаров, сейчас нам преподносятся, как вновь открытые «новинки», но известные с древнейших времён, правда незаслуженно забытые. И это касается очень многого: особенно кулинарии. Выходит так, что для того, чтобы именно в России массово узнали и полюбили все эти узбекские, уйгурские, корейские, китайские и даже японские блюда, необходимо было развалиться Могучему Государству? Что кулинарный интерес и любознательность появляются у нас, русских с потерей упрямого чувства самодостаточности, а возможно и некоторой доли самодовольства, и пришедшей им на смену какой-то, не совсем понятной растерянности, а чаще всего грусти? Эх, русские, русские...

А пока зайдём, любезнейший, в прохладу продуваемого сквозняком павильона, и я тебя угощу, да ты не беспокойся, ведь стоит это сущие копейки, каким-нибудь местным сыром, который у нас на Кубани называется адыгейским, а здесь, в Чимкенте, он носит название пишлок. Или же попробуем у курдюнок, настоящий сычужный сыр чечель, который распускается на тонкие волокна, похожие на мясные, а потом купим сузьмы, из которой дома сделаем замечательный холодный суп чалоп, почти как нашу русскую окрошку с зеленью. Сузьмы купим побольше, это такое отцеженное кислое молоко, по консистенции, вкусу и качеству, удивительно напоминающее мягкий сыр, какой-нибудь моцарелло, рикотта или фета. Но по цене, особенно сопоставляя те цены с сегодняшними, а кроме, того беря во внимание покупательную способность денег в сравнении с тем временем, то эта сузьма абсолютно «ничего не напоминала»! Она вообще ничего не стоила, и

некоторые покупали её в качестве витаминной добавки для выращивания цыплят, тогда они не болели и хорошо росли! Но это вкусная вещь, да и полезная, не только цыплятам, но и для нас с тобой! Сузьму можно было кушать с сахаром, можно было, посолив, добавить ещё и немного красного молотого перца, скатать из этой массы шарики, величиной с шарик для игры в пинг-понг, разложить на какой-нибудь чистой фанерке, накрыть марлей, хотя можно и не накрывать, затем выставить на солнце на два-три дня. Таким образом, мы сделаем самый простейший в мире твёрдый сыр, вернее твёрдокаменный сыр, который можно хранить незнамо как долго и грызть на досуге, имея крепкие зубы! Такой сыр носит название курт. А, кроме того, ты даже не знаешь, из какого молока сделана эта сузьма: коровьего, овечьего, козьего, а возможно и верблюжьего? Ты просто сам, посмотрев прежде на продавца, затем попробовав эту сузьму, покупаешь её! И многие скучают по Средней Азии, вспоминая именно этот сыр! Правда, некоторые, особенно те, которые ничего не помнят, а вернее помнят что-то, но не то, что нужно, могут назвать курт совсем по-другому, и даже словом куртава, хотя это просто напросто, узбекский суп из курта с топлёным маслом. Запомни! Курт! А людей, которые ничего не помнят, – может быть, оставим в покое? Пусть вспоминают! Хотя, – мне их жалко! А тебе, дорогой мой читатель, разве же их не жалко, людей, обделённых памятью, а возможно и врождённой любознательностью?

Останавливаться на базаре, чтобы что-нибудь покушать мы с тобой не будем, хотя кругом много мест, где некоторые остановились, чтобы перекусить, но мы не будем уподобляться им, этим некоторым, мы найдём место, где сможем с пользой это сделать, посидеть и не торопясь насладиться едой. Запомни, что словесный каламбур «базар-вокзал», это не только неудачная попытка подбора рифмы, но и своего рода рекомендательное предупреждение – старайся не вкушать никакой пищи в этих двух местах, даже в случае крайней необходимости или нужды! Не стоит кушать, и в базарной обще-

питовской «мантышной» манты, как бы вкусно они ни пахли, хотя любителей их поесть здесь достаточно.

Пройдём мимо, даже не останавливаясь мимо торговцев насом или же, несколько по-другому, – насваем. Это катышки, чуть менее зёрнышка маша, такого же зелёного, как и маш, сосательного табака. Кстати, в него, кроме зелёных табачных листьев, чего только ещё не намешано, включая известь и золу тополевой коры! Тем более, дорогой мой читатель, мы даже хороший табак-то перестали с тобой курить, потому, как давно бросили. Разве же станем мы закладывать за губу ещё и эту гадость, чтобы потом с отвращением отплёвываться густой, тёмно-зелёной слюною?

Рассказать обо всём Верхнем базаре, пожалуй, можно, но я не стану этого делать, лишь только потому, что в этом нет особой необходимости, да и если я расскажу хотя бы часть о нём, всё равно мне придётся о некоторых старых, забытых базарах рассказывать в других главах, что я, наверное, и сделаю. А пока пройдем по рисовым рядам и посмотрим и поучимся, пристроившись следом за каким-нибудь пожилым узбеком, как и какой надо выбирать рис, чтобы приготовить настоящий узбекский плов. Ведь не всякий рис пригоден для приготовления настоящего, именно узбекского плова. Сортов риса много, но предпочтение всегда отдавалось местным, старым сортам, особенно, таким как девзира и кенжов, это именно те, которые выращивались в чимкентской области. А так, в основном рисом, особенно начиная с середины шестидесятых годов прошлого века, торговали исключительно корейцы, выращивая его и в соседней кзыл-ординской области и в Узбекистане.

Ознакомившись с рисовыми рядами, научившись выбирать рис, вернёмся вновь к мясному павильону, но чуточку дальше, как раз напротив его, там, где торгуют морковью. Но не будем «мудрить», изучая всевозможные её сорта: кызыл мирзой, сарык мирзой и прочие, нам это не надо. А вот постоять, да понаблюдать незаметно, как надо правильно резать морковь, нам следует, ведь это очень важно, но при этом, делая вид, что это нас несколько не интересуется. Ведь никами тёрка-

ми, шинковками и прочими затейливыми приспособлениями, кроме как, нарезав вручную, хорошим, острым ножом, причём аккуратной соломкой, при приготовлении плова, не обойтись. Поэтому и стоят женщины, мастерицы резки моркови, тут же, на базаре и продают её, уже нарезанную для плова.

Пожалуй, вроде ещё можно, рассказать о двухэтажном здании Дома быта, расположенном на территории Верхнего базара, в котором где-то в 1967–1968 годах, кроме положенных по роду деятельности служб, находилась и такая, которая заправляла опустевшие стержни, только что появившихся, именно в те годы, шариковых ручек. Сами стержни изготавливали тогда из тонкой латунной трубочки, а сами ручки долго находились под запретом в средних школах, – особенно «негодовали» учителя литературы, называя эти, «плюющие» пастой ручки, – «шариковыми-бобиковыми». А писали в школе, после обычных перьевых ручек, уже авторучками, были даже, у многих с золотым пером и цена таких авторучек была доступна каждому, но их можно было только достать, а не купить, как положено, в обычном магазине, хотя за ними особо и не охотились! А о Верхнем базаре, построенном сразу на трёх кладбищах: мусульманском, православном, австрийском, где хоронили пленных австрийцев, пока всё, хотя почти ничего и не рассказал, как-то не очень-то и большое желание испытываешь, а тем более базар по-прежнему на месте. А вот, другого базара, «возникшего» одновременно с Верхним, да и расположенного рядом с ним, Чернышевского, где торговали исключительно колхозники, уже давно нет. Осталась в памяти только название остановки, хотя всё уже давно переименовано и улица Н.Г.Чернышевского, теперь улица Адырбекова. Но память людская цепкая, привязчивая, липкая, упрямая, вот и уже висит табличка с названием остановки, написанная с учётом государственного языка: «Шернышевский». А хотя, как рассказывал мне мой покойный тесть, Агапов Георгий Гаврилович, почти всё послевоенное время, проработавший в Государственной инспекции по карантину растений, которая контролировала всё растениеводство области, на предмет

карантийного вредителя, а значит и всю её продукцию, в том числе и через рынки: это был очень богатый базар. Я помню этот базар, потому как мы, учась в школе, покупали себе учебники сами в то время, и поэтому отправлялись за учебниками со старшими, чаще всего братьями и сестрами, но иногда и с родителями, где-то в августе месяце. И если, вдруг, в середине августа, ты случайно встечал своего однокашника, то непременно интересовался, все ли купил он учебники?

Именно в районе Чернышевского, не так далеко от него, на Коммунистическом проспекте, был хороший книжный магазин. В то время, ещё не был построен книжный магазин «Знание», поэтому этот был едва ли не главный книжный магазин города. Конечно, если не брать во внимание книжный подвальчик на Свинцовом и другой, рядом с великолепным парком химфармзавода, когда ещё там не была построена шестая школа.

Тогда, каждый колхоз большой чимкентской области старался, а хотя его и обязывали, иметь в городе свой торговый павильон, именно в прямом, настоящем значении этого слова, означающего шатёр (*pavillon* – франц.) или же постройку лёгкой конструкции. Да, впрочем, и не было такой уж и необходимости, – обязывать, ведь иметь возможность напрямую торговать самому производителю, коим являлся колхоз, было очень доходным делом. Поэтому и растянулся вдоль длинного прохода, на целый квартал, колхозный базар, застроенный всевозможными домиками, ларёчками и кладовочками, с обязательной вывеской и ставней на фасаде, предназначенной просто для порядка, а не для защиты от жуликов. Были здесь и торговые ряды под хорошими навесами, но самой главной достопримечательностью Чернышевского базара был, пожалуй, винный ряд, удивительно напоминающий винные ряды чёрноморского города Анапы «догорбачёвского» периода, нашей общей истории, на котором можно было всегда отведать стакан белого сухого вина, – замечательного анапского рислинга. А чимкентское вино, предлагаемое покупателям на Чернышевском базаре, было ничуть не хуже любых сухих

кавказских вин, во всяком случае, так отзывались о нём не только некоторые знатоки-дилетанты, но и серьёзные профессионалы. В одно время колхозникам разрешалось самим торговать вином, произведённым в своих же хозяйствах, и это было очень выгодно для колхозов. Это несколько позже стали сдавать «виноматериал», а по сути уже готовое, осветлённое, отстаиванием и даже оклейкой, вино, на сырьевые базы и заводы, с «интригующим» названием: завод первичного виноделия. А после войны, в Среднюю Азию «понаехало», как бы сказали на Кубани, столько маститых, серьёзных, настоящих, «непьющих» виноделов, которые основной частью, нашли применение своему необычному таланту, и своим силам, что только сейчас понимаешь, что это» грозило» всей винной традиционной, устоявшейся отрасли, в своей переориентации регионов, в вопросах традиционного виноделия. А чимкентский виноград, ведь настолько сладкий, потому как вызревает под палящим солнцем, которое за всё долгое лето, ни разу не скроется за тучками, поскольку их просто в это время года, практически не бывает, да и виноград не знает тех болезней, которые известны кубанскому винограду. Поэтому вино всегда получается отменным, но вот только не совсем традиционное это производство, хотя и помню я название села в нашей области – Шарапхана, что переводится с узбекского «Пивнушка», поскольку шарап, это вино. Шарапхана расположена на подъезде к Ташкенту, столице уже другого государства, да и уже давно нет прежнего названия этого населённого пункта, как и нет людей, производящих настоящее вино! Хотя, в самой Шарапхане виноградников уже почти не было, по ряду «этнических» причин, а вот название села было.

Ну что, дорогой мой читатель, что-то мы совсем ничего не сказали о Николае Гавриловиче Чернышевском, хотя о базаре, названном его именем, пусть и бывшим, но сохранившимся в названии и памяти народной, сказали вроде достаточно? Ну, пожалуй, одну всего цитату из его публицистики всё же приведу, я думаю, что к теме нашей подойдёт: «...бывают случаи, в которых вред воспринимаемого более велик, чем вред воспре-

щения. В таких делах принудительные меры оправдываются разумом и предписываются совестью, конечно, с оговоркой, что они не будут более суровы или стеснительны, чем необходимо для пользы». Правда, хорошо сказано, хотя и излишне мудрёно? Вот только в определении пользы и степени полезности, мало кто участие принимает. Всё больше один кто-то решает этот серьёзный вопрос и чаще всего выполняют его другие. И выполняют настолько глупо и бессовестно, потому как большинство самих же исполнителей, по уму своему не так и далеко ушли от того, кто скомандовал это. Что, кстати, и произошло в антиалкогольную кампанию, в эпоху горбачёвской «перестройки», когда «вред воспрещения» превысил мыслимые и немыслимые нормы. Хотя тогда виновного Чернышевского базара уже и не было, он свой срок «отслужил».

Не могу не рассказать ещё об одном чимкентском базаре, которого давно и в помине нет, но который был довольно известен старожилам города. Мне кажется, в любом городе, в послевоенное время, возникали подобные базары, которым народ давал однокоренные названия со знаменитым Хитровым рынком – Хитровкой, дореволюционной старой Москвы, блестяще описанную В.А.Гиляровским в книге «Москва и москвичи». Но чимкентский Хитрый базар это нечто другое. Этот базар, с его деревянными прилавками из листовичной вагонки и такими же навесами, настолько был интересен и имел большое значение в жизни города, но сейчас мало кто помнит о нём. Базар, находящийся в непосредственной близости от магазинов и складов, а также и самой конторы с аббревиатурой ОРС ЖД, что означает, отдел рабочего снабжения железной дороги, был в пятидесятых годах очень оживлённым торговым центром. Здесь был замечательный мебельный магазин, а также ряд, довольно неплохих, промтоварных. Расположен был этот базар в районе «небезызвестной» 2-й Зелёной балки, населённой простым «разноплеменным» людом, среди которых компактно проживали чеченцы, а непосредственно напротив самой школы, через площадь, проживали «шум-

ные» цыгане. Но в основном здесь жили люди «европейской внешности», – наши славяне.

Я уже попытался познакомить читателя с этим районом, в пятой главе «Красный обоз», ведь я работал в этой школе по совместительству в самом начале своей педагогической «деятельности», но сейчас решил рассказать о нём несколько подробнее, потому как очень интересный он. Интересный во многих отношениях, своим местонахождением в районе железнодорожного вокзала, хотя и по другую сторону железнодорожных путей, от здания вокзала, с одной стороны, с другой, противоположной, – мясокомбинатом, который вскоре «переехал» на новое место, в район старого аэродрома, что рядом с нашей Чапаевкой, но название прежней остановки всё-таки сохранилось: «Старый мясокомбинат». А вот с северной стороны, Зелёная балка соседствовала, правда разделённая дорогой, с сырьевой базой, о которой я уже немножко рассказал, и которая вплотную примыкала к рыбокомбинату. Рыбокомбинат и сырьевая база, находились аккурат между «разделительной» дорогой, с одной стороны, и Ленгерским шоссе, – с другой. А за шоссе находился огромный мелькомбинат!

Ты понял, терпеливый мой читатель, что я тебе здесь «нагородил»? Но это ещё не всё, ведь с противоположной, стало быть, северной своей части, Зелёная балка вплотную примыкала к вагоноремонтному заводу и паровозному депо, а кроме того, разделительной чертой, отделяющей Зелёную балку от «куркульской» русской Чапаевки, была топливная база и железнодорожная насыпь, недостроенной железной дороги, несуществующего дачного поезда «Чимкент-Ташкент», о которой я уже рассказывал во второй главе своего «эссе».

А Хитрый базар, чтобы как-то «разгрузить» чрезмерно оживлённый район, перенесли в конец улицы Пархоменко, но близкое, да и нежелательное соседство с детским садиком, заставило всё-таки вернуть, беспокойный Хитрый базар на старое место. А беспокоить ведь было чем, потому как, изгнанная из привычного обитания в районе старгородской

Балаханы, безногая, безрукая, вечно пьяная и несчастная послевоенная братия, нашла себе пристанище здесь, в сложных и узких лабиринтах саманных строений Зелёной балки, чтобы затеряться окончательно и очень быстро исчезнуть, найдя последний приют на небесах.

А «пожиться» здесь было чем, ведь кроме молочных продуктов, а также овощей и фруктов, всё этим торговали жители соседней Чапаевки, основным, «базарообразующим» товаром было ворованное мясо, а также мясные продукты, с расположенного рядом мясокомбината. Всевозможный сбой, требуха, спирт с гидролизного завода – чего тут только не было! Всякая всячина – шара-бара!

Базар, практически сразу же исчез, как только построили новый, большой, более современный мясокомбинат в районе аэродрома, которого также уже нет. Нового «пристанища» Хитрый базар себе не нашёл, хотя почти сразу после его «экономического упадка» появился небольшой базарчик на Чапаевке, – на противоположной стороне от овощного и кондитерского цеха, по улице Кржижановского, но заменить его так и не смог, несмотря на близость нового мясокомбината и гормолзавода. Просто превратился в обычный овощной базар, просуществовав совсем недолго. А вот район старого Хитрого базара, долго ещё сопротивлялся смене оживлённого, пусть и не совсем благополучного, на статус, всеми полузабытого района. Хотя, так и случилось: двухэтажные дома в центре Зелёной балки, как и хорошая большая баня, остались в ведомстве МПС, осталась знаменитая железнодорожная пекарня, выпекающая самый лучший в городе Чимкенте хлеб, остался МПСовский детский садик, магазины, приносящие доход. А вот школа, которая когда-то, при раздельном обучении была мужской и носила номер 55, а когда раздельное обучение отменили, то она стала 355-й, была передана городу и превратилась в обычную городскую, под номером 31 имени В. Терешковой. А у железнодорожников осталась ещё одна школа, но расположенная по другую, сторону путей, со стороны здания вокзала, в железнодорожном посёлке, постро-

енном, в основном до революции. Это старая, но удивительно уютная, школа была когда-то женской и носила номер 54, а потом стала 354-й железнодорожной, и имели учителя этих школ льготы, наравне с железнодорожниками. Какие? Ну, например, имели право на бесплатный проезд, раз в год, на поезде, в оба конца. Куда, можешь спросить меня ты, дорогой мой читатель? А туда, куда ты хочешь – в любую точку Страны!

Сейчас уже снесли старую пекарню, снесли железнодорожную баню, вот только не знаю: зелёнобаловские лабиринты улиц, сейчас хоть не такие извилистые, какими были когда-то, может быть как-то, волшебным образом слегка «выпрямились»?

Ты знаешь, о чём я вдруг подумал, дорогой мой читатель? Вернёмся ненадолго к Верхнему базару: забыл я, рассказать о Старом пивзаводе, который стоит на том самом месте, где когда-то стояла кладбищенская православная церковь. Её снесли именно тогда, когда строили дорогу через кладбище в 1948 году – видно помешала, а для пущего цинизма, решив, ещё и построить на месте кладбища базар. Тогда это было возможно, но даже сейчас, спустя столько лет, трудно, и объяснить причины происходящего тогда, в послевоенные годы. Нельзя ведь сказать, что народ, выжив в страшной войне, очерствел душой? Нет, это абсолютно неверно! Боязнь чего-то? Какая-то безропотность или нечто другое? Я не знаю. А ты как считаешь, дорогой мой читатель?

На текстильской конюшне в пятидесятых было много хороших лошадей. Я ведь Козерог, а как известно, они не могут быть равнодушными к лошадям, поэтому и я не исключение. И мой отец очень часто водил меня, маленького, на конюшни, а позже, когда у нас был огород на очистных сооружениях, рядом с моей родной 22-й школой, я и сам постоянно бегал туда. Главным конюхом там был седой тёмнолицый старик, жена которого работала в нашей великолепной текстильской бане, где была изумительная парная, и как это не странно звучит, именно в мужском отделении, где, благодаря ей, был исключительный порядок и никто даже и не пытался, пройти

в баню в трусах, или же пронести их с собой, чтобы там постирать. Такое не допускалось вообще! Это была русская баня, требования в ней были русские, и туда, скрывающим свои «недуги» под бельём, – вход был запрещён, все безропотно подчинялись, придерживаясь, установленных норм и правил! «Под щёлком кальсон, под батистом-лино», как звучит опять же, у В.Маяковского, в его произведении, – такое было невозможно! Кстати, именно в этой бане мылись по средам солдаты срочной службы лёгкой воинской части, что была в крепости на «солдатских горках». А по вторникам баня была предоставлена учащимся казахского интерната для детей чабанов, самого лучшего в области.

Так вот: я очень хорошо помню рассказ этого седого конюха, который ездил в Калининград, бывший Кёнигсберг, где-то перед самым строительством ХБК, и получил там, десятка два-три очень хороших породистых, как он сам сказал, лошадей. Везли в этом же эшелоне оборудование для двух пивзаводов. Так вот, пивзавод, построенный на месте кладбищенской православной церкви, оснащён вывезенным из побеждённой Германии оборудованием. А второй пивзавод был построен в посёлке свинцовиков. Но рассказывая это, дед и словом не обмолвился, ни о разрушенной церкви, ни о скрытых напрочь трёх кладбищах! Возможно, не знал.

А ещё я вспомнил рассказы о забытом старогородском базаре, хотя некоторые сооружения, следы былого присутствия, ещё долго напоминали о его существовании, даже в сохранившемся названии улицы. Здесь был, буквально до конца 40-х годов, основной чимкентский базар, который в рамазан, во время которого мусульмане обязаны были соблюдать пост, причём поститься надлежит обязательно днём, а ночью же мусульмане веселятся, пируют, угощая друг друга, превращался в один из ночных базаров, так называемые базаршабы. Так вот на «Штурме», как раз и находился базар, который в рамазан превращался в базаршаб.

Вот вроде и всё. Хотя не о всех базарах Чимкента я рассказал, ничего не сказал о самом большом крытом рынке на

Кремлёвской, но это уже другой базар, совсем другой, о котором и рассказать-то нечего...

Учителя своего вспомнил, в школе №17 имени М.Ю. Лермонтова, у нас вёл в старших классах литературу, Иван Семёнович Вильховой, такой представительный, седой, благообразный, очень уж правильный. И это очень ведь хорошо, когда кто-то правильный. А неправильный, – это вообще никуда не годится. Как там, рассуждают на эту тему герои повести-сказки А.А. Милна «Винни Пух и все-все-все», обсуждая «правильность» пчёл? «Совершенно неправильные! И они, наверно, делают неправильный мёд, правда?» А вот из нас учителя в школе тоже делали правильных, старались сделать, раз сами правильные. Как наш учитель литературы. Он же и завучем школы был. Тот, который требовал писать сочинение только лишь перьевой авторучкой, а стержневую, тогда ещё не совсем качественную, называл «шариковой-бобиковой», я уже об этом написал чуть выше. Неправильная эта ручка была! Стало быть, и сочинения, написанные ею неправильные? Они и не проверялись... Я часто шучу, повторяя это. А как-то задумался: «А ни нам ли это обращение неволью было адресовано? Шариковы-Бобиковы?»

Глава десятая

ТИХОНЬКО ПОМОЛЧИМ

*В этом мире глупцов, подлецов, торгашей...
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей...
Веки плотно зажмурь – хоть немного подумай
о сохранности глаз, языка и ушей.*

Омар Хайям

*Учиться надо всю жизнь, до последнего дыхания.
Тот же, кто бросает обучение, – тот зверь.*

Сюнь-цзы

Сегодня вспомнил один эпизод из далёкого прошлого, но который отпечатался в памяти настолько отчётливо и ясно, что я воспринимаю это, произошедшее так давно, как только что случившееся. Нет, это не именно какие-нибудь важнейшие события того времени, а небольшая зарисовка, набросок, абсолютно ничего не значащий, так житейские издержки, и только, но, почему-то, – забыть не могу.

Помню, сносили старые постройки на Таштракте, как раз на повороте на улицу Джангильдина. Вернее дома-то уже снесли, мусор вывезли, и даже выровняли большую площадь под строительство, а вот спиленные большие урюковые деревья, вернее их обкарнанные останки, сгребли бульдозером в огромную кучу и оставили. А в конце февраля, эта чёрная неприглядная куча перепутанных веток, возьми да и зацвети! Да так обильно и красиво, как будто, деревья, почувствовав, что это и есть их последняя, лебединая песня, собрав все, сохранившиеся в их тёмных, добрых, морщинистых стволах, последние жизненные соки, напитав ими цветочные почки, и они, эти цветочные почки, дождавшись благодатного тепла, взорвались, раскрывшись нежно-розовым ажурным покрывалом, заботливо накрыв им, спрятав, как бы застыдившись, свои тёмные спутанные некрасивые ветви! Многие прохожие

обращали внимание на это весеннее, на последнее, отчаянное цветение, некоторые проходили равнодушно мимо, не обращая на это никакого внимания, – эка невидаль, не обратили и мы, проходя мимо с приятелем. Но какая-то русская, излишне сентиментальная, как нам тогда показалось, старушка, остановилась рядом с этим розовым облаком и заплакала. А мы, так ничего не сказав, но возможно и что-то, мгновенно поняв, стыдливо прошли мимо, сделав вид, что ничего-то мы не заметили, ни трагедии последнего, отчаянного, бесплодного цветения, ни плачущей старушки, – ничего. И долго, молча шли, каждый думая о своём, но, наверное, об одном и том же, как бы стыдясь, чего-то, почему-то, боясь раскрыться, в проявлениях друг у друга, той же, непозволительной слабости, невольными свидетелями которой стали мы только что, увидев плачущую сентиментальную русскую старушку. Мы шли и молчали, ведь иногда молчать, лучше, чем говорить, особенно если умеешь хорошо слушать это молчание.

Этот случай, дорогой мой читатель, произошёл незадолго до всесоюзной «людской выкорчёвки», предпосылки для которой, вначале незаметно, а потом очень быстро стали возникать в нашем, казалось бы, едином, многонациональном советском обществе. О какой «выкорчёвке» я говорю? Да о той самой, вначале скрытной, но уже явно заметной и ощутимой, которая начнётся ещё до распада Страны! И уже после полного развала, с уже оформившихся к тому времени удельных княжеств, в квазигосударства, а по-другому их тогда нельзя было назвать, да и сейчас, к большинству из них, абсолютно не подходит классическое определение государства, кроме как это, начался воистину Библейский Исход нетитульных наций, враз объявленных, чужими на своей же земле.

Извини меня, уважаемый читатель, давай немного порассуждаем. Допустим ты узбек или казах, а я же русский. И мы друзья, взаимно очень благожелательно относимся друг к другу, абсолютно лишены какого-либо высокомерия и тупого чванства, и каждый из нас старается довольно искренне выразить уважительное почтение к собеседнику. А совершаем

это не по чьему-либо заказу, и не в угоду конъюнктуре, а добровольно, стихийно и искренне, от избытка чувств! И мы начинаем расхваливать добродетельные достоинства его народа, и делать это довольно искренне, абсолютно не лукавя при этом. Я расхваливаю твой народ, ты же, стараешься не отстать от меня, расхваливаешь мой, но всё равно в самой потаённой глубине своего сердца, каждый из нас уверен и будет свято хранить, только одному ему известный секрет: русский – что нет народа, лучше русского, узбек или казах – что нет народа лучше узбекского или казахского! Но это происходит не на каком-то средневековом «турнирном ристалище», а просто, – в процессе повседневного дружеского общения. Но именно это никак не может повлиять на их, или же, нашу дружбу, взаимоуважение друг другу. И дружба продолжается, и вы стараетесь держаться так, чтобы не уронить себя в глазах, твоего иноплеменного друга, а он тоже старается, и всем от этой дружбы становится лучше, потому что каждый берёт в качестве примера для подражания, понравившееся ему в своём друге. Но как-то так произошло, и случилось это не совсем уж и внезапно, но вас, даже за малейшую, но вполне объяснимую попытку проявления любви к своей нации начинают гневно обвинять, при этом навешивая всевозможные ярлыки, упрекать невесть в чём, требуя всемирного покаяния, и признания в несуществующих вселенских грехах, при этом ещё и приказывая, чтобы вы без промедления и каких-либо оправдательных рассуждений, решительно покончили с этим реакционным, «великодержавным» чувством и предъявили всем убедительные доказательства того, что вы полюбили другие нации, больше, чем свою собственную. Именно это и происходило в республиках «нерушимого» Союза, и именно с перестройкой и гласностью, был запущен разрушительный механизм страны. Но русские не потеряли над собой контроль, не впали в истерику, распаясь гневом, назло объявляя всем свою нацию первой на земле, нет, просто сформировались и пришли в движение русскоязычные миграционные потоки, всё больше и больше набирающие силу, подгоняемые без-

дарной, а возможно и предательской политикой руководства центра, усиленные аналогичной политикой на местах. А начиналось всё с, казалось бы, совсем безобидной, пустой, но страшно раздражающей, наркотической болтовни о «конвертируемой валюте», как будто это и было едва ли не главным в экономике, затем, смакованием генеральской темы, а также всевозможных, тупых и откровенно наглых, «диверсий» в сознание, прикрываясь, в общем-то, полезной и нужной, общей рубрикой: «белые пятна истории», но при постоянном унижении русского народа. Причём, противопоставляя русских другим, используя при этом чудовищную, дикую ложь! И всё это происходило, при почти нулевом духовном авторитете власти, точкой отсчёта катастрофического падения, этого самого авторитета, явилась Чернобыльская катастрофа, которую попыталась, эта самая власть, скрыть от народа, тогда как настоящая власть должна быть правдивой и предметно-убедительной, а кроме того, она должна быть независимой. На тот момент в Стране не было такой, духовно авторитетной власти, не было волевого центра, не было сильной власти. А сильная власть, определение и характеристику которой дал в своей работе «Мысли о России» русский национальный мыслитель Иван Александрович Ильин, это совсем не то же самое, что «тоталитарная власть, совсем не то! Поэтому и ядовитые плоды этого безвластия стали созревать!

Я очень хорошо запомнил случай, когда мы с приятелем Вячеславом Останьковичем, с которым мы вместе работали в художественной школе, зашли в чимкентский областной краеведческий музей навестить нашего общего друга, работающего там, – Бердалы Оспанова, который теперь, – Бердалы Оспан-улы. В музее мы бываем не так часто, а кроме того, что Бердалы, как и положено радушному хозяину, предложил нам вольную экскурсию по музею, тем более что в этот день он был закрыт для посетителей.

Помню, моё внимание привлекла небольшая чугунная плита с надписью. Собственно, эта могильная плита, была знакома мне давно, поскольку привезена она была из Старо-

го Икана, где стояла в чьём-то сарае, куда её отнёс какой-то местный житель с разрушенной братской могилы погибших 4-6 декабря 1864 года, уральских казаков, из сотни Василия Родионовича Серова. А привезли её в Чимкент, юные туристы-краеведы, что занимались в Детской экскурсионно-туристической станции. Занимался там и я, тогда ещё учащийся школы №22 имени космонавта Леонова. Некоторое время эта плита находилась в этом здании на улице Крегера, вероятно несколько позже её передали в областной музей. Опекал этот краеведческий кружок известный археолог Николай Павлович Подушкин, вот он-то и поведал нам о том героическом сражении.

Бывают такие короткие рассказы, которые запоминаются сразу и навсегда и запоминаются не потому, что они такие чересчур короткие, нет, они довольно продолжительные, если их воспроизвести, но это некий концентрат мысли и информации, которую невозможно забыть, потому как сработала память сердца, а уж эта память, никогда не позволяет ничего забывать.

А рассказывалось нам о трёхдневном непрерывном смертном бое, который вела сотня уральских казаков против свыше двадцати тысяч воинов кокандского хана Муллы Алимкула. Причём бой этот шёл зимой, в декабре, в открытой степи! Кто жил в Чимкенте или Туркестане, – великолепно знают и помнят этот хлопкосоющий район чимкентской области: сельсовет Старый Икан (Ески Икан) – так подписывали обратный адрес студенты-хлопкоробы, в своих письмах домой. Ездили в Туркестанский район и мы, будучи студентами вуза.

Так вот: если возьмётся вдруг, кто-либо из русских режиссёров, именно русский патриот, не псевдорусский, и не «квасной», а настоящий, умный и совестливый, и снимет фильм об этом трёхдневном неравном сражении, но которое предредило все остальные сражения в Средней Азии, и явилось темой для сюжета знаменитого шедевра мирового уровня, написанного, спустя семь лет, после этой битвы, гениальным художникам батального жанра В.В. Верещагиным «Апофеоз

войны», то это будет великий фильм, стоящий в одном ряду с теми, героическими фильмами, воспитывающими патриотизм и гордость за свой русский народ. А гордиться ведь есть чему!

Об этом написано много, поэтому, просто напомним, о чём идёт речь. Казачья сотня, находящаяся в составе гарнизона, в недавно захваченном городе Туркестане, до того входящем во владения Кокандского ханства, вышла из города с целью рекогносцировки, проще говоря, переведя этом военный термин с «мёртвой латыни» на русский язык, вышла, чтобы произвести военную разведку. И в открытой степи недалеко от селения Ески Икан, ближе к вечеру, сотня была атакована кокандской конницей, самого правителя Коканда Муллы Алимкула и всадниками султана Садыка, но казаки успели скрыться в небольшой балке, где и заняли оборону, сняв поклажу с верблюжьих повозок, направив пушку единорог, в сторону неприятеля, таким образом, приняв бой, с силами более чем в двести раз превосходящими их по численности. Трое суток непрерывно шёл этот бой, не утихая даже ночью, потому как кокандцы обстреливали позицию из фальконетов, а казаки использовали убитых лошадей и верблюдов в качестве защитного «бруствера». На третий же день, когда огневой припас стал заканчиваться, и помощи уже ждать было не откуда, а казаков осталось около шестидесяти человек, было решено, заклепав пушку единорог, изломав ружья, оставшиеся от мёртвых казаков, построившись в колонну по два, пробиваться с боем в сторону Туркестана. Что они и сделали, и ведь почти дошли сами, непрерывно атакуемые со всех сторон, падая убитыми, видя как издеваются их противники над их мёртвыми товарищами, раздевая их, отрезая головы, глумясь над павшими.

Только не доходя нескольких вёрст до города, подоспела помощь из Туркестана. В этом трёхдневном бою казаками было убито 90 человек начальствующего состава кокандского войска, всяких мингбаши, юзбаши, элликбаши, и свыше двух тысяч сарбазов. Именно после сражения под Старым Иканом

по всей Средней Азии, «узун кулак» – длинное ухо, разнёс эту весть, заставившую заговорить об этом на всех базарах, включая базары благославенной Бухары, где правил тогда эмир Музаффар: «Если всего лишь одна сотня храбрецов смогла в бою совершить такое, что же будет, если придут их тысячи?» И всем становилось понятно, ибо это не просто базарные сплетни, слухи, – «миш-миш», а объективная реальность, с которой надо считаться.

Сам царь Александр-II, принял у себя героев. Кроме положенных наград, были утверждены знаки отличия на головные уборы казаков в виде серебряной, слегка изогнутой дугой ленты, с симметрично смятыми концами, и надписью: «За дело под Иканом 4, 5, 6 декабря 1864 года». На приёме у царя герои сражения под Старым Иканом, узнали, что их пушка единорог найдена в захваченном генералом М.Г. Черняевым Ташкенте и будет установлена на почётном вечном лафете, в казачьем городе Уральске – родине героев.

Кстати, пушка, самым своим названием, связанным с мифическим существом, – единорогом, обязана графу Петру Ивановичу Шувалову, брату одного из фаворитов царицы Елизаветы Петровны, который изобрёл... собственное орудие. Суть изобретения состояла в том, чтобы получить наилучший разлёт картечи, было изменено внутреннее сечение орудийного ствола. Для этой цели канал ствола гаубицы получил форму овала, сплющенного по вертикальной оси и постепенно расширяющегося к дулу. Тогда картечь не уклонялась вверх или вниз, а разлеталась веером. Но наиболее удачным нововведением Шувалова оказались несколько удлиненные гаубицы с конической зарядной камерой (не путать с камерой), которую он лично назвал «единорогом». Зверь этот входил в фамильный герб Шуваловых и олицетворял собой силу и мощь. На первых орудиях даже отливали изображение единорога, а позже все русские орудия подобного типа, сохранили это название.

Но вернёмся вновь в чимкентский областной краеведческий музей к чугунной плите, снятой с братской могилы

обезглавленных останков казаков-героев староиканского сражения, которая, подобно музейной «реликвии» находилась там, лёжа на полу, опираясь на что-то. «Вот, Коля, даже колонизаторам ставили памятники!», – сказал, стоявший рядом Бердалы, ткнув ногой в эту могильную плиту, находящуюся когда-то, давно, но не так давно, чтобы находиться в музее, а не на своём месте, предназначенном ей, но снятой с разрушенного захоронения. Помню, что тогда я просто опешил, даже не успел возмутиться, тем более, что с Бердалы у меня всегда были давние хорошие, дружеские отношения, отец его вовсе не простой дехканин, по-казахски шаруа, что означает крестьянин, нет, и даже не чабан – он преподаватель вуза. Сам Бердалы, славный, добрый парень. Выходит и я для него по-прежнему колонизатор, коль он так радеет о том, прошедшем, времени и позволяет себе попирать ногою могильную плиту с уничтоженного захоронения? Ну, так и я, не менее радею, – забочусь! Поэтому я всё же спросил его: «А как же Кокандское ханство, как же время национального бедствия для казахов, – нашествие джунгар?». Ответ ещё более меня обескуражил: «Да не было никакого Кокандского ханства, а джунгар, – сами же русские на нас натравили, продав им ещё и пушки, которые нам отказались продать!» Вот и всё! Что тут можно добавить? И это в Казахстане, задолго до развала Страны, помню, что был этот инцидент, – *incidentis*, случившийся, не позже 1985 года, в областном историко-краеведческом музее города Чимкента.

Иногда лучше промолчать, ведь всем известно, что чем больше выигранных споров, тем больше потерянных друзей, а, тем более что больше всего спорят именно те люди, которые знают меньше всего, а я на тот момент, не так уж и много знал, вернее, почти ничего не знал, что и заставило меня поступить на истфак, именно с желанием получения системных знаний по интересующим меня дисциплинам, а не с целью получения ещё одного высшего образования.

Но что не говорили бы, а в присоединении Средней Азии к России имело несравненно больше положительных сторон

для местного населения, нежели отрицательных. Во-первых, была прекращена работорговля, сразу были отпущены все рабы, без каких-либо условий и оговорок. Были прекращены все феодальные войны, кровавые междоусобицы разных ханов, разоряющих местное население. Местные чиновники стали получать установленное жалованье из казны, тогда как до этого все чиновники ханства жили за счёт подношений от просителей. Кстати, в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате, не вошедшие в состав Российской империи, но находящиеся от неё в вассальной зависимости, чиновники продолжали жить за счёт подношений, если не имели других, дополнительных доходов. Кроме того, Средняя Азия быстро включилась в мировой товарооборот, поскольку традиционное, замкнутое, полунатуральное хозяйство стало очень быстро разрушаться. Стали быстро развиваться города, Туркестан был связан с Россией железной дорогой. Ну, а в отношении просвещения, благотворном влиянии русской культуры, искусства, литературы на все области культуры народов Средней Азии и говорить нечего, – всё и так ясно!

Не хотел, но всё-таки приведу в качестве примера, цитату, взятую из переписки двух товарищей, не отличавшихся никогда особой любовью к России, потому что не было у них в том никакой нужды, а тем более такого желания, поскольку они к любому государству, относились одинаково, и даже к своей Германии. Речь идет о Фридрихе Энгельсе, писавшему Карлу Марксу 23 мая 1851 года: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизирующую роль для Чёрного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 211).

Это самый, относительно безобидный пример, я имею ввиду случай в музее, в массе таких диких высказываний, которые даже и опровергать как-то не решаешься, потому как именно это высказывание и служит тем определителем, позволяющим сразу определить: что это за человек, и нормален ли он! Но это же говорит народ, не имеющий того названия,

которое носит сейчас, никогда не имеющий государства, письменности, оформившегося языка, конкретной территории и самого определения нации, а не только претендуя на самоопределение и отделение, прихватив при этом отделение, пользуясь полным отсутствием, на тот момент, адекватной, легитимной центральной власти, ещё и много совсем чужого, волею случая отданного им на бессрочное хранение! И что поразительно: даже ещё и обвиняют при этом, заявляя: «Как же долго мы терпели ваше иго!», или же: «Не следует даже имени Ермака упоминать, – сколько он казахов убил!». И ладно бы, это сказал какой-нибудь, ученик средней школы, но ведь это заявляет преподаватель университета и ставит двойку русскому студенту, только за то, что тот носит фамилию Ермаков! И примеры, эти отнюдь не из анекдотов и в приведённых фразах сохранена их оригинальность, и таких примеров множество! А если ещё и давать определение сложившейся к середине семидесятых годов «особой», казахской ментальности, об особенностях и странностях которой, можно говорить очень долго, но это будет крайне неприятно, как мне, так и читающим это «эссе», но казахам особенно, ведь в большинстве своём они сохранили ту доброту, открытость, совестливость и порядочность, именно те черты, которые были присущи этому народу. Но в конце семидесятых казахи начали очень активно заселять город, что сразу стало заметно, а кроме того, уже тогда, настрой «новосёлов» был чаще всего отнюдь не дружеским, и создавалось безошибочное впечатление, что заселяют они город не с желанием жить вместе со старожилками, т.е. вместе с нами, а явно с целью, – жить здесь вместо нас и без нас. И это всячески подчёркивалось. Всё это при том, что правоохранительные органы, несмотря на крайне редкие «чистки» своих рядов, проводимые по инициативе центра, от чрезмерного, непропорционального, явного доминирования казахов, спустя короткое время, ещё больше превращались в милицейские «национальные кадры», среди которых практически было больше случайных людей, нежели настоящих работников. Вот и превращалась милицейская

форма в «казахскую национальную одежду», как шутили тогда все, не исключая даже самих казахов. Даже, помнится, после событий, случившихся 12 июня 1967 года, известных как «восстание чимкентских водителей», многие в Чимкенте, сейчас пытаются приподнести это, «интересующимся гражданам», как борьбу с «существующим режимом» и даже вносят в список объектов, подвергшихся нападению и разгрому, ещё и горком партии, – так, невзначай: авось да не заметят и потом привыкнут! Нет, чимкентским «работягам-шоферюгам», не было никакого дела до горкомов и обкомов, их интересовали только конкретные милиционеры, забившие насмерть их товарища, уже привычно вымогая мзду. Именно поэтому и «мобилизовали» после тех, июньских событий бывших, сравнительно ещё молодых, русских фронтовиков офицеров, предложив им службу в правоохранительных органах, которые и работали в органах до ухода на пенсию, а потом всё вернулось «на круги своя». Но я не хочу сказать, что среди казахов не было хороших, честных, настоящих работников, понимающих всё. Нет, таких было много во всех сферах, но явно недостаточно для доминирования их, в среде случайных, никчёмных соплеменников, да и создавалось впечатление, что именно такие порядочные люди становились не востребованными. Тогда как, заучивших и затвердивших, в своём сознании и убеждениях: «Я – Хозяин вся Страна», становилось всё больше и больше.

Я не буду сейчас рассказывать о декабрьских событиях 1986 года в Алма-Ате, хотя отправка на «пенсию», а по сути, снятие с поста Д.А. Кунаева, и назначение на его место чужого, для казахстанцев, Г.В. Колбина, которое даже многими русскими было воспринято на уровне национально-политической диверсии, организованное Центром, т. е. руководством Страны, возможно и случайно, подобно неразумным детям, играющими со спичками. Выходило как бы так: жили казахи столько лет в «единой семье братских народов», а до сих пор – феодалы, и нет среди всего казахского народа достойного человека на этот пост? Такое не стерпел бы ни один народ! Но

каковы были формы выражения протеста, во что это вытекло? Хотя и это сейчас рассматривается совсем иначе, как преподносилось тогда, и как мы это помним и ощущаем до сих пор, но то, что именно после случившегося, приказано было «усилить интернациональное воспитание», и его «усилили», но именно выделяя, заостряя всеобщее внимание, на какой-то конкретной нации, доводя такое, показное, никчёмное, но обязательное мероприятия до гротеска. Плоды этой «воспитательной» работы появились почти мгновенно! Особенно это было заметно в школах, когда на вопрос о выявлении дежурного в классе, некоторые насмешливо и, с вполне объяснимым укором, отвечали: «О! Сегодня татарин дежурит, а завтра узбек!» И это даже дети понимали, порой гораздо лучше многих взрослых! А ведь мы учились до этого, абсолютно не зная национальности соседа по парте, вернее «громко», или как тогда стали говорить «гласно», не знали, хотя и знали, но как-то различий между собой не замечали, да и не нужно это было никому.

Что-то стало происходить не совсем понятное. Всем известны Суворовские училища, куда принимались дети, не имеющие никаких национальных ограничений. А вот в Чимкенте, закрыв школу-интернат №1 на улице Ильича, на его базе открыли нечто подобное Суворовскому училищу, но, по сути, не являющийся им, потому как принимали туда только лишь казахов. Таким образом, что было явным, страна, очень быстро выходила из состояния «национально-экономического симбиоза», – сама политика центра, бездействием и «дарованием чрезмерной самостоятельности» подталкивала местные «центробежные» силы к этому. А появление центробежных сил вполне объяснимо, ибо не могли они не появиться, потому как «политика Москвы» настораживала, пугала, раздражая народ всё больше и больше. Но большинство простого народа понимало, что даже и сама тема разговора о распаде Советского Союза является кощунственной, невозможной, абсолютно недопустимой, потому как обернётся, сам распад Государства, массой бед и национальных конфликтов, которые будут, с непредсказуемой периодичностью во времени, не учитывая даже

давности лет и прочих обнадёживающих факторов, беспрестанно вспыхивать по всей территории бывшего СССР. Причём «подогреваемые» и поджигаемые извне, тем более, – есть, кому это делать! Потому что, не было фактически границ у Союзных республик, но, а те, которые были обозначены на картах, это просто разграничительные линии, для удобства и упорядочения землепользования и осуществления хозяйственной деятельности, но никак не с целью, когда-то, в будущем, превратиться в государственные границы! О таком, – даже думать было недопустимо, ибо оставалось много «замороженных» национальных конфликтов, связанных с территориями. Взять хотя бы нашу Чимкентскую область, сам город Чимкент, который испокон веков был населён исключительно сартами, т.е. узбеками, но при обязательном опросе местных жителей, в далёкие двадцатые годы, когда звучал примерно такой вопрос, обращённый к ним: «Куда вы хотите входить, – в Узбекистан или Казахстан?», и было дано определённое, как и положено, время для обдумывания решения. Хотя конечно, этот вопрос именно так не звучал, потому как в то время, это был непонятный, даже нелепый вопрос, для большинства людей. А просто спросили, авторитетных и влиятельных аксакалов: «Вы кому, почтенейшие, хотите подчиняться: Ташкенту или Кзыл-Орде?». И белобородые мудрые аксакалы, даже не раздумывая особо, поскольку смотрели вперёд, как им казалось «очень далеко», зная ментальность и узбеков, и степняков казахов, хотя слово казахи, тогда ещё не звучало, единогласно решили: «Быть нам с Кзыл-Ордой». А сидя в чайхане степенно рассуждая, на эту тему говорили: «Зачем нам ташкентское начальство, – быстро нас, чимкентских, «подвинут», заняв доходные, хлебные места, «сернон жой» по-узбекски, а киргизы, когда ещё смогут с нами тягаться, – никогда!». И так было действительно, где-то не более сорока лет, но возможно и того меньше, вот так, «очень далеко», смогли заглянуть уважаемые аксакалы! Власть, которая по-узбекски называется туйиб или же по-другому – маза килиб, по-казахски звучит кожалык, а это совсем другое дело не только по смыслу, но и по ощуще-

нию, да и по значению тоже, хотя оба этих тюркских языка входят в одну, кипчакскую языковую группу! Ибо даже само это слово, – кожалык имеет конкретную социально-этническую направленность не только по смыслу!

Кроме того, дорогой мой читатель, называя Кызыл-Орду столицей, я не оговорился, поскольку, этот город, действительно был столицей Казахстана. Кстати, именно так и переводится это название, Красная Столица – Кызыл-Орда, бывшего форта Перовский, бывшей кокандской крепости Ак-Мечеть. А уж только потом, после преобразования в союзную республику, столицу перенесли в форт Верный, бывшую крепость семи-реченских казаков, построенную и обжитую ими, для защиты от уйгурских набегов с китайской стороны границы. Новую столицу назвали Алма-Ата, по имени урочища, изобилующего дикорастущими кульджинскими яблонями, дающими очень вкусные и красивые, ярко-красные плоды.

Любопытно, но наш, славянин, воронежский мужик, переселенец, из русских колонизаторов, по фамилии Редько, привёз с собой, в 60-х годах позапрошлого века, какой-то сорт, который вероятно как-то скрестил с дикорастущей горной кульджинской, а возможно, привезённый сорт просто натурализовался, и в настоящее время Апорт Алма-атинский, – правда, он имеет ещё несколько синонимов, например, Гетмановка, Апорт Александрийский, Апорт Александр, Kaiser Alexander, как видно все названия сводятся к тому, что сорт назван так, в честь русского царя Освободителя Александра II, является до сих пор ведущим сортом, непревзойдённым в мире по величине и красоте плодов. Хотя, в самом начале своего триумфального шествия, этот сорт, генерал Г.А. Колпаковский, с военной прямолинейностью, особо не задумываясь, вполне справедливо назвал именем его создателя Е.Редько. Яблоко Редьковское, такое оно получило название, но название это, как видите, не прижилось, хотя и прославило форт Верный, будущую Алма-Ату. Кстати, в честь самого генерала названы красивейшие декоративные растения: жёлтый тюльпан Колпаковского, эндемик Джунгарского и Заилийского Ала-

тау, и иридодиктиум Колпаковского, удивительно красивые цветы которого, напоминающие бледно-пурпуровый ирис, с ярко-жёлтым гребешком, в марте-апреле можно встретить на склонах предгорий.

Но, прости, дорогой мой читатель, отвлѣкся, всё равно, лучше яблоч, я имею ввиду, их вкус, аромат, нет нигде, кроме как в нашем Тюлькубасе, о котором я писал в четвёртой главе «Тюлькубас-листья голова», нет даже в Алма-Ате. Это и сами алмаатинцы, крайне неохотно, «скрипя сердцем», но признают, хотя именно Апорт Александр в Алма-Ате, всё же, лучше, выросших в других местах, даже в Чимкентской области и в Узбекистане. Там плоды Апорта характеризуются грубой мякотью, типа пробки, низкими вкусовыми достоинствами, проще говоря, – сорт только для Алма-Аты, и именно для её предгорной зоны, тогда яблоко действительно чудо! Но я лично, дорогой мой читатель, из всех яблок, какие только я пробовал в своей жизни, всё-таки предпочтение отдаю только лишь одному сорту, – нашей чимкентской изумительной Лимоновке, но которое все называли «Лимонка», и любой, кто когда-либо жил в Чимкенте, сразу, даже не вкусив ещё сам плод, определит этот сорт по сильной «оржавленности» предплодоножкой воронки. Вернее, сорт этот не местный, не чимкентский, а завезён был когда-то из Крыма и имеет несколько синонимов: Летний лимон, Ренет бесподобный или же Ренет Бурхарда, но на поливных чимкентских землях, в сочетании с жарким солнцем, стал совершенно другим: он приобрёл особый, неповторимый, сладчайший, своеобразный вкус, действительно бесподобный. Конечно, такое яблоко, не «едят глазами» как, скажем, Апорт Александр. Его едят ртом, откусывая зубами и наслаждаясь изумительным вкусом!

Опять меня садоводческая тема чересчур увлекла. А вот о генерал-майоре Герасиме Алексеевиче Колпаковском, нашем русском национальном герое, сказал лишь несколько слов, вспомнив только тюльпан, названный в его честь. А ведь он дважды отстраивал город Верный, разрушенный землетрясением в 1887 году, город, который основал и дважды отстроил,

впоследствии ставший столицей Казахстана, получивший название Алма-Ата. Память о нём намеренно и усиленно стирается, поскольку в этнократическом государстве, коим является «новорожденное» государство Казахстан, она не нужна. И вот уже «празднуем» не 150-летие казахского города Верный, названного впоследствии Алма-Атой, а прибавив к возрасту города две тысячи лет! А почему только сейчас? А почему не сразу же, как только был найден в кургане Иссык, что в 50 километрах восточнее тогдашней столицы Алма-Аты, ставший сенсационной находкой «золотой воин», и послуживший, только сейчас, даже не причиной, а поводом, для непомерного увеличения возраста города? Так и напрашивается вопрос: «А казахи как-то связаны с саками? Разве же саки тоже тюркоязычные?» И ведь сразу же определили ученые, что золотые доспехи принадлежат знатному сакскому молодому воину, вероятно очень знатному, судя по убранству. А кроме большого серебряного сосуда, на поддоне-розетке, была здесь же найдена серебряная чаша для питья, – явно бактрийский фиал! Вот на этом серебряном фиале процарапано, не отлито в мастерской мастера, нет, даже не прочеканено позже, а просто процарапано, 26 знаков неизвестной письменности! Кстати, до сих пор никем не прочитанные.

Что крайне интересно, но учёные многих народов, так и не определили, на каком же языке говорили саки, пытаясь объявить саков своими этническими предками. Не отстают от них даже немецкие исследователи, ведь этноним «сак» созвучен названию германского племени «сакс». Ну, заниматься этим никому не запрещено, тем более немцам, с раннего средневековья, имеющим своё государство. Но более всех примеров на этот счёт, всё-таки на Украине, хотя «историческим зудом», этим «энфекционным», но быстро излечивающимся недугом, хворают почти все республики бывшего СССР.

Многие первые руководители государств, примеряя на себя лавры «отца нации», не устают назидательно наставлять свой народ, потчuya его своими афоризмами, примерно такими, которое высказал президент Казахстана Н.А. Назарбаев:

«...необходимо взглядеться в прошлое, чтобы понять настоящее и увидеть контуры будущего». Вот как-то так. Чутьочку перефразированный Джордж Оруэлл, но всё равно: хорошо сказано! Но видно чересчур далеко загляделись, в далёкое прошлое, коль уже не видно совсем недавнего прошлого. Поэтому и стараются стереть «русский след» в истории Казахстана, коим многим обязаны. Вот и сделали всё, чтобы забыть основателя форта Верный Г.А. Колпаковского. И если бы не страницы о нём в мемуарах, написанных с благодарностью и почтением, Д.А. Кунаевым, да соседство с Киргизией, где к памяти о Русском мире относятся бережно и заботливо, то не осталось бы даже упоминания о славном и умелом строителе, умном исследователе, отважном воине, замечательном человеке, генерал-майоре Г.А. Колпаковском, на территории теперешнего Казахстана.

Можно долго рассказывать на эту тему, но мы ведь с тобой, уважаемый мой читатель, решили стараться не выходить, за пределы Чимкентской области, а если и выходить, то совсем ненадолго. А о Герасиме Алексеевиче Колпаковском, если и рассказывать, то придётся несколько «отвлечься» от основной темы, но мы этого делать не станем. Единственно, о чём сообщу любознательным читателям, что похоронен генерал-майор Г.А. Колпаковский в Санкт-Петербурге на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. А та, памятная стела, восстановленная в 2007 году, на Православном кладбище в Узун-Агаче, близ Алма-Аты, была установлена в своё время, в честь павших в бою казаков, в котором восемь казачьих сотен, под командованием, тогда ещё наказного атамана, Г.А. Колпаковского, сражались против 16 тысяч кокандской конницы, одержав блестящую победу.

Да, кстати, и два каменных надгробия в Алма-Ате, что напротив деревянного православного собора, которые также претерпевают попытки разрушения и осквернения, никак не связаны с Г.А. Колпаковским...

Но вернёмся вновь, в астральном полёте воображения, в задымленную старую чимкентскую чайхану, в далёкий двадцатый год прошлого века, усядемся на глинобитный айван,

застеленный пыльными кошмами, да тихонько попросим чайханщика, чтобы заварил нам настоящий «памиль чой», то есть, фамильный, оставшийся ещё с дореволюционных времён, от русских кяхтинских купцов, чай, упакованный ещё до того, в сырые, намоченные кожи, мехом внутрь, которые так плотно стянуты швами, что в высохшем виде, этот «цибик», напоминает некую массу, настолько плотно сжатую, что ни одна струя сырого воздуха, не проникает внутрь, и поэтому драгоценный «фамильный чай», собранный и упакованный в Китае, не восприимчив ко времени и посторонним запахам, абсолютно не испортился за каких-то два-три года, а возможно и дольше. И мы будем, прихлебывая, из старых, – клеёных и клёпанных, стянутых какими-то скобами пиал, пить этот ароматный чай и слушать народ, высказывающий своё мнение по вопросу «о вхождении». Будем слушать, и молчать, прихлёбывая дореволюционный «памиль чой» из старых пиал. Почему из старых? А ведь новых-то пока нет, когда ещё будут. Три года всего как прошло, после революции в Петрограде! Ведь мы с тобой, дорогой читатель, в очень далёком прошлом, в котором и я ведь тоже, как и ты, не был, – это как-никак двадцатый год, прошлого столетия, поэтому, просто тихонько помолчим и послушаем! Тихонько помолчим, сидя на пыльных, изъеденных молью кошмах, послушаем, что говорит народ и поёт своё вечное «питпилдык, питпилдык», перепёлка-бедаана в клетке, привешенной к потолочной балке старой чимкентской чайханы. Будет петь до тех пор, пока чайханщик не завесит клетку куском какой-то старой, неопределённого цвета ткани, и тогда перепёлка, лишённая света, враз затихнет.

И это не мои фантазии, дорогой мой читатель, ибо я рассказываю то, что рассказывали мне, и не раз, хорошо знакомые, очень авторитетные и серьёзные люди, а это же, им рассказывали их отцы и деды, – прямые участники тех событий, предки которых, в свою очередь, испокон веков жили в городе Чимкенте. Даже я помню, продолжающиеся «игры в территории», когда передавали один район Узбекистану, затем другой, как было это с Пахтааральским районом, потом,

при Л.И.Брежнев, опять возвращали его Казахстану, потому что, тот считал Казахстан более «родным» для себя, нежели Узбекистан. А Бостандыкский район Ташкентской области, малая Родина моей жены Татьяна, входивший в одно время в Чимкентскую область? А Джизакская область, Родина Ш.Р.Рашидова, ныне покойного первого секретаря Компартии Узбекистана? Её ведь тоже, на какой-то срок передавали Чимкентской области! Так было абсолютно везде, где традиционно кочевой народ, проживал рядом с оседлым. Так было и в Ферганской долине, при «разграничении» этого единого региона на республики Узбекистан и Киргизию, где границы «определялись» после праздничного многодневного тоя, когда пускались «под нож» сотни баранов, съедались тонны риса и прочего, дарились дорогие подарки и оказывались «традиционные знаки внимания и уважения» к людям, от кого зависели эти границы. Но по-другому и быть не могло! Как прикажете установить границы какого либо государства, которое никогда фактически не существовало? Вот и попробовали жить вначале в составе автономии, – первоначально Киргизской АССР с августа 1920 года, в том времени, в котором мы, уважаемый читатель, только что, мысленно представляли, что пьём чай в «старой чимкенткой чайхане», а лишь только в самом конце 1936 года, автономия была преобразована в союзную республику.

Интересно, но никак не утихнет кампания, охватившая почти все бывшие республики СССР, сразу после распада страны, по переименованию. Особенно «томительно» долго и чрезмерно подчёркнуто в явной, национальной, антирусской направленности, это происходит в республиках Средней Азии. А в Чимкентской области задача усложняется ещё и тем, что наряду с русским следом, поставлена, ещё более «важная задача», стереть и узбекский. Но ведь большинство названий в Средней Азии и на юге Казахстана, скрупулёзно перенесено русскими и советскими картографами в строгом соответствии с историческими названиями, а топонимика этого региона строилась на чагатайском (староузбекском) язы-

ке, являющимся по сути общепринятым официальным, да и литературным языком. Много древних персидских названий, которые не могли не сохраниться в топонимике, но которые тоже приняты «исконно» казахскими. Например, название реки Бадам, что переводится с персидского как «миндаль». А вот русские сёла строились практически на пустом месте, где никогда не было других поселений. Но волна переименований, не по возвращению старых названий, которых просто не было, да и быть не могло, а по выдумыванию новых, никак не утихает. Но ведь, повторюсь, это всё было построено на абсолютно пустых местах, полито потом и кровью русских переселенцев, обжито ими и благоустроено, разве же, не заслужило, чтобы остаться в памяти, сохранившись в названиях? Поэтому с трудом приживаются они, эти новые, но чаще всего, насмешливо и недоуменно, а порой и раздражённо отторгаясь, словно не новые названия это, а какие-то непонятные обидные клички, абсолютно не связанные с этим местом. Но люди невольно привыкают к этим названиям, иногда и забывая старые. Ведь люди тоже меняются, стареют, стирается память, а есть и просто, – Иваны, не помнящие родства своего. Таких тоже хватает!

Казалось бы, «эпопея» с переименованиями, какими-то силами руководится и преследует, вполне понятные, продуманные на будущее цели, ведь неспроста вопросы картографии в Казахстане решаются не без помощи США, а это о многом говорит, и заставляет глубоко задуматься.

Как-то помню, не стал я особо спорить с приятелем казахом, который впервые придя к нам в гости, был крайне удивлён, увидев у нас на кухне самовар. Заявив при этом, дескать, и у вас, у русских, тоже в домах самовары имеются, и долго не решался спросить меня, как по-русски будет слово самовар. Тогда я сам ответил, что самовар, это и есть, самое настоящее русское слово, но он вдруг страшно обиделся, дескать, как так, ведь у вас, русских не может быть самовара, тем более настоящего, «нашего казахского», не электрического, а «работающего» на углях и всяких там щепочках и палочках. Когда я стал объяснять значение этого сложного слова, то видя, что

он обижается ещё больше, абсолютно не воспринимая мои объяснения, не веря мне, прекратил полемику, но «обоюдный осадок» все-таки остался. Это сейчас я, даже без «пены у рта», смог степенно бы рассказать историю появления русских самоваров в Средней Азии, вполне объяснимую популярность и фантастически быстрое распространение, почти сразу же, вместе с появлением там Русского Мира, но тогда я просто был растерян, обескуражен, поскольку не ожидал такой недоверчивости и явного огорчения своего гостя.

Объяснений подобной «лингвистической нетерпимости», множество, достаточно привести пример «скандальноизвестной» книги, кстати, написанную на русском языке, русскоязычным казахским поэтом О. Сулейменовым «АЗ и Я», но не помню точно в каком году – в конце семидесятых или же, в самом начале восьмидесятых годов, но которую, тогдашний главный идеолог-контролёр КПСС, Суслов Михаил Андреевич, умерший в 1982 году, успел всё-таки «оценить».

Суслов М.А., «рекомендуя к прочтению» книгу О. Сулейменова «АЗ и Я» Леониду Ильичу Брежневу, «отрецензировал» её примерно следующей характеристикой: «Вот! Страшнее этой русофобской вещи – я не читал!»

Но особого, чрезмерно пристального внимания, тогда вероятно, не обратили, да и кое-кто, просто увидел в этой книге, совсем другое, нежели то, что увидел покойный М.А. Суслов, а увидел в этой книге попытки лингвистического, а значит и иного сближения, тюркских и славянских народов, сделанного на основе простого анализа текстов «Задонщины», но первоначально, – текста книги «Слово о полку Игореве», отыскивая в них предполагаемые тюркизмы. Естественно, они и есть, поскольку не может их не быть, ведь Древняя Русь и Великая степь столетия уживались друг с другом, да и как им не появиться, ведь русские князья выбирали себе в жёны «красных девок половецких», а кроме того, с некоторым опережением от Олжаса Омаровича, со своей концепцией на «научно-исторической арене» появился Лев Николаевич Гумилёв, который, по словам покойного академика Д.С. Лихачёва «смяг-

чил, то противопоставление народов Востока и Руси, которое имеет место до сих пор». Но книга «АЗ и Я», рассчитанная на подготовленного читателя, который хотя бы знает что-то, о тюркоязычных, знает, что их четыре группы, имеющих существенные языковые различия: болгарская, кипчакская, огузская, сибирская, кроме того, в эти группы официально входит двадцать тюркоязычных народов, некоторые из них даже не монголоиды, некоторые сделались «тюрками», никогда не входя в Тюркский каганат, а просто переняв их язык.

Но тогда почему всё-таки, «оценил» книгу О.Сулейменова «АЗ и Я», назвав, эту, крайне спорную, не совсем и серьёзную книгу, русофобской, покойный М.А. Суслов? Его, хотя и до сих пор «ругают», но ведь многие признают в нём поразительные способности, смотреть и видеть далеко вперёд, предвидеть возможные, далеко идущие, последствия, в зависимости от принятия, или же «отклонения» того, или иного решения. Он прекрасно знал, что эта книга, попадая в руки неподготовленного читателя, вполне возможно, и даже обязательно, в руки невежды, а ведь «невежды всесторонни», и как следуя афоризму известного польского поэта и афориста Станислава Ежи Леца: «Неграмотные проходят от А до Я быстрее, без алфавита», то конечно же, они навыхватывают «вершков» из книги «АЗ и Я» и понесут это «в народ», безошибочно отыскивая таких же, тупых, воинствующих невежд. Что, кстати, и произошло, да и происходит, особенно в связи с известными событиями уже на Украине, сопровождающееся нападками, не только на Россию, но и на русский язык, что усугубилось последствиями майдана. И появились уже другие невежды, — любознательные, превратившиеся в «учёных невежд». А «тюркизмы» в русском языке продолжают оголтело и тупо отыскивать по «энергии», уже другие, что интересно и весьма любопытно, уже и сами русские, фантазируя настолько дико, неуёмно и страшно, с непоколебимым ощущением того, что «вершат-то они величайшее и весьма полезное дело». На самом же деле, в своей неуёмной прыти псевдонаучного рвения, невольно становясь самыми активными врагами рус-

ских, даже и сами не осознавая этого, что становится уже и не смешно вовсе!

А вот слово «майдан», действительно тюркское и означает, – фронт! Но мы уже не будем говорить об этом!

А я ведь совсем запамятовал, дорогой мой читатель, рассказать об истории, такого массового распространения русских самоваров в Средней Азии, а это ведь очень любопытное событие. Это что-то, похожее на распространение по всей Российской империи швейных машинок, известной немецкой фирмы «Зингер», но тогда агенты, коммивояжёры, разъезжающие по всей Российской империи, и предлагающие покупателям товары по имеющимся у них образцам, оказались банальными германскими шпионами, успешно совмещающими коммерцию с разведкой. А вот русские купеческие представительства, более чем успешно осваивали свободный среднеазиатский рынок. Особо большим спросом пользовались в Средней Азии хлопчатобумажные ткани, особенно дешёвые, такие как саржа, бязь, сатин, бумазая, набивной цинделевский ситец, расцветками и рисунком, соответствуя мусульманскому региону: прочный полосатый тик, идущий на пошив летних халатов – яктак, и все эти ткани производились в Центральной России, с её множеством текстильных фабрик, работающих на привозном египетском хлопке. А хлопок местный, имеющий короткие волокна, – линт, кроме как на грубые ткани, никуда не годился, спросом не пользовался. Это несколько позже, когда русские стали проводить селекционную работу, завозить семена хлопчатника из-за границы, – вот тогда и хлопок среднеазиатский стал пользоваться спросом и частично заменил в России, привозной египетский, ну а в советское время, СССР обеспечивал себя только своим хлопком.

Но особым спросом, стали пользоваться русские самовары, которые привозили с собой русские переселенцы: это ведь не медные, закопчённые кумганы, или же, примитивные древние, теперь уже музейные, абджуши, конические сосуды для кипячения воды, которыми пользовались местные «везде и всюду», поэтому и спрос на самовары возник немислимый,

вызвавший ажиотаж. В уездных городах, каждая приличная чайхана старалась обзавестись обязательно большим самоваром, да не одним, поэтому, кроме чайханщика, появился самоварчи – самый важный помощник чайханщика! Вот, и в Ташкенте, предприимчивыми русскими купцами, – братьями Шемаринами, было организовано торговое представительство, торгующее исключительно знаменитыми тульскими самоварами. Было построено великолепное кирпичное здание тульской фирмы самоваров в 1914 году, которое было конфисковано после революции 1917 года, где находились какие-то учреждения, а затем, после Великой Отечественной войны, вплоть до распада СССР, в этом здании располагалась поликлиника.

Совсем недавно, это историческое здание в Ташкенте тщательно отреставрировано, ему возвращён, кстати, очень строго, его первоначальный вид. Кроме того, даже отреставрирована рельефная старая надпись на фасаде: «Братья Шемарины». Сейчас в этом историческом здании филиал банка «Ипак Ёули».

Но вот ведь как жизнь устроена, даже и представить страшно, – насколько мир тесен: оказывается я очень хорошо, и довольно таки близко, и очень давно, – с самого детства, знаком с представителями, вернее потомками, этого старого купеческого рода! Я ведь в четвёртой главе, вспомнил и о своём друге детства, Сергее Шмарине, одного из потомков первых ташкентских авиаторов, летающих ещё на аэропланах таких как «Ньюпор-17», «Спад-13» и прочих самолётах времён первой Мировой войны, но именно в то время была, возможно и «случайно», по вине какого-нибудь каламгераписаря, утеряна одна буква, в известной фамилии Шемариных, превратившись в, не менее известную, – Шмарины. Ведь тогда, даже здесь, в Ташкенте, приходилось «заявлять» о своём обязательном пролетарском происхождении, даже в том случае, если его и не было. Такое это было время! Так уж лучше одну букву «потерять» в фамилии, нежели всё!

Вот, пожалуй, и всё, дорогой мой читатель, заодно и посмотрел в словаре, как же всё-таки будет звучать по-казахски русское слово самовар? Есть два значения: самауыр и самаурын: выбирай любое, какое больше понравилось, какое язык выговорит! Я, лично, выбрал, – самовар, вернее, оставил это слово. А заодно посмотрел, поскольку забывать уж стал, как будет звучать по-казахски моя национальность, – может и здесь что-то новое добавилось? Оказывается, всё в порядке, – национальность имеет прежнее название, – ОРЫС!

А что, дорогой ты мой читатель, это ведь идея! Тем более что официально изданный словарь, это ведь ещё и документ! А давай-ка и мы с тобой что-нибудь переведем, да порассуждаем, «поумничаем», над какимнибудь словом, авось, да и отыщем, нечто такое, что будет для нас крайне интересным и, возможно, и забавным, а для некоторых ещё и поучительным! Ну, хотя бы, что-нибудь из топонимики! Но нас не само это греческое слово должно интересовать, а именно географические названия, ну, – хотя бы рек, названия которых нам встретились. Скажем, река Бадам, которая являлась южной границей города, была названа персами, вернее согдийцами, поэтическим словом Миндаль, ещё в глубокой древности, скорее всего, одновременно с городом Исфиджаб, включённым сейчас в городскую черту Чимкента. Есть ещё город Канибадам, расположенный юго-западнее Коканда, что в Ферганской долине. Вообще-то, правильно будет – Кандэбодам, что означает миндальный город, об этом «предупредил» нас мой кокандский земляк, автор повести «Ходжа Насреддин» Л. Соловьёв. Река Качкар-Ата, – вне всякого сомнения, названа так кокандцами, которые владели чимкентской крепостью, до прихода сюда отряда генерала М.Г.Черняева, потому, как и близ города Коканда, есть река с одноименным названием, и мазар аналогичного святого Качкар-Аты, покровителя и святого защитника тех мест, и его обитателей. Об этом можно прочесть в книгах Л.В.Соловьёва, в частности в его «Восточных рассказах», хотя и не мог он не придерживаться исторической точности, но всё же, это художественное произведение. Но ведь самая старая мечеть в

Коканде, соборная мечеть Джами, имеет одноимённую мечеть в Чимкенте. Да, именно старгородская чимкентская мечеть Джами, которая в настоящий момент подверглась разрушению, под видом строительства новой! Единственно, что мы можем добавить от себя, это то, что наша качкаратинская водица, естественно лучше, той, кокандской, поскольку о нашей, чимкентской, ещё и в авторитетнейшем словаре Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона, гораздо раньше Л.В. Соловьёва, заявлено как о «отличной воде Качкаратинских ключей». Всё это есть и всё это будет, всегда узнаваемо и объяснимо и доказуемо, как бы ни пытались некоторые, это сделать только своим, присвоив, и истребив даже саму память об этом.

Кстати, совсем было упустил из виду, ещё одно, крайне, интересное событие, случившееся в жизни нашего города, во времена моей студенческой молодости. Помню, что где-то, осенью 1973 года, хотя могу и ошибаться в «точности», но примерно в это время, появился в областной газете «Южный Казахстан» историко-публицистический очерк, известного советского писателя Ф.Е. Чирва, проживающего в нашем городе, рассказывающий о событиях, случившихся в 1930 году в городе Сузаке, вошедшими в историю СССР под названием, «Сузакский мятеж». Печатали частями, все с нетерпением ждали продолжения, переживая, потому как, вновь открыли для себя, такие знакомые, казалось бы фамилии, встречающиеся в именах улиц, школ, но почти неизвестные, хотя и покоятся их тела в Центральном парке, до революции, имеющему название, – «Общественный сад». А неизвестные, потому, что этих людей особо, старались и не вспоминать, а позже и вовсе «постарались забыть», – как-то, незаметно, отгородив стеною монументальной композиции с Вечным огнём, сохранив лишь в названии школы №9 имени Клокова. Хотя «злого умысла» в том, никто тогда не видел, а возможно, его просто и не было, этого умысла.

Так вот: публикацию в газете, без объяснения причин, прекратили, слухи, которые не всегда бывают необоснованными, донесли, что досталось и главному редактору газеты, за эту публикацию, а особо досталось Фёдору Ермолаевичу Чирва,

против которого была тогда организована самая настоящая травля. А, кроме того, досталось руководству областного архива, и хотя сменить архивариуса не удалось, но и ему досталось по «полной программе».

А суть-то, «идеологического преступления» была в следующем: не смог, или же не захотел автор, поступившись принципами, и преподнести читателям, этот кровавый, страшный мятеж, под «соусом» праведной народной борьбы с пресловутым «сталинизмом», как это сейчас принято обобщать и упрощать тот, довольно сложный и противоречивый период истории нашей Страны, – годы первых пятилеток, когда таких мятежей, подобных сузакскому, «планировалось», некоторыми заинтересованными «лицами», провести в сотни, тысячи раз больше, по всей Стране. Поэтому и было предоставлено читателям действительное изложение тех кровавых, антирусских событий, страшных, в предметной и поимённоназванной антигосударственной направленности. Вот это и не понравилось тогда, и даже был запрет использования этой темы для написания рефератов на исторических факультетах вузов. Я почему-то, совсем недавно, сделал для себя, некоторую переоценку, – ревизию, некоторых своих тогдашних взглядов на те, или иные события, произошедшие в ту памятную пору. И именно сейчас, я бы также не стал, с «нетерпением» ожидать продолжения этой публикации, ведь были ещё живы некоторые участники тех, кровавых событий, тем более были названы их имена, а у них есть дети, внуки. Я думаю, правильно, что запретили эту публикацию к дальнейшему продолжению, превращая тем, саму трагедию в интересное «чтиво», причём самими же читателями, травмируя душевно все стороны участников тех страшных событий, произошедших в 1930 году. Но вот только и героев не следует делать сегодня, из тех «живодёров», которые действовали тогда, веря в свою безнаказанность, вернее, ни во что тогда не веря!

На филологическом факультете нашего ЮКГУ училась дочка писателя – Катя Чирва, умница и красавица, жизнь которой трагически оборвалась.

Вообще Чимкент город поэтический, город литературный, с этим городом связано много знаменитых имён, но в этой именно главе, с «многозначительным» названием «Тихонько помолчим», и будем придерживаться только этой темы.

А вот о реке Арысь, о которой мы так много говорили и так часто упоминали её, следует нам с тобой, драгоценнейший ты мой читатель, поговорить особо. Просто она чрезмерно заинтересовала меня своим названием, продублированным в одноимённой, очень важной, узловой станции, а кроме того, войдя в название Арысь-Туркестанского канала, да и вообще, само звучание этого слова что-то напоминает. А не посмотреть ли нам, дорогой мой читатель, в казахско-русском словаре, изданном относительно недавно, а именно в 2004 году, значение этого топонима? Тем более что оно, так поразительно созвучно, да и сюжетно-исторически подходит казахскому этнониму, обозначающему мою национальность, – орыс, что значит русский! Да и вообще, если не исходить из особенностей тюркских «говоров», я по всей Средней Азии, буду иметь примерно одно и то же «название» своей национальности: урус, орыс, арыс. Всем, почему-то, можно копать в «великом и могучем», почему бы и нам, не проанализировать всего лишь один топоним, вдруг, да и связан он как-то, с этнонимом?

Открываем «Казакша-орысша создик», ведь ты понял, какую книгу открыли мы с тобой, уважаемый мой читатель, и что же видим? Конкретного перевода этот топоним, явно тюркского звучания и корня, не имеет. Но слово выделено тремя позициями, обозначенными римскими цифрами. Первая: арыс – остов, опора, главная деталь, и тут же, – защитник, опора. Вторая: арыс – ист. фратрия, союз родов. А вот третья: арыс – смотри аккис, горностаи! Поразительно! Ты, мог бы, хотя бы предположить, что такой перевод топонима возможен, дорогой мой читатель? Ведь это название реки! Какая опора, какой горностаи? Вы о чём? О какой такой исторической фратрии идёт речь? Это же полная профанация, скажу более-менее «культурно», хотя, так и провоцирует, этот «СОЗДИК», на использование ненормативной лексики, – так и хочется

выругаться! Почему в России, коль берутся за подобное дело, делают его, хотя бы серьёзно, а не так: ставя перед собой одну только цель, обязательно сделать любое название казахским, абсолютно не допуская никаких иных вариантов, кроме как одного этого. Вернее, предлагается множество вариантов, но среди них нет, ни одного от другого народа, кроме только лишь казахских. Тогда почему возможны, крайне неприятные «копания» в моём родном языке, отыскивая нечто, что вообще недоступно данному исследователю, потому как изначально, цель поставлена им, не благая, направленная на достижение истины, а просто, «малопонятно» для чего, скорее всего, для удовлетворения неуёмного тщеславия.

Я же лично, проанализировав любые возможные варианты, отбросив все, на мой взгляд, невозможные и абсурдные, особенно те, которые были «предложены» некоторыми, особо ретивыми и нетерпимыми сторонниками «чистоты перевода», именно и непременно, в казахском звучании», перевёл этот топоним, это название реки, которое дали ей сами же местные жители, как река Русская, но я буду помнить, и всегда называть её именем, данным ей когда-то, а именно: река детства моего, – Арысь! И название это ей дано местными жителями в честь русских, в честь моего народа. И этому есть множество бесспорных объяснений, которые читатель сам отыщет, немало подумав. А вот знать буду сам и стану убеждать в том, только лишь друзей своих, что это река Русская, что именно так она и переводится с тюркского на русский!

У моего покойного тестя, Агапова Г.Г., был замечательный друг, старший товарищ, занимающий когда-то высокий пост в аппарате ЦК ЛКСМ Казахстана, работая вместе с легендарным Гани Муратбаевым – первым комсомольцем Казахстана, зная его великолепно, – Артыкбаев Чакпак Артыкбаевич. Собственно, он был не только просто друг: семья Артыкбаевых давно превратилась в родню, для семьи моей жены Татьяны, породнившись душевно, а самого Артыкбаева Ч.А., кроме как уважительно ДЕД, никак не называли. Хотя и была жена его, Мария Васильевна Усанова русской, москвичкой, но семья

оставалась, той самой, казахской, добродушной, без известных московских «хитромудрых заморочек», хлебосольной, традиционно гостеприимной, семьёй, которых тогда, в многонациональном, «доперестроечном» Казахстане, было большинство.

Старшая сестра моей жены Татьяны, Людмила, а они с ней погодки, была студенткой Казахского государственного университета исторического факультета дневной формы обучения, и всё время жила в семье Артыкбаевых на правах члена семьи. В любое время можно было приехать к ним в Алма-Ату, где всегда находился для Агаповых стол и кров. Точно так же, хлебосольно и радушно встречали Артыкбаевых в Чимкенте семья Агаповых. У Деда была великолепная библиотека и богатые архивные подборки, всё это после смерти Артыкбаева куда-то исчезло, но это тема отдельная, возможно, мы к ней ещё вернёмся. Но вот, что крайне интересно: как мне рассказывала моя Татьяна, она сама была свидетелем нескольких интересных случаев, когда Дед, читая В.И.Ленина на русском языке, часто сверял тексты в казахском переводе, страшно возмущаясь неточностью, а порой и полным искажением оригинала. Кстати, он не был, как может некоторым показаться, старым ворчуном и занудой, нет – он до самой своей кончины, сохранил и ясность ума, и ироничность, и живость мысли, и памяти, физическую подвижность, поэтому его часто приглашали в университет, для прочтения обзорных лекций. И что ещё интересно, он ежедневно, кроме того, что выписывал периодические издания журналов, утром и вечером покупал газеты, причём, покупал их, как на казахском языке, так и на русском. Хранил газетные вырезки, подписывая, сообразно с тематикой. Вот такие, памятные и интересные воспоминания.

Что загрустил, дорогой мой читатель? Помнишь, ведь я обещал тебе, в самом конце первой главы «Здравствуй, синяя птица!», что ещё поплывём мы с тобой по реке Арысь, что означает Русская, несущей свои чистые, тёплые воды, мимо русских сёл, имеющих русские же названия, данные им при их основании, а значит и при их рождении? Поплывём на листах белого пенопласта, сделанного, именно из белоснежной

застывшей пены, таких прочных листов, которые не треснут от того, что невзначай заденет их быстрым течением о камень, на многочисленных перекатах! Начнём своё «плавание» чуть выше узбекского села Инклап, там у меня живут друзья, которые возможно и помнят меня, но я обязательно найду тех, кто помнит, а они помнят, потому что я помню их. Затем, мигом проплывём мимо пионерского лагеря «Дзержинец» чимкентского химфармзавода, по волнам, лежа грудью и животом на листах белого пенопласта, по тёплой, приветливой реке детства и юности, которая называется, – река Русская. Но мы с тобой будем её называть просто Арысь, как привыкли, как её назвали когда-то, что одно и то же. Нам-то это не так «важно», не так нужно, главное, что река помнит нас, а мы помним её и любим!

Вверх и вниз, по волнам нашей памяти.... На белоснежных листах пенопласта. Интересно, какая же пропасть, длиною в Вечность, между двумя этими словами: белоснежный и пенопласт? Даже глупо что-то сопоставлять, что-то сравнивать, что-то менять, что-то переименовывать, что-то кому-то доказывать... Поэтому, поплывём, молча, каждый думая о своём.

Глава одиннадцатая

НИЧЕГО НЕ ЗАБЫЛ?

*Мы – послушные куклы в руках у Творца!
Это сказано мною не ради словца,
Нас по сцене Всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца.*

Омар Хайям

*Вкус пищи знает только тот, кто ест,
Ответить может лишь тот, кого спрашивают,
Сны видит тот, кто спит,
И лишь истину познают только избранные.*

У Чэн-энь

Всё-таки начал я писать одиннадцатую главу, хотя уже всё это, вся моя «творческая затея» стала ощутимо утомлять членов моей семьи, которые почему-то считают, что гораздо более полезным и «достойным» для меня занятием, было бы изобразительное искусство. Я так думаю, что этим, они решили мне несколько «подльстить», хотя лесть, исходящая от твоих родных и близких, как правило, лишена какого-либо негатива, а направлена как раз-то на то, чтобы поддержать тебя. Хотя я и сам понимаю, что стал тяготить всех своей «литературной деятельностью», но вот обуяло меня навязчивое желание выговориться, а всё никак не могу, всё чего-то боюсь, боюсь не успеть, боюсь забыть, – ещё чего-то боюсь, а чего, – и сам не знаю. А, кроме того, я ведь Козерог, а если следовать зодиакальному гороскопу, а вдобавок ещё и китайскому, который заимствован был жителями Средней Азии, вероятно со времён всемирной империи Чингисхана, то, согласно звероному кругу «мучаль», я ещё и Дракон, а это «заболевание упрямством», лечению не поддаётся, даже не смотря на возраст, само по себе не уходит, поэтому, – вот, продолжаю писать, вероятно, поэтому.

Ещё очень о многом не написал, о чём бы так хотелось рассказать. Например, о детском добровольном патриотическом движении, когда по всей Стране, без чьей-либо подсказки, даже не по команде взрослых, а, напротив, – втайне от них, из-за опасения непонимания и противодействия с их стороны, просто так, по велению чистых детских сердец, были организованы десятки тысяч «тимуровских» команд. И у нас, в Текстиль-городке тоже играли в эту замечательную игру, ведь польза, иногда и большая, была от такой игры, но жизнь и судьба, в дальнейшем, всегда вносила свои коррективы. Даже такие: кто же на самом деле оказывался Мишкой Квакиным, а кто и Тимуром. Ведь путь, пройденный от детства, юности, к взрослой жизни, абсолютно всегда непредсказуем своим «пунктом прибытия», хотя отправная точка у большинства из нас, была видна и более чем известна в самом раннем возрасте. Во всяком случае, – так считалось. Сразу скажу, что в эту игру я не играл и тимуровцем никогда не был, – не довелось, почему-то, но с ними, с тимуровцами, общался, – пришлось. Но, если подумать, то это вовсе никакая не игра была, а для некоторых и образ жизни, да и жизненная школа вдобавок, с последующей путёвкой в будущее, которая оказала позитивное воздействие на её учеников.

Большинство школьников, чьё детство выпало на довоенное время, прочитали это замечательное произведение «Тимур и его команда», а вот, фильм, снятый по сценарию самого Аркадия Петровича Гайдара и вышедший на экраны Страны, перед самой войной, в 1940 году, успели посмотреть лишь немногие. И вот как раз, спустя всего-то десять лет после неё, когда вместо любимой игры в войну, потребовались игры совсем другие, более взрослые, более умные, да и к тому же, – полезные и интересные, то именно этот фильм и оказался самым нужным, самым любимым, самым востребованным, на тот момент.

Я помню, что «главным тимуровцем» на Текстиле был Юра Тимашов, но звали которого все ребята – Тимоха, он жил в пятом доме, через дом от меня, по улице Космонавта В. Бы-

ковского, хотя в описываемое мною время, улицы на Текстиле названий ещё не имели. Когда построили на Текстиле профессиональное училище, ГПТУ № 123, мама Юры Тимашова была первым директором этого училища, а потом ещё долго работала в этой должности. Да и не помнить его никак не могу, потому что, я учился тогда в первом классе, а тем более, его «высокая должность главного тимуровца», ни от кого и не скрывалась, а напротив, – об этом знали все. Знали об этом и в нашей любимой, 22-й, текстильской школе. Он был ровно на пять лет старше меня, но эта разница в возрасте, почему-то почтения и робости, во мне не вызывала, а наоборот, я старался, непременно задеть его. Помню, вычитав в букваре фразу: «У Тимоши каша. Кушай кашу, Тимоша», которая показалась мне настолько смешной и удивительно удачной, что я, где бы ни встретив его, твердил её, на разные лады, с разной интонацией и тональностью, заливаясь диким хохотом при этом. Даже как-то, заглянув в класс, где у них проходило какое-то мероприятие, выкрикнул эту дурацкую фразу, дико «заржав», поскольку смеяться нормально, я за всю свою жизнь так и не научился, хотя даже жена делала мне часто замечания, говоря: «С тобой даже стыдно иногда в кинотеатре становится, – так ты дико смеёшься: все кругом внимание обращают, и смеются уже над тобой! Единственно, это то, что смеяться с возрастом, я стал гораздо реже, о чём я очень сожалею. Но жена, хотя и довольно часто делала мне это замечание, как-то прощала мне этот «дикий» смех, и в кино мы ходили довольно часто, поскольку это было самое доступное и любимое «массовое» развлечение, в то время.

Тогда, с главным тимуровцем я явно «перегибал палку», вероятно чувствуя свою безнаказанность, поскольку имел старшего брата Виктора, и всегда был уверен, что он защитит меня.

Хорошо помню, что за зданием вечерней школы, расположенной напротив обычной, нашей 22-й, стали отрывать большую цистерну, зарытую в землю, которая служила, вероятно, когда-то, хранилищем топлива, – солярки, либо керосина.

Открыть-то, отрыли, а вот увезти – забыли, а возможно и ждали, затянувшееся затем на годы, доставки соответствующей техники для подъёма из ямы этой цистерны, и последующей транспортировки её, в назначенное место. Это сейчас бы, кто-нибудь, «случайно» обнаружив где-либо подобную цистерну, то её, ни дня не мешкая, выкопали, разрежали и увезли бы в неизвестном направлении за сотню километров, проделав всё это за одну только ночь!

Помню, в самом конце мая, но до конца учебного года оставалось ещё совсем немного, именно тех самых дней нетерпеливого ожидания окончания учебы, когда ты уже и «подготовился» к длительному долгожданному «отдыху», да и сама погода полностью соответствует этим, твоим ожиданиям, кто-то, в районе очистных сооружений и конюшни, где у нас были огороды, о которых я уже «поведал» читателю в третьей главе «Текстиль-городок», застрелил огромного орла, непонятно с какой целью залетевшего именно туда. Просто этот день, да собственно и весь год, я помню очень хорошо, потому что, именно с тем летом, связано много памятных событий, о которых я ещё расскажу, поэтому обозначу тот год, скажем, – годом «мёртвого орла». Правда, как позже я выяснил, это был никакой не орёл, а беркут, ведь именно эта боевая птица отличается от других своих хищных пернатых сородичей тем, что его ноги оперены до самых пальцев, и он как бы всегда в «штанах», но тогда ничего этого я не знал, поэтому для меня в тот момент, это был просто огромный орёл. Не помню, почему я, почти под вечер, оказался около школы, возможно, что прибежал сюда, вперёд своей мамы, поскольку она-то точно, – должна прийти была на огород, но случай, что именно тогда, у меня на глазах, какой-то мужик, волоча огромную мёртвую птицу по земле, держа её за крыло, сбросил её в яму, в ту самую, где находилась цистерна, я помню очень хорошо. Не мешкая ни минуты, даже не дождавшись ухода мужика, я спустился в яму и внимательно осмотрел мёртвую птицу, которая вероятно, была убита только что, потому как были, кое-где на перьях, совсем свежие пятна крови, да и не выглядела жалкой падалью, эта, ещё мгновения

назад, грозная птица. И я, не осознавая зачем, вытащил её за крыло из ямы и побежал, волоча мёртвую птицу по земле, побежал по направлению к дому, в каком-то непонятном, безумном и диком и, одновременно, скорбном неистовом порыве! Да даже и сейчас, не могу точно и вразумительно, ответить сам себе на вопрос, зачем же мне понадобилась эта мёртвая птица, но всё-таки, так мне хочется сейчас думать, объясняя и как-то оправдывая себя, – я посчитал, совсем неподходящим местом эту яму, для последнего «прибежища» в ней мёртвого орла. Возможно, и действительно именно так я и считал, или же мне, как-то хочется сейчас выглядеть перед самим собой, в более «выгодном» свете, – не знаю. Но я бежал тогда, наверное, всё-таки, не думая, ни о чём, – я просто бежал! И осталось-то, совсем немного, потому как я сбежал с горки, – дороги между детским садом и яслями, повернув на улицу Быковского, как раз за угол пятого дома, а за мной уже бежали ребята, кто-то настёгивал птицу прутом, – доставалось и мне, что-то кричали, но птичьего крыла я не упустил, но...тут сердитый окрик моей мамы, которая как раз проходила по тротуару мимо пятого дома, заставил меня тут же, оставить мёртвого орла, которого кто-то, словно эстафетную палочку, мгновенно подхватил. Помню, за этот идиотский марафон, я был очень серьёзно наказан.

В повести А. Гайдара «Тимур и его команда» в старом сарае с дырявой крышей «на стене висели мотки верёвок, фонарь, два скрещенных сигнальных флага и карта посёлка», а вот у нашего текстильского тимуровца, помню, вскоре после моего позорного, не совсем «орлиного забега», в его, обязательном у всех текстильских, сарае-балагане, служащем для хозяйственных нужд, появилось, прибитое к дощатой стене, почему-то одно, развёрнутое орлиное крыло и когтистая лапа, тоже одна, зафиксированная на стене, в растопыренном виде, всё теми же гвоздями. Это был штаб тимуровского отряда, «атрибутами» которого вероятно и явились, полученные с моего орла, эти, вроде бы, «охотничьи» трофеи.

Я очень много слышал о тимуровском движении, до сих пор иногда перечитываю книги А.П. Гайдара, которые очень

люблю, наверное, именно поэтому, обострённо неприязненно отношусь к его покойному внуку-рыночнику, даже к памяти о нём, «сотворившем не реформы, а катастрофу», и точную копию которого, вывел сам же Аркадий Петрович, а именно Мальчиша-Плохиша, в своей замечательной повести «Военная тайна».

На Чапаевке, где только лишь частные застройки, тоже был организован тимуровский отряд, поэтому там, как-то всё особенно приближено к «литературной» действительности самой повести «Тимур и его команда». Ведь действие в повести разворачивается в дачном посёлке, ну а Чапаевка по озеленённости, обилию садов и прочих насаждений, в то время, по количеству родников, – походила на дачный посёлок, только лишь в своеобразном, «азиатском исполнении». Поэтому самым сложным и востребованным было именно перекапывание огорода, а не наполнение бочки водой, как это было в повести, поскольку полив в Средней Азии был всегда только лишь арычный. Да к тому же, мираб, или же арык-аксакал, из возраста пионера-тимуровца давным-давно выбыл, да и дать, без должной очерёдности воду, на полив огорода, минуя всех остальных, было просто невозможно, даже беря во внимание чрезмерную немощность старушки, и особые симпатии к ней арык-аксакала, а также всех окрестных тимуровцев, потому что, арычная вода не может идти, минуя соседние участки.

А вот именно с целью перекопать, какой-то одинокой старушке огород, и отправился славный пионерский отряд чапаевских тимуровцев, тёмной южной ночью, в апреле месяце. Год я не называю, но все «тимуровские» события почему-то закончились, не позднее середины семидесятых, но возможно, ещё где-то были, видно оставались, островки коммунарской ребячьей романтики, не совсем «задавленные» взрослой официальной опекой.

Об этой истории, с ночной перекопкой, рассказал мне муж сестры моей жены, а проще, по-русски сказать, – свояк, который на два года меня моложе.

Так вот, тёмной апрельской ночью, отправились тимуровцы копать бабушке огород, дабы она, проснувшись рано утром,

приятно удивилась, а возможно и поразились, каким-то чудом, вскопанному огороду. Что и произошло, вероятно, но тимуровцы, в темноте, а возможно и сгоряча, в трудовом восторженном запале, сразу и не заметили одной особенности, которую открыто, абсолютно не скрываясь, применяли в основном болгары, которых много проживало до войны в Ташкенте. И как рассказывали очевидцы тех событий, живущих в том времени, именно это и «отпугивало» покупателей, знающих эти «секреты», от болгарской огородной продукции, имеющей всегда великолепный «товарный вид», но сомнительную «репутацию». А любознательная бабулька, вероятно когда-то, переняв «болгарский» огороднический опыт, полила перед перекопкой свой огород, «заминировав» участок содержимым своей выгребной «клозетной» ямы, разведя её с водой в соответствующей пропорции. Часть этой самой «пропорции», ЖКУ – «жидкого концентрированного удобрения», обильно сохранилась на обуви пионеров-тимуровцев, ну а «запах» явно доминировал, что ничуть не убавляло гордости за совершённый поступок!

Ну, коль «перебрались» мы с тобой на Чапаевку, уважаемый мой читатель, то позволь мне рассказать ещё об одном беркуте, искусно изготовленное чучело которого, с распростёртыми огромными крыльями, долгое время висело под потолком, в кабинете биологии средней школы № 34 имени Ю.А. Гагарина.

Не знаю: кому, как покажется, или же, кто как воспринимает, но у каждой школы всегда была, есть и будет, только лишь своя, некая «визитная карточка. И это, не всегда и её здание, и даже не паспорт школы, представляющий из себя помпезно оформленный, на натуральном, малиново-красном переливчатом бархате, громоздкий планшет, на котором было монументальными объёмными буквами написано название школы. Кстати, именно этот паспорт, на демонстрации, которые проводились два раза в году, – на седьмое ноября и первое мая, удостоивались чести, нести самые лучшие учащиеся старших классов, но поскольку, на сам паспорт никаких

обязательных, единых стандартов не существовало, то его оформление было отдано на «откуп» фантазии директора школы. Он же, поручал выполнение этого учителю изобразительного искусства, а возможно, ещё кому-либо. Именно поэтому он приобретал внушительные размеры и соответствующий вес, что делало этот паспорт, непосильной ношей, даже для лучших атлетов школы. И вот тогда, на помощь всем, приходил учитель трудового обучения, проще сказать, – трудовик, который сооружал некое транспортное средство, используя, чаще всего велосипедные колёса, либо ещё что-то, но тогда паспорт школы могли смело, и без особых усилий и душевных волнений «сопровождать» на демонстрации, даже две отличницы, освобождённые от занятий физкультуры, по состоянию здоровья!

Так вот, визитной карточкой чапаевской школы города Чимкента, той, поры «развитого социализма», будут, вне всякого сомнения, учителя: Швоев Василий Матвеевич, учитель химии и биологии, и Шлегель Эрнст Августович, учитель трудового обучения, – трудовик! Кто предложит другой вариант? Я уверен, – никто! О каждом из них можно написать «крайне хвалебную оду», но я этого сейчас делать не стану, а поэтому, вернёмся, дорогой ты мой, любознательный читатель, вновь в кабинет биологии. Такое бывает, и в этом я убедился, потому как самой «коронной» и частой темой в любом обсуждении, в любом разговоре о чапаевской школе №34 имени Ю.А.Гагарина, служила именно тема, когда вспоминали, ссылаясь, в своих воспоминаниях о школе, именно на этих двух замечательных людей. И это не значит, что не было более других, не менее порядочных, и именно настоящих учителей, – нет, их было очень много, но эти двое, – именно знаковые, «паспортные», свои, узнаваемые люди! А какое отношение они имеют к тимуромцам? Да вроде бы никакого, но если вдуматься...

Но я ведь пишу «эссе» не только для людей, которые жили в Чимкенте, и именно на Чапаевке, и которые знакомы с вышеназванными учителями, нет, я пишу абсолютно для всех,

ведь в каждой школе, в каждом населённом пункте огромной Страны, были люди, которых мы не устаём вспоминать добрым и тёплым словом.

Все замечательные чучела в биологическом кабинете изготовил Василий Матвеевич, учитель химии, но создавалось впечатление, глядя на эти чучела, что изготовил их профессиональный таксидермист, настолько они убедительно и великолепно выглядели. Я не стану описывать все чучела, хранившиеся в кабинете биологии и препараторской, но о чучеле беркута, поскольку сам беркут у нас в «теме», ибо крыло и лапа его собрата «повисло» когда-то, в штабе тимуровского отряда, посёлка текстильщиков, по уже известным, моим дорогим читателям обстоятельствам, поэтому именно об этом беркуте, необходимо рассказать несколько подробнее. Хотя просто начну с того, что молодой подранок беркут, проживал одно время, своей недолгой жизни, на приусадебном участке Василия Матвеевича. Кто ему «презентовал» подранка я не знаю, но точно знаю, что сам Швоев В.М. не охотник и даже не рыболлов, во всяком случае, в нём, за всё время знакомства с ним, такой «пагубной страсти» я не замечал. Но молодой беркут, с перебитым крылом, поправился и стал отстаивать свои права на территорию, а возможно с какими-то иными, более агрессивными целями, нападать на старшую дочку Василия Матвеевича. Беркут, – птица серьёзная, даже старые опытные беркутчи, – использующие эту птицу в охоте на сурков, лис и даже волков, держат её в специально отведённом для этой птицы, месте. Отпустить её, – калеку, не умеющую достаточно хорошо летать, было бы жестоко, зоопарка, именно в то время, в Чимкенте ещё не было, поэтому и «воспарило» чучело беркута над головами учащихся в кабинете биологии чапаевской школы № 34 имени космонавта Ю.А. Гагарина. Но оставим это чучело беркута спокойно висеть себе под потолком, а мы же, продолжим свой рассказ о тимуровцах.

Я ведь пытаюсь рассказать в этой главе о массовом патриотическом движении пионеров и школьников, содержанием которого являлась гражданская забота о нуждающихся

в помощи людям. Но поверь мне, дорогой мой читатель, там, где рано или поздно, но берутся руководить детской игрой взрослые люди, особенно такие, которые даже и, не побывав до конца детьми, не ощутив той волшебной детской романтики, а просто состарившись, мгновенно превратившись, из очень послушных, «непроблемных» детей, в скучных «старичков», то и сама игра именно тогда, приобретёт что-то непомерно муторное, усиленное в своей «муторности» многократно и при «помощи» взрослого бюрократизма, – перестаёт уже быть игрой. И заполняется всё это какими-то инструкциями, рекомендациями, методическими разработками и прочей «педагогической шелухой», где детской ребячей инициативе и творчеству, места уже и не находится, поскольку о детях почему-то все забывают. Ведь игру-то эти взрослые приспособили уже для себя, получая за это хорошую зарплату. Почти всегда эти «функционеры» те, добровольно отказавшиеся от игры в детстве, послушно просидевшие во дворах на скамейках, рядом с умиляющимися ими старушками. Я о них уже писал. Они игру видят в соблюдении порядка, в строгом и неукоснительном подчинении и послушании, но так в детстве не всегда получается, да и скучно порой. Но так было не везде, и всё-таки, в начале семидесятых годов, уже прошлого века при редакции журнала «Пионер» был создан Всесоюзный штаб Тимура. Хорошо это или не очень, а возможно и плохо – не берусь судить, но вот почему-то, многие, особенно старшекласники, и я в их числе, уже задолго до создания этого штаба, стали стесняться носить пионерский галстук. А ведь это, только лишь одними подростковыми особенностями психологии, я бы, не стал объяснять, что-то тут было совсем другое. Поэтому вернёмся вновь в первую половину шестидесятых, в наш уютный, зелёный Текстиль-городок, именно в то время когда город стали усиленно газифицировать, – сносить все керосиновые подвальчики, приступили к сносу узбекского посёлка Гульбах и строительству на этом месте ГПТУ № 123, готовившего молодую смену для ХБК, о чём я уже писал в третьей главе «Текстиль-городок». Тимуровцы тоже как могли, ускорили

переход на газификацию: задолго до подключения к сетевому газу, начав поочерёдно выбрасывать, тёмными южными ночами, из подъездов всевозможные керосинки и керогазы, которые «тихо-мирно» стояли себе, не мешая никому, каждая у входной двери на лестничных клетках текстильских подъездов, исправно неся свою службу, терпеливо дожидаясь «смены энергоносителей» на более продвинутой, дешёвый и «прогрессивный» газ. Причём, «задействованы» были почему-то не все дома, что позволило сразу же установить «сторонников прогресса», а также и злоумышленников, в одном лице, кроме того, определить местонахождение пропажи, – арык, который на тот именно момент, к счастью тимуровцев, не был чрезмерно «полноводным», а кроме того, сами керосинки и керогазы, стоили, совсем дёшево. Да и народ оценил «шутку», чересчур «радостно» вылавливая из арыка нагревательные приборы, но не своими руками, а «умелыми» руками всё тех же славных и заботливых тимуровцев. Но ведь к Тимуру полагается быть и Квакину, поэтому, как говорится, – «всем сёстрам, было выдано по серьгам, а кому-то по рогам», поэтому устаревшие, отжившие «свой век», кухонные нагревательные приборы, всё-таки благополучно дождались прогрессивной смены, вновь заняв ненадолго, каждый своё «законное» место у входной двери, в подъездах текстильских домов. Да вовсе и не беда, коль Квакин и Тимур оказались в одном лице, как говорится, «два в одном», – это ведь игра...

Юру Тимашова, помню, премировали путёвкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек», вернувшись, как-то с тимуровской деятельностью у него было прекращено. Да и, собственно, всё ведь и так тогда держалось на одном добровольном, вполне искреннем энтузиазме, и какой-то внутренней беспрекословной самоорганизации, всех и каждого, абсолютно без признаков «вождизма», но с признанным лидером, которая постепенно исчезла, вытесненная меркантильностью, малейших торгашеских проявлений которой, совсем недавно, большинство детей стыдилось и осуждало. Ведь тогда, даже в голову никому не приходило, отказаться, скажем, от участия

в обычной уборке территории, а уж в субботниках, тем более. А сбор металлолома это тоже, в некотором роде развлечение, хотя моим внукам этого уже никак не понять! Да и детям моим, наверное, тоже не будет понятно то, что же заставляло меня и моих сверстников таскать тяжеленные железяки, «приплюсовывая» в классную «копилку» десятки, сотни килограммов, тащить, надрываясь, газетные подшивки, старые книги, чтобы не тебя лично, а именно твой класс, в котором ты учишься, отметили на линейке по итогам социалистического соревнования, в критерии оценки которого входили, кроме показателей успеваемости и дисциплины, участие твоего класса в различных кружках и спортивных секциях, ещё и общий вес сданной макулатуры и металлолома.

Вообще следовало нам, дорогой читатель, хотя бы совсем ненадолго задержаться на теме сбора металлолома, поскольку это настолько особенная тема, знакомство с которой позволит понять и, одновременно, запутать очень многие ещё более непонятные вопросы. Ну, например, почему сейчас дети не собирают металлолом, точно так же как мы в детстве собирали его? Естественно, ответ всегда очень простой и понятный, ибо мы тогда собирали его для нашего государства, проще сказать нашего, общего тяжёлого машиностроения, да и вообще для нужд нашей промышленности, и дети это знали. Поэтому и тащили из дома всевозможные металлические вещи, которые хотя бы совсем немного, тронула ржа, а иногда даже в «негрозно-солидольной» смазке. Вот и «очищали» свои дворы, сараи, гаражи от каких-то металлических «запасов», чаще всего сами же дети, предварительно спросив родителей о «наличие в доме ненужных железок» и получив разрешение на относительную свободу действий, только лишь от матери, поскольку отец мог и не позволить. Тащили, на специально отведённые, существующие абсолютно во всех городских школах, площадки для приёма металлолома, Несли всевозможные, подчас очень нужные в хозяйстве вещи, но лежащие в доме «про запас», на всякий случай, поскольку привыкли мы так жить, — авось и сгодится когда-нибудь! Но проходили

годы, но вещь всё не находила своего применения, а затем и оказывалась на школьной площадке для приёма металлолома! И если в шестидесятых – семидесятых годах, редко в какой школе металлолом находился на площадке более месяца, то в «перестроечное» время он лежал годами! Поэтому любой мог пойти и поискать то, что обязательно ему «пригодится» и никто не делал ему никаких замечаний на этот «счёт», поскольку это выглядело бы примерно так, как если бы обычному прохожему, мирно гуляющему где-либо в общественном месте, сделать строгое замечание о непозволительности подобных прогулок! И я нисколько не утрирую, поскольку в промышленном Чимкенте это было именно так, как я описываю. Поэтому можно было «обнаружить» в огромном развале металлического лома, парочку кованых, абсолютно новых, огромных мясницких топоров, связанных проволокой вместе, или же прямоугольную ёмкость для замешивания бетона, или же какие-то нужные прутки, вполне подходящие для применения вместо арматуры, при строительстве, или же какие-то особые, узкие, совсем новые самодельные лопаты, для выкапывания корней девясила или солодки. Не могу забыть замечательную, найденную в школьном металлоломе, наипрочнейшую чугунную печку-колонку, которую я приспособил под большой казан для приготовления плова, да и вообще, незаменимую, в качестве переносной садовой великолепной «печечки», на которой даже готовили всевозможные заготовки на зиму, кстати, очень удобно. Жалко, что оставили её там, в Чимкенте, помню отлитое клеймо на топочной дверце: «Литейно-механический завод имени Л.М. Кагановича г. Люблино». Что интересно, а умер Лазарь Моисеевич в 1991 году, когда уже к тому времени, все и забыли всё – названное его именем, но затем отменённое. А мы уехали на Кубань в 1992 году.

Очень хорошо помню, хотя и не помню именно в каком году, как по школам была объявлена акция сдачи металлолома, именно на изготовление чугунной ограды Детского парка, поскольку старая, дореволюционная обветшала. И дети собрали и сдали требуемое количество металлолома. Но помню, как

я был разочарован, увидя новую ограду, уже установленную, такую, совсем уж невысокую, не «парковую». А парк этот в городе любили все, да и невозможно его было не любить. Он был какой-то уютный, с огромными монгольскими крупнолиственными дубами, высаженными будущими прихожанами Никольского кафедрального собора, задолго ещё до его строительства, а именно в самом начале двадцатого века в 1901-1902 годах, тогда как сам собор был построен в 1914 году. Именно в год постройки, а построили его 22 ноября 1914 года, дубочки, за которыми заботливо ухаживали, подросли, а весной в Светлое Воскресение Христово, военного 1915 года, уже могли горожане черняевцы и гости города, гулять по тенистым аллеям Соборного сада.

Интересно мы, русские, устроены: где бы ни жил русский человек, обязательно отнесётся к этому месту, как к своему родному, – будто он обосновывается навсегда, хотя и чувствует, где-то там, в потаённых уголках своей широкой и доброй души, что всё-таки когда-то обязательно заскучает, затоскует, незнамо по чему, по детству ли, юности, молодости, силе своей прежней и удали, что даже и сам себе ответ дать не сможет, что же его беспокоит, отчего так тяжко на сердце. Но будет всё равно сажать деревья, строить дома «на века», обживая, превращая эти места, в действительно свои, родные, любимые. Что уже и дети его полюбят их, как он свою оставленную Родину, и будут бесконечно «тосковать» по тем знакомым, старым уголкам, поскольку к новым, если вдруг и они уедут отсюда, и им вдруг придётся оставить эти места, то и они, как и их родители когда-то, никак не смогут привыкнуть, не смогут сраститься с новым местом жительства душою, пусть даже и эти, новые места, намного живописней, богаче, краше, лучше во всех отношениях, нежели прежние, такие родные, в которых прошло их детство. Это что-то непонятное, что-то заставляющее, например даже птицу, с её мизерным мозгом, лететь именно туда, – где гнездо первое её, где её родина! Но птица это совершает ежегодно, а человек, в генах которого заложено быть и воином, и землепашцем, и созидателем-

строителем и ваятелем, да мало ли ещё кем, избавлен от того, что уготовано птице. Вот и я, пытаюсь как-то, не прервать, непрерываемую связь поколений, сажал на Кубани и лох серебристый, и виноградную лозу, не «районированных» в этих местах сортов – индикаторы «выживаемости» нас, русских «азиатов», к тем местам, где определили мы себе место, после «перестроечного» Исхода. А потом вдруг, вспомнив корни свои московские, родительские, вероятно поэтому, начинал сажать сосны и ели вокруг своего участка, которые не очень-то и охотно приживаются на Кубани, но которые сейчас выросли и многие люди, проходя мимо этих хвойных красавцев очень часто фотографируются на их фоне.

А построенный, по проекту архитектора Ивана Антоновича Маркевича, бывшего одно время архитектором Ташкента, Никольский кафедральный собор, был великолепен. Проект храма на 600 человек был несколько откорректирован, с учётом на сейсмостойкость, но всё-таки утверждён в Петербурге в 1910 году и храм, вместе с Соборным садом, стал едва ли не главным украшением города!

До 1929 года на храм «особых» посягательств не было, а потом в нём устроили библиотеку, предварительно сорвав кресты с куполов, а потом и вовсе разрушив их, устроив в храме сельхозтехникум. Не знаю, в каком именно году, передали бывший православный храм под организацию в нём Дворца пионеров, руководствуясь установкой-утверждением: «Всё лучшее – детям!», но точно помню, что именно в предверии 1960 года, потому как я на следующий год пошёл в первый класс, во время проведения в нём детского новогоднего утренника произошёл сильный пожар, и взрослые, совсем не так себя повели, как следует себя вести в таких ситуациях, совсем не так. Но это, только лишь с возмущением пересказывалось где-то в магазинных очередях, и я это хорошо помню, но помню так же, как после случившегося, сестра Надя повела меня на ёлку по пригласительным билетам, вручённым заранее, ещё до пожара, во Дворец пионеров. Пригласительный билет означал то, что должны были обязательно давать новогодние

подарки, но новогодний утренник проходил не во Дворце пионеров, по причине недавнего пожара, а на «пяточке» возле карусели. Зима была снежная, совсем не чимкентская, а ёлка была скучной и бестолковой, какой-то, безрадостной и, самое обидное, – без подарков, несмотря на пригласительный билет. Было очень холодно и как-то неловко стоять на одном месте, слушая традиционные, знакомые с детского сада, загадки Деда Мороза. Именно с той самой поры, я не люблю уличные театрализованные новогодние представления, никогда не пойду на них с внуками. Надо же, помню до сих пор, это пасмурный морозный день, и жду подарок от Деда Мороза и Снегурочки!

Было очень холодно, шла хрущёвская «оттепель», но именно тогда я не мог ещё никак воспринимать и даже замечать, по причине возраста своего, ни своеобразного ренессанса советской культуры, живописи, кино, театра, ни самого стиля общественной жизни. Я запомнил только некоторые экономические «потрясения», хотя и это я не воспринимал тогда так, как сейчас, но которые отложились в моей детской памяти навсегда. Но только одно я могу сейчас, по прошествии стольких лет, сказать точно и даже нисколько не сомневаясь в истине, хотя и истина эта только лишь для меня одного, а не для дискуссии: именно хрущёвская «оттепель» стала катализатором развала СССР, который, начнёт и закончит, спустя более четверти века Горбачёв, на «подготовленной» когда-то, «унавоженной» Хрущёвым, почве. А вот сравнительно короткий отрезок времени, – какие-то два десятка лет, а возможно чуть больше, «послехрущёвского» правления, были действительно, самой стабильной, да и самой счастливой порой в истории нашего государства, хотя возможно, в этой оценке присутствует и субъективная точка зрения, поскольку это юношеский период моей жизни, но это объективная оценка. А пустые прилавки, всевозможные талоны, табачная рассада на огороде, всевозможные фляги для «самогона», разорение предприятий, борьба с нетрудовыми доходами, «центробежное» движение союзных республик, разгул национализма, уничтожение ви-

ноградников, грязные и замусоренные города, агония всевозможных санитарных и карантинных служб, появление каких-то маньяков и людоедов в невероятно огромном количестве, чего вообще никогда до этого не было? А непонятное разоружение, удивительно напоминающее «стриптиз» пьяной тётки прямо на улице? И непрерывная трансляция каких-то съездов, никчёмных конференций, форумов, собраний, многомиллионных гипнотических сеансов, «зарядка», незнамо чем, каких-то кремов и водопроводной воды, рекомендательная уринотерапия, попросту, – лечение мочой, «сенсационные» разоблачения, перекрашивание «белых пятен» истории непременно в чёрные, а «чёрных» – в розовые, самобичевание, требование «покаяния», оплёвывание армии, «генеральская» тема? И всё это вперемешку с обязательным, каждодневным, наркотическим показом, каких-то идиотских, непомерно длинных и липучих, заморских сериалов! А это уже, терпеливый мой читатель, эпоха перестройки, эпоха Горбачёва, которая и «позволяет» некоторым, оценивать весь советский период истории именно по этой эпохе. Только по «горбачёвскому» времени и судить! Вот ведь что!

Я не экономист, но для себя уяснил, что социализм, – более прогрессивная и справедливая общественно-экономическая формация, что на смену капитализму непременно приходит социализм, – это мы «затвердили» и заучили, со школьной скамьи, и это действительно так, поскольку это классика политэкономии, а классика, как известно, не «устаревает», но то, что нам было обещано, как раз-то именно Горбачёвым: построить социализм, и непременно с «человеческим лицом», именно лицом, а не с другой какой частью тела, я это помню хорошо. Но в результате развалилось могучее государство, – словно колосс на глиняных ногах, и народ, вместо лица, воочию увидел эту самую «интимную часть тела», и ему безоговорочно и глумливо, была навязана неолиберальная капиталистическая модель, с псевдодемократией и изменением у населения ценностных ориентиров, повлёкшее за собой изменение всего, даже модели образования! А разве же рынок –

это цель производства, любого, хоть социалистического, хоть капиталистического? Рынок только лишь средство, который и распределяет только то, что произвели! Но мы-то знаем, что «мёртвых с кладбища не несут», так почему же, мы понесли назад капитализм, от которого когда-то, с такой страшной жертвой братоубийственной войны ушли, да и зачем нам, это движение назад, зачем нам «рачья», попятная модель экономики, без должной социальной прочности, от которой мы обязательно откажемся? Ведь рынок – это власть товара и товарных отношений над производителем, это нечто противоположное социализму. И тем более при управляемом извне Центральном Банке страны! Я не понимаю! Социализм и рынок – несовместимы, это надо осознать, но большинство не поняло этого, или же, – не хотело понимать! Ведь возвращение к рынку возвратило нас к классической политической экономии, всё к тому же К. Марксу и к последним страшным страницам нашей истории! Ведь рынок сам источник кризисов, а не какое-то «чудодейственное» средство от них! Мы ведь так и не смогли отделить учение К. Маркса от марксистско-ленинской идеологии, обильно «разбавленную» своими, доморощенными идеологами, «мальчишами-плохишами»!

Можно тысячи раз повторять слово «мёд», но во рту слаще не станет. Натюрморты на «гастрономические» темы, написанные на холсте, пусть даже и гениальным художником реалистом, голод не утоляют. Нельзя заблуждаться, тем более нельзя обманывать себя, закрыть глаза и заткнуть уши! А ещё нелепее, да пожалуй, и гораздо опасней для окружающих, а особенно для тебя лично, напустив на себя многозначительную важность всезнайки, снисходительно поучать других, абсолютно при этом, не слыша своего собеседника. Именно тогда, никто никого не слышал, да и никто никого и не пытался услышать!

Ну да ладно, дорогой мой читатель, а речь-то у нас шла о чимкентских парках, о городе, которого нет, который только и остался, что в памяти нашей! Вот и мы с тобой, упрямый мой читатель, вполне возможно, что перестали слышать друг

друга, коль отдалились от темы! Поэтому, вернёмся вновь в Детский парк и пройдём по его тенистым аллеям, с нависшими над нами густыми кронами монгольских дубов, возраст которых перевалил за сотню лет, дубов, с такой красивой и сложной по витиеватости рисунка узора, коры. А потом подойдём к зданию бывшего Никольского кафедрального собора, но который я помню как Дворец пионеров. Кстати, именно как Дворец пионеров, а не как Дом пионеров, и в который я ходил в КИД – клуб интернациональной дружбы, но, совсем недолго, поскольку почему-то из всего класса я ходил туда только один, хотя и записалось достаточно много, тем более, что наш классный руководитель Валентина Никодимовна Лисюк, муж которой долгое время работал во Дворце пионеров, водителем автобуса, – маленького «ПАЗика», как-то пыталась контролировать посещаемость, но из этого ничего не вышло, поэтому вскоре перестал посещать КИД и я. Потом, большинство моих сверстников, записалось в Детскую экскурсионно-туристическую станцию, я тоже записался, получив впоследствии, кроме удостоверения пионера-инструктора по туризму, ещё и настоящие знания и непроходящую любовь к родному краю! Конечно, я помню многое из того времени, правда иногда становится как-то неловко за самого себя, особенно, когда вспомню, что отправляясь во Дворец пионеров, то обязательно надевал белую рубашку и повязывал, ещё более обязательный красный пионерский галстук, причём вне зависимости от погоды и времён года, что очень меня стесняло, и угнетало, и сковывало, во всех отношениях, а в турстанцию можно было прийти в обычной, приличной одежде, даже и без пионерского галстука. А во Дворце пионеров, помню какие-то конкурсы, концерты, какие-то посылки. Очень хорошо запомнился один мультфильм, который я тогда посмотрел впервые там, хотя со времени его создания, прошло к тому времени, почти шесть лет. Это, кстати, до сих пор, один из самых любимых моих мультфильмов, созданный в 1958 году, по произведению С. Маршака «Кошкин дом». Что интересно: но мои внуки любят и знают это произведение наизусть и постоянно цитируют

что-либо из него, а я обязательно им подыгрываю, вставляя своё, но умышленно искажая текст, а дети возмущённо меня поправляют.

Очень хорошо помню бывшую церковную сторожку, расположенную с левой стороны от входа в храм, естественно, если смотришь, повернувшись к нему лицом, сложенную из прочного кирпича, с небольшими сводчатыми окнами, с коваными решётками, в которой, именно тогда, кому-то пришло в голову держать медвежонка, (это, какое же устройство мозгов иметь надо, чтобы «придумать» такое?), и мы заглядывали в это оконце, расположенное высоко от земли. Но медвежонок, белокоготный, тянь-шаньский, уже не казался таким уж милым и забавным, а про запах, – лучше помолчу. Позже, в этой сторожке, когда здание уже передали кукольному театру, где-то в конце 70-х, разместились администрация самого парка, поскольку ранее и здание и парк находились в одном ведомстве, – системе образования, но «собственник» сменился, стало быть, и всё изменилось, а вот когда и Страна развалилась, то и сам парк, при новом хозяине, в ином государстве, стал совсем другим. Во всяком случае, этой церковной сторожки уж нет давно, а сам парк получил название Кен Баба, что переводится с казахского приблизительно как «широкие предки», что аналогично, примерно, «широкой масленице», – превратился в развлекательно-торговую точку. Но это уже иная жизнь, совсем другого города, в другой стране и времени, поэтому, всегда очень расстраиваюсь, особенно тогда, когда вроде бы, русские, но в основном те, кто не так давно стал горожанином, и не знают этого парка вообще, начинают на все лады расхваливать то, что даже и парком назвать-то, не решаешься, а только по массивной монументальной плите, на которой написано на языке «титульной нации», – что это, можно с трудом догадаться о «назначении объекта». Но таких «псевдорусских», к счастью, всё-таки намного меньше, чем понимающих, умных людей, переживающих, видя, как уничтожается Память, как уничтожается, по сути, всё, что напоминало бы о прошлой жизни многонациональной Страны. Ведь

каждый культурный человек хорошо понимает глубочайшую разницу между «переименовать» и «назвать». Переименовать, учил известный русский философ Алексей Фёдорович Лосев – это украсть у кого-то. Это понимали даже в первобытном обществе, где к имени относились как к святыне. Поэтому «переименования» – явления не постоянные, временные, и, как правило, сама жизнь вносит свои разумные, а значит и справедливые коррективы: ничего вечного в жизни нет!

А ещё, почему же мне так дорог Детский парк, так это потому, что каждое лето, в июне месяце я здесь, с учащимися художественной школы, проходил пленерную практику, и не было уголка, этого, довольно обширного парка, который, почти за девятилетний срок работы, не прорисовывался, не писался акварелью или ещё в какой-то иной технике, моими старательными учениками.

Вообще-то старых, дореволюционных парков, «образца 1890 года», два, это уже известный нам Соборный сад, впоследствии, – Детский парк или же Пионерский, а также парк Центральный, носящий ранее название – Общественный сад. Это великолепный парк, с тенистыми аллеями, по обеим сторонам которых почти всегда бежала чистая арычная вода, поэтому в парке всегда было приятно отдыхать, особенно в летнюю жару, а потом старая арычная поливная система, именно на пересечении улиц Советской и Коммунистического проспекта, была изменена или же как-то нарушена, поэтому и началось, каждой весной, подтопление южной части Детского парка, заставившее уложить углублённые бетонные арычные желоба вдоль Коммунистического проспекта, что почти лишило поливной арычной воды Центральный парк, хотя и бежала «вольно» и непрерывно, чистейшая родниковая водичка по Советской, бывшей Николаевской улице, в сторону, всегда полноводной, Качкар-Аты.

Парков-то в городе было достаточно, тем более что каждое промышленное предприятие, старалось обязательно иметь какой-либо зелёный сквер, засаживая его цветами, как и территорию, прилегающую к этому предприятию, соревну-

ясь между собой. А в новом парке, очень большим по площади, открытом в 1968 году в честь 50-летия Октября, проводились ежегодные выставки цветов, поражающие воображение своим богатством и великолепием, где принимали обязательное участие абсолютно все промышленные предприятия. Кроме этого, в городе, на очень большой территории, начинающейся в районе нашей Чапаевки и мясокомбината, а с другой, западной стороны, примыкая к Каратюбинскому шоссе, а с южной стороны, – ограничиваясь «головным» чапаевским поливочным арыком, находилось теплично-парковое хозяйство, – совхоз «Южный», принадлежащий городскому коммунальному управлению, специализирующийся на выращивании цветов, обеспечивая всевозможной цветочной рассадой городские парки, скверы, уличные клумбы и цветочные газоны. В этом совхозе проходили летнюю трудовую практику учащиеся, уже известной читателям, чапаевской школы № 34 имени Ю.А. Гагарина, работая под руководством своих классных руководителей в теплицах, а иногда и в поле, где были высажены «экзотические» кустарниковые, луковичные, всевозможные розы. Наверное, поэтому, именно на Чапаевке росли перед домами в палисадниках, самые необычные в городе цветы, самые красивые гладиолусы и прочие луковичные, ничуть не «конкурируя» с цветоводческим совхозом «Южный», а даже и отставая от него, по крайней мере, на год, поскольку, не успевали учащиеся школы, после производственной практики, так быстро «позаимствовать» посадочный материал за время двухнедельного срока. Ну дети есть дети, а тем более, проживающие в частном жилом секторе, поэтому назвать это банальным «воровством», как-то язык не поворачивается, да много ли корысти в паре гладиолусовых или тюльпановых луковиц, пусть даже и не отбракованных? Абсолютно никакой, поэтому и приглашали чапаевских детей помочь хозяйству не только в летнее время, но и ранней весной, и осенью. А тем более, что работали дети абсолютно бесплатно, потому как если и платило какое-либо предприятие, то это был безналичный расчёт, когда «виртуальные» деньги перечисляются

на счёт школы, что, кстати, тоже не всегда и выполнялось, зато шефская помощь, со стороны промышленных предприятий, всегда была действенной, даже в «перестоечное» время! Предприятия оказывали своим подшефным очень большую помощь, даже выделяли учащимся бесплатные туристические путёвки, но это всё в прошлом, а в «перестройку» и в последующее «безвластное» время, даже убедительно предлагалось школам самим зарабатывать деньги, открывая какие-то «артели» или ещё что-то подобное им, но из этого абсолютно ничего не получилось, поскольку страна пятилась назад, в капитализм, даже и не осознавая этого.

А дети оставались детьми, хотя и выросли, набирались ума-разума. Помню, ввели в школах уроки «общественно-полезного и производительного труда» и всё та же, небезызвестная чапаевская школа №34, кроме совхоза «Южный» затеялась помогать ещё и мясокомбинату и гормолзаводу, клея оболочки для колбасы и сыра. И моя старшая дочка была бригадиром в школьной бригаде и девчонки клеили, используя желатин, в качестве клея, и настоящий пищевой целлофан, изготовленный из целлюлозы, для колбасных и сырных оболочек. Даже, помню: ходили они на практику на гормолзавод, в сырный цех, а мальчишки на мясокомбинат. И ведь ничего, и выросли хорошими людьми и добрами матерями. Например, дочка моя, – врач высшей категории, кандидат медицинских наук, так что никак не помешал ребятишкам общественно-полезный и производительный труд, а напротив, сослужил им добрую службу, но какую именно, перечислять не буду, оно ведь и так ясно.

Как там, у Владимира Маяковского в поэме «Хорошо»: «Работа трудна, работа томит. За неё никаких копеек. Но мы работаем, будто мы делаем величайшую эпопею»? Хотя это было и не всегда «хорошо», особенно, если брать в качестве примера, хлопковые ежегодные кампании. Это именно тогда, городских детей отправляли за сотни километров работать на месяц и более, протяжённостью в полный световой день, когда подъём ещё в темноте, и возвращение с поля затемно, когда

негде помыться, когда обед в поле, прямо на пыльных хлопковых рядках, когда нет ни одного выходного дня, а банный день, – один раз в две недели, да и то не всегда, потому как не приехала машина, с многозначительной надписью, «монша», что и означает баня. Об этом стараются даже сейчас особо не говорить, потому как только известны всевозможные «хлопковые дела», но тема детского труда, именно на хлопковых плантациях, над которыми с самолётов распылен был дефолиант, для того чтобы хлопковый куст сбросил свои листья, «облысев» таким образом, для удобства машинного сбора, старательно и «стыдливо» замалчивается, потому что многие, кто и сейчас у власти, получали ордена и вполне легальные премии в астрономические суммы, не говоря уже о «теневых» доходах. А дети же, получали копейки и даже оставались должны за «питание».

Я иногда вспоминаю, прочитанную в раннем возрасте замечательную книгу, написанную известной американской писательницей Гарриет Бичер-Стоу, «Хижина дяди Тома». И хотя может быть сравнение, мой дорогой читатель, покажется тебе не совсем уместным, но поверь, с чем-то сравнивать можно и даже нужно, ибо уборка хлопка – труд не простой, труд тяжкий, особенно тогда, когда выполняют его дети!

Всё-таки детей не следовало бы, посылать на уборку хлопка, ведь когда мы учились, а это середина шестидесятых, начало семидесятых, то ездили на хлопок только лишь студенты вузов и техникумов, ведь без ручного сбора на хлопке трудно обойтись, какими бы усовершенствованными не были хлопкоуборочные комбайны. А уже к середине семидесятых стали посылать на уборку хлопка и городских школьников. Но студент, это уже не беспомощный школьник, вот ему можно было ездить на хлопок, хотя и в этом случае было много чего, невольно заставляющее вспомнить, да «помрачнеть» слегка душой, потому как воспоминания эти, не всегда и приятные, хотя и время казалось-то, – молодое, беззаботное! Поэтому и старались многие устроиться на любую работу на этом самом хлопке, лишь бы не стоять, согнувшись, понукаемый преподавателем.

давателем, на этот период, невольно ставший надсмотрщиком, на хлопковых рядках.

Помню, удалось попасть работать на ворохоочистительную машину, которая очищала от мусора, хлопковый «подбор», а это как раз то, что и называется хлопком, который сбива с куста, – не смогла вытянуть из коробочки хлопоуборочная машина, поскольку не совсем он созрел, вернее неравномерно созрел. Именно и ради этого «подбора» и посылают на хлопок школьников и студентов. То, что «лицезреют» все по телевизору, когда показывают репортажи с хлопковых полей, и граждане видят, как вытягивают своими нежными пальчиками, из полностью раскрывшихся, уже с сухими жёсткими дольками коробочек, белоснежный хлопок, специально нарядившиеся, предупреждённые заранее о предстоящей съёмке, в национальные яркие одежды, несколько местных красавиц – это всё постановочные кадры. Нет, конечно, и чистый хлопок собирают в фартук вручную, кстати, самый дорогой и качественный, но время не ждёт, партийное руководство требует показа каких-то результатов! А много ли соберёшь силами местных красавиц и местных же школьников? А хлопок-то ещё зреет, солнце раскрывает каждое утро всё новые и новые коробочки! А рядом с этими, уже раскрывшимися, распустившимися, словно снежно-белые ватные «розы», висят, начинающие буреть, нераскрывшиеся коробочки, которые называются «курак», и тут же, совсем зелёные «курачки», которые тоже должны чуть позже так же раскрыться! Но время не ждёт, а вдруг внезапные дожди, и такое бывает, ведь октябрь месяц, – осень наступила! И звучит, более чем грозная команда, переданная с «самого верха» и продублированная по «цепочке»: «План ДАВАЙ!», и враз, загудели на полях, трёхрядные и четырёхрядные хлопоуборочные комбайны, окрашенные в обязательный, небесно-голубой цвет, за штурвалами которых в основном всё те же студенты, составляющие механизированный студенческий отряд. И попёрли эти махины, втягивая в свои металлические «утробы» – сетчатые бункера, хлопок из полностью раскрывшихся коробочек, вытягивая «флаж-

ки» из, не полностью раскрывшихся, а часть хлопка, просто напросто, оказывается на рядках, сбита металлическими раструбами комбайна! А городские граждане хлопкосеющих регионов, напряжённо и дотошно просматривают в газетах ежедневные сводки о выполнении плана сдачи хлопка-сырца нашему государству. Но вот темп роста крайне заметно снизился, особенно машинный сбор, и граждане, в семьях которых есть дети, подлежащие обязательной отправке на хлопок, понимают, что надо готовиться, и как бы в подтверждение их тревожному чувству, где-то там «высоко-высоко», от партийно-хозяйственных органов, звучит вновь, но ещё более «утробно» и грозно, команда: «ПЛАН ДАВАЙ!» Машинный сбор закончился: началась настоящая хлопковая кампания!

И потянулись, растянувшиеся на десятки километров, автобусные колонны, сопровождаемые ГАИ, такие длинные, что невозможно разглядеть её «хвост», настолько много автобусов! Почти весь автопарк города, да что там города, области, мобилизован! Везут горожан чимкентцев в хлопкосеющие районы, везут в пахтааральский, кировский, джетысайский, туркестанский районы, нашей же, чимкентской области. И все едут и почему-то радуются: кто рад, что удачно упаковал свою постель, которая не занимает слишком много места, кто хорошей погоде, кто приятной собеседнице в автобусе, а кто просто, – молодости!

И ждут уже студентов какие-то бараки, а возможно и какой-то клуб, приспособленный под жильё, где уже сооружены двурусные деревянные нары, обитые мешковиной, под которую подложена солома. И тогда ты опять же радуешься, что захватил тоненький матрасик, а одеяло взял тёплое, потому как знаешь, что через несколько дней, солома спрессуется в жёсткий блин, а то и вовсе куда-то исчезнет, но тебе будет опять же радостно от «гордости» за свою предусмотрительность и смекалку.

А утром подъём засветло, и традиционный чай, с неизменным запахом солярки, а к нему кусок хлеба с маслом, либо с повидлом, консистенцией и видом своим, напоминающий солидол, но всё равно вкусное, потому что настоящее, дей-

ствительно фруктовое повидло. А ведь сейчас и слово-то такое более не встретишь,— повидло! Всё чаще: джем, да джем!

А обед уже в поле, прямо на рядках, поэтому и берёшь с собой чашку с ложкой, а вдобавок ещё и кружку, сложив всё это в свободный фартук для сбора хлопка. И идут все на поле пешком, позвякивая и постукивая незатейливыми «полевыми столовыми приборами», если поле не очень далеко: километрах в двух-трёх. Идут, стараясь не загребать ногами глубокую дорожную пыль, пока ещё не такую лёгкую, прогретую, не очень летучую, из-за утренней свежести. Но беда, если растянувшуюся колонну хлопкоробов обгонит вдруг трактор, а тем более, с вереницей пустых громыхающих тележек, и поднимет пыль «до небес», которая накроет всех густым «облаком». И тогда, абсолютно все, невзирая на возраст свой и пол, воспитание и образование, моментально забывают нормальную речь и используют «ненормативную лексику», провожая злополучный «тракторный поезд», тракториста и всю его родню в придачу, до тех пор, пока не осядет пылевое облако. Но ко всему человек привыкает, вернее, свыкается, часто не совсем «приятным», поэтому по прошествии совсем немного времени, и уже не обращаешь особого внимания на «какую-то» пыль, даже когда проедет, тот самый трактор, буквально рядом с обедающими в поле...

Возвращались с поля уже затемно. И ужин, в «столовой», обитой, как и спальные нары, тарной мешковиной...

Но, несмотря на полный световой день работы, всё равно, как только начинались танцы и ты, забыв про усталость, да и вообще про всё негативное, накопившееся за день, обретал новые силы и неиссякаемый оптимизм и мог танцевать и радоваться жизни бесконечно. Это ведь молодость, а «молодость – недостаток, который быстро проходит». Но это, взятое в кавычки, высказывание немецкого философа и поэта Иоганна Вольфганга Гёте, не очень мне нравится, поэтому возьму несколько другой афоризм, принадлежащий Александру Дюма (отцу), который именно сейчас, в моём возрасте, более уместен: «Молодость – большой недостаток для того, кто уже немолод».

Обо всех хлопковых кампаниях в моей жизни можно написать книгу, или одну песню, но хорошую и не очень протяжную, но я всё-таки вернусь, дорогой мой читатель, к тому, где я начал рассказывать, как на первом курсе устроился на «ворох», – так просто называли машину, которая перерабатывала, прямо в поле, хлопковый «подбор», представляющий собой смесь хлопка и листьев, а также остатков раскрытых коробочек, но, – кроме зелёного курака, который ещё, повисев на кусте какое-то время, должен раскрыться, высохнув, и только тогда уже пустят по рядкам куракоуборочную машину! Если только, чрезмерно придирчивый весовщик, назначенный преподавателем, как наиболее серьёзный и надёжный, на его взгляд, твой же однокурсник, заметит в высыпанном, уже взвешаном хлопке, хотя бы несколько зелёных кураков, попавших туда, вполне случайно, – ведь не для увеличения же веса засунул ты их в фартук, возможно, просто сделал «артиллерийский» припас, покидаться в приятелей, – то берегись! Ведь весовщик, исходя из степени «идейности», помноженной на усердие, снимет половину, а то и весь, принесённый тобою на весы хлопок! Всякие были весовщики, из твоих же однокурсников, вот поэтому-то и устроились мы, бригадой из четверых, работать на «ворохе», где, хотя и гораздо труднее, зато гораздо вольнее и свободней, во всех отношениях, да и работаешь через день.

Я очень часто, особенно когда не могу долго заснуть, то вспоминаю один всего лишь день. Это когда мы, переработав, далеко за полночь весь хлопок, и в напрасном ожидании погрузочной тележки, на которой мы, вместе с хлопком, хотели добраться на ночлег до наших барачков, тщательно отряхнувшись, слегка умыв «чумазые» от пыли, лица свои, водою из фляг, кое-как, чем-то утёршись, упали в белоснежный, чистый, сухой, распушённый, только что переработанный нами на ворохе, огромный хлопковый «сугроб», зарылись в него, а тракторист из местных, отцепил свой трактор от вороха и уехал, оставив нас дожидаться чего-то. А чего, – так и не сказал!

Поверь мне, дорогой мой читатель, много было в жизни необычных ночлегов у каждого из нас, но все ведь мы их не помним, да и зачем же, их помнить, а вот этот запомнился, хотя и уснули мы почти мгновенно, настолько было уютно и легко, посреди огромных хлопковых полей, лежащих в туркестанской бескрайней степи, под чёрным ночным, усыпанным яркими звёздами, осенним небом!

Я очень часто, особенно когда не могу долго заснуть, вспоминаю этот ночлег и мне как-то становится легко, как-то вольно и уютно, и я стараюсь забыть всё плохое, вернее, не напрочь забыть, а как-то отвлечь свои мысли от неприятных тем, «перенаправив» их, в другие «арычки» памяти, направив по ним чистую, незамутнённую, какими-то пустыми обидами, воду. Например, я думаю о том, что были мы тогда совсем рядом с сельсоветом Старый Икан, где полегли казаки-герои из сотни В.Р.Серова, вспоминаю студенческие годы, своих друзей, подруг, как «чудили» на хлопке, какие песни пели, да многое что вспоминается! Это ведь очень хорошо, что есть о чём вспомнить с теплотой и волнением, а иногда и всплакнуть! Даже и о тимуровском движении в далёком детстве! Есть о чём вспомнить, даже и, не отправляясь дальше нашей чимкентской области, – дальше детства и юности. Славное было время!

Ну вот, ничего не забыл? А время, действительно было славное, дорогой мой читатель! Ещё одну главу готовлю, ты уж потерпи...

Глава двенадцатая

Возможно, не последняя

*У всякой вещи, едва она достигнет совершенства,
наступает ущерб.
Пусть не обольщается человек благополучием жизни.*

Салих ар Ронде

*Будьте внимательны к своим мыслям –
они начало поступков.*

Лао-цзы

Возможно, действительно не последняя, потому как, даже не «выходя» за пределы чимкентской области, всего-то размером в детство и юность, почти невозможно всё это описать, но запомнить хотя бы надо, пусть и не всё, а самое важное, дорогое и понятное не только мне, но и многим, а уж тебе, дорогой мой читатель, обязательно, ведь ты дошёл до этой главы, стало быть всё-таки почти дочитал, хотя я и не навязываю своё, в некотором роде назидание никому, – даже тем, кому бы имел полное право и возможность это сделать. Вот и продолжаю писать, надеюсь и не самую последнюю главу моего *essai*, что в переводе с французского означает «опыт», поэтому я и сам, выбравший этот жанр, основателем которого был Мишель Эйкем из замка Монтень, написавший свои «Опыты», хочу как-то закончить своё эссе, придать ему относительно завершённый вид, хотя и ограничусь, пока только, первой книгой. Да к тому же, ещё и не придумали мы с тобой, уважаемый мой читатель, даже и названия нашего «литературно-исторического» путешествия!

Как я? Здорово «загнул»: литературно-историческое путешествие! Это же надо! А поскромней разве нельзя? Но как говорила великая еврейка Голда Меир: «Не будь так скромн – ты ещё не настолько велик», то давай всё-таки хотя бы прислу-

шаемся к этому совету? А велик или, напротив мал, некоторые рассматривают это совсем с иных позиций, ну, например, с понятий «дородности» или же «худобы», даже и такие есть, но нам всё это, не так и важно. А поэтому назовём наше «эссе» просто: «Жил-был Чимкент»! Я думаю, что название, – в самый раз, тем более, никого не будет оно раздражать, или же настораживать, а ведь именно так и начинаются все сказки, а мы ведь все ждём продолжения старой и доброй сказки своего детства. Но я же, честно предупредил читателя об искренности и правдивости написанного, хотя любое эссе всегда несколько субъективно. Я же претендую, именно на объективность, а тем более, – написанное мною, совсем даже не сказка. А если вдруг, кто-либо, внезапно оскорбится и вознегодует, то пусть успокоится и считает это, для себя лично, – обыкновенной сказкой, взятой из жизни. Но только не следует, ожидаемым оппонентам, а они обязательно будут, хотя мне и не особо нужны, ведь эссе, – это, прежде всего, подчёркнуто индивидуальная позиция автора, использовать, этим самым оппонентам, наиболее расхожий, в своём примитивизме и нарочитой глупости, но и вместе с тем, – «беспроигрышный» аргумент: «Видимо Вас кто-то сильно обидел?», с которого и начинается большинство подобных комментариев, например, в «Одноклассниках» или ещё где-то в социальных сетях, где можно поупражняться в злословии или же в глупости. Но в одном я уверен и отменно спокоен: никто не «додумается», да и не посмеет, поменять всего-то три буквы в названии «Жил-был Чимкент», чтобы именно тогда, каждая вторая буква, каждого слова в названии превратилась в букву «Ы», а буква «Ч», совсем некстати зашипев, «выпущенным паром», обернулась буквой «Ш»! Проще сказать, а оно действительно так: «Операция с Ы и другие приключения Ш», что и произошло с именем города Чимкент, случай, пожалуй, едва ли не единственный в истории, когда в русском языке отступили от правила и «согласились», именно по-русски писать с грамматической ошибкой, лишь только потому, что в казахском языке, хотя и есть буква «Ч» в алфавите, но сам звук этой буквы отсутствует. А буква «Ы»

как-то «сама пришла» вместе с «ошеломлёнными» русскими, многие из которых до сих пор никак не сообразят: в чём же вопрос и где же ошибка? Но тогда, когда всё менялось, ломалось и «перекраивалось», русским было совсем не до этого, – вот и приняли это казахское название, зачем-то перенеся его в русский язык, вместе с этой грубейшей ошибкой, которая не исправлена и по сей день, и к которой невозможно привыкнуть, разве только отменить самое первое правило, которое мы учили ещё в первом классе! Но это было «тогда», когда именно в России, на это внимания не обращали. Не обращали именно те, кому по роду их деятельности как раз-то и надлежало обращать на это пристальное внимание, но видимо, им было не до того, да и вообще, дескать, не следует «влезать» в дела суверенных «новорожденных» государств. Но, выходит так, что ошибались они, ни во что вмешиваясь, а скорее всего делали это намеренно, продолжая прежнюю политику, благодаря которой и развалилось Единое и мощное Государство.

Но «выпускание пара» из «интернационального» этнического котла не прекращалось, хотя и давление в нём, было нормальным, и вот уже некоторые, страдая от «чрезмерного перегрева», продолжили это, сделав основой своей политической платформы, «выпуская» уже отнюдь не пар, а нечто другое, о чём неприлично даже и говорить. Ведь на самом деле, все эти переименования в многонациональном, разноконфессиональном Казахстане, где была обозначена и нарочито озвучена «титульная нация», внесли особенно весомую лепту в нарушение того национально-политического симбиоза, который был характерен именно для этой территории, и они, когда-то, дадут свои «гнилые», несъедобные плоды. А то, что эти плоды будут обязательно гнилыми, – в этом можно даже и не сомневаться! И не приведи Господь, упасть им с дерева, если кто-нибудь начнёт трясти его. Но я всё-таки надеюсь, что иссохнут они, так и не вызрев, на жарком среднеазиатском солнце!

А вот извиниться надо бы, вернее, даже не извиниться, а пояснить, потому как, помнится, в девятой главе, назвал я

чимкентскую Чапаевку «куркульской», и сохранил это слово в тексте, хотя и сам достаточно долго прожил там, да и мать моих детей, моя жена, – чапаевская. И большинство считает это оскорбительным, поскольку это прозвище, имеющее более чем достаточное количество синонимов, самым «нормальным» из которых будет слово «кулак», да и то, если отбросить ругательный политический смысл, а наиболее интересные из них, скорее всего, перенесённые из польского – «жмотяра» и «жмидла», ничего общего со словом куркуль не имеют, это поздние, большей частью «политические наслоения» эпохи коллективизации, потому что куркуль, – это сокол и так называли иногда сами же себя, в обычном разговоре, казаки Черноморского казачьего войска, родным языком которых был малороссийский. Черноморцы всё-таки отличались от той части линейных казаков, которые вместе с ними в 1860 году составили Кубанское казачье войско. Поэтому куркуль это хорошее слово, ласковое, доброе, боевое. Сокол! А как попало это «кубанское» слово на чимкентскую хлебосольную Чапаевку? Так знамо дело: вместе с людьми и попало! Как же ещё?

Конечно, одно и то же слово, может звучать по-разному и даже иметь совершенно разный смысл и значение. Но прежде всего любое слово и любая речь должны быть всегда убедительными и запоминающе-доходчивыми, даже если и слов не так уж и много. В жизни мне повезло слышать именно такие речи, тех людей, у которых какая-то, врождённая, генетическая способность говорить так, чтобы это отложилось в памяти навсегда. Помню, обязательно в школу всегда приглашали фронтовиков, – наших родителей: тогда еще неуместно было слово ветеран, что в переводе с латыни, означает старый солдат – *veteranus*, потому, хоть и в возрасте были наши отцы, поскольку пять лет войны, это большой срок, вот и «нарожали» нас, будучи уже в «возрасте», но это же, были наши отцы, которые ещё и не успели обзавестись внуками, по «причине» уже нашего возраста, послевоенных детей.

Когда мы учились в девятом классе, помню, пригласили отца моего одноклассника Юры Мурачёва, с которым мы уже

встречались, уважаемый читатель, в четвёртой главе «Тюль-кубас – лисья голова», потому что мы вместе с ним работали, будучи ещё школьниками в пионерском лагере «Горный», я – художником, а Юра – фотографом. Так вот, пришёл Юрин отец, а следует сказать, что Юрина мама тоже участница войны, хотя об этом я узнал совсем недавно, пришёл весь в орденах и медалях, весь такой «колоритный», представительный, и стал нам рассказывать, причём и сам голос, – густой, хриплый бас, удивительно гармонировал с его фигурой. Пригласили его на классный час, в предверии Дня Победы, а несколько раньше, на уроках истории прошли темы, связанные с разгромом империалистической Японии, завершением 2-й Мировой войны, где было сказано много всего, но не выходя за пределы школьного учебника истории, – так, как того и требовала программа. Но мы-то, уже и сами соприкаснулись с интересующими нас вопросами, особенно теми, которые касаются Японии, которая «пришла» к нам не только в виде, удивительно лёгких, тёплых, удобных, практичных и красивых, но страшно дефицитных японских курток, произведённых ведущими японскими монополиями «Мицуи» и «Мицубиси», но ещё и замечательным, «страшно» полюбившимся всем ребятам, фильмом режисёра Акира Куросавы «Гений дзюдо», вызвавшим ещё больший интерес, но уже к японской культуре, к её литературе, шелкографии, ксилографии и гравюрам Китагава Утамаро. Помнится, я даже начал читать книгу философа Янагидо Кэндзюро «Философия свободы», поскольку в домашней библиотеке тогда других книг японских авторов не оказалось, кроме этой, которую я вообще не понял, и даже не дочитал, поскольку до «марксизма» тогда ещё не «дорос», да и преподавалась тема «марксизма» везде, включая и вузы, с какими-то «местными», современными вставками. А эта книга, изданная в 1958 году, которая хранится до сих пор, как память о том времени, в моей библиотеке, и которую я всё-таки «одолел», но гораздо позже, – уже взрослым, была тогда для меня, в детстве, вообще сложнейшим «ребусом».

Так Мурачёв старший особо много и не говорил, особенно о войне с Японией, но было сказано, гораздо больше, чем

на уроках истории по этой теме, да и всё, о чём он говорил, запомнилось, а последняя фраза, – отпечаталась: «Самурай, по-японски герой, но оказались героями мы, – русские, советские солдаты!» Именно так и сказал, слово в слово, даже порядок тот же, казалось бы, – ничего особенного, возможно, что кто-то сказал эту фразу и до него, но ведь сказать-то, можно по-разному! В одном случае, высыпать слова, словно горох из чего-то куда-то, при этом бахвалясь, с «геройским» видом, а в другом – пробубнить себе под нос, а ещё, возможно, произнести речь, и с «театральными» придыханиями и прочими, крайне раздражающими, сценическими премудростями, что наиболее неприятно и почти всегда, – неискренне. Но почему-то именно такая манера разговора принята у наших первых лиц государства. А здесь же, сказано было тяжко, но спокойно и уверенно, с осознанием их правильности и значимости, укладывая эти же слова, словно фундаментные блоки в основание, какого-то, самого наиважнейшего «сооружения», название которому – ЧЕЛОВЕК!

Помню, старший брат Юры Борис, учился в военно-морском училище в Баку, и Юра хотел сделать фотографии нашего класса, именно скомпоновав их в фотовиньетке, по типу тех фотографий, которые делал в училище его старший брат. Ну, например Борис делал виньетку в виде подводной лодки, из круглых иллюминаторов которой, смотрели портреты курсантов-подводников. Юра и мне предложил нарисовать какую-нибудь виньетку, но наша затея провалилась по ряду всевозможных причин, хотя почти всё для этого было готово.

Почти пятнадцать лет назад, 15 августа 2001 года, в Баренцевом море случилась страшная трагедия – затонул атомный подводный ракетный крейсер «Курск». В списках погибших значился капитан 3-го ранга, командир Мурачёв Дмитрий Борисович – внук героя-фронтовика Мурачёва-старшего, сын Бориса. Ему было всего 32 года.

Я вот всё чаще повсюду встречаю какие-то нелепые «самодельно-кустарные» высказывания, большей частью, неграшливо переделанные и подогнанные, многочисленными

авторами, в нелепые предостережения о «недопустимости» обращения к прошлому, причём в основном такого примитивного «изготовления», которые и самому даже совестно приводить в качестве примера. Но всё ведь и так понятно, потому что все эти неуклюжие советы «не оглядываться», или же, ещё более нелепые «инструкции-предостережения», – не стоять лицом к своему прошлому, потому как, в этот момент, расположен «другим местом» к своему будущему, даются для того, чтобы ты свыкся с мыслью и ощущением, что прошлое – пора бы забыть. Но оно ведь было совсем даже не таким уж и плохим, а напротив, – замечательным, а предостережения направлены именно на то, чтобы люди забыли своё прошлое. Но мы ведь – особенные, унаследовавшие от СССР самих себя, ведь нас действительно честно растили, делая из нас человека будущего, мы читали именно то, что нужно, то, что делает человека именно Человеком, но нас предали именно те, кто сейчас и предупреждает, о недопустимости оглядываться в прошлое. А затем эту эстафету принимают другие, молодые, которые уже искренне верят в то, что они говорят.

А как же не оглядываться? Или же идти вперёд, как в сказках, куда глаза глядят? Ведь глобальные идеи, да и навязанные извне Горбачёву, а он навязал их нам, эти непонятные «общечеловеческие ценности» и «прочая-прочая», полностью исчерпали себя, даже и, не осуществившись, а напротив, – наделав бед! А вдруг, да и обронили мы что-то, нужное и настолько важное, что может быть и стоит поискать потерянное, вернувшись назад? Может быть, и пригодится в пути, а вполне возможно, что и обойтись без этого никак нам нельзя? Естественно, прошлое не вернёшь, но веру в будущее ведь можно вернуть? Ведь исследуют же, скрупулёзно и очень серьёзно весь наш советский период, мудрые китайцы, и находят там тысячи готовых рецептов и готовых подсказок, повсеместно используя их. И мы ведь всё помним и знаем, и умеем ещё и сравнивать, – почему же стараемся забыть это? Ведь СССР – не просто моё или твоё детство, это же наша Родина, и мы ведь это признавали! А ведь весь мир верил в эти мифические, не-

реальные, да и никчёмные идеи со дня начала «горбостройки» и до самого дня падения СССР, и даже после продолжал верить!

Но обращаюсь к Библии, а именно к Первой книге Моисеева «Бытие» (гл. 18 стр. 16–33), именно когда ангелы выводят из города праведного Лота с его семейством – женой и двумя дочерьми – прочь из обреченного города и велют им бежать и не оглядываться назад, чтобы не погибнуть. Жена же Лотова, убегая, всё-таки оглянулась назад, якобы жалея об оставленной греховной жизни, а возможно, что ею двигало обыкновенное женское любопытство. Хотя, тогда почему же не оглянулись и обе дочери праведного Лота? Они что, лишены присущего женщинам, да и не только им, любопытства? Нет, здесь нечто другое! Оглянулась, задержалась, – и сразу превратилась в соляной столп! «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождём серу и огонь от Господа с неба. И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастения земли.» Вот он, строгий урок нам: когда Господь спасает нас от греха, нужно бежать от него, не оглядываясь на него, не сожалея о покинутом греховном. Но разве же жизнь в СССР не заслуживает того, чтобы оглянуться назад и подумать, возможно, и сожалея о потерянном? Не спорю, очень был трудный путь, иногда и страшный, но он ведь почти выровнялся! А разве сейчас знаем, куда мы идём? И не маячат ли, уже именно там, впереди, куда «глаза глядят», очертания новых Sodoma и Гоморры, разве не пытаются призывать нас к этому, однополыми браками, всевозможными «гей-парадами», и прочей мерзостью, наши недруги, что не только греховно, но и преступно, ибо преступаются тем самым, Заповеди Божьи?

Я, почему-то, вспомнил Чимкент, конец апреля 1966 года, тогда перед самым рассветом, когда исчезает бархатная чернота южной ночи и предметы становятся различимыми, в ожидании наступления полного утра, но все ещё спят, и сон самый крепкий и сладкий, все внезапно проснулись оттого, что дом стало страшно трясти, и я помню, очень хорошо, тот, особенно

громкий звук, скрипящих деревянных балок и стропил на чердаке, примерно такой, как если бы взял в неумелые руки свои, какой-нибудь идиот скрипку, и стал бы однообразно и тупо, но быстро-быстро, водить смычком по струнам её, извлекая некий звук, а к нему присоединилась ещё сотня таких же, больных неумех, то этот звук, возможно и совпал бы с тем, которые издавали эти балки в сопровождении гулко, тяжкого, барабанного *tremolo*.

Тогда, 26 апреля 1966 года, в 5 часов 23 минуты местного времени произошло землетрясение силою в эпицентре 8 баллов по шкале Рихтера, эпицентр же пришёлся аккурат на город Ташкент. Официально было объявлено, что жертв не было, а лишь в больницы попало всего-то 150 человек, на самом же деле всё было не совсем так, и жертвы были, и больницы были переполнены, но тогда старались об этом и не говорить, а вот почему – не могу знать, хотя и прошло, с того времени, ровно полвека.

А в Чимкенте было всего 6 баллов, а это на расстоянии от эпицентра чуть более сотни километров, но и разрушения были, особенно в Старом городе и на Зелёной балке, но об этом даже и не говорили, а уж тем более нигде не писали. Тогда трясло до декабря месяца, и все уже как-то привыкли к этому, но вот только оркестр неистовых, безумных «скрипачей» больше не звучал – толчки были слабые.

Тогда Ташкент восстанавливали, по сути, отстраивая его заново, всей страной. Чимкент тоже внёс свою, особую лепту в строительство нового Ташкента – почти весь цемент чимкентского цемзавода отправлялся туда, а састюбинский, цветной, который предназначался на декоративные вставки, для украшения зданий – абсолютно весь. Ведь тогда в Советском Союзе, кроме нашего из Сас-Тюбе, по сути никто и не выпускал цветной цемент. До сих пор украшают дома Ташкента балконные вставки, выполненные в виде арабесок, всевозможные декоративные решётки – панджара: всё это выполнено в лучших традициях мусульманской архитектуры,

и всё это из састюбинского цветного цемента, – удивительной светостойкости и пастельной разбелённой приглушённости.

Теперь такое невозможно, потому как не под силу одной республике, ибо тогда Ташкент строила вся Страна, но это стараются вытравить из памяти, вот и постепенно, вроде бы незаметно, исчезли старые прежние названия, памятные надписи, напоминающие о том, от кого этот микрорайон, или же, какое-то великолепное здание, подарено городу Ташкенту. Ясно и очевидно, что как-то не встраивается братская помощь в современную концепцию, так называемой национальной независимости абсолютно всех среднеазиатских республик, включая и Казахстан. Не вписывается в их «новую» идеологию, которая вообще не признаёт ни за российским, ни за советским периодами, абсолютно ничего хорошего и только иногда, чаще всего, в целях личной безопасности какого-нибудь первого руководителя страны, всё-таки слышатся слова благодарности, произнесённые им почти шёпотом, с «потупленным взором», да и то – после списанного долга. И это горькая правда! Всё постепенно забывается, меняются названия, меняются оценки, меняются цвета, плюсы меняются на минусы, а минусы, напротив – на плюсы, тех, кого считали подонками, – провозглашаются героями, сказка объявляется самой настоящей былью, а ещё и не забытая правда, – ложью, а кто нещадно врал и грешил, – объявляют себя праведниками!

И вот уже на «смену» интеллигенции пришла «элита», появившись из ничего, потому как не распространялось это слово никогда на людей, а пришло оно всё с той же эпохи колхозно-механизаторской терминологии, введённой в перестроечное время. Ведь французское слово *élite* означает – лучшие, отборные растения или животные, полученные в результате селекции и предназначенные для дальнейшего размножения, что и особенно настораживает и пугает, если иметь ввиду это же, в отношении «людской элиты».

Помню, не совсем и понятный, референдум о сохранении Союза, а непонятный уже и потому, что сама тема была какой-то дикой, «неправдашной», что тогда основное большинство

граждан, даже и не могли себе представить распада СССР, но некоторые проголосовали против сохранения, лишь только потому, что надеялись на то, что отрицательный результат, хоть как-то «вразумит», заигравшуюся в «перестройку», центральную власть и она поймёт, что пора бы и действительно что-то делать, для исправления «сотворённого». А для начала, хотя бы внимательно перечитать классику, в первую очередь «Капитал» Карла Маркса, который, собственно, некоторые из нас, серьёзно и внимательно, осознано и дотошно, а самое главное, – добровольно, перечитали именно тогда, а многие, напротив, продолжали размахивать им, словно жупелом, «страшая» народ и поднимая на смех любого, кто «осмеливался» цитировать этот серьёзнейший труд. И я отнюдь не фантазирую, потому что свои «соображения» на этот счёт, люди высказывали вслух, не боясь. И вовсе не потому, что была «гласность» и «плюрализм», хотя эти слова и набили оскомину, нет, просто народ страшно устал от непонятного, невразумительного и ненужного. Устал и растерялся! Но что удивительно: партия, которая должна бы идти в авангарде, растерялась так же, как и мы, – простые беспартийные люди, в большинстве своём, оказавшиеся более порядочными людьми, нежели большинство «партийцев».

А Союз пятнадцати республик распался, но и даже тогда, большинство граждан, восприняли это не как трагедию, а как фарс, потому что создавалась иллюзия, что ничего-то и не произошло, ведь первые руководители республик Союза оставались на «своих местах», всё оставалось прежним, и лишь только «опротивевший» большинству М. Горбачёв, в котором страшно разочаровались, к счастью, наконец-то «исчезает». И только потом наступило осознание того, что это действительно так, что Страны больше нет! И стали постепенно понимать, что в очередной раз, именно Россия оказалась ограбленной теми, кто поднимался именно на её дотациях, безжалостно обкарнывающих и без того скудные жизненные «пайки» её жителей, особенно тех областей, по которым огненным смерчем прокатилась война. Но самое страшное и обидное было то, что

более 25 миллионов русских и огромнейшие районы, испокон веков заселённые русскими, оказались за рубежами России. Но вот же, опять, что крайне интересно, выборы именно на Украине и в Казахстане показали, что большинство русских «на дух» не хотят российской власти, вероятно, всё же, потому, что на первый план тогда выдвигался социальный фактор, а национальный вопрос и прочее, заставляло задуматься очень немногих, голоса, которых, старались не замечать, или же отмахиваться, словно от назойливой мухи.

А хронометр продолжал равнодушно и мерно «отщёлкивать» время совсем другой уже, постсоветской истории. И как сказал в своё время итальянский политик Камилло Кавур, после объединения страны: «Мы создали Италию, давайте создавать итальянцев», а поскольку «перестройка» и происходящие в это время разрушительные процессы значительно изменили реальные этнические самоощущения большинства казахов, то труда особого, по «созданию» нового казаха, это не составило. Откровенно говоря, он уже был давно готов, этот самый казах-государственник. Это был обыкновенный выпускник обычного педагогического института, причём самого «непрестижного» факультета, да и попавший в институт по какой-нибудь «целевой разнарядке», либо направлению, готовивший учителей русского языка в казахские школы, после окончания которого, выпускник должен был опять отправляться к себе домой, в отдалённый животноводческий район области, что было почти всегда, не очень-то и приятно. Но у казахов до сих пор доминирующими являются родоплеменные отношения, которые позволяют этому молодому специалисту обратиться к соплеменнику, имеющему хотя бы незначительный пост, не говоря уже о высоких должностях. Родственник, просто обязан помочь ему! Так уж устроен казахский народ, а плохо это, или же, напротив, — хорошо, трудно сказать, но почти всегда это имело весьма негативные последствия. И даже сами казахи об этом говорили чаще всего с неодобрением и насмешкой.

Я очень часто вспоминаю наш Аксу-Джабаглинский заповедник, известный едва ли не во всём мире и помню не очень-

то и засушливый 1975 год. Именно в тот год распоряжением председателя чимкентского облисполкома Шаймерденова Жамалбека, по национальности казаха, в уникальнейший Аксу-Джабаглинский заповедник запускается более полумиллиона голов скота для выпаса. Я помню, что тогда, никаких «возмутительных реплик» в областной газете «Южный Казахстан» не последовало, а только лишь в вездесущей «Комсомольской правде» от 8 июля 1975 года было написано об этом, чистой воды преступлении. Но в историю заповедника вписан интереснейший эпизод, говорящий очень о многом и позволяющий рассматривать данное распоряжение чиновника ещё более негативно. Когда-то, а именно, засушливым летом 1927 года, около 20 тысяч голов скота в Тюлькубасском районе тоже оказались в очень тяжёлом положении, и встал вопрос о предоставлении до 1 сентября 1927 года «под выпас скота заповедника Аксу-Джабаглы как единственное урочище, где выпас возможен». И тогда, директор, самого первого во всей Средней Азии заповедника, русский дворянин, советский учёный Борис Петрович Тризна, обращается в губисполком с докладной запиской «К вопросу об использовании пастбищ заповедника Аксу-Джабаглы». Текст этой докладной записки следовало бы привести весь, но я ограничусь только несколькими фразами, бережно вынутыми из неё: «По долгу своей службы Советскому Казахстану я обязан защищать научно-культурные интересы...Я не преуменьшаю размеров кормового бедствия. Я горячо сочувствую попыткам спасти скот. Я прошу только серьёзно подумать о заповеднике и его задачах и не разрушать, буде возможно, того, что не подлежит разрушению».

Это письмо шестидесятилетнего энтузиаста, глубоко понимающего общегосударственные задачи сохранения истории, культуры, уникальной природы, не могло остаться без внимания. Совет Народных Комиссаров КАССР 13 июля 1927 года вынес следующее Постановление: «Признать, что заповедник Аксу-Джабаглы, имеющий исключительное научное значение, не может быть использован, даже частично, для каких бы то ни было целей, кроме научных. А кроме того,

предписывалось Наркомпросу и Сырдарьинскому губисполкому «принять все меры к безболезненному освобождению от скота». По сути это была своего рода «охранная царская грамота, данная на века», но грубо поправленная, менее чем через полвека председателем чимкентского облисполкома. Хотя, если быть откровенным, то скот выпасался в заповеднике довольно часто, особенно в засушливые годы, но речь идёт о его поголовье, о количестве.

Чимкент, ведь не только имя сменил, но и все улицы в нём получили другие названия. «Досталась» улица и бывшему председателю облисполкома Ж. Шаймерденову. Бывшая улица С.М. Кирова теперь носит его имя.

Кто-то, читая это, может просто посмеяться над автором, дескать, какая беда в том, что домашние животные, – овцы, попались лето на тучных заповедных тяньшанских люцерниках и разнотравьях? Ведь их тоже надо было спасать от бескормицы? И так уж это страшно – временная пищевая конкуренция? Страшно, очень страшно, ведь помимо этого у диких и домашних животных одни и те же болезни и паразиты. Поэтому уже в последующие годы, после выпаса домашнего скота, например в 1967-1968 годах от чесотки погибли многие сотни горных козлов-тау теке и горных баранов-архаров. Именно в этих годах я тоже посещал заповедник. И это только лишь один пример. А ведь в заповедник вместе со скотом и чабанские собаки заходят, а как же без них. И люди ведь живут там всё лето. Вот и ещё один антропогенный фактор.

Но вернёмся к вопросу о выпускниках совершенно не-престижного факультета, знающим достаточно хорошо русский язык, поскольку традиции преподавания языка были в Средней Азии и юге Казахстана, – выше всяческих похвал. А вот свой родной казахский язык они не могли знать плохо, поскольку многие из них впоследствии, его же, и создавали, обогащая и обильно дополняя многими новыми словами, приводя в соответствующую тюрскоязычную норму, порой просто напросто «изготавливая» новые слова, что можно успешно проследить и проверить, сравнив словари разных лет изда-

ния, потому как все ходы этого «языкового» процесса происходили совсем недавно. Поэтому до большинства самих же казахов, владеющих нормальной, разговорной речью, эти языковые «инновации» не доходили и поэтому перевести, скажем, какой-нибудь лозунг или же призывы, опубликованные в какой-нибудь республиканской газете, к первомайским или ноябрьским праздникам, городские, «обрусевшие» казахи не могли. Хотя и слово «обрусевшие» в отношении таких, во всех отношениях, более культурных казахов, становилось в последнее время ругательным, а те, обрусевшие, называли своих оппонентов «мамбетами».

Вот именно с таким «этнолингвистическим» раскладом, оказалась претендентка на статус «титульной нации» Казахстана в момент полного развала Страны, и всё бы ничего, и даже не оказывали чрезмерно большого влияния наличие трёх казахских жузов, – старшего, среднего и младшего на этот, казалось бы, весьма шаткий расклад. Но если ещё и учитывать входящие в эти жузы довольно многочисленные племена, накрепко связанные общим названием и корнями с киргизами, и другими тюркскими племенами, проживающими по всей Средней Азии, да ещё и великосветскую аристократию по рождению, – аксуйёк, будь он хоть грязный, спившийся забулдыга и анашист, но по рождению, остающийся всё той же «белой костью», да добавить сюда ещё и этническое название особого рода кожа, с ударением на последнем слоге, что переводится как господин, хозяин, то становится как-то не по себе, если не сбрасывать со счётов, именно то, что всё это по-прежнему действует и никогда не останавливалось в своём действии, а ещё более усилилось в «перестроечное» время. Хотя и многие казахи тогда-то и познакомились с работой, которая в советское время не признавалась серьёзной, «Шежире» Шакарима Кудайбердиева, знакомящей с родословной казахов. Об этом можно долго очень рассказывать, но я пишу лишь с целью ознакомить, что же стояло, напирая и пританцовывая от нетерпения, в «очереди» первым, на смену интернациональному курсу в новом государстве, где скромно замалчиваемое нера-

венство по рождению, обещало стать основой конституции. Да, кстати, чуть было не забыл: в «белую кость» – аксуйёк, входили, повторюсь, кожа, – это потомки тех, кто совершил когда-то хадж в Мекку, а также торе – потомки Чингизхана, чингизиды. Эти два этнических сословия не входили в жузы. А теперь, подумай хорошо, и скажи мне, дорогой мой любознательный читатель, разве увидел ты, разглядел, рассмотрел, хоть какое-нибудь маленькое местечко, тесный уголок, где бы нашлось относительно полноценное жизненное пространство для другой нации, после того, как в конституции Казахстана была обозначена одна «титульная» нация – казахи?

Интересно память человеческая устроена, вдруг, да, казалось бы, и некстати, а потом выясняется, что аккурат, в самый раз, вспоминается что-то, что ты и не забывал, а просто не «доставал» давно, – не вспоминал, а оно возьми да и приди из Памяти твоей внезапно! Вот сейчас я вспомнил почему-то музей Аксу-Джабаглинского заповедника, расположенный в русской Новониколаевке. Помню одну экскурсию в этот музей, куда нас, юных туристов, повели перед походом в заповедник, и очень понятную и доходчивую лекцию об организации заповедника, о флоре и фауне. Помню чучела зверей и птиц, но особенно запомнился короткий, но ёмкий рассказ о волках, но не об обычных, серых, которые на всех тюркских языках носят название – бури или каскыр, а о красных волках, чучело этого, необычного, крайне редкого зверя, было передано куда-то в какой-то столичный зоологический музей, буквально за месяц-два до нашей экскурсии. Проще сказать: рассказ-то был, а вот наглядность отсутствовала, что было крайне огорчительно, поскольку уж больно это романтично: красный волк! Романтично и красиво, – что скажешь, читатель? Нет, я никогда не был чрезмерно «политизирован», а тем более тогда, в детстве, когда «Купание красного коня» К.С.Петрова-Водкина, вообще никак не воспринимал, большей частью именно из-за цвета лошади. Я не оговорился, применив слово «цвет» вместо «масть», потому как даже у К.С. Петрова-Водкина цвет – это отнюдь не символ революции, как назойливо-настойчиво объ-

ясняли некоторые искусствоведы, а нечто другое, сакральное, исходящее от древнерусской живописи, поэтому, в данном случае, слово «масть» совсем неуместно. Да и создавал это произведение художник в 1912 году, почти на вершине экономической и политической стабильности России, когда о революции вообще почти перестали говорить.

А кроме того я уже тогда «проглотил» почти все книги В.К. Арсеньева и в книге «В дебрях Уссурийского края» прочитал об этих волках, что ещё больше заинтересовало меня. Даже само слово – «заинтересовало» здесь не совсем верное, поскольку, скорее всего, эта тема на тот момент отложилась в памяти навсегда, как говорится, «запала в душу». И при любой на то возможности, я постоянно интересовался вопросом: появились ли вновь красные волки в заповеднике? Но время шло, а красные волки в заповедник не возвращались, – видно ушли совсем с отрогов Таласского Алатау Западного Тянь-Шаня, в высоко поднимающиеся над жаркой Чуйской долиной, горы Киргизского хребта.

Да что тужить-то о волках, пусть даже и красных? Вон, «красный конь» с картины Петрова-Водкина, давно уж сбросил голого, заигравшегося и загордившегося собою, неосторожного седока, со сколького, мощного крупа, да и ускакал, пофыркивая да попёрдывая, литературно выражаясь, «ёкая селезёнкой», в свободном, неистовом беге, куда-нибудь на вольный выпас, и там, среди пышных, сочных и добрых трав, давно уж перестал ждать хозяина своего, но который, возмужав и поумнев, когда-нибудь обязательно придёт, подманив коня удивительной корочкой подсолённого ржаного русского хлеба, вкус, которого конь не в силах забыть.

А гораздо позже я прочитал книгу, не очень известную широкому кругу читателей, но очень известного советского зоолога Евгения Павловича Спангенберга «Встречи с животными», где автор рассказывает об этом загадочном звере, именно о красном волке, обитающем в горах Киргизии. По-киргизски этот зверь носит название «чо», по-казахски бы назвали, возвратись вдруг красный волк в Аксу-Джабаглинский заповед-

ник, просто бы переведя название, именно с русского, чтобы звучало «кызыл бури», а лучше всего – «кызыл каскыр», чтобы даже узбекский, не напоминало! Ну не менять же опять, букву «Ч» на «Ш», подводя под «чисто» казахское звучание?

Тогда, в конце восьмидесятых и начале девяностых, я работал директором, наверное, самой большой, в городе Чимкенте, по наличию У КП (учебно-консультационных пунктов), средней школы рабочей молодёжи №6. Можно даже сказать, что я был «дитя перестройки», но не сказать, чтобы шибко «уродливое дитя», но противоестественное, – это точно! А почему? Скорее всего, потому, что я был едва ли не единственным беспартийным директором школы в городе, на тот период, что чуть раньше было бы практически невозможно, хотя и моё назначение было согласовано в Енбекшинском райкоме партии, где меня спрашивали, что я читаю, проверяя мой «кругозор» и прочую «благонадёжность», проникновенно и «мудро», «попартийному», заглядывая при этом в глаза! Помню, что когда я начал «озвучивать» список «используемой» в последнее время литературы, включая «возвращённую», надеясь обрести интересную «собеседницу», в лице этой партийной дамы, то остальные вопросы сразу как-то «отпали». Задавать же самому, какие-то вопросы, которые могли быть расценены как чрезмерно каверзные, я не решился, потому как, тогда субординация соблюдалась всеми ещё неукоснительно, да я и сейчас придерживаюсь её. Вообще, время тогда наступило, какое-то обнадёживающее, поскольку, как я писал выше, распад страны мало кто и ощущал, но какое-то «еврейско-цыганское чутьё» вселяло вместо надежды, смутную тревогу.

Во-первых, появились какие-то многочисленные общественные организации, которые «бесцеремонно» надстроились над государственными структурами, иногда и взяв на себя некоторые функции, которые вообще несвойственны подобным общественным образованиям. Я имею ввиду общество «Казак тили», что переводится как «казахский язык», но великое счастье было в том, что в него поначалу входили большей частью действительно нужные и полезные люди, но затем,

когда ряды «Казак тили» пополнили новые, молодые кадры, те самые активнейшие и ретивые «аульские ребята», как говорят поэты: «сыны ветра и песка, кызылкумцы», претенденты «на государеву службу», которые дополнительно сами увеличили свои полномочия, что внесло некоторую сумятицу и хаос в обществе, но их чуточку «сдержали» и вскоре всё наладилось и стало достаточно управляемым и стабильным.

Во-вторых, произошло то, что принято обозначать как разрыв единого образовательного пространства СССР и его обособление в рамках образовавшегося нового государства. Собственно, это были только первые пробы, суть которых сводилось не только к доминированию темы именно Казахстана, над государством, которого уже не стало, имеется ввиду распад СССР, но и полная их отмена. Например, выбранные и предварительно утверждённые темы дипломных работ, выпускников исторических факультетов по истории СССР, или же Всеобщей, – отменялись, и могли быть утверждены только темы по истории Казахстана. В 1992 году темы, связанные с историей Казахстана, но не в отрыве от истории СССР, тем более с, ожидаемой «скандальной» интерпретацией, были ещё не под запретом, хотя и воспринимаемы с осторожностью и, соответствующей подстраховкой.

Я ведь писал, помнится в десятой главе, что поступил на исторический факультет с целью получения базового исторического образования, а поскольку был зачислен сразу на третий курс, то учёба, к великому моему сожалению, очень быстро закончилась, дав мне пусть короткую, но возможность, снова почувствовать себя молодым, весёлым студентом, пусть даже и на период, крайне коротких экзаменационных сессий.

Но вернёмся к моей дипломной работе, дорогой мой читатель, с целью всё-таки понять и разобраться, в тех процессах, которые захлестнули, уже «независимое» государство Казахстан. Так вот, темой моей предыдущей работы была следующая: «Роль публицистики и художественной «возвращённой» литературы в формировании исторических знаний». И я уже почти её написал, где были разделы, касающиеся и «раска-

зачивания», и коллективизации, и басмачества, и вообще, «возвращённой литературы», публикация которой стала возможной в «перестройку», а также был раздел, касающийся литературы Казахстана. Но оказалось, что всё это не нужно, а требуется лишь то, что касается истории одного только Казахстана, а поскольку, так называемой «возвращённой» литературы у казахов не оказалось и возвращать-то, по сути, было нечего, то тема была изменена, и утверждена следующая: «Публицистика и беллетристика Казахстана в формировании исторических знаний», основой же работы, послужил, по сути уже готовый раздел, из моей основной работы.

Я не устану повторять, что те люди, которые вдруг встретились нам на жизненном пути, отнюдь не случайны, и оттого, каких людей больше, хороших или же «не очень», повстречалось нам на извилистых «житейских» тропах, зависит вся наша жизнь. Мне же, чаще всего, встречались люди именно хорошие: стало быть, мне повезло! Руководителем моей дипломной работы, согласился быть очень интересный во всех отношениях человек, – доктор исторических наук Юрий Павлович Гриневич. О нём и его жизни можно написать книгу, собственно, книгу можно написать и о каждом, но книга о Юрии Павловиче будет особая, поскольку судьба его крайне интересная. Если принять во внимание, только лишь то, что является он потомком одного из декабристов, что родился в русском Харбине, в этом оазисе русской эмиграции в Китае, как потом оказался в СССР в Игарском детском доме, где в числе его друзей оказался и Витька, ставший впоследствии, известным русским писателем, с которым они и продолжали дружить, и это Виктор Петрович Астафьев, который «вывел» его в одном из своих рассказов под прозвищем Географ, то это будет интересная книга. Так вот, – этот замечательный человек был моим руководителем при написании дипломной работы. В декабре этого, 2016 года, получил несколько запоздалое скорбное известие из Чимкента о смерти, на 89-м году жизни Ю.П. Гриневича, поэтому не мог не сделать вставку в эссе, уже написанное в июне месяце.

Почему-то, принято считать, что история как наука, не терпит сослагательного наклонения, хотя это совсем не так, вернее если именно как наука, то согласен, ну а если история, как опыт поколений, если история как наша жизнь, наполненная ошибками не только нашими, но и других людей, от которых зависит и наше благополучие, то анализ контрфактивных ситуаций, никогда не происходивших, не существующих в реальном мире, но всё же, рассматриваемые обсуждающими, как принадлежащие к альтернативному миру, поможет правильно оценить события и уберечь, в дальнейшем, от возможных ошибок. Ибо, хотя и утверждают, что история не повторяется, но, как сказал Лоренс Питер, канадско-американский педагог и литератор: «История вынуждена повторяться, потому что никто её не слушает», то аккурат проработка возможных вариантов событий, произошедших в истории, в какой-то мере, уберёжет от возможных ошибок в будущем или же настоящем.

Дипломную работу я защитил на «отлично», хотя и она вызвала спор, но это был приятный, позитивный спор, хотя и «озадачивший» меня. А институт я окончил с отличием, получив «красный диплом» и даже это «событие» было отмечено в газете, которая появилась именно в этом же, 1992 году, под названием «Своя газета», в качестве, пусть слабой, но альтернативы существующей областной газете «Южный Казахстан». Но это не похвальба, а именно совпадение каких-то общих событий, в том числе и моих личных, каких-то позитивных ожиданий в жизни Страны, в жизни моей семьи. Ведь даже тогда, мало кто воспринимал распад страны как окончательный и бесповоротный, но всё-таки, отнюдь не внезапно, и настолько напористо, бурно, были пущены националистические потоки, на уже подготовленную почву, и уже засеянную непонятными, и даже неопробованными семенами, которые уже бурно проросли, дали всходы, и обещали когда-то, в будущем, принести свои плоды. И это достаточно сильно ощущалось!

Ну что, дорогой ты мой читатель, давай вернёмся к теме «альтернативного мира», к теме «сослагательного наклонения», к теме «а если бы...», да выдвинем, хотя бы один вариант

контрфактивной ситуации, которая никогда не существовала, не существует, да и не будет существовать, как это ни печально? Так вот, попробовал «поиграть» в эту игру со своей женой и сразу же, получил исчерпывающий ответ: «Если бы Д.А. Кунаев поработал на своём посту, оставаясь у власти, пусть даже и в развалившейся Стране, то многого, особенно Исхода русских, удалось избежать!». А я же, тоже внёс своё «если бы», а именно: не приди к власти М. Горбачёв, – Страна по сей день была бы жива. Была бы...

Конечно это тема отдельного исследования, где также было бы больше предположений, нежели фактов, но именно тогда Русский мир, который уцелел в Средней Азии даже в революционное время, в гражданскую войну, именно тогда, на второй год после распада Великой Страны, дрогнул и пришёл в движение, – начался Великий славянский Исход. Вернее, двинулись все, у которых было обозначено какое-то направление, обозначенное не судьбою, и не только историческим корнями, не этническим порывом к «своим», а каким-то интуитивным и, одновременно, прогматическим стремлением, – двигаться прочь, в поисках чего-то определённого, пускай и не для тебя самого, на наш бы век хватило, а для детей своих и будущих внуков. Поэтому я даже и не могу объяснить, почему я не поехал в Наро-Фоминск, на Родину своих родителей, а поехал в тёплый Краснодарский край, хотя в Подмосковье нам было бы легче, поскольку там живёт родня, которая никуда и никогда не «перекочёвывала». Хотя и объяснений здесь особых и не требуется, поскольку я находясь в трудовом отпуске, решил поискать место куда можно было бы переехать. Прежде поехал в Краснодарский край, где многое мне было уже знакомо, потому как немного уже пожил здесь, в Анапе. Да и жили уже здесь родственники моей жены Татьяны и мне была предложена должность директора средней школы станицы Новодмитриевской, Северского района, что рядом с Краснодаром, с предоставлением нового коттеджа, с последующим оформлением его в собственность. Фантастика? Ничуть! Разве от этого можно было отказываться именно в то время? А это

был дикий и тревожный 1992 год. В Московской области такое везение могло уже и не случиться. Хотя позже пришлось поработать и в Москве, но об это уже совсем другая тема. Кстати, как и «кубанская» тоже.

Несколько позже в Казахстан, когда из него вынуждено было уехать большое количество, так называемого русскоязычного населения, куда можно было внести представителей почти всех национальностей, живущих в Казахстане, кроме самих казахов, естественно, по приглашению правительства, стали «возвращаться», ушедшие в период коллективизации на сопредельные территории, вместе со скотом, скарбом и прочим имуществом, некоторые представители родовых ответвлений основных казахских родов, так называемые «оралманы», от глагола оралу, что переводится как вернуться, возвратиться. Их семьям выплачивались «подъёмные», а также соответствующие регулярные пособия, на которые многие сейчас и живут. Причём, возвращёнными т.е. «оралманами» были записаны и «казахи», переселившиеся из соседних республик, например, Джизакской области Узбекистана.

Помню, что в период политической конфронтации с Китаем часть из них уже была оттуда выслана в 60-х годах, т.е. возвращена к нам, но точную дату я, к великому сожалению не могу вспомнить, хотя это не так и важно, поскольку я помню их, сидящих во множестве за грузовой железнодорожной станцией Чимкент, по улице Анарова, где они сидели, ожидая дальнейшего распределения. В какой район или область их определили на жительство, об этом никто тогда не говорил, да и не интересовался, а вот внешний облик, особенно их одежду, я запомнил навсегда, – она далека от той национальной одежды, которая рисуется в этнографических атласах, поскольку запомнил я только длиннополые овчинные тулупы и малахаи, а женская же одежда, мало чем отличалась от мужской.

Я ведь уже писал, что существует четыре языковых группы в тюркской ветви, что казахский язык относится к кипчакской языковой группе, наряду с неполной дюжиной национальных языков, входящих в эту группу. Многие же, посчитали «каза-

хами» даже народы, входящую в сибирскую языковую группу, такие как якуты, тувинцы, хакасы и алтайцы, хотя ничего общего, кроме сходного языка, они не имеют. Поэтому тюрки, – это не этнический термин, а языковый, а тем более, повторюсь, многие из этих народов не были даже монголоидами, как, например, туркмены, османы, азербайджанцы. Но я это рассказываю затем, дорогой мой читатель, чтобы ты понял, что в Казахстане, во множестве, съезжались, на освободившиеся места, привлечённые льготами, дешёвым жильём, при его свободном переизбытке, а также множеством всевозможных ожидаемых перспектив, совсем даже и не казахи, а совершенно чуждый не только по ментальности, но и по ряду религиозных и прочих отличий, разноплеменной тюркоязычный народ, который возможно и адаптируется, но казахами они никогда не станут. Вернее, по паспорту, они будут казахи, но «паспортная национальность» не имеет абсолютно ничего общего с реальным этническим самоощущением. Эта мощнейшая и коварная бомба с часовым механизмом, установленным на неопределённое время, и который может быть задействован с любой целью, когда угодно, и кем угодно. А при существующей системе социальной адаптации, – это реально, это прогнозируемо.

Я частенько перечитываю, в который раз, книги Бориса Матвеевича Лапина, этого замечательного этнографа, историка, лингвиста, поэта, да просто замечательного человека, который работал в 1927 году в районах горного Таджикистана в качестве «регистратора демографической переписи ЦСУ, знающего туземный язык». Эта работа позволяла ему очень близко соприкоснуться с населением высокогорных стран Памира – этой «западни народов», во многих отношениях представляющей этнографическую загадку. Например, Б.М. Лапин описывает одно экстраординарное событие, такое как перекочёвка целого племени через границу в Северную Индию. Речь идёт о племени индийских киргизов, или Гурама, открытого в позапрошлом веке, а именно в 1896 году, английским географом Т.М. Ферстером. Но я, к сожалению, ничего не смог отыскать о нём, а поэтому ссылаюсь только лишь на Д.М. Лапина.

Вообще, если подумать, что делать на Памире, этой «крыше мира», где никогда не бывает обыкновенного дождя, и даже в летние месяцы осадки выпадают в виде снега? Отчего же они не бежали на север к своим степным собратьям, а периодически откочёвывали в Канджут, который представляет собой систему примыкающих к Кашмиру долин Северной Индии между южным склоном Гиндукуша и хребтом Каракорум? А теперь и эти племена есть самые настоящие оралманы? И кто-то ждёт, что они вот-вот «превратятся» в настоящих казахов, – гостеприимных и добродушных «казакпаев»? Национальность по паспорту, – это для статистики, но не для жизни, ибо это ничего не даёт, а напротив, значительно усложняет и без того сложный национальный вопрос, это касается любого государства, а тем более Казахстана, с его, более чем явной, этнократией и исторически сложившимся родовым неравенством.

Все, кто переехал из Средней Азии и Казахстана, как-то стараются сблизиться, невольно «объединяясь в землячества». Взятое мною в кавычки, нельзя рассматривать как официальный, а просто это неизбежный, обязательный, объективный процесс, подтверждённый и проверенный самой историей. Нет, это обычные встречи земляков на каких-то мероприятиях, чаще всего скорбных. Но приходят проводить в последний путь земляка, люди, которых тесно сблизило общее новое место проживания, но которые прежде не были даже знакомы. Вот и я познакомился в Кореновске на скорбном мероприятии с человеком, с которым позже, совершенно случайно встретился в Ейске, куда тот приехал с целью посещения могилы Ивана Максимовича Поддубного, похороненного в этом городе. Кстати, это было задолго до выхода нового фильма о нём. И совершенно случайно речь зашла об одногодке Ивана Поддубного, о другом знаменитом борце, о его друге – Хаджи Мукане Мунайтпасове. Дело в том, что мой новый знакомый родом из Арыси, а дедушка его очень хорошо был знаком со заменителем борцом, чемпионом мира по французской борьбе, Хаджи Муканом Мунайтпасовым. Его дедушка работал на паромной переправе через Найманарык, поскольку тогда ещё не было моста. А жил Хаджи Мукан

с семьёй, где-то рядом с Тамерлановкой, в колхозе «Ленинское знамя» нашей Чимкентской области. Он приезжал на паромную переправу на лошади и дожидался, когда наберётся достаточное количество «пассажиров» парома. Лошадь у него была серая, того самого неопределённого цвета, которую лошадь иногда, почти любой масти обретает непонятно почему, начиная быстро светлеть, становясь навсегда светло-серой. Хаджи Мукан никогда, во время ожидания переправы, не разговаривал ни с одним казахом, тогда как с русскими, ожидающими также переправы, очень охотно поддерживал беседу.

Позже выяснилось подобное «невнимание» к своим соплеменникам: знаменитый борец с мировым именем жил в послевоенные годы в крайней нужде. У него даже не было дома, он так и умер в хлеву, от воспаления лёгких в возрасте 77 лет 12 августа 1948 года, в полной нищете, даже не «заработав» пенсии, в которой ему было отказано «за служение царизму». Его могила находится примерно в пяти километрах от села Тамерлановка. Мне кажется, что почти каждый русский житель города Чимкента посетил его могилу.

Сейчас в Чимкенте Хаджимукану Мунайтпасову, в бывшем театральном сквере, установлен большой памятник «под золото», ибо казахи это любят, чтобы обязательно блестело и сверкало, чтобы непременно «под золото», не замечая настоящего золота, даже у себя под ногами, впрочем, как и большинство русских тоже.

А я ведь, почему-то был уверен, что Хаджи Мукан из рода найман, поскольку он жил там, где основным казахским населением, были представители этого рода, а он оказывается Акмолинский, из кипчакского рода алтыбас, но всё равно, ведь известно же было местной администрации, кто, какой человек живёт рядом с ними, а тем более, он неоднократно обращался за помощью. Обращался он также с просьбой помочь ему навещать своего друга И.М. Поддубного, но всё это было напрасно.

Всего на год пережил своего друга Хаджи Мукана Иван Поддубный: восьмого августа 1949 года в возрасте 78 лет отошёл в мир иной и он. А то, что они были друзья, — так это

известно. Три Ивана, три богатыря: Иван Поддубный, Иван Заикин, Иван Чёрный, – Хаджи Мукан Мунайтпасов.

Ты видно ругаешь меня, дорогой мой читатель, небось, недоволен тем, что я, словно торговец-букинист, в книжном базарном развале, разложил в беспорядке все книги, предназначенные для продажи, на выбор покупателя, сам даже не определив их настоящей цены? Точно так же я и пишу, казалось бы, о не связанных между собою событиях? Нет, почтеннейший, все эти давние события говорят очень о многом, и ты найдёшь в них ответ на вопросы сегодняшнего дня, которые обязательно возникнут у тебя.

Летом 2014 года вышел в прокат драматический фильм «Иван Поддубный» режисёра Глеба Орлова, не сказать, чтобы и совсем молодого, чтобы позволить себе по молодости и небрежности допустить один «ляп», который сразу же сделал для меня лично, этот, с «заявкой» на биографичность фильм, совершенно неинтересным, который я так и не досмотрел до конца, именно по причине этой обидной неточности. В фильме казах Хаджи Мукан Мунайтпасов представлен зрителям турком, хотя никогда им не был, а всегда был казахом, да и похоронен в Южном Казахстане, в пяти километрах от села Тамерлановка Туркестанского района, Чимкентской области, той самой области, о которой я тебе немало рассказал в своём эссе «Жил-был Чимкент».

Вот и всё, дорогой мой читатель, время расставания пришло. Я ведь ещё не сообщил тебе, что в сентябре 1992 года уехал в Краснодарский край с семьёй на постоянное место жительства? Хотя и упоминал об этом в своём эссе. Но рассказ об этом – совсем иная жизнь, совсем другая история, произошедшая не только на другой земле, да и не только со мной, но и уже совсем в другом государстве. Возможно, я когда-нибудь расскажу и об этом, а пока, не прощаюсь, а говорю: «До свидания, дорогой мой собеседник! Храни тебя Господь, и твоих родных, и близких в этом мире!»

Эпилог

Нельзя без эпилога! Хотя и пытаюсь обойтись, а никак не получается. Вместо пролога сказку рассказал, совсем даже невесёлую, если не сказать большего. Поэтому в эпилоге просто необходим хоть какой-то оптимизм. Хотел что-нибудь про синюю птицу ещё добавить, но ничего вспомнить не мог, поскольку всё, что знал, обо всём и написал, а больше я её в дикой природе не встречал, а здесь, на Кубани её никогда и не было, да и не будет, вот и затрудняюсь.

Что же написать, как же сделать так, чтобы моё «эссе» хотя бы в эпилоге было приятным, чтобы вселяло оптимизм, чтобы, хотя бы на перспективу, содержало его в себе, соответствовало самой основной своей задаче, – являться заключительным обращением к тебе, мой дорогой и терпеливый читатель? Да и самому как-то определиться, подвести итоги. Даже стал искать у Мишеля Нострадамуса в его «Центуриях», какой-нибудь катрен, который вселил бы в меня, да и тебя соответственно, мой дорогой читатель, хоть какие-то надежды. Вот, нашёл катрен, который порадовал меня, крайне приятным ожиданием в будущем. А вот как долго ждать, этого самого будущего, – там ничего не сообщается.

Беда, коли в партии воля ослабнет
И в левую пропасть обрушится стон,
Пусть в правом углу все реформы озябнут,
Раз будет открыт беспартийный закон.

Этот катрен более чем замечательный, – он мне нравится, потому, как режимы политических партий будут сменены новой эрой, в которой беспартийность станет исторической закономерностью. (8-й центурий – 41 катрен). Я думаю, что тебе, дорогой мой читатель, это тоже понравилось. Да и не может это не нравиться! Но опять же, беда: когда наступит сей светлый день, вернее, время? Это же замечательно: просто

будут люди! И никаких партий, а самое главное, ведь не я же это первый сказал, не я же предложил! Это Мишель, который Нострадамус! Это всё он напроорочил, ещё аж, в незнамо какое время, потому как родился в о-о-очень далёком 1503 году. Он даже смерть свою предсказал: «Завтра на рассвете меня не станет». То было его последнее предсказание, и оно исполнилось: Нострадамус скончался на рассвете 17 июля 1566 года.

Незабываем известный диалог из анекдота, когда один одессит спрашивает другого: «Сёма, всегда ведь хорошо там, где нас нет? На что следует ответ: «Нет, Фима! Очень плохо, что нас нет там, где хорошо!». На самом деле, это ведь грустный анекдот, с множеством всевозможных вариантов, и чаще всего, после того, как рассмеёмся мы, дежурным смехом вежливости, иногда и задумаемся: «А хорошо бы было, если бы было хорошо, именно там где мы есть!» Может быть тогда, когда никаких партий не станет и беспартийность станет нормой, и именно тогда, будет всем хорошо там, где мы есть? И будут все жить-поживать там, где жили их дедушки и бабушки, где жили их предки, что тогда не будет войн, не будет злых ничёмных споров, не будут никого и никогда делить на своих и, не совсем своих, и ты всегда сможешь приехать в памятное для тебя место, которое и тебя будет помнить, да и ты, это место помнить будешь. Ведь человек скучает более всего по родным местам, именно тем, где прошло его детство, и поэтому он и помнит их всю жизнь. Вот мои родители оба родом из Наро-Фиминска, ведь так и не привыкли к Средней Азии, особенно мама и её постоянно тянуло в родную Нару, в привычные с детства, юности и довоенной жизни, родные подмосковные места. Но именно тогда, когда государство было единым и проблем съездить, или же, слетать, в Москву не было абсолютно никаких, – это было совсем другое дело, нежели сейчас.

А я же, напротив, – скучаю по пыльному и жаркому Чимкенту незнамо как! Так уж устроен человек. Не случайна, допустим, фраза Фёдора Тютчева: «У меня не тоска по родине, а тоска по чужбине». Правильнее и точнее – не скажешь! Вот так-то, дорогой ты мой читатель.

Так где же родина? Может быть, «где хорошо, там и родина», как сказал «отец комедии» афинянин Аристофан? Или, быть может, примерно такое же определение, которое сделал непоседа Эразм Роттердамский, однажды сказав: «Моя родина там, где моя библиотека»? Но всё-таки, сомневаюсь я, в искренности сказанного им. Ведь он известен именно местом своего рождения, городом Роттердам (нынешние Нидерланды), а настоящее имя его Герхард Герхардс, – даже трудно произнести, особенно мне, «картавому». Да и кочевал он, не нужды ради, а из-за своей страсти к научным занятиям, поэтому и сказал он это, вложив в него, несколько иной смысл. Но сказал-то он хорошо! Очень хорошо! Нравится мне то, что он сказал, поэтому попробую внести что-то своё в эту замечательную фразу: «Это так хорошо, когда твоя библиотека, книги которой начал собирать ещё твой дед, хранятся в шкафах, которые служили ещё твоему прадеду, но такие эти шкафы добротные и крепкие, что возможно и послужат они ещё и твоим правнукам, которые будут знать, что родина и там тоже, где хранятся эти книги».

Николай Алексеев.
Краснодарский край, июнь 2016 года.

Оглавление

Вместо пролога-сказка	3
Глава первая. Здравствуй, Синяя птица!	10
Глава вторая. Чимкент. Город белых аистов	34
Глава третья. Текстиль-городок	61
Глава четвёртая. Тюлькубас – лисья голова.....	89
Глава пятая. «Красный обоз» и... шелуха хлопковая	121
Глава шестая. Бирлагим-лагим, лянга и асычки.....	153
Глава седьмая. Старое кладбище	176
Глава восьмая. Прогулка по обочине памяти	199
Глава девятая. На базаре что-то продавали	222
Глава десятая. Тихонько помолчим.....	249
Глава одиннадцатая. Ничего не забыл?.....	280
Глава двенадцатая. Возможно, не последняя	309
Эпилог.....	336

Литературно-художественное издание

Николай Михайлович Алексеев

ЖИЛ-БЫЛ ЧИМКЕНТ

Литературно-историческое эссе
(избранные главы)

Верстка – Е. Пахомова

Текст приводится в авторской редакции

ЭКОИНВЕСТ

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»
350080, г. Краснодар, ул. Тюляева, 4/1
Тел./факс (861) 298-01-07

E-mail: ecoinvest@publishprint.ru
<http://publishprint.ru>

Подписано в печать 14.02.2017 г.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 19,76 усл. печ. л. Тираж 500 экз.
Заказ № 2034.